134 HAPEY SINCTBO

11 МАРТА 1801 ГОДА

ЗАПИСКИ УЧАСТНИКОВЪ И СОВРЕМЕННИКОВЪ

(САБЛУКОВА, ГРАФА БЕНИГСЕНА, ГРАФА ЛАНЖЕРОНА, ФОНВИЗИНА, КНЯГИНИ ЛИВЕНЪ, КНЯЗЯ ЧАРТОРЫЙСКАГО, БАРОНА ГЕЙКИНГА, КОЏЕБУ).

СЪ 17 ПОРТРЕТАМИ, ВИДАМИ И ПЛАНАМИ

-towns-

С.-ПЕТЕРБУРГЪ ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА 1907

62

оглавленіе.

	СТРАН.
Предисловіе	
Записки Н. А. Саблукова	. 11
Изъ записокъ графа Бенигсена	107
Изъ записокъ графа Ланжерона	129
Изъ записокъ Фонвизина	. 155
Изъ записокъ княгини Ливенъ	. 171
Записки князя Адама Чарторыйскаго	. 201,
Записки барона Гейкинга	241
Записки Августа Коцебу	267
	Toplan .
Потреты, виды и планы (на отдъльныхъ листахъ):	
Императоръ Павелъ I.	
Императоръ Павелъ I.	
Императрица Марія Өеодоровна.	
Императоръ Александръ I.	
Княгиня А. П. Гагарина, рожденная Лопухина.	
Графъ Петръ Алексвевичъ Паленъ.	
Графъ Никита Петровичъ Панинъ.	
Леонтій Леонтьевичь Бенигсенъ.	
Графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ.	
Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ.	
Графъ Николай Александровичъ Зубовъ.	
Главный фасадъ Михайловскаго замка со сторонь	I
подъвзда.	
Фасадъ Михайловскаго замка со стороны церкви.	
Фасадъ Михайловскаго замка со стороны Фонтанки.	
Фасадъ Михайловскаго замка со стороны Лътняго)
сада.	
Планъ нижняго этажа Михайловскаго замка.	
Планд болгожама Михайлоромара заме	

Императоръ Павелъ I. Съ гравюры Клаубера, сдъланной съ портрета Вуаля 1787 г.

предисловіе.

Новыя условія печати дали возможность обнародовать многіе документы, до сихъ поръ бывшіе достояніемъ лишь спеціалистовъ и доступные только въ заграничныхъ изданіяхъ. Драгоцінное право свободы научнаго изслідованія, конечно, откроеть новую эру въ русской исторіографіи, позволивъ осв'ятить н'якоторые важнівшіе моменты последнихъ двухъ столетій. Къ сожаленію, однако, пока правами свободы печати многіе пользуются болье съ полемическими и партійными цілями, чімъ въ видахъ раскрытія безпристрастной и строго научной истины. Болізненныя и кровавыя событія прошлаго, документы, относящіеся къ самымъ темнымъ страницамъ хроники петербургскаго періода русской исторіи, выбрасываются на книжный рынокъ, въ большую публику, въ плохихъ, но дешевыхъ изданіяхъ, безъ всякой критической оцінки и надлежащаго освъщенія. Такія изданія, неръдко брошюры, разсчитаны исключительно на возбуждение въ широкихъ кругахъ читателей недовольства и негодованія на темныя стороны прошлаго. При этомъ, однако, страдаеть научная истина, плодъ спокойнаго изследованія и объективнаго анализа документовъ. Чувство негодованія на неприглядныя стороны прошлаго, конечно, законно и является движущимъ импульсомъ народовъ по пути прогресса и достиженія ими политическихъ правъ. Но только объективная научная истина, вносящая полный свѣтъ въ прошлое, только раскрытіе всѣхъ пружинъ прискорбныхъ событій этого прошлаго можетъ насъ научить, какъ избѣжать въ будущемъ новыхъ страданій, новыхъ дѣяній злобы, порока, крови и преступленія.

Одна изъ вопіющихъ и темныхъ страницъ русской исторіи послѣднихъ двухъ столѣтій—трагическая кончина императора Павла Петровича въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года. Въ иностранныхъ источникахъ находимъ множество описаній страшныхъ событій въ мрачныхъ стѣнахъ Михайловскаго замка. Эти описанія (напримѣръ, въ большомъ энциклопедическомъ словарѣ Ларусса) переполнены измышленіями фантазіи. Вообще, всякій, кто занимался личностью, царствованіемъ и кончиной императора Павла Перваго, знаетъ, какой противорѣчивый матеріалъ даютъ источники, какъ мало основательны ходячія представленія объ этомъ монархѣ, сколько здѣсь непровѣреннаго, гадательнаго, шаткаго, а между тѣмъ соблазнительнаго для разныхъ компиляторовъ.

Съ другой стороны, кратковременное царствование Павла является переходнымъ, и въ немъ именно находимъ основания политической, военной и гражданской системъ, пережившихъ несчастнаго государя и продолжавшихъ развиваться въ два послѣдовавшия царствования. Поэтому, изучение и полное освѣщение царствования Павла Петровича даетъ ключъ къ пониманию первой половины истекшаго столѣтия и очень важно для науки русской истории.

Цѣль настоящаго изданія—способствовать полному выясненію истины о кровавыхъ событіяхъ и переворотѣ 1801 года. Въ видахъ достиженія этой цѣли, въ книгу вошли только показанія наиболѣе достовѣрныя и важныя, и при томъ лишь очевидцевъ событій, какъ непосредственныхъ участниковъ переворота, такъ и лицъ, близко стоявшихъ къ императору Павлу, его семейству, двору и лично знавшихъ всѣхъ дѣятелей того времени.

Сообразно такому выбору документовъ, приведены показанія главныхъ руководителей и исполнителей заговора графа Палена и Бенигсена. Затѣмъ помѣщены записки Саблукова и Коцебу, взаимно другъ друга пополняющія и повѣряющія, а также отрывки изъ мемуаровъ княгини Ливенъ и барона Гейкинга, описаніе мартовскихъ событій Чарторыйскимъ и разсказъ Фонвизина, составленный на основаніи показаній участниковъ заговора и современниковъ событій. Въ книгѣ соединены наиболѣе достовѣрные источники, и не вошли всѣ тѣ разсказы и пересказы, въ которыхъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ пылкой фантазіи, явно лживыхъ сплетенъ и неосновательныхъ слуховъ.

Записки Николая Александровича Саблукова, современника событій 11—12 марта 1801 года, представляють историческій документь первостепенной важности, какъ по осв'єдомленности автора, такъ и по высокимъ нравственнымъ качествамъ личности разсказчика, которыя сами по себ'є ручаются за его искренность и правдивость.

Однако, необходимо принять во вниманіе, что мы въ данномъ случав не имвемъ предъ глазами подлинника записокъ Саблукова, но лишь переводъ англійской статьи журнала «Frazer's Magazine» 1865 г., представляющей, какъ удостовъряеть ея заголовокъ, лишь нъчто, извлеченное «from the papers of a deceased Russian general officer»—изъ бумагъ умершаго русскаго генерала. Переводчикъ англійской статьи, г. Военскій, основательно указываетъ на странное противоръчіе между категорическимъ утвер-

жденіемъ, что слухи объ участіи англійскаго посла лорда Уитворда и англійскаго золота въ переворот в 11—12 марта ложны, и сообщеніемъ того разительнаго факта, что любовница посла, Жеребцова, почему-то называемая въ англійской стать в неопредѣленно «пріятельницей», предсказала печальное событіе въ Берлин'я и, по совершеніи его, отправилась въ Лондонъ къ Унтворду. По совершенно основательной догадкъ г. Военскаго, объясненіемъ этого противоръчія можеть служить то обстоятельство, что бумаги Саблукова обнародованы въ англійской редакціи. Но, вчитываясь въ записки русскаго генерала, находимъ и еще нъсколько непостижимыхъ противоръчій, обличающихъ весьма неискусный и беззаствичивый редакціонный карандашъ. Въ первой главъ своихъ воспоминаній Саблуковъ говорить, что «Павель отнюдь не быль человъкомъ безнравственнымъ, напротивъ того, онъ былъ добродътеленъ», «ненавидъть распутство», «искренно привязанъ къ супругъ», связь его съ Нелидовой была «чисто платоническою», а во 2-й главѣ вдругъ сообщается, въ крайне пошломъ тонь, будто бы «поклоненіе женской красоть» заставляло Павла указывать на какую-нибудь Дульцинею, что его услужливый Фигаро-Кутайсовъ немедленно и принималь къ свъдънію, стараясь исполнить желаніе господина.

О нравственности императора Павла I мы имѣемъ довольно точныя свѣдѣнія. Бракъ его съ Маріей Өеодоровной былъ плодоносный и счастливый. Съ Нелидовой его связывала лишь платоническая дружба. Въ этомъ едва ли можетъ быть теперь сомнѣніе. Но показанія самой императрицы Маріи Өеодоровны, графини Головиной и графа Өеодора Головкина свидѣтельствуютъ, что во время беременности и по разрѣшеніи 28 января 1798 г. великимъ княземъ Михаиломъ доктора и въ частности берлинскій профессоръ Мекель заявили, что дальнѣйшее продолженіе супруже-

скихъ отношеній грозитъ жизни императрицѣ. Съ этого времени Павелъ Петровичъ уже спалъ въ особливомъ по-коѣ. Но каковы были его отношенія къ дѣвицѣ Лопухиной, вскорѣ княгинѣ Гагариной? Они начались платоническими ухаживаніями, а болѣе близкія отношенія если и наступили, то лишь въ іюлѣ 1800 г. Значитъ, 2¹/2 года Павелъ Первый пребывалъ на положеніи вѣрнаго своимъ обѣтамъ монаха? Во всякомъ случаѣ, какъ гросмейстеръ Мальтійскаго ордена, онъ долженъ былъ соблюдать обѣтъ безбрачія. Но вотъ что послѣ рожденія Михаила объяснилъ Павелъ императрицѣ: «Qu'il était tout à fait mal en physique, qu'il ne connaissait plus de besoin, qu'il est tout à fait nul et que ce n'était plus une idée qui lui passait, par la tête, qu'enfin il était paralysé de ce côté...»

Если такое состояніе было и временнымъ, то лишь въ іюлѣ 1800 года отношенія Павла къ Лопухиной-Гагариной принимають, повидимому, характеръ физической близости. Затѣмъ, помѣстившись во дворцѣ, она ежедневно вечеромъ видить у себя императора послѣ ужина, съ 9-ти часовъ до 11-ти. Только къ 21-му февраля 1801 года относится документъ, изъ котораго видно, что Павелъ ожидалъ разрѣшенія отъ бремени какой-то особы простого званія, и потомъ родившаяся дѣвочка получила фамилію Мусиной-Юрьевой. Начало этой темной связи, повидимому, тоже падаетъ на лѣто 1800 года.

Еще разительные противорычие въ началы 2-й главы. Саблуковъ говоритъ о великодушии Павла, «готоваго прощать обиды и повиниться въ своихъ ошибкахъ». А нысколькими строками ниже— «почитая себя всегда правымъ», Павелъ «съ особеннымъ упорствомъ держался своего мнынія и ни за что не хотыль отъ него отказаться». Наконецъ, въ концы 3-й главы сначала переодывание и безпорядочное ликующее движение по улицамъ Петербурга на слыдующий же

день послѣ ужаснаго событія признается показателемъ «легкомыслія и пустоты» публики того времени. А нѣсколькими строчками ниже напыщеннымъ тономъ говорится, что это движеніе «заставило всъхъ ощущать, что съ рукъ ихъ, словно по волшебству, свалились цёпи и что нація, какъ бы находившаяся въ гробу, снова вызвана къ жизни и движенію». Ясно, что эти противорвчія—слвдствіе редакціонныхъ вставокъ, и весьма неискусныхъ. Но если въ англійскихъ интересахъ было внести тенденціозныя дополненія въ разсказъ Саблукова, то можно предполагать и смягченія, пропуски непріятныхъ мість и т. д. То-есть, мы, по всёмъ вёроятіямъ, имёемъ предъ собою значительно попорченный текстъ записокъ Саблукова; замѣтимъ, что почему-то даже и нумера англійскаго журнала съ его записками стали такой редкостью, что это напоминаетъ изъятіе ихъ изъ обращенія; они не им'єются даже у наиболве извъстныхъ заграничныхъ антикваріевъ.

Противоположностью запискамъ Саблукова, проникнутымъ благородной прямотой и искренностью, является исторія заговора Августа Коцебу; занскивающій, слащаводобродѣтельный тонъ этого сочиненія чрезвычайно противенъ, тѣмъ болѣе, что онъ соединенъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ русскому народу; ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ, если мы вспомнимъ, что за личность Августъ-Фредерикъ-Фердинандъ фонъ-Коцебу (1761—1819). Плодовитѣйшій нѣмецкій драматургъ, истинный создатель мѣщанской драмы, авторъ 300 комедій и драмъ, составляющихъ 44 тома (изд. 1827—1829 г.г.), имѣвшихъ долгій и прочный успѣхъ, и въ то же время завистливый и низкій памфлетистъ, политическій проходимецъ и соглядатай,—Коцебу снискалъ глубокое и единодушное презрѣніе своихъ соотечественниковъ. Въ литературныхъ памфлетахъ онъ оплевывалъ лучшихъ писателей Германіи

и Франціи. Свое перо журналиста запродаль императору Александру І-му, и, вообще, за крупное вознагражденіе, въ періодъ 1814—1817 г.г., находясь то въ Веймарѣ, то въ Мангеймѣ, періодически сообщалъ русскому императору о внутреннихъ дѣлахъ своего отечества, чѣмъ заслужилъ ненависть всѣхъ нѣмецкихъ патріотовъ, какъ полнымъ отсутствіемъ нравственнаго чувства, такъ и утрированнымъ служеніемъ ретрограднымъ идеямъ и планамъ порабощенія народовъ; когда же переписка Коцебу съ Александромъ была обнародована, молодой фанатикъ-студентъ, Карлъ Зандъ, желая отомстить за отечество, убилъ Коцебу ударомъ кинжала въ собственномъ домѣ послѣдняго, въ Мангеймѣ, 23 марта 1819 г.,—дѣяніе безумное, ибо оно повлекло за собою долгую и безпросвѣтную реакцію.

Переводчикъ сочиненія Кодебу о заговорѣ 11—12 марта 1801 года, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, опредъляетъ, что въ настоящемъ видъ сочинение это было окончено во второй половинъ 1811 или въ началъ 1812 г. Въ это время Коцебу состояль при русскомъ штабъ въ качествъ офиціознаго писателя, редактировалъ дипломатическія ноты императора Александра, издаваль дышащіе ненавистью къ французамъ и Наполеону памфлеты. Конечно, такое положение сообщало перу его особую мягкость, когда онъ писаль о столь деликатномъ предметь, оно же объясняеть выходки его насчеть «желѣзнаго скипетра», необходимаго для управленія русскимъ народомъ. Монархическій терроръ Павла Петровича Коцебу испыталь, впрочемь, на себъ самомь, когда, по возвращеніи изъ Вѣны въ Россію, былъ арестованъ и высланъ въ Сибирь, какъ предполагаемый авторъ какого-то памфлета на Павла; пьеса Коцебу «Лейбъ-кучеръ», случайно обратившая вниманіе императора, въ слідующемъ же году вернула драматурга въ Петербургъ. Сравнительное

изученіе сочиненія Коцебу, въ сопоставленіи съ другими источниками, доказываеть, однако, что онъ дѣйствительно старался дать по возможности правдивое описаніе событій и прилагаль усилія добыть истину, о чемъ самъ говорить: «Усилія эти были необходимы, потому что никогда не видѣлъ я столь явнаго отсутствія исторической истины; изътысячи слуховъ, которые въ то время ходили, многіе были въ прямомъ противорѣчіи между собою». Однако, мы не должны забывать, что имѣемъ предъ собою перо, менѣе всего привыкшее повиноваться требованіямъ истины, а чаще водимое личнымъ недоброжелательствомъ, или желаніемъ угодить покровителямъ. Несомнѣнно, что Коцебу могъ прибѣгать къ умолчанію о многомъ.

Переходимъ къ показаніямъ Палена и Бенигсена, руководителей заговора, изъ которыхъ разсказъ перваго мы имѣемъ только въ передачѣ графа Ланжерона. Показанія графа Палена отличаются цинической откровенностью. Паленъ сообщаетъ, что когда великій князь Александръ Павловичъ потребовалъ отъ него клятвеннаго обѣщанія, что не станутъ покушаться на жизнь его отца, онъ далъ ему слово, но «не былъ настолько лишенъ смысла, чтобы внутренно взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную». Тутъ Паленъ обличаетъ въ себѣ истаго іезуита съ знаменитымъ reservatio mentalis. Онъ клялся на словахъ, но внутренно остался свободнымъ отъ обязательства!

Паленъ раскрываетъ адскій, приведенный имъ въ исполненіе, планъ усилить общее ожесточеніе противъ Павла Петровича, заставивъ прощенныхъ имъ офицеровъ умирать съ голоду у воротъ Петербурга; сообщаетъ и о томъ, какъ нагло обманулъ своего государя, увѣривъ его, что стоитъ во главѣ заговора лишь въ виду своей должности, съ цѣлью предать всѣхъ, когда дѣло созрѣетъ.

Показанія Бенигсена мы имѣемъ въ двухъ редакціяхъ собственноручное его письмо или, точнѣе, часть письма къ фонъ-Фоку и передачу его словъ Ланжерономъ.

Извлечение изъ мемуаровъ графа Бенигсена начинается словами, изъ которыхъ видно, что выше, въ не имъющейся въ нашемъ распоряжении части письма, находилось описаніе того положенія діль, замішательства во всъхъ отрасляхъ правленія и всеобщаго недовольства, будто бы охватившаго «всю націю», которыя и побудили иностранца, ганноверца Бенигсена, рискуя головой, совершить «патріотическій» подвигь освобожденія «отечества» отъ тирана... Характеръ письма Бенигсена уклончивый, съ постояннымъ и неумёлымъ выгораживаніемъ себя и отчасти Палена, и съ инсинуаціей поведенія императрицы Маріи Өеодоровны послів гибели ея царственнаго супруга. Оба кондотьери, и Паленъ, и Бенигсенъ, съ одной стороны, рѣшительно главой заговора ставятъ великаго князя Александра, а съ другой-изображаютъ совершенное злодійство, какъ патріотическій подвигь въ древне-римскомъ вкусъ, ради спасенія отечества и даже всей Европы «отъ пропасти», куда ихъ ведетъ «тиранъ» и «сумасшедшій». Показанія Бенигсена особенно важны въ той ихъ части, гдѣ онъ, какъ очевидецъ, описываетъ все, происходившее въ спальнѣ Павла Петровича.

Что касается разсказа княгини Д. Х. Ливенъ, то это передача наивныхъ впечатлѣній 15-тилѣтней женщины; тутъ важна характеристика Павла и показаніе о дружественныхъ сношеніяхъ съ мужемъ ея, военнымъ министромъ, графа Палена, который «заѣзжалъ ежедневно къ нему провести съ нимъ часъ-другой», причемъ сама Дарья Христофоровна «оказывалась лишнею» и ее «выпроваживали» прочь. Бенигсенъ Ливеновъ «тоже навѣщалъ, но не особенно часто».

Воспоминанія барона Гейкинга, женатаго на дочери начальницы Смольнаго института де-Лафонъ, и со всею партіей Нелидовой попавшаго въ немилость послѣ окончанія ея фавора, передаютъ весьма интересную бесѣду съ Паленомъ послѣ цареубійства 11 марта и хорошо рисуютъ Петербургъ въ первые дни воцаренія Александра, когда баронъ Гейкингъ пріѣхалъ въ столицу послѣ пребыванія въ Балтійскомъ краѣ.

Описаніе переворота, составленное Фонвизиномъ, бросаеть свѣть на участіе въ немъ Англіи. Вступивъ въ службу въ гвардію въ 1803 году, онъ лично зналъ многихъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, разсказами которыхъ и пользуется. Что касается записокъ Чарторыйскаго, то близость его къ Александру Павловичу и освѣдомленность вносятъ много драгоцѣнныхъ чертъ въ описаніе людей и событій того времени.

Сравнительный анализъ показаній очевидцевъ событій 1801 года поможетъ читателю отвѣтить на слѣдующіе основные вопросы: 1) Какія причины привели къ перевороту? 2) Кто были участники въ событіяхъ роковой ночи съ 11 на 12 марта? 3) Какимъ именно образомъ приведено въ исполненіе задуманное преступленіе? 4) Каковы были непосредственныя слѣдствія переворота?

Разсматривая разнообразныя причины, приводимыя какъ въ объясненіе, такъ и въ оправданіе злодѣйской расправы съ Павломъ Петровичемъ, прежде всего находимъ утвержденіе, что онъ былъ сумасшедшій и душевнобольной, усилившаяся болѣзнь превратила его въ свирѣнаго и сумасброднаго тирана, деспота, истязателя; и вотъ, наконецъ, «принято было рѣшеніе овладѣть особой императора и увезти его въ такое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы находиться подъ надлежащимъ надзоромъ, и гдѣ бы онъ былъ лишенъ возможности дѣлать зло» (Бенигсенъ). Паленъ тоже свидѣтельствуетъ «объ изступленности бе-

зумія» Павла, «которое шло, все усиливаясь, и могло, въ концѣ концовъ, стать кровожаднымъ,—да и стало таковымъ» (по запискамъ Ланжерона). Фонвизинъ именуетъ Павла I-го—«безумнымъ». Итакъ, въ сущности, не было никакого заговора. Просто принималась необходимая мѣра обезопасить общество отъ больного человѣка, «изступленное безуміе» котораго стало наконецъ «кровожаднымъ». Возможно ли было оставлять власть въ его рукахъ?

Однако, утвержденія Палена и Бенигсена остаются голословными и не подтверждены ими ръшительно ничъмъ. Въ запискахъ же другихъ современниковъ образъ Павла рисуется совершенно инымъ. Всѣ они единогласно свидетельствують о несдержанности, раздражительности, припадкахъ гнвва, нетерпвливой требовательности, вспыльчивости, чрезм'трной посп'тиности въ принятіи рітеній; указывають на странности, страстные и подчась жестокіе порывы, подозрительность; «съ внезапностью принимая самыя крайнія рішенія, онъ быль подозрителень, різокь и страшенъ до чудачества», говоритъ княгиня Ливенъ; въ минуты вспыльчивости Павелъ могъ казаться жестокимъ или даже быть таковымъ, но въ спокойномъ состояніи онъ былъ неспособенъ дійствовать безчувственно или неблагородно» (Коцебу). «Утверждалось не разъ», говоритъ княгиня · Ливенъ: «будто Павелъ съ дътства обнаруживалъ явные признаки умственной аберраціи, но доказать, чтобъ онъ дъйствительно страдалъ такимъ недугомъ, трудно». «Объ императорѣ Павлѣ принято, обыкновенно, говорить, какъ о человѣкѣ, чуждомъ всякихъ любезныхъ качествъ, всегда мрачномъ, раздражительномъ и суровомъ. На дълъ же характеръ его вовсе не быль таковъ». (Саблуковъ).

Онъ обладалъ прекрасными манерами и былъ очень вѣжливъ съ женщинами; онъ обладалъ литературною на-

читанностью и умомъ бойкимъ и открытымъ; склоненъ быль къ шуткъ и веселію; любиль искусство; французскій языкъ и литературу зналъ въ совершенствъ; его шутки никогда не носили дурного вкуса; трудно себъ представить что-либо болве изящное, чвмъ краткія милостивыя слова, съ которыми онъ обращался къ окружающимъ въ минуты благодушія (княгиня Ливенъ). Вотъ характеристика Саблукова: Павель Петровичь быль «полонъ жизни, остроумія и юмора»; онъ быль добродѣтеленъ и ненавидёлъ распутство; былъ весьма строгъ относительно всего, что касалось государственной экономіи, стремясь облегчить тягости, лежащія на народі; весьма щедръ при раздачѣ пенсій и наградъ; въ преслѣдованіи лихоимства, несправедливости, неправосудія непреклоненъ; глубоко религіозный, Павелъ высоко ціниль правду, ненавидъль ложь и обмань; «въ основъ характера» этого императора «лежало истинное великодушіе и благородство и, несмотря на то, что онъ былъ ревнивъ къ власти, онъ презиралъ твхъ, кто раболвино подчинялись его волв, въ ущербъ правдв и справедливости, и, наобороть, уважаль людей, которые безстрашно противились вспышкамъ его гивва, чтобы защитить невиннаго»; онъ былъ «совершенный джентльменъ, который зналъ, какъ надо обращаться съ истинно-порядочными людьми, хотя бы они и не принадлежали къ родовой или служебной аристократіи; онъ зналъ въ совершенствъ языки: славянскій, нъмецкій и французскій, быль хорошо знакомь съ исторіей, географіей и математикой». Вотъ образъ, совершенно противоположный ходячему представленію о Павл'в Петровичв.

Чрезвычайно важны показанія Саблукова, что Павель Петровичь быль однимь изъ лучшихь навздниковь своего времени и съ ранняго возраста отличался въ каруселяхъ. Если такъ, то, очевидно, онъ былъ силенъ и ловокъ и

правильно развить физически. Плодовитость его брака доказываеть то же самое. Система, порядокъ и планомѣрность видны во всѣхъ его предпріятіяхъ. Замѣчательно еще утвержденіе Саблукова:

«Я находился на службѣ въ теченіе всего царствованія этого государя, не пропустиль ни одного ученія или вахтъ-парада и могу засвидетельствовать, что хотя онь часто сердился, но я никогда не слыхаль, чтобы изъ устъ его исходила обидная брань». И Саблуковъ отмѣчаеть за четыре года лишь разъ расправу тростью съ тремя офицерами. Значить, вообще на ученьяхъ и парадахъ Павелъ не терялъ самообладанія. Разсказы о его безумныхъ расправахъ съ офицерами и полками явно требують тщательной провърки. О состоянии здоровья Павла І-го мы знаемъ только одно-гастрическія страданія, даже сопровождавшіяся судорогами. Ихъ объясняють торопливостью, съ которой онъ влъ, плохо прожевывая куски, затъмъ не переваривавшіеся. Это относится къ ранней юности Павла; но, несомнънно, раздражительность его развивалась на почвъ желудочныхъ недомоганій. Графъ Өедоръ Головкинъ замічаеть, что Павлу «нужно было продолжать режимъ его хирурга Фрейганга, который каждое новолуніе «le purgeait»—противожелчное леченіе, благод втельно вліявшее на его характерь». Очевидно, что сумасшествія слабительнымъ не вылечишь. Извъстный разсказъ о галюцинаціи Павла, самъ по себъ мало в вроятный, вовсе не доказываеть его душевной болъзни, даже если и придавать ему значение. Если по однимъ источникамъ незадолго до гибели съ нимъ былъ припадокъ, причемъ ему нъсколько покривило роть, то по другимъ это опровергается.

Если правленіе Павла Петровича было гибельно для Россіи и вызвало общее недовольство, то причина была не въ безуміи императора, ибо онъ не быль душевно больнымъ, хотя его характеръ былъ достаточно полонъ нетерпвнія, вспыльчивости, подозрительности и перемвнивости, чтобы сдвлать его несноснымъ для твхъ, кто имвли съ нимъ ежедневное общеніе.

Обыкновенно, въ доказательство безумія императора Павла приводять донесенія сардинскаго посланника Бальбо въ март' 1800 г. («l'empéreur de Russie est fou»), англійскаго посланника Уитворда, что Павелъ «въ буквальномъ смыслъ лишился разсудка», и письмо лейбъ-медика Роджерсона къ графу С. Р. Воронцову, что императоръ «не способенъ отличать добра отъ зла». Покойный профессоръ А. Г. Брикнеръ, въ книгъ своей «О смерти Павла», вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ въ 1897 г. и нынѣ переведенной на русскій, находить, «что если будеть когда-нибудь написана исторія царствованія императора Павла, то главнымъ источникомъ для нея долженъ служить «Архивъ князя Воронцова». Въ немъ высказываются министры, посланники и придворные». «Ихъ откровенныя письма», утверждаеть профессоръ Брикнеръ, «доказываютъ, что на престоль находился душевно-больной монархъ и что въ интересахъ всего государства неотложною необходимостью было устранить его и сдёлать безвреднымъ. Если такіе сановники, какъ Панинъ, Кочубей, Воронцовъ, Завадовскій, Бутурлинъ, такіе наблюдатели, какъ Николаи, Роджерсонъ, Гриммъ, Алексви Орловъ, Татищевъ и др., сходятся въ этомъ пунктъ, то это дъйствуетъ уничтожающимъ образомъ на жертву катастрофы и смягчаеть вину ея зачинщиковъ. Патологическому состоянію, въ которомъ находились императорская фамилія, дворъ, правительственная машина и все государство, долженъ быль быть положенъ конецъ». И дале Брикнеръ лицъ, исполнявшихъ повелѣнія императора Павла, прямо называетъ

«палачами душевно-больного злодья». Профессоръ Брикнеръ приводить и находить «вполнъ върнымъ» замъчание Адама Чарторыйскаго, что «припадки ярости и неожиданные скачки мыслей Павла мёшали всякой правильной функціи правительственной машины». «Революціонный характеръ капральскаго режима» Павловой эпохи профессоръ Брикнеръ характеризуетъ словами гвардейца Тургенева: «Весь государственный и правовой порядокъ быль перевернуть вверхь дномъ; всв пружины государственной машины были поломаны и сдвинуты съ мѣстъ; все перепуталось». Далѣе приводятся безъ малѣйшей критики такіе отзывы: «Оставалась одна альтернатива — избавить міръ отъ чудовища», съ цілью «вернуть счастье 20 милліонамъ людей угнетенныхъ, измученныхъ, сосланныхъ, избитыхъ и искалъченныхъ» (Ланжеронъ). Время Павла было «источникомъ безпорядка, дезорганизаціи, хаоса», «другая страна нав'врное должна была бы погибнуть при такихъ обстоятельствахъ» (графъ Кочубей). «Непрерывный рядъ ошибокъ и глупостей, который въ исторіи будеть носить имя» царствованія Павла (Бутурлинь)...

Вотъ ходячіе взгляды на царствованіе императора Павла, усвоенные не только русскимь обществомъ, но и всей Европой и господствовавшіе въ умахъ и наукѣ съ непререкаемымъ авторитетомъ цѣлое столѣтіе, такъ что еще въ 1897 году, какъ видимъ, ученый профессорънъмецъ на нихъ основываетъ все свое изслѣдованіе.

Однако, за немного лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, появилось нѣсколько научныхъ работъ, которыя значительно пошатнули вышеизложенныя ходячія анекдотическія и памфлетическія представленія о царствованіи Павла Перваго.

Эти изслъдованія не давали въры «откровеннымъ письмамъ» современниковъ Павла потому лишь, что все это

«министры и посланники». Они постарались изучить военную и гражданскую систему императора Павла, и тогда картина представилась совершенно иная, хотя этому изученію только лишь положено начало и много остается сдълать. «Мы не имъемъ возможности», говорить г. С. Панчулидзевъ во второмъ томъ «Исторіи Кавалергардовъ», «представить здёсь полную картину всего, что сдёлано Павломъ I относительно вооруженныхъ силъ Россіи. Подобнаго рода работв должень быль бы предшествовать цёлый рядъ изследованій отдёльныхъ вопросовъ изъ разныхъ сферъ жизни арміи; но, насколько намъ изв'єстно, до сихъ поръ ничего подобнаго не сдълано. Въ общихъ чертахъ мы можемъ лишь свидётельствовать, что многое изъ заведеннаго Павломъ I сохранилось съ пользою для арміи до нашихъ дней, и, если безпристрастно отнестись къ его военнымъ реформамъ, то необходимо будетъ признать, что наша армія обязана ему весьма многимъ». (Стр. 203. Значеніе военныхъ реформъ Павла І-го). Одиночнаго обученія строю до императора Павла I почти не было. До Павла I «одиночное строевое образование солдать не было подчинено никакимъ опредъленнымъ правиламъ и совершенно зависило отъ произвола частныхъ начальниковъ» (Диринъ. Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, І, 344. Цитата Панчулидзева). При Екатеринъ пороками арміи были: произволь командировъ, откуда вытекало казнокрадство, жестокое, превышающее требованія закона, обращеніе съ нижними чинами, притісненіе обывателей, несоблюденіе строевыхъ уставовъ. Стремленіе Павла было дать прочную организацію арміи.

Павелъ, по мнѣнію г. Панчулидзева и другихъ военныхъ историковъ, ясно видѣлъ зло и безошибочно находилъ средства къ его уничтоженію. Онъ именно завелъ инспекторовъ. Система, имъ проводимая, была взята имъ съ Запада и

тамъ въ свое время считалась образцовой. Значитъ, за ея недостатки Павель не отвътствень. Во всякомъ случав, эта система въ основахъ сохранялась и въ два последующія царствованія. Что касается жестокихъ телесныхъ наказаній и «экзерцирмейстерства», то «гоненіе сквозь строй» при император'в Павл'в не только было урегулировано уставомъ, но было несравненно менте жестоко, нежели въ последующія времена. «Экзерцирмейстерами» при Александръ I и Николаъ I были старые павловскіе «гатчинцы» Аракчеевъ и Клейнмихель (при Николат). Но Ланжеронъ, столь безпощадно отзывавшійся о царствованіи Павла I, свид'ьтельствуеть, что и при Румянцовѣ «строгость русскихъ полковыхъ командировъ и офицеровъ была доведена до самой ужасной степени жестокости, въ особенности въ полкахъ мастеровъ, желавшихъ сдёлать танцоровъ или вольтижеровъ изъ бёдныхъ крестьянъ, которыхъ приводили къ нимъ въ качествъ рекруть». Отзывъ графа Ланжерона о гвардіи въ последніе годы дарствованія Екатерины таковъ: гвардія— «позоръ и бичъ русской армін». Что касается кавалеріи вообще, то графъ Ланжеронъ характеризуеть ее такъ: «кавалерія отвратительна», «лошадей дурно кормять», «русскіе кавалеристы едва ум'єють держаться на с'єдлів», «старыя и изнуренныя лошади не имѣють ни ногь, ни зубовъ», «русскіе кавалеристы никогда не упражняются въ сабельныхъ пріемахъ и едва ум'єють владіть саблею», «всѣ лошади безъ исключенія дурно взнузданы». «Наконецъ я полагаю», удостовъряетъ графъ Ланжеронъ: «что въ Россіи достаточно быть кавалерійскимъ офицеромъ, чтобы не умъть вздить верхомъ. Я зналъ лишь четырехъ полковыхъ командировъ, умѣвшихъ ѣздить верхомъ на лошадяхъ». Конечно, можно возразить на указанія недостатковъ екатерининской арміи, что

нихъ она поб'єждала. Да, но не всл'єдствіе же этихъ недостатковъ побъждала. Устранение недостатковъ и хотя бы обученіе кавалеристовъ верховой ізді, кажется, не можетъ вредить делу? Но помимо несовершенства военной техники, по арміи чинились вопіющія злоупотребленія и крадства. «Всвмъ извъстно», разсказываеть А. Т. Болотовъ: «что во время обладавшаго всемъ князя Потемкина за нѣсколько лѣтъ быль у насъ одинъ рекрутскій наборъ съ женами рекрутскими, и что весь онъ былъ какъ имъ, такъ креатурами и любимцами его, разворованъ». Павелъ, едва вступилъ на престолъ, объ этомъ вспомнилъ и кому следовало напомниль. Итакъ, разворовали целый рекрутскій наборъ съ женами! И вообще, рекруть разворовывали и обращали въ собственность — въ своихъ крфпостныхъ. По словамъ Безбородко, «растасканныхъ» разными способами изъ полковъ людей было въ 1795 году до 50,000 при 400,000-ной арміи. (Панчулидзевъ. ІІ, стр. 214). Вопіющія злоупотребленія по гвардіи и борьбу съ ними Павла живописуетъ Болотовъ.

Перемѣна формы имѣла дурную сторону. Павелъ ввелъ опять пудру, пукли и штиблеты. Пудра и пукли вызывали головную боль. Штиблеты — «гной ногамъ», по выраженію Суворова. Но надо отмѣтить и положительную сторону реформы — она прекращала роскошь гвардейскихъ офицеровъ. При Екатеринѣ гвардейскій офицеръ долженъ былъ имѣть шесть или четверикъ лошадей, новомодную карету, много мундировъ, изъ которыхъ каждый стоилъ не менѣе 120 руб., — принявъ цѣнность денегъ тогда, — огромная сумма; нѣсколько модныхъ фраковъ, множество жилетовъ, шелковыхъ чулокъ, башмаковъ, шляпъ и проч.; много слугъ, егеря или гусара, облитаго золотомъ и серебромъ; роскошь вела къ неоплатнымъ долгамъ и разоренію. Павелъ началъ борьбу

съ этою роскошью. Введенный имъ мундиръ не стоилъ болѣе 22 рублей. Шубы и дорогія муфты онъ совсѣмъ запретилъ носить. Представьте себѣ и въ наше время офицера съ муфтой! Но подъ камзолы Павелъ предлагалъ надѣвать фуфайки, а камзолы подбивать мѣхомъ и крыть стамедомъ; кромѣ того, мундиры были широкіе и застегивались сверху по поясъ, «а не попрежнему разнополые и петиметрскіе». Мундирами Павла всѣ возмущались. Александръ обрѣзалъ полы мундировъ по поясъ, зато воротники поднялъ подъ самыя уши, и всѣ не знали, какъ похвалить явно неудобный нарядъ!..

«Монархиня у насъ была милостивая и къ дворянству благорасположенная», говорить Болотовъ: «а господа гвардейскіе подполковники и майоры ділали, что хотѣли; но не только они, но даже самые гвардейскіе секретари были превеликіе люди и жаловали кого хотъли за деньги. Словомъ, гвардейская служба составляла сущую кукольную комедію. Въ таковомъ-то положеніи засталь гвардію государь... онъ прежде всего началь... пробужденіемъ всіхъ гвардейцевъ изъ прежняго ихъ дреманія и сна, такъ и нѣги и лѣни. Всѣ должны были совсѣмъ позабыть прежній свой и избалованный совсёмъ образъ жизни, но пріучить себя вставать очень рано, быть до свъта еще въ мундирахъ... наравнъ съ солдатами быть ежедневно въ строю» (Любопытныя дізнія и анекдоты. М. 1875 г., стр. 65) Извъстно, что при Екатеринъ не столько служили, сколько «записывались» въ службу. Унтеръ-офицеровъ и сержантовъ «набилось въ гвардію безчисленное почти множество», — въ одномъ Преображенскомъ полку счислялось ихъ до нъсколько тысячъ, а во всей гвардін тысячь до двадцати. Кром'в дворянъ, начали записывать въ гвардію дѣтей купцы, секретари, подъячіе, мастеровые, духовенство и т. д. «чрезъ

деньги и разные происки»; можно было записывать не только взрослыхъ, но и грудныхъ младенцевъ, записывали и совсёмъ еще не родившихся и получали на нихъ паспорты съ оставленными для имени пустыми мъстами. Итакъ, были гвардіи унтерь-офицеры «имярекъ», въ утробахъ матерей и неизвъстнаго еще пола!.. Изъ взрослыхъ большая часть вовсе не служила, и всѣ жили по домамъ и «либо мотали, вертопрашили, буянили, либо съ собаками по полямъ только рыскали», однако «чрезъ происки и деньги» добывали легко чины поручика и капитана; ихъ выпускали этимъ чиномъ въ армію, и эти тунеядцы и недоросли перебивали у дъйствительныхъ служавъ линію и старшинство; каждое первое января цѣлыми сотнями выходили они изъ гвардіи; не знали въ арміи, куда ихъ дѣвать; не было полка, въ которомъ не было бы ихъ множества сверхъ комплекта и, несмотря на то, получающихъ жалованье. Что же дѣлаетъ Павелъ Петровичъ? «Къ числу первъйшихъ и такихъ дъяній новаго монарха, которыя надълали всего болье шума и движенія въ государствъ», говоритъ Болотовъ: «принадлежало и сзываніе его всіхъ отлучныхъ гвардейцевъ. Слухъ о семъ повельнии распространился какъ электрическій ударъ, въ единый почти мигъ, по всему государству. Не было ни единой губерніи, и ни единаго увзда, и ни единаго края или угла въ государствъ, гдъ бъ не было таковыхъ отлучныхъ и находящихся въ отпускахъ. Многіе, живучи многіе годы на свобод' въ деревняхъ, даже поженились и нажили уже дътей себъ и сихъ также имъли уже въ гвардію записанныхъ и въ чинахъ унтеръ-офицеровъ, хотя и сами еще не несли никакой службы... Были примфры, что иные по спискамъ полковымъ были 16-ти или 18-тилътними, а имъ и десяти лътъ еще не было... Словомъ, вездѣ и вездѣ слышны были одни только сѣтованія... Всѣ

большія дороги усѣяны были кибитками скачущихъ гвардейцевъ и матерей, везущихъ на службу и на смотръ къ государю своихъ малютокъ. Повсюду скачка и гоньба; повсюду сдѣлалась дороговизна въ наемкѣ лошадей и повсюду неудовольствія! Симъ-то образомъ», заключаетъ Болотовъ: «наказано было наше дворянство за безсовѣстное и безстыдное употребленіе во зло милости прежней милосердной монархини... и за обманы ихъ непростительные».

Обращаясь къ гражданской системѣ Павла, опятьтаки видимъ съ его стороны стремленіе исправить тѣ злоупотребленія, которыя развились во всёхъ вёдомствахъ въ последние годы жизни состаревшейся императрицы. Постоянные рекрутскіе наборы, необходимые для поб'ядь и одольній, къ тому же расхищаемые, истощили силы страны. Рядомъ возрастаетъ задолженность страны. Скопилось огромное количество выпущенных и обездененных ассигнацій. Расходы превышали доходы, и дефицить ежегодно возрасталь. Нев вроятны были злоупотребленія въ гражданской администраціи и въ судахъ. Такъ, въ сенатъ къ началу царствованія Павла было до 11,000 нерѣшенныхъ дѣлъ въ производствъ, накопившихся годами. Сенаторы ничего не дѣлали. Секретари грабили. Павель всѣхъ подтянуль. «Міръ живеть приміромъ государя», пишеть современникъ: «въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ, въ коллегіяхъ, везді въ столицахъ свічи горіли съ пяти часовъ утра; съ тойже поры въ вице-канцлерскомъ домѣ, что былъ противъ Зимняго дворца, всё люстры и всё камины пылали. Сенаторы съ восьми часовъ утра сидѣли за краснымъ столомъ». Сановники Екатерины, причастные «крадствамъ», то-есть почти всв, подверглись немилости императора. Въ цёломъ рядё указовъ проявилось стремленіе обуздать «тунеядцевъ-дворянъ» и облегчить тягости крестьянъ, «сихъ

добрыхъ и полезныхъ членовъ государства». Въ своемъ новомъ трудѣ о жизни и царствованіи императора Павла І Е. С. Шумигорскій говорить, что «масса простого народа, въ насколько масяцевъ получившая большее облегченіе въ тягостной своей доль, чьмъ за все царствованіе Екатерины, и солдаты, освободившіеся отъ гнета произвольной командирской власти и почувствовавшіе себя на «государевой службв», съ надеждой смотрвли на будущее: ихъ мало трогали «господскія» и «командирскія» тревоги». (Стр. 105). По приказанію Павла Петровича сожжено было предъ Зимнимъ дворцомъ ассигнацій на пять слишкомъ милліоновъ рублей, а пуды придворныхъ серебряныхъ сервизовъ переплавлены были въ монету. Общее государственное оскудание отозвалось крайней дороговизной хлеба. Для пониженія цень государь приказаль продавать хлібо изъ казенных запасныхъ магазиновъ. Последствіемъ было огромное пониженіе цены хлеба до двухъ рублей на четверть. Въ трудѣ своемъ г. Шумигорскій перечисляєть рядь міропріятій Павла І, показывающихъ кипучую діятельность его. За четыре года онъ успѣлъ совершить необыкновенно много, конечно, потому, что подготовиль планы своихъ преобразованій еще въ Гатчинъ. Его озабочиваютъ хлъбные запасные магазины и удешевленіе соли, сбереженіе лісовъ и предохраненіе построекъ отъ пожаровъ; при Павлѣ начались торговыя сношенія съ Америкой и утверждена россійскоамериканская компанія; при Павлѣ учреждено высшее медицинское училище, преобразованное потомъ въ военномедицинскую академію.

Даже краткаго, но безпристрастнаго обзора военныхъ и гражданскихъ преобразованій императора Павла достаточно, чтобы усомниться въ правдивости «откровенныхъ писемъ» сановниковъ и посланниковъ, которымъ придаетъ такое

безапелляціонное значеніе профессоръ Брикнеръ. Этотъ обзоръ заставляетъ усомниться въ томъ, что правительственная машина и все государство при Павлів находились въ «патологическомъ состояніи», что правительственная машина лишена была «правильныхъ функцій», всв ея пружины поломаны, порядокъ перевернутъ вверхъ дномъ и все царствованіе Павла-«рядъ ошибокъ и глупостей», свидътельствующихъ о безуміи правителя. Этотъ обзоръ всякаго заставить сказать, что въ военномъ и гражданскомъ управленіи Павла, напротивъ, сказался его сильный и систематическій умъ и благородныя побужденія сердца. Если въ военной и гражданской системахъ Павла были глубокіе недочеты, то недочеты не помъщали этимъ системамъ пережить Павла. Несомнѣнно, что Россія и при Александрѣ I и при Николав I управлялась все еще «по-гатчински», при чемъ выяснились и всё темныя стороны этого управленія экзерцирмейстерство, жестокая муштра въ военномъ; бюрократизмъ и излишняя регламентація всёхъ проявленій народной жизни въ гражданскомъ; но очевидное дъло, что душевно-больной не могь бы дать направление русской государственной жизни на полстольтія впередъ. Наконецъ, если «капральскій режимъ» Павла, по мнінію профессора Брикнера, оправдываеть кровавую расправу съ нимъ, то какъ же онъ осудитъ преемниковъ Павла, которые приміняли тоть же гатчинскій «капральскій режимъ», но съ гораздо большей суровостью? Ясно, что невозможно судить эпоху, давно отжитую, съ современныхъ точекъ зрвнія. И если уже ее судить, то справедливо возлагать вину на многія плечи, а не взваливать все на одного.

Въ конечномъ выводѣ изученіе военнаго и гражданскаго управленія Россіи при Павлѣ заставляетъ признать, что этотъ государь имѣлъ трезвый и практическій умъ п способность къ системѣ; что мѣропріятія его направлены были противъ глубокихъ язвъ и злоупотребленій и въ значительной мѣрѣ ему удалось исцѣлить отъ нихъ имперію, внеся большій порядокъ въ гвардію и армію, сокративъ роскошь и безпутство, облегчивъ тягости народа, упорядочивъ финансы, улучшивъ правосудіе. Несомнѣнно, что всѣ мѣропріятія Павла источникомъ имѣли благороднѣйшія побужденія, и что если онъ и возбуждалъ недовольство и ненависть, то главнымъ образомъ въ худшихъ элементахъ гвардіи и дворянства, развращенныхъ долгимъ женскимъ правленіемъ.

Причиной переворота Бенигсенъ выставляетъ «всеобщее недовольство, охватившее всю націю», которое
должно было привести имперію къ «паденію»; «всеобщее
желаніе» было, чтобы «перемѣна царствованія предупредила несчастія, угрожавшія имперіи». Чтобы «удержать
Россію на краю пропасти», «спасти государство», пришлось согласиться на переворотъ, ибо «революція, вызванная всеобщимъ недовольствомъ, должна была вспыхнуть не сегодня-завтра»; предстояло «предупредить несчастныя послѣдствія общей революціи», «спасти націю
отъ пропасти». Паленъ тоже объясняетъ переворотъ желаніемъ «избавить Россію, а быть можетъ, и всю Европу
отъ кровавой и неизбѣжной смуты».

Правда ли, что недовольство было всеобщимъ, охватило всю націю? Правда ли, что грозила революція? Ничего подобнаго. Въ гвардіи недовольство было лишь среди офицеровъ. «Несомнѣнно», говоритъ Бенигсенъ: «что императоръ никогда не оказывалъ несправедливости солдату и привязалъ его къ себѣ». «Достигнуть успѣха», говоритъ о заговорѣ графъ Ланжеронъ, «можно было, только подкупивъ или поднявъ гвардію цѣликомъ, или только частью, а это было дѣло не легкое: солдаты

гвардіи любили Павла, первый батальонъ Преображенскаго полка въ особенности былъ очень къ нему привязанъ». «Лучше покойнаго ему не быть», сказалъ солдать про Александра, убъдившись въ томъ, что Павелъ Петровичъ «крѣпко умеръ». Затѣмъ «публика, особенно же низшіе классы, и въ числів ихъ старообрядцы и раскольники, пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы выразить свое сочувствіе удрученной горемъ вдовствующей императрицъ. Раскольники (т. е. старообрядцы, пріемлющіе священство) были особенно признательны императору Павлу, какъ своему благод втелю, даровавшему имъ право публично отправлять свое богослужение и разрѣшившему имъ имѣть свои церкви и общины». Саблуковъ прибавляеть, что, какъ выражение сочувствия, они посылали со всёхъ концовъ Россіи въ большомъ количестве образа съ надписями. Это говорить совсёмъ о другомъ настроеніи «націи». Въ Москв'в знали и любили Павла еще великимъ княземъ, но тоже въ низшихъ слояхъ. Коцебу говорить, что строгости Павла І-го не касались людей низшаго сословія и р'ядко касались частных лицъ, не занимавшихъ никакой должности. Но выстіе классы опасались притёснять крестьянъ и среднее сословіе; они знали, что всякому можно было писать прямо государю, и что государь читалъ каждое письмо.

Коцебу даже такъ описываетъ настроеніе народа и солдать посл'я переворота: «Народъ вспомнилъ быструю и скорую справедливость, которую ему оказывалъ императоръ Павелъ; онъ началъ страшиться высоком'ярія вельможъ, которое должно было снова пробудиться, и почти вс'я говорили: «Павелъ былъ нашъ отецъ».

Во всякомъ случай, Фонвизинъ свидительствуетъ, что «восторгъ изъявило, однако, одно дворянство, прочія сословія приняли эту висть довольно равнодушно». Изъ совокупности этихъ показаній должно заключить, что недовольства «всей націи» не было и общая революція не грозила. Выло недовольство въ высшихъ классахъ и, сравнительно, въ незначительныхъ кружкахъ.

Кто именно быль недоволенъ правленіемъ Павла Петровича и что было причиной этого недовольства? Показанія современниковъ даютъ полную возможность на это отвѣтить.

Гатчинскія «модельныя» войска Павла, въ бытность его великимъ княземъ, были раздѣлены на мелкіе отряды, изъ которыхъ каждый изображалъ какой-либо гвардейскій полкъ. Офицерскія должности были заняты людьми низкаго происхожденія, и по большей части — малороссами. По воцареніи Павла, гатчинскія войска, въ качеств'в представителей соотвътствующихъ гвардейскихъ полковъ. были включены въ нихъ и размъщены по ихъ казармамъ. Знатоки прусскаго устава и дисциплины, «гатчинцы», стали инструкторами екатерининскихъ изнъженныхъ и распущенныхъ гвардейцевъ: сто тридцать два офицера, принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ русскаго дворянства, т. е. къ взысканнымъ милостью Екатерины, очутились на равной ногѣ съ офицерами изъ темныхъ хохловъ! Вотъ основная причина недовольства. Гвардейскіе офицеры-преторіанцы и совершили переворотъ. Но воть какъ ихъ аттестуетъ графъ Ланжеронъ: «офицеровъ очень легко было склонить къ перемѣнѣ царствованія, но требовалось сдѣлать очень щекотливый, очень затруднительный выборъ изъ числа 300 молодыхъ вътрениковъ и кутилъ, буйныхъ, легкомысленныхъ и несдержанныхъ». Паленъ подтверждаетъ отзывъ Ланжерона въ отношеніи офицеровъ Семеновскаго полка, бывшаго въ караулв 11 марта: «это были все люди молодые, легкомысленные, неопытные, безъ испытаннаго мужества» — «ватага вертопраховъ». Поведеніе «пьяныхъ цареубійцъ» утромъ послѣ преступленія вполнѣ доказываетъ справедливость презрительнаго отзыва Палена.

Преслѣдованія лихоимцевъ возбудили противъ Павла Петровича высшую бюрократію, но Саблуковъ высказываетъ сожалѣніе, что «безусловно благородный, великодушный и честный» государь «не процарствовалъ долѣе и не очистилъ высшую чиновную аристократію въ Россіи отъ нѣкоторыхъ ея недостойныхъ членовъ».

Несомнънно, что въ значительной степени недовольство, какъ въ средъ офицеровъ гвардіи, такъ и среди высшей чиновной аристократіи, объясняется противод виствіемъ Павла крайней распущенности, особенно развившейся въ конц'в царствованія состар'ввшейся Екатерины. Павель никого не казнилъ. Павелъ Петровичъ сослалъ многихъ. Однако, объясняется это не одной несдержанностью самовластія. Покушенія на императора были все время. Подозрительность его имъла основанія. Его ужасный конецъ это доказаль. Онъ основательно дрожаль за свой престоль. «Было до тридцати лицъ, коимъ поочередно предлагали пресъчь жизнь государя ядомъ или кинжаломъ», пишеть Коцебу: «но отравленіе не было единственною опасностью, которая ему угрожала. На каждомъ вахтъ-парадъ, на каждомъ пожаръ, на каждомъ маскарадъ за нимъ слъдили убійцы». Онъ же передаетъ слова Палена: «Я остановилъ два возстанія». Надо полагать, что, открывъ государю два неудачныхъ заговора, Паленъ пріобрѣлъ нужную степень его довърія, чтобы удачно привести къ концу третій. Обуздывая самовластіе вельможъ, распутство преторіанцевъ, лихоимство и неправосудіе, Павелъ являлся защитникомъ маленькихъ людей. «Корнеть могь свободно и безбоязненно требовать военнаго суда надъ своимъ полковымъ командиромъ, вполнъ разсчитывая на безпристрастное разбирательство дѣла» (Саблуковъ). Это вызывало недовольство и заговоры. Кром'в того, «достов'врно изв'встно» (говорить Саблуковъ), что въ посл'вдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими сов'втниками было рівшено, что Павель будеть устранень отъ престолонаслівдія, если онъ откажется присягнуть конституціи. По прошествіи четырехъ літь царствованія, полагая власть свою упроченной, Павель объявляеть помилованіе всімъ, кто быль сослань имъ, или сміщень съ должности, или удалень въ помістья. Что же сділаль Палень изъ этого великодушнаго поступка? Онъ самъ цинично объясняеть, что заполучиль нужныхь ему Бенигсена и Зубовыхъ и въ то же время суміль еще усилить ожесточеніе противъ императора.

Прощенные чиновники и армейскіе офицеры пришли большею частью пѣшкомъ въ столицу изъ внутреннихъ областей имперіи и, не получивъ здёсь никакой помощи, безъ всякихъ средствъ къ жизни, осуждены были умирать съ голоду у воротъ Петербурга. Паленъ все сваливаетъ на Павла, которому, будто бы, скоро надойло принимать прощенныхъ и онъ приказалъ ихъ гнать. Но въ этомъ должно усомниться. Какъ военный губернаторъ, им'вя въ своимъ распоряженіи гвардію, полицію, заставы, и какъ министръ иностранныхъ дель, заведуя внешними сношеніями и перлюстраціей почты, причемъ вообще всв повельнія государя шли черезь его руки, Палень систематически пользовался всякой вспышкой Павла и такъ грубо безжалостно приводиль немедленно въ исполнение его приказы, чтобы создавать недовольство всюду и размножать враговъ Павла. Эта адская махинація тёмъ легче могла быть приведена въ дъйствіе, когда Павелъ заперся въ Михайловскомъ замкъ. Именемъ государя правилъ Паленъ и правилъ такъ, что, дѣйствительно, и за границей, и внутри Россіи, создавалось представленіе, что править

сумасшедшій деспоть. Но когда Павель узнаваль о томъ, какъ жестоко исполнялось его приказаніе, онъ дѣлаль все, чтобы исправить причиненное зло. Не въ расчетахъ Палена было, однако, давать эту возможность государю. Постоянно повторяемыя обвиненія Павла въ томъ, что онъ запрешалъ круглыя шляпы, жилеты, фраки, усматривая въ нихъ «якобинство», требовалъ, чтобы при встрѣчѣ съ нимъ дамы останавливали кареты и выходили, — конечно, справедливы. Это вмѣшательство въ жизнь обывателя было тяжело. Но особенно потому, что Паленомъ все дѣлалось, чтобы требованія государя выполнялись съ безсмысленной жестокостью, послѣдовательностью, крайностью. Сколько разъ Павелъ Петровичъ, подъѣзжая къ каретѣ, просилъ даму не безпокоиться.

Собравъ всѣ причины недовольства, должно признать, что, при всѣхъ недостаткахъ характера Павла, безъ коварной провокаціи графа Палена это недовольство не разрослось бы въ такой степени. Крутая муштровка, регламентація обывательской жизни, придирки и стѣсненія были и послѣ Павла. А всѣ терпѣли.

Замѣчательно, что самое спокойное время въ 1800 г. въ Петербургѣ было въ сентябрѣ и октябрѣ, когда графъ Паленъ былъ назначенъ командовать арміей на русской границѣ, а должность петербургскаго военнаго губернатора съ 14 августа исполнялъ генералъ-оть-инфантеріи Свѣчинъ. (Шумигорскій).

Мы упоминали еще про идеологическую причину переворота—желаніе конституціи. Но посл'єдующія событія показали, какъ жалко-ничтоженъ и безсиленъ быль тотъ кружокъ идеалистовъ, которые мечтали «учредить законно-свободныя постановленія, которыя бы ограничивали царское самовластіе». Во главѣ конституціоналистовъ былъ Александръ. И, вступивъ на престолъ, онъ довольно

долго вель послѣобѣденныя милыя, либеральныя бесѣды насчеть преобразованій. Нельзя, конечно, сказать, что изъ первыхъ прогрессивныхъ порывовъ его ничего добраго и полезнаго для Россіи не произошло. Нѣкоторая струя мягкости, человѣчности влилась все же въ русскую жизнь. Но можно положительно утверждать, что конституціонныя стремленія русскаго общества въ эпоху Павла I не имѣли достаточно энергіи, чтобы сами по себѣ вызвать переворотъ.

Одна изъ темнъйшихъ сторонъ царствованія Павла, которая должна была возбудить ненависть къ нему, какъ къ гонителю просвъщенія, всъхъ людей науки и мысли, это нестериимый цензурный гнеть. 17-го мая 1798 г. послъдоваль указь объ учрежденіи цензуры во всёхь портахь, а 18 апръля 1800 г. совершенно былъ запрещенъ ввозъ въ Россію иностранныхъ книгъ «и музыки». «Правительство, нынѣ во Франціи существующее», сказано въ указѣ 1798 г.: «желая распространить безбожныя свои правила на всѣ устроенныя государства, ищеть развращать спокойныхъ обитателей оныхъ сочиненіями, наполненными зловредными умствованіями, стараясь тв сочиненія разными образами разсвать въ общество, наполняя даже оными газеты свои». Текущая журналистика и памфлеты якобинской эпохи конвента представляли достаточно отталкивающихъ сторонъ. Несомнънно развращающее и прямо преступное дъйствие на незрѣлые и невѣжественные умы анархическихъ изданій. Ненависть къ «идеологамъ» Павелъ раздёляль съ Наполеономъ Вонапартомъ, создателемъ желевной цензурной системы. Но въ Россіи не находилось просв'ященныхъ цензоровъ, которые могли бы разобраться въ содержаніи книгъ, привозимыхъ въ порты. Павелъ вышелъ изъ затрудненія тъмъ, что приказалъ запрещать ввозъ всъхъ книгъ, «коихъ время изданія помічено какимъ-нибудь годомъ Французской республики». Переводъ Виргиліевыхъ «Георгикъ»

Делиля, помѣченный годомъ республики, конечно, былъ запрещенъ.

Однако, и въ данномъ случаѣ вину ценвурнаго оглушенія Россіи невозможно всецѣло возлагать на Павла, но
справедливость требуетъ разложить это бремя и на другія
плечи. Вспомнимъ расправу Екатерины съ Новиковымъ и
Радищевымъ; вспомнимъ, что при Александрѣ, по словамъ
Булгарина, цензура русская была «строже даже папской»,
и подъ конецъ его царствованія литература стала рукописной; вспомнимъ николаевскій грозный «бутурлинскій»
комитетъ; вспомнимъ «либеральнаго» министра шестидесятыхъ годовъ Валуева, который, давъ «свободу печати»,
принялся истреблять ее на оба крыла, начавъ И. С. Аксаковымъ и М. Н. Катковымъ; вспомнимъ недавнихъ «начальниковъ печати»—гг. Лонгинова, Феоктистова и Соловьева...

Во всякомъ случав, въ томъ комплексв причинъ, которыя обострили недовольство Павломъ, свою роль сыграла и «борьба съ книгой» этого императора.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ: играли ли и какую именно роль въ цареубійствѣ 11 марта 1801 года англійская интрига и англійское золото? Въ своемъ послѣднемъ трудѣ Е. С. Шумигорскій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «что въ Лондонѣ не только знали о готовящемся заговорѣ на жизнь императора Павла, но даже способствовали успѣху заговора деньгами», «документальныхъ данныхъ отыскать нельзя», «участіе Англіп въ заговорѣ — вопросъ пока открытый, хотя, несомнѣнно, интересы ея и заговорщиковъ были въ данномъ случаѣ тождественны». Питтъ, стоявшій тогда во главѣ англійскаго министерства, никогда не отказывалъ въ субсидіяхъ на выгодныя для Англіп дѣла на континентѣ, а Наполеонъ, имѣвшій безспорно хорошія свѣдѣнія, успѣхъ заговора на жизнь императора Павла прямо объясняль дѣйствіемъ англійскаго золота.

Если на прямой вопросъ о роли англійскихъ агентовъ въ заговорѣ не можетъ быть точнаго отвѣта (не даромъ же Кочубей писалъ Воронцову: «если вамъ нужно сообщить мнѣ что-нибудь тайно, то пользуйтесь англійскими курьерами и пишите лимоннымъ сокомъ». (Архивъ князя Воронцова, XVIII, 202 — 205. Цитата Брикнера), то постараемся освѣтить другой вопросъ: какое значеніе собственно для Англіи и для европейской политики вообще имѣло цареубійство 11 марта 1801 года?

Графъ Воронцовъ писалъ, что «образъ дъйствій Павла относительно другихъ государей и государствъ доказываетъ, что духъ его помраченъ». Другіе современники пишуть о непостижимыхъ перемѣнахъ во внѣшней политикъ, которыя якобы проистекали изъ свойствъ душевной неуравновъшенности Павла. На самомъ дълъ Павелъ не изобръталъ собственной внъшней политики. Сначала онъ примкнуль къ коалиціи, созданной Вилліамомъ Питтомъ, затъмъ, разочаровавшись въ этой системъ, служившей лишь своекорыстнымъ расчетамъ Англіи и Австріи, принялъ систему, о которой мечтала и Екатерина Великая. Павель только разъ перемвнилъ свою внвшнюю политику. И когда онъ перемѣнилъ ее? Послѣ Маренго и Люневильскаго мира, то-есть когда весь міръ ее переміниль и когда коалиція—ухищренное созданіе дипломатическаго генія Питта — сама собой рушилась. Можно кратко характеризовать политику Павла: въ борьбѣ Питта съ Бонапартомъ Павелъ сначала сталъ на сторону Питта, потомъ Бонапарта.

Вступая въ коалицію, Павелъ увлекался рыцарской мыслью возстановленія потрясенныхъ троновъ; но имѣлись и положительныя цѣли; политическій результатъ былъ тотъ, что народы увидѣли русскихъ въ Италіи, Швейцаріи и Германіи, рѣшающихъ судьбы Европы. Первенствуя въ

коалиціи, рѣшая судьбы центральной и южной Европы, Павель возносиль престижь Россіи на недосягаемую высоту. Если онъ шель сначала объ руку съ Англіей, то во имя политическаго и національнаго вліянія своей имперіи.

Самое гросмейстерство Павла имѣло практическую сторону: обосноваться твердо на Мальтв и имвть въ Средиземномъ морѣ опорный и питательный пунктъ. Въ инструкціяхь, данныхъ Питтомъ посланнику Англіи, значилось, что лордъ Уитвордъ долженъ ласкать реализацію идей, которыя грезятся рыцарскому воображенію Павла, какъ-то возстановленіе древнихъ троновъ, возвращеніе Бурбоновъ во Францію и даже мальтійское гросмейстерство. Но въ то же время Уитвордъ добивался весьма существенныхъ ближайшихъ выгодъ, а именно коммерческаго преимущества въ Балтійскомъ морѣ; большая часть денежныхъ субсидій сама собой возвращалась съ барышомъ, ибо на занятыя у Англіи деньги русская и австрійская арміи снабжались Англіею же оружіемъ и обмундированіемъ. Поставки брала Англія. Мало того, вступивъ въ коалицію противъ Французской республики, Павелъ объявилъ войну Испаніи и наложилъ секвестръ на всв испанскіе корабли въ русскихъ портахъ. Это было весьма выгодно Англіи, такъ какъ ослабленіе Испаніи позволяло ей наложить руку на испанскія колоніи.

Коалиція была могущественна, но въ самой себѣ носила зародышь разложенія. Вѣнцомъ англійскаго дипломатическаго искусства было это соединеніе подъ однимъ знаменемъ столь различныхъ кабинетовъ и столь взаимно враждебныхъ интересовъ. Самая конечная цѣль коалиціи различно представлялась Павломъ и его союзниками. Реставрація Бурбоновъ для Австріи имѣла второстепенный интересъ, и даже противно было ея выгодамъ возстановленіе абсолютной французской монархіп съ Эльзасомъ, Лотарингіей и Франшконте. Если возстановленіе правъ неаполитанскаго короля привлекало по династическимъ причинамъ сочувствіе вінскаго кабинета, то возстановленіе королей Пьемонта и Сардиніи вызывало уже иныя чувства.

Революція уже дала Австріи, по трактату Кампо-Форміо, Венецію, Истрію, Далмацію; мирное владініе Ломбардіей, крівности въ Пьемонтів, улучшеніе швейцарской и рейнской границъ-вотъ цѣли Австріи. Англія основой своей политики ставила морское преобладаніе, потому что для нея это было насущнвишей необходимостью. Потерявъ dominium maris, Англія болье не существовала бы, какъ нація; отсюда истекали два положенія: 1) что ей должно разрушать всё флоты, достойные съ ней бороться; 2) что она должна подрывать всякую промышленность и торговлю, возвысившуюся настолько, чтобы прямо бороться противъ англійскаго первенства. Зам'єтимъ, что флотъ революціонной Франціи былъ достаточно внушителенъ и Бонапарть могъ учинить блестящую морскую демонстрацію противъ Англіи, выведя 44 корабля изъ Бреста и совершивъ прогулку по океану.

Участіе въ коалиціи принесло Павлу глубокое разочарованіе. Павелъ поняль, что онъ былъ только орудіемъ въ рукахъ коварныхъ союзниковъ и таскалъ для нихъ изъ огня каштаны. Поведеніе вѣнскаго гофкригсрата по отношенію къ Суворову возмущало государя. Суворовъ «очистилъ отъ французовъ» Италію, и она была порабощена Австріей. Въ возвращеніи Мальты Англія императору отказала. Между тѣмъ Маренго и Люневильскій миръ совершенно измѣнили положеніе перваго консула Наполеона Бонапарта. Тріумфальное возвращеніе побѣдителя при Маренго, спасителя Франціи, въ отечество въ іюлѣ 1800 года возвѣщало уже грядущее. И Павелъ его превосходно предугадалъ.

14 іюля первый консулъ Наполеонъ Бонапартъ праздноваль взятіе Бастиліи и поднималь бокаль за «французскій народъ, нашего самодержца» (au peuple français notre souverain)! Но въ сентябрѣ Павель такъ объясняль перемѣну своей политики датскому посланнику Розенкранцу: «Долгое время онъ былъ того мнѣнія, что справедливость находится на сторонѣ противниковъ Франціи, правительство которой угрожало всѣмъ державамъ; теперв же въ этой странѣ въ скоромъ времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мѣрѣ, по существу, что измѣняетъ дѣло».

Испытавъ коварство Англіи, каверзы вѣнскаго кабинета и гофкригсрата, Павелъ позналъ и эмигрантовъ съ ихъ интригами и происками и погналъ вонъ изъ Россіи Людовика XVIII и всѣ «сумасшедшія французскія головы». Все это сдѣлано самодержавно, однимъ жестомъ. Отправляя 18 декабря письмо первому консулу Наполеону Бонапарту, государь, однако, писалъ: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается».

Какъ раньше Павелъ соединился съ первымъ министромъ Англіи Питтомъ съ цѣлью низвернуть «le gouvernement sans loi qui domine la France», такъ теперь онъ соединяется съ первымъ консуломъ Франціи Бонапартомъ для обузданія англійскаго правительства. Создается планъ сѣверной коалиціи нейтральныхъ флотовъ — идея, лелѣемая Екатериной. Соединеніе флотовъ Франціи, Россіи, Даніи и Швеціи, несомнѣнно, угрожало бы морской гегемоніи Англіи. Замѣтимъ, что въ сужденіяхъ своихъ о значеніи Бонапарта русскій самодержецъ проявилъ не только прозорливость, но и широту взгляда. Ему нѣтъ дѣла до

того, что первый консуль пьеть здоровье французскаго народа-самодержца, о правахь человъка онь не хочеть спорить. Онь видить, что Франція склонилась предъ человъкомъ, который является ея государемъ, если не по имени, то по существу. А существо Наполеона, такого же неограниченнаго властителя, какъ онъ самъ, Павелъ вполнъ постигъ.

Но и всякій государь на мѣстѣ Павла роковымъ образомъ долженъ былъ бы измѣнить внѣшнюю свою политику послѣ Маренго и Люневильскаго мира, когда на празднествахъ консула Наполеона Бонапарта въ Парижѣ присутствовали въ полномъ парадѣ послы и дипломаты всѣхъ государствъ, а Люсьенъ Бонапартъ явился въ Мадридъ въ обстановкѣ стараго церемоніала посланниковъ Людовика XIV и король устроилъ для него охоту въ лѣсахъ Аранжуэца — единственная и высшая любезность, позволенная этикетомъ испанскому монарху. Во Франціи кончалось время идеологіи и анархіи, и такъ какъ конституціонное представительство выказало все свое безсиліе, то наступила эпоха тріумфа административнаго централизма.

Первый консуль соединиль въ своихъ рукахъ всю власть конвента и комитета общественнаго спасенія—абсолютньйшую диктатуру; онъ глубоко презираль всѣ виды безсильной выборной администраціи; онъ желаль создать центральное и сильное правптельство; но для этого необходимо было молчаливое послушаніе, престижь, незыблемо утвержденный въ загипнотизированныхъ блескомъ военныхъ успѣховъ консула умахъ; страхъ его передъ печатью поэтому быль столь великъ, что онъ повсюду ее или преслѣдовалъ, или обращаль въ послушное орудіе своей мысли; первый консулъ слѣдилъ за газетами всей Европы и всюду накладывалъ намордники на журналистовъ; лишь печать Англіи была недоступна для него, и онъ глубоко чувствовалъ удары англійскихъ памфлетовъ.

Національная поб'єда Франціи - республики, которой она была одолжена генію Наполеона, возстановляла старый ея авторитеть. Мысль была такая: «Республика при консул'є должна возстановить, силою поб'єды, то же международное положеніе Франціи, какое занимала монархія Людовика XIV».

Консуль республики явился носителемъ историческихъ традицій абсолютной монархіи. Слова Павла: «если не по имени, то по существу» у Франціи есть уже Бурбонъ со всеми традиціями Бурбоновъ, показывають глубину политическаго смысла этого «умалишеннаго»! Какъ наслъдникъ политическихъ традицій Короля-Солнца, первый консулъ республики, «по имени», сталкивался и со старой соперницей великаго Бурбона,—Англія двадцать літь боролась съ Людовикомъ XIV, съ цёлью ослабить его могущество въ Европъ. И Бонапартъ отлично понималъ, что Англія его единственный врагь, котораго ему должно сломить; и чтобы уязвить ее въ чувствительнъйшее мъсто, Бонапартъ мечталъ о морскомъ могуществъ и стремился съ величайшей энергіей къ этой цёли. Три года, предшествовавшіе имперіи, были наполнены стараніями создать флоть; Бонапарть составляеть планы, обсуждаеть движенія эскадръ, диктуетъ приказы адмираламъ; въ то же время онъ мечтаетъ о грандіозной колоніальной систем'ь; миссія полковника Себастіани въ Египеть и Сирію показываетъ, что Бонапартъ стремился къ колонизаціи береговъ Нила съ цёлью проникновенія затёмъ въ Индію; консулъ страстно защищаетъ въ то же время принципъ свободы морей и независимости флотовъ; самая континентальная система, хотя и ложная по ея неосуществимости, всецьло была направлена противъ англійской промышленности.

Люневильскій трактать нанесь роковой ударь политической систем'в Питта, геній котораго создаль чудесныя и странныя политическія комбинаціи, едва ли еще находимыя въ новъйшей исторіи: во время кампаніи 1799 г. русскіе шли въ союз'в съ турками, неаполитанцы съ н'вмцами; Черное море было открыто флоту русскаго царя; 6,000 турокъ высадились въ Италіи, чтобы возвратить святвишему отцу папв его государства, которыхъ его лишили французы, древніе сыны церкви; Суворовъ сражался за сардинскаго короля. Эта коалиція была создана изъ столь различныхъ элементовъ, что въ февралф 1801 г. отъ нея ничего не осталось, и, во всякомъ случав, если эта коалиція казалась бредомъ наяву, то этоть бредъ выносила голова Питта, и онъ преподнесенъ былъ Павлу лордомъ Унтвордомъ. Въ февралъ 1801 сителемъ идей Павла явился Наполеонъ. Онъ возстановлялъ традиціи Бурбоновъ, предложилъ папѣ огромное содержаніе, задумываль уже возстановленіе католическаго культа во Франціи, а главное великолфиной администраціи поповъ-дивнаго орудія въ рукахъ искуснаго правителя! Такимъ образомъ, мѣняя перваго министра Питта на перваго консула Бонапарта, гросмейстеръ Мальтійскаго ордена мънялъ дъйствительно только «имя», а не «сущность». Если Павелъ, какъ гросмейстеръ, думалъ стоять во глав'в дворянства всей Европы, то и Наполеонъ уже понималь, что безъ чиновъ, орденовъ, вельможъ и пэровъ сильная власть обойтись не можетъ.

Союзъ Павла и Наполеона, Россіи и Франціи, и сѣверная лига флотовъ нейтральныхъ державъ представляли грозную опасность для Англіи, которой слѣдовало особенно бодрствовать въ Египтѣ, гдѣ экспедиція Наполеона и французская колонія, осѣненная трехцвѣтнымъ знаменемъ, была этапомъ дальнѣйшихъ выступленій въ Индіи, бодрство-

вать и въ Балтійскомъ морѣ, потому что именно тамъ, подъ высокой рукою россійскаго самодержца, состоялся вооруженный съверный нейтралитеть, столь угрожавшій морскимъ правамъ Англін. И какъ, вступивъ въ коалицію 1799 г., Павелъ наложилъ секвестръ на испанскіе корабли, такъ теперь закрыты были русскіе порты для англійскихъ торговыхъ судовъ, а на товары англійскихъ купцовъ Россін наложено амбарго. Громадное значеніе для Англін имѣло расширеніе Россіи на Кавказѣ. 18 января 1801 года совершилось добровольное присоединение къ Россіи Грузіи. А 12 января 1801 года Павелъ, желая «атаковать англичанъ тамъ, гдф ударъ имъ можетъ быть чувствительнфе и гдв меньше ожидаютъ», далъ приказание атаману войска Донского Орлову идти съ донскими казаками въ походъ на Индію. «Имвете вы», писалъ Павелъ, «идти п завоевать Индію!» Казаки 18 марта 1801 года переправились черезъ Волгу и получили извъстіе о кончинъ императора.

Туть мы подходимъ къ весьма важному пункту. Походъ на Индію—вѣрнѣе, демонстрація съ цѣлью дать чувствительный ударъ Англіи—всегда выставляется, какъ яркое доказательство сумасшествія Павла. Однако это далеко не такъ. Когда разразилась революція, европейскіе
кабинеты усмотрѣли въ волненіяхъ, терзавшихъ Францію,
могущественное средство ослабленія дома Бурбоновъ. Это
была наслѣдственная традиціонная ненависть. Особенно британскій кабинетъ ревниво слѣдилъ за внѣшней политикой Людовика XVI, при которомъ морское дѣло стояло весьма
высоко и бѣлое знамя Бурбоновъ вѣяло на всѣхъ моряхъ.
Англіи были извѣстны широкіе планы Людовика XVI относительно Индіи, Египта и колонизаціи Средиземнаго
моря. Но планы эти развивались преемственно. Еще въ
1672 г. былъ представленъ Людовику XIV на латинскомъ

языкъ знаменитымъ Лейбницемъ проектъ оккупаціи Египта. Гибель монархіи Бурбоновъ полагала, повидимому, конецъ этимъ проектамъ. Морское и коммерческое первенство и могущество Англіи въ эпоху революціи быстро возросло, и британскій кабинеть, направляемый геніемъ Вилліама Питта, получиль повсюду преимущество. Но революція привела къ директоріи, развила патріотизмъ французовъ, выдвинула Бонапарта. Война стала стихіей Франціи. И лордъ Мальмесбюри пишеть своему правительству, что директорія должна вести постоянную войну, потому что иначе ей некуда пристроить 400,000 войска и 3 или 4 тысячи генераловъ и офицеровъ, кинящихъ отвагой. Послъ Маренго и Люневильскаго мира Англія внезапно видить возрождение традицій Бурбоновъ въ лицѣ перваго консула Бонапарта. Боле того, после успеховъ въ Египте, Бонапарть замышляеть походь на Индію. Опять-таки въ этомъ онъ идетъ по следамъ Бурбоновъ.

Вопросъ о французскомъ преобладаніи въ Индіи, какъ онъ стояль при Людовикахъ XV и XVI, выясненъ въ книгъ Эмиля Барбэ «Le nabab René Madec», содержащей дипломатическую исторію проектовъ Франціи относительно Бенгала и Пенджаба съ 1772 по 1808 гг., на основаніи документовъ архива Пондишери и другихъ. Въ этомъ замвчательномъ изследовании приведены многочисленные проекты, представленные версальскому кабинету, относительно атаки Англіи въ Бенгал'я и офиціальные планы возстановленія французскаго могущества на Востокъ. Авторъ затёмъ выясняеть прямую связь этихъ старыхъ проектовъ съ замыслами Наполеона Бонапарта и въ частности съ миссіей генерала Гарданна въ Персію (1807—1808 гг.), составлявшей часть проекта Наполеона потрясти англійское вліяніе въ Индіи черезъ соотв'єтственныя выступленія въ Турціи, Персіи и Дели. Этими попытками кончается исторія азіатской авантюры Франціи. Реставрація была въ слишкомъ большой зависимости отъ Англіи, чтобы заниматься индійской политикой.

Еще въ 1774 г. версальскій кабинетъ получаль проекты и настоянія дійствовать въ Индін, гді возможно было создать еще болже прочную французскую торговлю, чёмъ тогдашния англійская. Но грубый отказъ министра Неккера въ субсидіи показываеть, въ какія руки попали національные интересы Франціи въ концѣ царствованія Людовика XV. Составлялись дипломатическіе мемуары, въ которыхъ высокимъ слогомъ говорилось о французскомъ великодушій, о томъ, что Франція можеть прибъгать лишь къ достойнымъ, честнымъ и умиротворительнымъ средствамъ для подъема своей компаніи въ Индіи. Между тъмъ англійская компанія ничьмъ не брезгала. Имперія Могола представляла трупъ, раздѣленная и разодранная на множество независимыхъ частей, во главъ которыхъ стояли владътели, думавшіе о своихъ интересахъ и враждовавшіе. Великій Моголъ им'єль лишь тінь старой власти и престижа. Политика европейцевъ въ Индіи состояла въ привлеченіи на свою сторону владітелей. Ничего не стоило поднять ихъ противъ англійскаго гнета. Но правительство Людовика XV отписывалось и не давало негъ. Послъ смерти стараго короля насталъ моментъ, когда версальскій кабинеть сталь съ большимъ вниманіемъ относиться къ интересамъ Франціи на Востокъ. Уроженецъ Бретани, авантюристъ Мадекъ, дѣлается набабомъ и пріобрътаетъ огромное вліяніе въ Индіи. Но еще въ 1773 г. положение англійской компаніи было подобно тому, въ какое она стала двадцать лътъ спустя въ Америкъ. Возможно было отложение индійскихъ владътелей отъ Англіи подъ протекторатомъ Франціи. Версаль ничего не дълалъ. Съ воцареніемъ Людовика XVI картина мѣняется. Въ

своемъ изследовании Барбэ приводитъ подписанную Людовикомъ XVI инструкцію 1782 г. Этотъ документъ, составленный, в фроятно, однимъ изъ министровъ въ кабинет ф и на глазахъ короля, показываетъ, что Людовикъ XVI и его министры говорили языкомъ «non de l'égoïsme absolutiste, mais du patriotisme le plus élevé»; туть излагается планъ кампаніи на сѣверо-востокъ отъ Пондишери и дается инструкція разрушить Бомбей. Кром'в того, въ рукахъ версальскаго кабинета имълся рядъ проектовъ и мемуаровъ о положеніи англичань въ Бенгаль, проекть атаки Калькутты и т. п., кончая мемуаромъ 1789 года. Указывалось, что въ Бенгалѣ силы Англіи состоять всего изъ 2000 европейцевъ (1500 пъхоты, 300 артиллеріи, 200 кавалеристовъ), но они нанимаютъ 30,000 сипаевъ. Мадекъ предлагалъ опустошить Бенгалъ. Онъ собирался двинуться на англійскія укрѣпленія по обоимъ берегамъ Ганга. «А за собою», увърялъ онъ, «я подниму толпы разбойниковъ и грабителей, «qui feront un désert de ce beau pays de Bengale», сжигая поселенія, уничтожая жатвы, угоняя скоть, а я тымь временемь буду сбирать контрибуціи съ городовъ, всегда готовыхъ откупиться, лишь бы не подвергаться осадь, приступу и грабежу». «Все это», докладывалъ Мадекъ, «я учиню своими силами и на свои средства», пусть только Франціи порветь сношенія съ Англіей. Но Мадекъ просилъ министерство хранить его проекты въ глубочайшей тайнъ: англичане столь ловки и ревнивы, что если они осведомятся о начале сей корреспонденціи, они ему причинять всякое зло, какое только будеть для нихъ возможно. Министерскій «планъ атаки, съ цёлію покорить Бенгалъ и уничтожить въ Индіяхъ англійское могущество», положительно утверждаеть, что, несмотря на могущество и силы англичанъ въ Бенгаль, легко взять городъ и форты Калькутты и создать

болье обширное и болье богатое королевство, чыть сама Англія. Владытельные принцы здышнихь странь съ трудомь переносять главенство Англіи. Англійскія силы здысь не суть силы... Проекть ихь уничтоженія далеко не фантазія. А Бенгаль—это страна, откуда идуть и люди, и деньги, и припасы, и, наконець, самые драгоцыные товары Азіи. Франція въ восточномь полушаріи прежде всего должна заняться завоеваніемъ Бенгала, ибо разь только англичане оттуда будуть выгнаны, они потеряють существенную выть своей коммерціи, и рессурсы ихъ владыній въ Индіи. А чтобы обезпечить этоть перевороть (роиг assurer cette révolution), надо пустить въ дыло слыдующія силы и средства.

Следують пункты... Какъ видимъ, этотъ документъ проливаетъ яркій свётъ на французскую политику при Людовике XVI въ Индіи. Общій выводъ проекта: «la révolution de Bengale est une expédition maritime». Средства, которыя полагались достаточными для этой экспедиціи,—три военныхъ корабля, три фрегата, семь транспортныхъ судовъ, корветъ, 2500 солдатъ и 2,000 кафровъ.

Тогда же Моголъ пишетъ письмо Людовику XVI, въ которомъ проситъ союза и покровительства Франціи. Напомнимъ, что императоръ Индіи, Великій Моголъ, Ханъ-Аламъ II, началъ царствовать до Людовика XVI, а умеръ только въ 1803 году. «La prépondérance dans l'Inde, alors, était la prépondérance dans le monde» 1)—говоритъ Барбэ. Такъ было и въ 1773 г. Но если Людовикъ XVI и интересовался проектами, онъ отъ бумагъ къ дѣлу не перешелъ. Однако, въ желаніи у Людовика XVI создать большое французское предпріятіе на Востокѣ не можетъ быть сомнѣнія; чувствуя позднѣе, что Индія стала англійскимъ

¹⁾ Перевъсъ въ Индіи тогда былъ перевъсомъ въ міръ.

достояніемъ навсегда, онъ вступаетъ въ сношенія съ императоромъ Аннама и приготовляетъ французамъ пути въ Индо-Китай. Не можетъ быть сомнѣнія, что, питая намѣренія атаковать Англію въ Азіи, Наполеонъ Бонапартъ изучилъ всѣ государственныя бумаги, относящіяся къ этому вопросу, и, конечно, тѣ проекты, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Наполеонъ централизировалъ въ Парижѣ архивы всѣхъ странъ, куда только проникали его арміи, и располагалъ государственными бумагами всей Европы, изучая ихъ ревностно. Между проектами 1773 г., 1782—1789 гг. и экспедиціей 1807—1808 гг. видимъ еще важный моментъ: 1800—1801 гг., когда русскій самодержецъ, вступивъ въ союзъ съ первымъ консуломъ французской имперіи, отдалъ приказъ Орлову:

«Имъете вы идти съ казаками и завоевать Индію». На фонъ изложенныхъ проектовъ и замысловъ, этотъ приказъ принимаетъ совсъмъ новое значеніе. Двѣ тысячи европейскихъ солдатъ охраняли могущество англичанъ въ Индіи въ 1782 г. Императоръ Павелъ въ 1800 г. посылаетъ на Индію 40,000 казаковъ. Спрашивается, было ли это движеніе уединеннымъ дъйствіемъ, или входило, какъ составная часть, въ общій планъ дъйствій Наполеона и Павла противъ азіатскихъ владьній Англіи? Планъ этотъ существовалъ, но точныхъ данныхъ о немъ не находимъ. Одинъ прусскій агентъ сообщалъ министру Гарденбергу набросокъ плана войны противъ Индіи, указывая, что цъль та же, которая заставила предпринять экспедицію въ Египетъ.

Но тамъ была солидная база операцій и болѣе легкія средства для перевозки армій въ англійскія владѣнія; къ тому же та армія состояла изъ однихъ французовъ, а здѣсь армія комбинированная. Другое письмо, адресованное къ тому же министру изъ Лондона, сообщало о союзѣ

Павла и Бонапарта для завоеванія англійскихъ владѣній въ Индіи. Русскія войска должны были идти въ Астрахань, переправиться по Каспійскому морю въ персидскій городъ Астрабадъ. Въ то же время войско перваго консула должно было идти съ береговъ Рейна черезъ Швабію къ устью Дуная и потомъ по Черному и Каспійскому морю переправиться въ Таганрогъ, оттуда идти по Дону, потомъ по Волгѣ въ Астрахань и тоже по Каспію въ Астрабадъ, для соединенія съ войсками Павла.

Въ Астрабадѣ соединенная армія должна была достигать 70,000 человѣкъ разнаго рода оружія. Далѣе двинулись бы въ Гератъ, Кандагаръ и далѣе, по слѣдамъ Александра Македонскаго, на берега священныхъ водъ Индіи. Заготовлены были даже прокламаціи къ мусульманскому населенію, въ которыхъ возвѣщалось: «арміи двухъ, самыхъ могущественныхъ въ мірѣ, народовъ должны пройти черезъ ваши земли. Единственная цѣль этой экспедиціи—изгнать англичанъ изъ Индостана... Два правительства рѣшили соединить свои силы, чтобы освободить индусовъ отъ тираническаго и варварскаго ига англичанъ» и т. п. Исполненіе части этой диспозиціи мы видимъ. Донское войско двинулось въ походъ, но смерть Павла остановила дальнѣйшее.

Первымъ дъйствіемъ юнаго императора Александра была посылка въ Лондонъ курьера съ возвъщеніемъ міра. Затьмъ возникаетъ новая коалиція, въ которой принимаетъ участіе и Пруссія, стремившаяся въ первую коалицію сохранить нейтралитетъ. Посль Тильзитскаго мира Наполеонъ возобновляетъ попытку вмышаться въ азіатскую гегемонію Англіи. Если Павелъ, перегнувъ карту Европы, сказалъ: «Такъ я раздылю Европу съ Наполеономъ», то Александръ на предложенія такого же раздыла со стороны Наполеона отвычаль уклончиво. Но въ политикы Александра было достаточно перемынь и колебаній между Англіей и Франціей.

Первому періоду царствованія Александра І присваивають обыкновенно наименование эпохи преобразованій. «Вникая ближе въ духъ этого періода», говоритъ Н. К. Шильдеръ, «вітрніве было бы назвать его эпохой колебаній». За это время, то-есть съ 1801 по 1810 годъ, въ государственной жизни Россіи происходять безпрестанныя колебанія, какъ во внутренней, такъ и во внішней политикъ; по всъмъ отраслямъ управленія имперією замъчается полная неустойчивость взглядовь, різкіе переходы отъ одной политической системы къ другой. Кромв причинъ, лежащихъ въ самой жизни, эти колебанія объясняются и характеромъ Александра I, твми его свойствами, которыя Меттернихъ называлъ: «les évolutions périodiques de son esprit». Никто, однако, не находилъ ничего ненормальнаго въ этой умственной и нравственной неустойчивости Александра.

Если мы не имѣемъ пока точныхъ данныхъ, чтобы отвѣтить на вопросъ, принимали ли участіе въ цареубійствѣ 11 марта англійская интрига, англійскіе агенты, англійское золото, то на вопросъ, какое значеніе внезапная ужасная гибель Павла Перваго имѣла для Англіи и всей Европы, можемъ отвѣтить совершенно опредѣленно: съ гибелью Павла для Англіи исчезала огромная опасность, несомнѣнно грозившая и ея морскому могуществу и азіатской ея гегемоніи; судьбы же всей Европы были бы, несомнѣнно, иныя, если бы Павелъ жилъ еслу и союзъ его съ Наполеономъ укрѣпился.

Но, оставляя въ сторонѣ значеніе цареубійства 11 марта 1801 года для всей Европы, скажемъ нослѣднее слово о томъ урокѣ, который это страшное событіе даетъ намъ, русскимъ.

Императоръ Павелъ Первый—разительный примъръ монарха, который, будучи отъ природы надъленъ многими

высокими качествами духа, исполненъ честнаго и благороднаго стремленія къ благу своего народа, тімь не менъе, на цълое стольтие въ сознании всъхъ остается пугающимъ образомъ тирана и безумца; императоръ Павелъпримъръ самодержда, который, будучи неограниченнымъ властелиномъ милліоновъ подданныхъ и обширнвищей имперіи, обладая такимъ могуществомъ, что рѣшенія его могли мѣнять судьбы народовъ и карту Европы, не могъ защитить себя оть шайки цареубійць и придворной камарильи, отъ нізсколькихъ низкихъ интригановъ, искущенныхъ въ подлости и пройдошествъ, и погибъ ужасно и жалко, не вызвавъ къ своей участи никакого сожальнія въ европейскомъ обществъ. Солдаты и крестьяне были признательны Павлу за многія облегченія и не защитили его, и его имя заглохло въ народъ, даже не отразившись въ какой-нибудь плачевной пѣснѣ. Убійцы Павла были безконечно ниже его и умомъ и характеромъ, а они ославили свою жертву кровожаднымъ сумасшедшимъ, и никто имъ не возражалъ. = 8/11

Такъ императоръ Павелъ Первый является показателемъ того, что постигаетъ верховную власть, когда она не опирается на свободный и сознательный народъ, на освященный земскій соборъ излюбленныхъ людей, на широко развитое всесословное представительство м'встнаго самоуправленія, когда всв пути общенія царя съ народомъ уничтожены, всё связи порваны и вознесенный на недосягаемую высоту монархъ уподобляется громог ржду Зевсу, только съ завязанными глазами. Монархъ, лишенный опоры и совъта думы всей земли, думы, въ которой проявлялся бы въками воспитанный духъ патріотизма, думы, хранящей историческіе завъты народа, являющейся хранительницей, защитницей и выполнительницей его идей, его правъ, его задачъ, органомъ самосознанія націи, - такой монархъ, при всей безмфрности власти, поневолф править помощью интригь, и

отъ этихъ же интригъ и гибнетъ. Императоръ Павелъ Первый и его злосчастная судьба въ русской исторіи есть роковой и логическій выводъ петровской реформы, кровавыхъ казней стрѣльцовъ, поверстанія при Петрѣ и императрицахъ множества старыхъ дворянъ московскихъ и духовныхъ въ податное сословіе. Судьба Павла есть следствие семидесятипятилетняго женскаго правленія черезъ любовниковъ и угодниковъ, слъдствіе возвышенія всевозможныхъ авантюристовъ и проходимцевъ-иностранцевъ и униженія коренныхъ русскихъ людей и старослужилыхъ родовъ честныхъ выходцевъ съ Запада; судьба Павла Петровича есть сл'єдствіе убійства царевича Алекс'я Петровича, казненнаго ослѣпленнымъ родителемъ; цареубійство 11 марта 1801 года есть прямое следствіе сыноубійства 26 іюня 1718 года. Если униженный духомъ народъ, въ лицѣ высшихъ іерарховъ церкви и всего русскаго общества, бездушно и рабски перенесъ то сыноубійство, что же удивительнаго, если послѣ всѣхъ послѣдовавшихъ кровавыхъ переворотовъ въка, послъ крови несчастнаго Іоанна Антоновича, Петра III, народъ устами гренадера такъ съ потрясающимъ равнодушіемъ высказался о цареубійствъ 11 марта, въ утро посль ужасной ночи: «Умеръ ли Павелъ Петровичъ? Да, крѣпко умеръ. Лучше отца Александру не быть. А впрочемъ, намъ, что ни попъ, то батька.»

Надъ порабощеннымъ, безгласнымъ народомъ, вознесенный на недосягаемую высоту, императоръ пребывалъ въ трагическомъ одиночествѣ. Шайка крѣпостниковъ-тунеядцевъ плотной стѣной окружала его.

Самовластный, онъ сталъ игрушкой въ рукахъ коварнаго царедворца. И великолѣпный замокъ, въ которомъ онъ заперся посреди своей столицы, сталъ сначала его тюрьмой, а потомъ и мавзолеемъ. ЗАПИСКИ Н. А. САБЛУКОВА.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ 1865 году, въ лондонскомъ журналѣ «Fraser's Magazine for town and country» появилась статья подъ заглавіемъ: «Reminiscences of the Court and times of the Emperor Paul I of Russia up to the period of his death. From the papers of a deceased Russian General Officer 1), которая уже по самому своему заглавію должна была вызвать интересъ русской исторической критики. Тѣмъ не менѣе, таинственный русскій авторъ, напечатавшій въ Англіи свои воспоминанія, оставался неизвъстнымъ до 1869 года²), когда въ ноябрьской книжкъ издававшагося въ то время при Чертковской библіотекъ «Русскаго Архива» впервые напечатано на русскомъ языкъ извлечение изъ статьи «Fraser's Magazine» подъ заглавіемъ: «Изъ записокъ Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла Петровича. Переводъ съ англійскаго» 3). Въ виду цензурныхъ условій переводъ, естественно, не могъ быть полнымъ, такъ что добрая половина «Записокъ» осталась неизвъстной для русской читающей публики и главнымъ образомъ послъдняя часть ихъ, посвященная описанію заговора и самому событію

^{1) «}Воспоминанія о дворѣ и временахъ императора россійскаго Павла I до эпохи его смерти. Изъ бумагь умершаго русскаго генерала».

²⁾ Краткое извлеченіе изъ воспоминаній Саблукова, въ 60-хъ годахъ, было сдѣлано также во французскомъ журналѣ «Revue Moderne».

³) Переводъ сдъланъ С. А. Рачинскимъ.

11-го марта 1801 года. Что касается англійскаго подлинника «Воспоминаній», то посл'єдній, въ настоящее время, по прошествіи почти 40 л'єть, представляеть совершенную библіографическую р'єдкость, такъ какъ журналь «Fraser's Magazine» издавался въ ограниченномъ количеств'є экземпляровъ и вс'є нумера 1865 года давно вышли изъ продажи и не им'єются даже у наибол'єе изв'єстныхъ заграничныхъ антикваріевъ.

Настоящимъ изданіемъ, исключительно предназначеннымъ для небольшого кружка спеціалистовъ-историковъ и любителей отечественной старины, отчасти пополняется этотъ пробѣлъ въ нашей исторической библіографіи, до сихъ поръ не имѣвшей полнаго перевода «Записокъ Саблукова», представляющихъ, по безпристрастности изложенія и искренности тона, драгоцѣннѣйшій матеріалъ для будущихъ историковъ и бытописателей Павловской эпохи, еще столь мало изслѣдованной и едва ли безпристрастно оцѣненной.

Авторъ «Записокъ», Николай Александровичъ Саблуковъ, родился въ Петербургѣ въ 1776 году. Отецъ его, Александръ Александровичъ Саблуковъ¹), сенаторъ и впослѣдствіи одинъ изъ первыхъ членовъ только что учрежденнаго Александромъ I государственнаго совѣта, былъ вице-президентомъ мануфактуръ-коллегіи въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ эпоху Павла I. Сыну своему онъ далъ весьма тщательное домашнее образованіе, причемъ, благодаря заботамъ матери автора, Екатерины Андреевны Саблуковой, рожденной Волковой, жен-

¹⁾ Александръ Александровичъ былъ сынъ коллежскаго совѣтника Александра Ульяновича Саблукова, служившаго при дворѣ Елисаветы Петровны. Службу свою Александръ Александровичъ началъ въ 1762 году и за время царствованія Екатерины ІІ былъ награжденть Владимиромъ 2 класса, чиномъ тайнаго совѣтника и аннинской лентой. При Павлѣ І пожалованъ сенаторомъ. Скончался въ Петербургѣ въ 1826 г., будучи членомъ госуд. совѣта и дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ. Похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

щины высоко-образованной и гуманной, особенное вниманіе было обращено на изученіе иностранныхъ языковъ: нѣмецкаго, французскаго и англійскаго. Вскорѣ затѣмъ молодой Саблуковъ, по обычаю богатыхъ дворянъ того времени, былъ отправленъ путешествовать за границу, посѣтилъ Германію, Италію и, благодаря близкимъ связямъ съ русскою знатью, былъ представленъ ко многимъ иностраннымъ дворамъ. Вернувшись въ Россію въ 1792 году, 17-тилѣтній юноша Саблуковъ поступилъ въ блестящій и аристократическій, въ Екатерининское время, конно-гвардейскій полкъ, въ которомъ и оставался до самой кончины Павла I, находясь въ послѣднее время въ чинѣ полковника и командуя эскадрономъ.

Не будучи «гатчинцемъ», какъ Аракчеевъ и Ростопчинъ, не состоя въ числъ любимцевъ, какъ Кутайсовъ и Уваровъ, Саблуковъ, несмотря на это, пользовался благосклонностью и уваженіемъ Павла, чувствовавшаго въ немъ неподкупную върность порядочнаго человъка. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что авторъ «Записокъ» былъ однимъ изъ тъхъ немногихъ близко стоящихъ ко двору, которымъ удалось удержаться на службъ въ теченіе всего четырехльтняго царствованія Павла. Саблуковъ былъ джентльменъ полномъ смыслѣ этого слова: это былъ рыцарь безъ страха и упрека, спокойно смотрѣвшій въ глаза такому государю. какъ Павелъ I, сумѣвшій сдерживать порывы такой взбалмошной натуры, какъ Константинъ, вызывавшій невольное удивленіе робкаго и запуганнаго отцовскими строгостями Александра. Вотъ почему «Записки Саблукова», въ которыхъ каждая фраза, каждая строчка дышатъ правдой и благородствомъ, должны имъть особое значение въ глазахъ историка: въ этихъ качествахъ автора онъ увидитъ несомнънное доказательство какъ правдивости передаваемыхъ имъ фактовъ, такъ и вполнъ безпристрастной оцънки личности императора Павла.

Отдавая полную справедливость высокимъ душевнымъ качествамъ, лежавшимъ въ основъ характера этого госу-

даря, любя его искренно, какъ человѣка, Саблуковъ сообщаетъ, однако, цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ на несомнѣнную ненормальность Павла, рѣзкія выходки котораго, доходившія зачастую до непонятной жестокости, могутъ быть объяснены исключительно душевнымъ разстройствомъ.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, основной характеръ «Записокъ Саблукова», представляющихъ собою историческій документь первостепенной важности для будущихъ изслъдователей этого кратковременнаго, полнаго загадочности и противоръчій, царствованія. Авторъ ихъ, являющійся образцомъ искренности и правдивости, въ одномъ только случат впадаетъ въ довольно странное противортие, а именно, когда онъ упоминаетъ о роли, которую сыграла англійская политика въ кровавомъ событіи 11-го марта 1801 года. Стараясь какъ будто бы доказать полную неосновательность слуховъ объ участіи англійскаго посла, лорда Уитворда, въ заговоръ противъ Павла, онъ въ то же время категорически говоритъ о любовной связи этого дипломата съ О. А. Жеребцовой, сестрой Зубовыхъ-главныхъ руководителей заговора. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ «Записокъ» мы находимъ следующую недвусмысленную фразу, не требующую дальнъйшихъ комментареівъ: «Г-жа Жеребцова предсказала печальное событіе 11-го марта, въ Берлинъ, за нъсколько дней до смерти императора и какъ только узнала о совершившемся фактъ, отправилась тотчасъ въ Англію навъстить своего стараго друга лорда Унтворда». (Гл. III, стр. 72).

Единственнымъ объясненіемъ этого противорѣчія, которое совсѣмъ не вяжется съ категорическимъ и яснымъ тономъ всего повѣствованія, можетъ служить то обстоятельство, что рукопись Саблукова, напечатанная въ Лондонѣ, прошла черезъ горнило англійскаго журнала, редакція котораго, естественно, была заинтересована въ обѣленіи дѣйствій «коварнаго Альбіона».

Убійство императора Павла произвело на Саблукова удручающее впечатл'вніе и было глубоко ненавистно его взглядамъ на неприкосновенность личности помазанника Божія и самодержца. Онъ хочеть біжать отъ двора, среди котораго ему ежедневно приходится сталкиваться съ участниками ужасной драмы, и съ радостью принимаетъ на себя охрану императрицы Маріи Өеодоровны, удалившейся изъ Петербурга въ свое павловское уединеніе. Тѣмъ не менъе, онъ не можетъ примириться съ дъятелями 11-го марта и при первой возможности, въ концъ 1801 года, подаетъ въ отставку и вдетъ за границу искать забвенія и успокоенія въ новомъ путешествій по Европъ. Въ 1803 году, находясь въ Англіи, онъ женится, по любви, на англичанкъ, миссъ Юліанъ Ангерштинъ, дочери извъстнаго знатока и любителя живописи, Эдуарда Ангерштина, имъвшаго богатую коллекцію картинъ, зав'ящанную имъ впослъдствіи Лондонской національной галлереъ. Вернувшись въ Россію въ 1806 году, Николай Александровичъ, по совъту своего стараго знакомаго, тогдашняго морского министра, адмирала П. В. Чичагова, поступаеть на службу адмиралтействъ-коллегію и въ слёдующемъ же году назначается управляющимъ счетною экспедиціей съ утвержденіемъ въ чинъ генераль-майора. Въ 1809 году онъ выходить въ отставку съ мундиромъ (л.-гв. Коннаго полка) и снова удаляется въ Англію, къ родственникамъ жены. Но и здёсь, на чужбинё, онъ продолжаетъ горячо любить Россію и при первомъ изв'єстіи объ опасности, угрожающей отечеству, Саблуковъ спѣшитъ на родину и въ рядахъ арміи принимаетъ участіе въ безсмертной эпопев 1812 года, находясь при особомъ кавалерійскомъ отряд'в генералъ-майора барона Корфа. Когда народное бъдствіе, наконецъ, миновало, когда непріятель былъ изгнанъ Россія уже не нуждалась въ жертвахъ своихъ сыновъ, Саблуковъ окончательно выходить въ отставку, снова удаляется въ Англію и до самой своей смерти остается вдали оть государственныхъ дёлъ, то наёзжая въ Россію, то путешествуя по Европъ, причемъ ведетъ дъятельную переписку со своими друзьями, живущими въ Россіи. Къ

числу такихъ друзей принадлежалъ, между прочимъ, извъстный ученый и богословъ, протоіерей Г. П. Павскій, духовный наставникъ цесаревича Александра Николаевича и переводчикъ библіи съ еврейскаго языка на русскій. Въ этихъ письмахъ къ Павскому Саблуковъ является горячимъ сторонникомъ просвъщенія отечества въ смыслъ нравственнаго и умственнаго воспитанія и возрожденія духа русскаго народа. Искренній и убъжденный православный, Н. А., тъмъ не ментье, желаетъ видъть русскихъ служителей церкви, какъ духовныхъ пастырей народа, болье образованными, стоящими на высотъ своей великой воспитательной задачи.

Таковъ нравственный обликъ автора настоящихъ «Записокъ», носящаго въ себъ отличительныя черты лучшихъ людей того времени, людей съ широкимъ, просвъщеннымъ умомъ, съ душою, открытою для всего добраго, великодушнаго, справедливаго. XIX въкъ, въ отличіе отъ своего предшественника, постепенно лишалъ личность ея особенностей, нивеллируя, такъ сказать, ея индивидуальность подъ одинъ шаблонъ, выдёляя идеалъ безличнаго исполненія; но тёмъ большій интересъ, тімь большую цінность представляють собою люди критики, въ которыхъ жизнь бьетъ живымъ энергичнымъ ключомъ, тъ лучшіе люди славной Екатерининской эпохи, которые, несмотря на наступившую аракчеевщину, не доведены были до безцвътности общимъ равненіемъ русской жизни подъ капральски-бюрократическій шаблонъ того времени. То были люди истинно-русскіе и притомъ люди свободной иниціативы, что не мѣшало имъ, однако, быть искренно и убъжденно преданными самодержавію и всёмъ остальнымъ исконнымъ завётамъ русской жизни, дълать въ годину народнаго бъдствія великое патріотическое діло, полагая душу свою за родину. Таковъ быль авторъ настоящихъ «Записокъ». Честь ему и слава и въчная память!

К. Военскій.

I.

На дняхъ мнѣ пришлось перечитывать «Исторію Россіи» Левека, въ которой говорится о разногласіи въ мнѣніяхъ, существующихъ до настоящаго времени относительно Лжедмитрія, причемъ меня особенно поразила скудость свѣдѣній объ этой замѣчательной эпохѣ въ смыслѣ показаній современниковъ и очевидцевъ. А между тѣмъ самъ Левекъ утверждаетъ, что такія показанія имѣютъ чрезвычайную важность для исторіи, такъ какъ одни только очевидцы могутъ засвидѣтельствовать правдивость тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ.

Я самъ былъ очевидцемъ главнъйшихъ событій, происходившихъ въ царствованіе императора Павла І. Во все это время я состоялъ при дворѣ этого государя и имѣлъ полную возможность узнать все, что тамъ происходитъ, не говоря уже о томъ, что я лично былъ знакомъ съ самимъ императоромъ и со всѣми членами императорскаго дома, равно какъ и со всѣми вліятельными личностями того времени. Все это, вмѣстѣ взятое, и побудило меня записать все то, что я помню о событіяхъ этой знаменательной эпохи, въ надеждѣ, что такимъ образомъ, быть можетъ, прольется новый свѣтъ на характеръ Павла І, человѣка, во всякомъ случаѣ, незауряднаго.

Смѣю думать, что читатель не поставить мнѣ въ вину, если въ теченіе этого повѣствованія мнѣ не разъ придется говорить о себѣ лично, про многихъ изъ моихъ друзей и про полкъ, въ которомъ я служилъ. Подробности эти я привожу лишь какъ доказательство правдивости моего повѣствованія, которая только и можетъ придать настоящій интересъ этому разсказу.

Въ эпоху вступленія на престолъ императора Павла I мнѣ было двадцать лѣтъ; я былъ въ чинѣ подпоручика конной гвардіи, прослуживъ передъ тѣмъ въ томъ же полку два года унтеръ-офицеромъ и четыре года въ офи-

церскомъ чинѣ 1). Передъ тѣмъ я много путешествовалъ за границей и былъ представленъ ко многимъ дворамъ, какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи, вслѣдствіе чего много вращался въ высшемъ обществѣ, какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ. Отецъ мой держалъ открытый домъ, въ которомъ собирались запросто многіе министры и дипломаты, вслѣдствіе чего, несмотря на мою молодость, я уже достаточно былъ подготовленъ къ пониманію текущихъ политическихъ событій. Къ этому надо прибавить, что, будучи вообще хорошо знакомъ съ нѣсколькими иностранными языками, я живо интересовался политическими вопросами и съ особеннымъ вниманіемъ читалъ газеты.

Теперь я сдёлаю небольшое отступленіе и буду говорить о времени, непосредственно предшествовавшемъ вступленію на престолъ императора Павла, такъ какъ свёдёнія о томъ, что тогда происходило, послужатъ къ объясненію многихъ послёдующихъ событій, которыя иначебыло бы трудно понять.

Въ бытность великимъ княземъ, Павелъ Петровичъ имѣлъ великолѣпные аппартаменты въ Зимнемъ дворцѣ, а также во дворцѣ Царскосельскомъ. Здѣсь происходили выходы и пріемы, и тутъ же великій князь и его супруга давали пышные обѣды, вечера и балы, оказывая постоянно чрезвычайную любезность своимъ гостямъ. Всѣ высшіе чины ихъ двора, равно какъ прислуга, принадлежали къ штату императрицы, поочередно, въ теченіе недѣли, дежурили въ обоихъ дворцахъ, причемъ всѣ издержки уплачивались изъ кабинета ея величества. Въ этихъ пріемахъ своего сына императрица Екатерина, обыкновенно, весьма милостиво сама принимала участіе и, послѣ перваго выхода, радушно присоединялась къ обществу, не до-

¹⁾ Будучи унтеръ-офицеромъ, я былъ ординарцемъ у фельдмаршала графа Салтыкова, дежурилъ у него черезъ недёлю и обязанъ былъ въ это время всюду сопровождать его. Благодаря этому, мнѣ часто приходилось бывать съ его свитою въ прихожей кабинета императрицы Екатерины И.

Прим. автора.

пуская обычнаго этикета, установленнаго при ея собственномъ дворъ.

Съ внѣшней стороны великій князь постоянно оказываль своей матери величайшее уваженіе, хотя всѣ хорошо знали, что онъ не раздѣляль тѣхъ чувствъ любви, благодарности и удивленія, которыя русскій народъ питаль къ этой монархинѣ. Великая княгиня, его супруга, однакоже, любила Екатерину, какъ нѣжная дочь, и привязанность эта была вполнѣ взаимная. Дѣти Павла, юные великіе князья и великія княжны, воспитывались подъ надзоромъ ихъ бабки-императрицы, которая во всѣхъ случаяхъ совѣтовалась съ ихъ матерью 1).

Кромѣ названныхъ аппартаментовъ, у великаго князя былъ еще очень удобный дворецъ — Каменноостровскій, расположенный на одномъ изъ острововъ на Невѣ. Здѣсь великій князь и его супруга также давали избранному обществу весьма веселыя празднества, на которыхъ происходили такъ называемыя јеих d'esprit, театральныя представленія, словомъ, все то, что изобрѣли остроуміе и любезность стараго французскаго двора. Сама великая княгиня была чрезвычайно красивая женщина, весьма скромная въ обращеніи, а по мнѣнію нѣкоторыхъ даже излишне строгая, такъ что казалась суровою и скучною, насколько могли ее сдѣлать таковою добродѣтель и этикетъ. Павелъ Петровичъ, напротивъ, былъ полонъ жизни, остроумія и юмора, отличая своимъ вниманіемъ тѣхъ, которые блистали тѣми же качествами.

Самою яркою зв'ёдою на придворномъ горизонт была молодая д'ввушка, которую пожаловали фрейлиною въ уваженіе превосходныхъ дарованій, выказанныхъ ею въ Смольномъ монастыр в, гд вона получила воспитаніе. Ее звали

¹⁾ Генералы Протасовъ (Александръ Яковлевичъ, род. 1742 † 1799) и Сакенъ (графъ Карлъ Ивановичъ, впослѣдствіи дѣйств. тайн. сов., род. 1733 † 1808) были воспитателями великихъ князей, а баронесса Ливенъ гувернанткою великихъ княженъ и довѣреннымъ другомъ ихъ матери.

Екатерина Нелидова ¹). По наружности она представляла полную противоположность съ великою княгинею, которая была бѣлокура, высокаго роста; склонна къ полнотѣ и очень близорука. Нелидова же была маленькая, смуглая, съ темными волосами, блестящими черными глазами и лицомъ, полнымъ выразительности. Она танцовала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостью, а разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался изумительнымъ остроуміемъ и блескомъ.

Павель недолго оставался равнодушнымъ къ ея совершенствамъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что великій князь отнюдь не былъ человѣкомъ безнравственнымъ; напротивъ того, онъ былъ добродѣтеленъ, какъ по убѣжденію, такъ и по намѣреніямъ. Онъ ненавидѣлъ распутство, былъ искренно привязанъ къ своей прелестной супругѣ и не могъ себѣ представить, чтобы какая-нибудь интриганка могла когда-либо увлечь его и влюбить въ себя безъ памяти. Поэтому онъ свободно предался тому, что онъ считалъ чисто платоническою связью, и это было началомъ его странностей.

Императрица Екатерина, знавшая человъческое сердце несравненно лучше, чъмъ ея сынъ, была глубоко огорчена за свою невъстку. Она вскоръ послала сына путешествовать вмъстъ съ супругою и отдала самыя строгія приказанія, дабы не щадить денегъ, чтобы сдълать эту прогулку по Европъ столь же блистательной, сколь интересной, при помощи вліянія на дворы, которые имъ придется посътить. Путешествовали они іпсодпіто, подъ именемъ графа и графини Съверныхъ, и всьмъ хорошо извъстно, что остроуміе графа, красота графини и обходительность обоихъ оставили самое благопріятное впечатлъніе въ странахъ, которыя они посътили.

Не слѣдуетъ думать, что первоначальное воспитаніе великаго князя Павла было небрежно; напротивъ того,

Екатерина Ивановна Нелидова, фрейлина высочайшаго двора, довъренный другъ императора Павла и Маріи Өеодоровны; род. 1758 † 1839.

Екатерина употребила все, что въ человъческихъ силахъ, чтобы дать сыну воспитаніе, которое сділало бы его способнымъ и достойнымъ царствовать надъ обширною Россійскою имперіею. Графъ Н. И. Панинъ, одинъ изъ знаменитъйшихъ государственныхъ людей своего пользовавшійся уваженіемъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей, за свою честность, высокую нравственность, искреннее благочестіе и отличное образованіе, былъ воспитателемъ Павла. Кромъ того, великій князь имълъ лучшихъ наставниковъ того времени, въ числъ которыхъ были и иностранцы, пользовавшіеся почетною изв'єстностью въ ученомъ и литературномъ мірѣ. Особенное вниманіе было обращено на религіозное воспитаніе великаго князя, который до самой своей смерти отличался набожностью. Еще до настоящаго времени показывають мъста, на которыхъ Павелъ имълъ обыкновение стоять на колъняхъ, погруженный въ молитву и часто обливаясь слезами. Паркетъ положительно протертъ въ этихъ мѣстахъ 1). Графъ Панинъ состоялъ членомъ нъсколькихъ масонскихъ ложъ, и великій князь былъ также введенъ въ нікоторыя изъ нихъ. Словомъ, было сдълано все, что только возможно, для физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія великаго князя. Павелъ Петровичъ былъ однимъ изъ лучшихъ навздниковъ своего времени и съ ранняго возраста отличался на каруселяхъ. Онъ зналъ въ совершенствъ языки: славянскій, русскій, французскій и німецкій, иміль нікоторыя свёдёнія въ латинскомъ, былъ хорошо знакомъ съ исторіей, географіей и математикой, говорилъ и писалъ весьма свободно и правильно на упомянутыхъ языкахъ. Въ дълъ воспитанія великаго князя два помощника, главнымъ образомъ, содъйствовали графу Панину: флота ка-

¹⁾ Офицерская караульная комната, въ которой я сидъль во время моихъ дежурствъ въ Гатчинъ, находилась рядомъ съ частнымъ кабинетомъ Павла, и мнъ неръдко приходилось слышать вздохи императора, когда онъ стоялъ на молитвъ.

Прим. автора.

питанъ Сергъй Плещеевъ 1) и уроженецъ города Страсбурга баронъ Николаи 2). Плещеевъ прежде служилъ въ англійскомъ флотъ, былъ отличнымъ офицеромъ, человъкомъ широко образованнымъ и особеннымъ знатокомъ русской литературы. Баронъ Николаи былъ вообще человъкъ ученый, жившій сначала въ Страсбургъ и написавшій нъсколько научныхъ трудовъ. Оба эти лица сопровождали великаго князя во время его путешествія за границу и впослъдствіи Плещеевъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Les voyages du Comte et de la Comtesse du Nord». Оба остались близкими и вліятельными людьми при императоръ Павлъ до самой его кончины.

Въ Вънъ, Неаполъ и Парижъ Павелъ проникся тъми высоко-аристократическими идеями и вкусами, которые, не будучи согласны съ духомъ времени, довели его впослъдствіи до большихъ крайностей въ его стремленіи поддержать нравы и обычаи стараго режима въ такое когда французская революція сметала все подобное съ европейскаго континента. Но какъ ни пагубны были эти вліянія для чуткой и воспріимчивой души Павла, вредъ, причиненный ими, ничто въ сравненіи съ вліяніемъ, которое произвела на него въ Берлинъ прусская дисциплина, выправка, мундиры, шляпы, кивера и т. п., -словомъ, все, что имѣло какое-либо отношеніе къ Фридриху Великому. Павелъ подражалъ Фридриху въ одеждъ, въ походкъ, въ посадкъ на лошади. Потсдамъ, Санъ-Суси, Берлинъ преслъдовали его, подобно кошмару. Къ счастью Павла и для Россіи, онъ не заразился бездушною философіей этого монарха и его упорнымъ безбожіемъ. Этого Павелъ не могъ переварить, и хотя врагъ насъялъ много плевелъ, доброе съмя все-таки удержалось.

¹⁾ Сергъй Ив. Плещеевъ. Род. 1752 † 1802 въ чинъ дъйств. тайн. совътника. Писатель по географіи и переводчикъ съ французскаго.

²⁾ Николаи, баронъ, Андрей Львовичь. Библіотекарь и секретарь Павла Петровича. Преподаваль ему логику. Впосл'єдствіи президенть академін наукъ. Род. 1737 † 1820.

Но, чтобы вернуться къ эпохѣ, которая непосредственно предшествовала восшествію Павла на престолъ, я долженъ упомянуть о томъ, что, кромъ дворца на Каменномъ острову, онъ имълъ еще великолъпный дворецъ и имъніе въ Гатчинъ, въ 24-хъ верстахъ отъ Царскаго Села. Къ Гатчинъ были приписаны общирныя земли и нъсколько деревень. Супруга великаго князя имъла такое же имъніе въ Павловскъ, съ общирными парками и богатыми деревнями. Этотъ дворецъ находился всего въ трехъ верстахъ отъ Царскаго Села. Въ этихъ двухъ имъніяхъ великій князь и его супруга обыкновенно проводили большую часть года одни, имъя лишь дежурнаго камергера и гофмаршала. Здъсь великій князь и великая княгиня обыкновенно не принимали никого, исключая лицъ, особо приглашенныхъ. Скоро, однакоже, и здъсь стала появляться Екатерина Ивановна Нелидова и вскоръ сдълалась пріятельницей великой княгини, оставаясь въ то же время платоническимъ кумиромъ Павла. Какъ въ Гатчинъ, такъ и въ Павловскъ строго соблюдались костюмъ, этикетъ и обычаи французскаго двора.

Отець мой въ то время стояль во главъ государственнаго казначейства и въ его обязанности, между прочимъ, входило выдавать ихъ высочествамъ ихъ четвертное жалованье и лично принимать отъ нихъ расписку въ счетную книгу казначейства. Во время поъздокъ, которыя онъ совершалъ для этой цъли въ Гатчину и въ Павловскъ, я иногда сопровождалъ его и живо помню то странное впечатльне, которое производило на меня все то, что я здъсь видълъ и слышалъ. Тутъ все было какъ бы въ другомъ государствъ, особенно въ Гатчинъ, гдъ выстроенъ былъ форштадтъ, напоминавшій мелкіе германскіе города. Эта слобода имъла заставы, казармы, конюшни и строенія точь-въ-точь такія, какъ въ Пруссіи. Что касается войскъ, здъсь расположенныхъ, то можно было побиться объ закладъ, что они только что пришли изъ Берлина.

Здёсь я долженъ объяснить, какимъ образомъ Павелъ задумалъ сформировать въ Гатчинъ эту курьезную маленькую армію. Когда великій князь быль еще очень молодь, императрица, пожелавшая дать ему громкій титуль, не сопряженный, однако, съ какою-либо трудною или отвѣтственною должностью, пожаловала его генераль-адмираломъ Россійскаго флота; впослѣдствіи онъ быль назначень шефомъ превосходнаго кирасирскаго полка, съ которымъ онъ прослужиль одну кампанію противъ шведовъ, причемъ имѣлъ честь видѣть, какъ надъ головой его пролетали пушечныя ядра во время одной стычки съ непріятелемъ. Поселившись въ Гатчинѣ, великій князь, въ качествѣ генералъ-адмирала, потребовалъ себѣ батальонъ морскихъ солдатъ съ нѣсколькими орудіями, а какъ шефъ кирасировъ—эскадронъ этого полка съ тѣмъ, чтобы образовать гарнизонъ города Гатчины.

Оба желанія великаго князя были исполнены и такимъ образомъ положено начало пресловутой «гатчинской арміи», впослѣдствіи причинившей столько неудовольствій и вреда всей странѣ. Въ Гатчинѣ, кромѣ того, на небольшомъ озерѣ находилось нѣсколько лодокъ, оснащенныхъ и вооруженныхъ наподобіе военныхъ кораблей, съ офицерами и матросами—и это учрежденіе впослѣдствіи пріобрѣло большое значеніе.

Батальонъ и эскадронъ были раздѣлены на мелкіе отряды, изъ которыхъ каждый изображалъ полкъ императорской гвардіи. Всѣ они были одѣты въ темнозеленые мундиры и во всѣхъ отношеніяхъ напоминали собою прусскихъ солдатъ.

Вся русская пѣхота въ это время носила свѣтлозеленые мундиры, кавалерія—синіе, а артиллерія—красные. Покрой этихъ мундировъ не походилъ на мундиры другихъ европейскихъ армій, но былъ прекрасно приспособленъ къ климату и обычаямъ Россіи. Русскія войска всѣхъ родовъ оружія покрыли себя славою въ войнахъ противъ турокъ, шведовъ и поляковъ и справедливо гордились своими подвигами. Подобно всякимъ другимъ войскамъ, они гордились и мундирами, въ которыхъ по-

Императоръ Павель въ 1798 году. Съ граворы Дункортота, сдъланный съ портрета Шукива.

жинали эти лавры, и это заставляло ихъ смотрѣть съ отвращеніемъ на новое гатчинсное обмундированіе.

Гатчинскіе моряки также носили темнозеленое сукно, между тёмъ какъ мундиръ всего русскаго флота былъ бёлый, установленный еще самимъ Петромъ Великимъ, и это измёненіе также возбуждало неудовольствіе. Во всёхъ гатчинскихъ войскахъ офицерскія должности были заняты людьми низкаго происхожденія, такъ какъ ни одинъ порядочный человёкъ не хотёлъ служить въ этихъ полкахъ, гдё господствовала грубая прусская дисциплина. Я уже упомянулъ выше, что дворъ великаго князя состояль отчасти изъ лицъ, служившихъ при дворё императрицы, такъ что все, происходившее въ Гатчинѣ, тотчасъ дёлалось извёстнымъ при большомъ дворё и въ публикѣ, и будущая судьба Россіи подвергалась свободному обсужденію и не совсёмъ умёренной критикѣ.

Но, съ другой стороны, великій князь быль восходящимъ свѣтиломъ и, конечно, нашлось не мало услужливыхъ людей, которые передавали ему о невыгодномъ впечатлівній, которое нівкоторыя его распоряженія производили при дворъ императрицы, -- распоряженія, которыя, однако, онъ считалъ крайне важными. Ему доносили также и о многихъ злоупотребленіяхъ, дійствительно существовавшихъ въ разныхъ отрасляхъ управленія. Съ другой стороны, мягкость и материнскій характеръ управленія Екатерины ему изображали въ самомъ невыгодномъ свътъ. Вспыльчивый по природѣ и горячій Павелъ былъ крайне раздраженъ отстраненіемъ отъ престола, который, согласно обычаю посъщенныхъ имъ иностранныхъ дворовъ, онъ считалъ принадлежащимъ ему по праву. Вскоръ сдълалось общеизвъстнымъ, что великій князь съ каждымъ днемъ все нетерпъливъе и ръзче порицаетъ правительственную систему своей матери.

Екатерина, между тѣмъ, становилась стара и немощна, и еще недавно у нея былъ легкій припадокъ паралича, послѣ котораго она не поправилась вполнѣ. Она искренно

любила Россію и пользовалась искреннею любовью своего народа. Екатерина не могла думать безъ страха о томъ, что великое государство, столь быстро выдвинутое ею на путь благоденствія и славы, останется безъ всякихъ гарантій прочнаго существованія, особенно въ такое время, когда Франція распространяла революціонную заразу и «Комитетъ общественной безопасности» заставляль дрожать на престолахъ почти всёхъ монарховъ Европы и потрясаль старинныя учрежденія въ самыхъ ихъ основаніяхъ.

Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія своей страны и если бы ей удалось убѣдить Павла сдѣлаться государемъ конституціоннымъ, то она умерла бы спокойно, не опасаясь за будущее Россіи 1). Мнѣнія, вкусы и привычки Павла дѣлали такія надежды совершенно тщетными и достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть конституціи, уже начертанной, въ каковомъ случаѣ былъ бы назначенъ наслѣдникомъ его сынъ, Александръ, съ условіемъ, чтобы онъ утвердилъ новую конституцію.

Слово «конституція», столь часто здієсь упоминаемое, не должно быть, однако, понимаемо въ обычномъ, слишкомъ употребительномъ смыслів парламентскаго представительства, еще меніве—въ смыслів демократической формы правленія. Оно обозначаетъ здієсь великую хартію, благодаря которой верховная власть императора перестала бы быть самодержавною.

Слухи о подобномъ намѣреніи императрицы ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего досто-

¹⁾ Оставляемъ эту фразу, столь мало похожую на дѣйствительное положеніе вещей въ Россіи и столь несогласную со взглядами самого Н. А. Саблукова,—на отвѣтственности англійской редакціи.

върнаго. Втихомолку, однако, говорили, что 1-го января 1797 года долженъ быть обнародованъ весьма важный манифесть и въ то же время было замъчено, что великій князь Павелъ сталъ ръже появляться при дворъ и то лишь въ торжественные пріемы и что онъ все болье оказываетъ пристрастія къ своимъ опрусаченнымъ войскамъ всёмъ своимъ гатчинскимъ учрежденіямъ. Мы, офицеры, часто смінлись между собою надъ гатчинцами. Въ 1795— 1796 годахъ я былъ за границею и, проведя нѣсколько недёль въ Берлине, порядочно ознакомился съ прусскою выправкою. По возвращении моемъ домой, мои товарищи часто заставляли меня подражать или, върнъе, передразнивать прусскихъ офицеровъ и солдатъ. Въ то же время мы и не помышляли, что скоро мы всв будемъ обречены на прусскую обмундировку, выправку и дисциплину. Впослъдствіи оказалось, что знаніе этихъ подробностей сослужило мнѣ большую услугу.

Ознакомивъ вкратцѣ читателя съ положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ и Гатчинѣ, я буду продолжать свое повѣствованіе. По возвращеніи моемъ изъ заграничнаго путешествія въ 1796 году, я часто посѣщалъ домъ нѣкоей г-жи Загряжской 1), свѣтской дамы, чрезвычайно умной и любезной. Племянница ея, Васильчикова, была только что помолвлена за графа Кочубея, и потому вечера ея стали интимнѣе и менѣе людны. Я былъ однимъ изъ немногихъ, которыхъ, однако, продолжали приглашать въ домъ, куда мы собирались играть въ лото, дофинъ и другія игры.

Въ четвергъ, 6-го ноября 1796 года, я прибылъ, по обыкновенію, къ Загряжскимъ. Къ семи часамъ вечера на столѣ было приготовлено лото, и я предложилъ себя, чтобы первому вынимать номера. Г-жа Загряжская отвѣчала болѣе холоднымъ тономъ, чѣмъ обыкновенно: «хорошо», и я началъ игру. Играющіе, однако, думали, пови-

¹⁾ Наталья Кирилловна Загряжская, рожд. гр. Разумовская, статсъдама, жена оберъ-шенка. Род. 1747 † 1887.

димому, о чемъ-то другомъ, такъ что я даже слегка пожурилъ ихъ за то, что они не отмъчаютъ номеровъ.

Между тъмъ г-жа Загряжская вдругъ отозвала меня въ сторону и сказала:

- Vous êtes un singulier homme, Sabloukoff!
- En quoi donc, madame?—возразилъ я.
- Vous ne savez donc rien?
- Mais qu'y a-t-il à savoir?
- Comment donc, l'Impératrice a eu un coup d'apoplexie et on la croit morte 1)...

Я чуть не свалился съ ногъ и такъ поблѣднѣлъ, что г-жа Загряжская очень встревожилась за меня. Какъ только я пришелъ въ себя, я побѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ экипажъ и отправился въ домъ моего отца. Оказалось, что онъ уѣхалъ въ сенатъ, куда его вызвали. Катастрофа, дѣйствительно, совершилась, сомнѣній быть не могло. Екатерина скончалась.

Александръ Мухановъ²), капитанъ конной гвардіи, который на сл'єдующее утро долженъ былъ жениться на моей сестрѣ Натальѣ, также уѣхалъ изъ дому и отправился въ казармы нашего полка, куда посп'єшилъ и я.

По дорогѣ мнѣ попадались люди разнаго званія, которые шли пѣшкомъ или ѣхали въ саняхъ и каретахъ и всѣ куда-то спѣшили. Нѣкоторые изъ нихъ останавливали на улицѣ своихъ знакомыхъ и, со слезами на глазахъ, высказывали свое горе по поводу случившагося. Можно было

Вы удивительный человѣкъ, Саблуковъ!

[—] Въ чемъ дѣло?—возразилъ я.

[—] Значитъ вы ничего не знаете?

[—] Что же случилось?

 [—] А то, что съ государыней сдълался ударъ и полагаютъ, что она скончалась.

²) Александръ Ильичъ Мухановъ. Впослѣдствіи д. с. с. и полтавскій гражданскій губернаторъ (1806 г.).

думать, что у каждаго русскаго умерла нѣжно любимая мать.

Князь Платонъ Зубовъ, послѣдній любимецъ Екатерины и ея первый министръ, немедленно отправилъ въ Гатчину своего брата графа Николая Зубова, имѣвшаго званіе шталмейстера, съ тѣмъ, чтобы сообщить великому князю Павлу о кончинѣ его матери. Сенатъ и синодъ были въ сборѣ, и всѣ войска столицы подъ ружьемъ, въ ожиданіи манифеста. Графъ Безбородко, въ качествѣ старшаго изъ статсъ-секретарей, находился въ кабинетѣ покойной императрицы, прочіе же статсъ-секретари и высшіе чины двора собрались во дворцѣ въ ожиданіи прибытія великаго князя.

Вскорѣ вернулся графъ Зубовъ съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи Павла. Площадь передъ дворцомъ была переполнена народомъ, и около полуночи прибылъ великій князь. Въ теченіе ночи былъ составленъ манифестъ, въ которомъ оповѣщалось, для всеобщаго свѣдѣнія, о кончинѣ императрицы Екатерины ІІ и о вступленіи на престолъ императора Павла І. Актъ этотъ былъ также прочитанъ въ сенатѣ и была принесена обычная присяга.

Нельзя выразить словами ту скорбь, которую испытываль каждый офицеръ и солдать конной гвардіи, когда въ нашемъ полку прочтенъ быль этотъ манифестъ. Весь полкъ буквально былъ въ слезахъ, многіе рыдали, словно потеряли близкаго родственника или лучшаго друга. То же самое происходило и въ другихъ полкахъ, и такимъ же образомъ выразилась и всеобщая печаль народа въ приходскихъ церквахъ.

Рано утромъ 7 (19) ноября нашъ командиръ, майоръ ¹) Васильчиковъ, отдалъ приказъ, чтобы на слъдующее утро всъ офицеры явились на парадъ передъ Зимнимъ двор-

¹⁾ Въроятно, ошибка въ англійскомъ тексть. При восшествін на престоль императора Павла, конной гвардіей командоваль генералъмайоръ Григорій Алексъевичь Васильчиковъ, который въ слъдующемъ 1797 году произведень въ генералъ-лейтенанты.

цомъ; назначенный же туда караулъ отъ нашего полка былъ осмотрѣнъ нашимъ майоромъ самымъ тщательнымъ образомъ. Между тѣмъ, въ теченіе ночи выпалъ глубокійснѣгъ, а къ утру настала оттепель и пошелъ мелкій дождь, и всѣмъ намъ было крайне непріятно идти вслѣдъ за нашимъ коннымъ отрядомъ отъ казармъ до дворца, около трехъ англійскихъ миль, въ лучшихъ нашихъ мундирахъ, синихъ съ золотомъ, въ парадныхъ шляпахъ съ дорогимъ плюмажемъ, увязая въ глубокомъ снѣгу, лежавшемъ по дорогѣ.

Это не было хорошимъ предзнаменованіемъ для новаго царствованія и новаго порядка вещей. Едва мы дошли до Дворцовой площади, такъ уже намъ сообщено было множество новыхъ распоряженій. Начать съ того, что отныні ни одинъ офицеръ, ни подъ какимъ предлогомъ, не имътъ права являться куда бы то ни было иначе, какъ въ мундиръ; а надо замътить, что наша форма была очень нарядна, дорога и неудобна для постояннаго ношенія. Далье намъ сообщили, что офицерамъ вообще воспрещено вздить въ закрытыхъ экипажахъ, а дозволяется только бадить верхомъ или въ саняхъ, или въ дрожкахъ. Кромъ того, былъ изданъ рядъ полицейскихъ распоряженій, предписывавшихъ всёмъ обывателямъ носить пудру, косичку или гарбейтель и запрещавшихъ ношеніе круглыхъ шляпъ, сапогъ съ отворотами, длинныхъ панталонъ, а также завязокъ на башмакахъ и чулкахъ, вмъсто которыхъ предписывалось носить пряжки. Волосы должны были зачесываться назадъ, а отнюдь не на лобъ; экипажамъ и пѣшеходамъ велѣно было останавливаться при встрѣчѣ съ высочайшими особами, и тв, кто сидвли въ экипажахъ, должны были выходить изъ оныхъ, дабы отдать поклонъ августъйшимъ лицамъ. Утромъ 8 (20) ноября 1796 года, значительно ранте 9-ти часовъ утра, усердная столичная полиція успѣла уже обнародовать всѣ эти правила.

Мы также услышали о курьезныхъ вещахъ, происшедшихъ во дворцѣ съ прибытіемъ новаго императора. Говорили, что онъ, вмѣстѣ съ графомъ Безбородкой 1), дѣятельно занимался сожженіемъ бумагъ и документовъ въ кабинетѣ покойной императрицы; что императоръ имѣетъ видъ очень сумрачный и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія своихъ собственныхъ войскъ изъ Гатчины. Естественно, что всѣ эти слухи не могли намъ быть пріятны, особенно послѣ счастливаго времени, проведеннаго нами при Екатеринѣ, царствованіе которой отличалось милостивой снисходительностью ко всему, что только не носило характеръ преступленія.

Но воть пробило, наконецъ, десять часовъ и началась ужасная сутолока. Появились новыя лица, новые сановники. Но какъ они были одёты! Не взирая на всю нашу печаль по императрицѣ, мы едва могли удержаться отъ смѣха, настолько все нами видѣнное напоминало намъ шутовской маскарадъ. Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи появились въ своихъ гатчинскихъ мундирахъ, напоминая собою старинные портреты прусскихъ офицеровъ, выскочившіе изъ своихъ рамокъ.

Ровно въ 11 часовъ вышелъ самъ императоръ въ Преображенскомъ мундирѣ новаго покроя. Онъ кланялся, отдувался и пыхтѣлъ, пока проходила мимо него гвардія,
пожимая плечами и головою въ знакъ неудовольствія. Послѣ этого онъ велѣлъ подать свою лошадь «Помпона». Въ
то же время ему доложили, что гатчинская «армія» приближается къ заставѣ, и его величество тотчасъ поскакалъ ей навстрѣчу. Приблизительно черезъ часъ императоръ вернулся во главѣ этихъ войскъ. Самъ онъ ѣхалъ
передъ тѣмъ гатчинскимъ отрядомъ, который ему угодно

¹⁾ Князь Александръ Андреевичъ Безбородко, 1747—1799. При воцареніи императора Павла пожалованъ д'яйствительнымъ тайнымъ сов'ятникомъ І класса; 5-го апр'яля 1797 года, въ день коронованія императора, пожалованъ св'ятл'яйшимъ княземъ и вскор'я назначенъ канцлеромъ. Умеръ холостымъ, оставивъ все свое состояніе брату Ильт Андреевичу, который и основалъ въ Н'яжинт лицей князя Безбородки, въ память канцлера.

было называть «Преображенцами»; великіе князья Александръ и Константинъ также таки во главт таки называемыхъ «Семеновскаго» и «Измайловскаго» полковъ. Императоръ былъ въ востортт отъ этихъ войскъ и выставлялъ ихъ передъ нами, какъ образцы совершенства, которымъ мы должны подражать слтпо. Ихъ знаменамъ была отдана честь обычнымъ образомъ, послт чего ихъ отнесли во дворецъ, сами же гатчинскія войска, въ качествт представителей соотвтттвующихъ гвардейскихъ полковъ, были включены въ нихъ и размѣщены по ихъ казармамъ.

Такъ закончилось утро перваго дня новаго царствованія Павла Перваго.

Мы всв вернулись домой, получивъ строгое приказаніе не оставлять своихъ казармъ, и вскорѣ затѣмъ новые пришлецы изъ гатчинскаго гарнизона были представлены намъ. Но что это были за офицеры! Что за странныя лица! Какія манеры! И какъ странно они говорили! Это были по большей части малороссы. Легко представить себѣ впечатлѣніе, которое произвели эти грубые бурбоны на общество, состоявшее изъ ста тридцати двухъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ семьямъ русскаго дворянства. Всѣ новые порядки и новые мундиры подверглись строгой критикѣ и почти всеобщему осужденію. Вскорѣ, однако, мы убѣдились, что о каждомъ словѣ, произнесенномъ нами, доносилось куда слѣдуетъ. Какая грустная перемѣна для полка, который издавна славился своею порядочностью, товариществомъ и единодушіємъ!

Мы получили приказаніе обмундироваться какъ можно скор'є согласно новымъ предписаніямъ. Новый походный мундиръ былъ коричневаго цвѣта, а вицъ-мундиръ кир-пичнаго цвѣта и квакерскаго покроя. Мнѣ удалось достать этого сукна и сшить себѣ вицъ-мундиръ, и на другое утро я явился въ новой формѣ гатчинцевъ à s'y méprendre, вслѣдствіе чего командиръ немедленно назначилъ меня въ этотъ день въ караулъ. Будучи, какъ я уже упомянулъ,

хорошо знакомъ съ прусскою выправкою, я усвоилъ себъ съ большою легкостью первые уроки нашихъ гатчинскихъ наставниковъ, а въ одиннадцать часовъ, во время парада, такъ отличился, что императоръ подъбхалъ ко мнѣ, чтобы меня похвалить и, проходя нѣсколько разъ въ теченіе дня мимо моего караула во дворцѣ, онъ всегда останавливался, чтобы заговорить со мною.

Никогда не забуду я этого дня и ночи, проведенныхъ мною въ караулѣ во дворцѣ. Что эта была за суета, что за бътотня вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ! Какіе странные костюмы! Какіе противор'вчивые слухи! Императорское семейство то входило въ комнату, въ которой лежало тёло покойной императрицы, то выходило изъ оной. Одни плакали и рыдали о понесенной потеръ, другіе самонадъянно улыбались въ ожиданіи получить хорошія мъста. Я долженъ, однакоже, признаться, что число последнихъ было невелико. Императоръ, какъ говорятъ, еще былъ занять разборомь и уничтоженіемь бумагь съ графомъ Безбородкой. Ходили также слухи, что за графомъ Алексвемъ Орловымъ былъ посланъ нарочный, что, вследъ за обнародованіемъ церемоніала о погребеніи императрицы, тёло Петра III, находящееся въ Невской лавре, будетъ вынуто изъ могилы, перенесено во дворецъ и поставлено рядомъ съ тёломъ Екатерины.

Для того, чтобы понять причины, побудившія императора Павла сдёлать такое распоряженіе, надо вспомнить что Петръ III, желая вступить въ бракъ съ своею любовницей, графиней Воронцовой, нам вревался объявить императрицу Екатерину виновною въ прелюбод вній и сына ея Павла незаконнымъ. Съ этою цёлью мать и сынъ должны были быть заключены въ Шлиссельбургскую кр впость на всю жизнь. Объ этомъ уже былъ заготовленъ манифестъ, и только наканун его обнародованія и арестованія матери и сына начался переворотъ. Слёдствіемъ этого событія было, какъ изв встно, провозглашеніе Екатерины царствующею императрицею и публичное отреченіе

Петра III отъ престола, о чемъ имъ былъ подписанъ формальный документъ. Послѣ этого Петръ III удалился въ Роппу, гдѣ и умеръ спустя шесть дней, по мнѣнію однихъ— вслѣдствіе геморроидальныхъ припадковъ, по мнѣнію же другихъ—онъ былъ задушенъ въ кровати. Тѣло его было торжественно выставлено для публики въ теченіе шести дней, но такъ какъ онъ ранѣе отрекся отъ престола и умеръ уже не царствующимъ императоромъ, то и былъ погребенъ въ Невскомъ монастырѣ, а не въ Петропавловскомъ соборѣ, который служитъ усыпальницею русскихъ императоровъ, начиная отъ Петра Великаго.

Всв эти событія засвидѣтельствованы документами, хранящимися въ архивахъ, и были хорошо извѣстны многимъ лицамъ, въ то время еще живымъ, которыя были ихъ очевидцами. Поэтому императоръ Павелъ считалъ полезнымъ перенести прахъ отца изъ Невской лавры въ Петропавловскій соборъ, желая этимъ положить предѣлъ слухамъ, которые ходили на его счетъ, а такъ какъ графъ Алексѣй Орловъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ переворотѣ, совершенномъ въ пользу Екатерины, то ему повелѣно было прибыть въ Петербургъ для участія въ погребальномъ шествіи.

Многіе увѣряли, будто бы причина вызова Орлова заключалась въ томъ, что онъ былъ предполагаемымъ убійцей Петра III; но это несправедливо. Если уже были виновники этого злодѣянія, то это должны были быть Пассекъ и князь Өедоръ Барятинскій 1), подъ охраной которыхъ Петръ III былъ оставленъ въ Ропшѣ. Во всякомъ случаѣ, это не былъ Орловъ, такъ какъ его даже не было въ комнатѣ во время смерти императора. По тому способу, которымъ Павелъ обошелся съ Алексѣемъ Орловымъ и говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ во время похоронной церемоніи (чему я самъ былъ очевидцемъ), я убѣжденъ,

¹⁾ Барятинскій, кн. Өед. Серг. 1742 † 1813; оберъ-гофмаршаль при Екатеринъ II.

что императоръ не считалъ его лично виновникомъ убійства, хотя онъ, конечно, смотрѣлъ на него, какъ на одного изъ главныхъ, оставшихся въ живыхъ, дѣятелей переворота, воззедшаго на престолъ Екатерину и спасшаго ее и самого Павла отъ пожизненнаго заключенія въ Шлиссельбургѣ, гдѣ еще донынѣ можно видѣть приготовленное для нихъ помѣщеніе.

Въ эпоху кончины Екатерины и вступленія на престоль Павла Петербургъ быль, несомнѣнно, одной изъ красивѣйшихъ столицъ въ Европѣ, исключая, быть можетъ, Парижа и Лондона, которыхъ я въ то время не видалъ и потому не могъ судить о нихъ. Какъ по внѣшнему великолѣпію, такъ и по внутренней роскоши и изяществу ничто не могло сравняться съ Петербургомъ въ 1796 году—таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе всѣхъ знаменитыхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Россію, и которые проводили тамъ многіе мѣсяцы, очарованные русскою веселостью, радушіемъ, гостепріимствомъ и общительностью, которыя Екатерина съ особеннымъ умѣніемъ проявляла во всей имперіи.

Внезапная перемъна, происшедшая съ внъшней стоэтой столицъ въ теченіе нъсколькихъ дней, просто нев вроятна. Такъ какъ полицейскія м вропріятія должны были исполняться со всевозможной поспѣшностью, то метаморфоза совершилась чрезвычайно быстро, и Петербургъ пересталъ быть похожимъ на современную столицу, принявъ скучный видъ маленькаго немецкаго города XVII столътія. Къ несчастію, перемъна эта не ограничилась одною внѣшнею стороною города: не только экипажи, платья, шляпы, сапоги и прическа подчинены были регламенту, самый духъ жителей былъ подверженъ угнетенію. Это проявленіе деспотизма, выразившееся въ самыхъ повседневныхъ, банальныхъ обстоятельствахъ, сдёлалось особенно тягостнымъ въ виду того, что оно явилось продолженіемъ эпохи, ознаменованной сравнительно широкой личной свободой.

Всеобщее неудовольствие стало высказываться въ разговорахъ, въ семьяхъ, среди друзей и знакомыхъ и приняло характеръ злобы дня. Чёмъ болёе, однако, оно проявлялось, тёмъ энергичнёе становилась дёятельность тайной полиціи. Офицеры нашего полка, который, какт я уже упомянулъ, пользовался столь высокой репутаціей порядочности и благородства, сдълались предметомъ особаго наблюденія и мал'єйшая ошибка во время парада наказывалась арестомъ. Въ царствование Екатерины арестъ, какъ мъра наказанія для офицера, примънялся только въ исключительныхъ, серьезныхъ случаяхъ, такъ какъ онъ влекъ за собою военный судъ (court martial), и офицеръ, который былъ арестованъ въ наказаніе, обыкновенно, долженъ былъ выходить изъ полка. Таковъ былъ point d'honпеиг въ Екатерининское время. Не то было теперь, когда Павелъ всюду ввелъ гатчинскую дисциплину. Онъ смотрълъ на арестъ, какъ на пустякъ, и примънялъ его ко всёмъ слоямъ общества, не исключая даже женщинъ. Малъйшее нарушение полицейскихъ распоряжений вызывало аресть при одной изъ военныхъ гауптвахтъ, вслъдствіе чего послъднія зачастую бывали совершенно переполнены.

Наши офицеры, однакоже, не были расположены сносить подобное обращеніе, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль шестьдесятъ или семьдесятъ человѣкъ оставили полкъ. Обстоятельство это, естественно, чрезвычайно ускорило, производство, а такъ какъ, благодаря счастливой случайности, я попалъ подъ арестъ всего одинъ разъ, и то вмѣстѣ съ девятью другими полковниками, послѣ маневровъ 1799 года, то я не только остался въ полку, но даже вскорѣ значительно повысился.

Упомянувъ о предосудительной и смѣшной сторонѣ тогдашней правительственной системы, необходимо, однако, указать и на нѣкоторыя похвальныя мѣры, принятыя для благоденствія народа. Спустя нѣсколько дней послѣ вступленія Павла на престолъ, во дворцѣ было устроено об-

ширное окно, въ которое всякій им'яль право опустить свое прошеніе на имя императора. Оно пом'вщалось въ нижнемъ этажѣ дворца, подъ однимъ изъ коридоровъ, и Павелъ самъ хранилъ у себя ключь отъ комнаты, въ которой находилось это окно. Каждое утро, въ седьмомъ часу, императоръ отправлялся туда, собиралъ прошенія, собственноручно ихъ помъчалъ и затъмъ прочитывалъ ихъ или заставляль одного изъ своихъ статсъ-секретарей прочитывать себъ вслухъ. Резолюціи или отвъты на эти прошенія всегда были написаны имъ лично или скрѣплены его подписью и затёмъ публиковались въ газетахъ для объявленія просителю. Все это д'влалось быстро и безъ замедленія. Бывали случаи, что просителю предлагалось обратиться въ какое-нибудь судебное мѣсто или иное вѣдомство и затъмъ извъстить его величество о результатъ этого обращенія.

Этимъ путемъ обнаружились многія вопіющія несправедливости, и въ таковыхъ случаяхъ Павелъ былъ непреклоненъ. Никакія личныя или сословныя соображенія не могли спасти виновнаго отъ наказанія, и остается только сожалѣть, что его величество иногда дѣйствовалъ слишкомъ стремительно и не предоставлялъ наказанія самимъ законамъ, которые покарали бы виновнаго гораздо строже, чѣмъ это дѣлалъ императоръ, а между тѣмъ онъ не подвергался бы зачастую тѣмъ нареканіямъ, которыя влечетъ за собою личная расправа.

Не припомню теперь въ точности, какое преступленіе совершилъ нѣкто князь Сибирскій ¹), человѣкъ высоко-поставленный, сенаторъ, пользовавшійся благосклонностью императора. Если не ошибаюсь, это было лихоимство. Проступокъ его, каковъ бы онъ ни былъ, обнаружился черезъ прошеніе, поданное государю вышеописаннымъ способомъ, и князь Сибирскій былъ преданъ уголовному суду, приговоренъ къ разжалованію и къ пожизненной ссылкъ

¹⁾ Кн. Васил. Өедөр. Сибирскій, ген.-лейт., сенаторъ; 1761 + 1808.

въ Сибирь. Императоръ немедленно же утвердилъ этотъ приговоръ, который и былъ приведенъ въ исполненіе, причемъ князь Сибирскій, какъ преступникъ, публично былъ вывезенъ изъ Петербурга, черезъ Москву, къ великому ужасу тамошней знати, среди которой у него было много родственниковъ. Этотъ публичный актъ справедливости очень встревожилъ высшее чиновничество, но произвелъ весьма благопріятное впечатлініе на общество.

Будучи весьма строгъ относительно всего, что касалось государственной экономіи, и стремясь облегчить тягости, лежащія на народів, императоръ Павель быль, несмотря на это, весьма щедръ при раздачѣ пенсій и наградъ за заслуги, причемъ въ этихъ случаяхъ отличался истинно царскою милостью. Во время коронаціи въ Москвъ онъ роздалъ многія тысячи государственныхъ крестьянъ важнъйшимъ сановникамъ государства и всъмъ лицамъ, служившимъ ему въ Гатчинъ, такъ что многіе изъ нихъ сдѣлались богачами. Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливве подъ управленіемъ частныхъ владёльцевъ, чёмъ тёхъ лицъ, которыя, обыкновенно, назначаются для зав'ядыванія государственными имуществами. Несомнънно и то, сами крестьяне считали милостью и преимуществомъ переходъ въ частное владъніе. Моему отцу пожаловано прекрасное имъніе, съ пятью стами душъ крестьянъ, въ Тамбовской губерніи, и я очень хорошо помню удовольствіе, выраженное по этому поводу депутаціей отъ крестьянъ этого имънія.

Прежде чёмъ продолжать мой разсказъ, необходимо ознакомить читателя съ главнёйшими лицами, вывезенными Павломъ изъ Гатчины, а также съ нёкоторыми другими, которыхъ онъ собралъ вокругъ себя въ Петербурге и которыя играли видную роль до самой его смерти.

Раньше всёхъ слёдуетъ упомянуть объ Иван В Павловичѣ Кутайсовѣ 1), турченкѣ, взятомъ въ плѣнъ въ Кутансв и котораго Павелъ, будучи великимъ княземъ, принялъ подъ свое покровительство, велёлъ воспитать на свой счеть и обучить бритью. Онъ впоследствіи сдёлался императорскимъ брадобреемъ и, въ качествъ такового, ежедневно имълъ въ рукахъ императорскій подбородокъ и горло, что, разумфется, давало ему положение довъреннаго слуги. Это былъ чрезвычайно смышленый человъкъ, обладавшій особенною проницательностью въ угадываніи слабостей своего господина. Надо, однако, сознаться, что онь, по возможности, всегда старался улаживать все къ лучшему, предупреждая тёхъ, которые являлись къ императору, о настроеніи духа своего господина. Съ теченіемъ времени онъ сдёлался дов'вреннымъ лицомъ любовницы Павла, составилъ себъ большое состояние и былъ сдъланъ графомъ. Когда въ 1798 году Павелъ получилъ титулъ гросмейстера мальтійскаго ордена, Кутайсовъ былъ возведенъ въ званіе оберъ-шталмейстера ордена. Надо сказать, что графъ всегда былъ готовъ всёмъ помогать и никогда не дёлалъ никому зла. Графиня, его жена, была очень веселая и остроумная женщина и также обладала значительнымъ состояніемъ. У нихъ было два сына, изъкоихъ одинъ былъ сенаторомъ 2), а другой, отличный артиллерійскій генераль, быль убить подъ Бородинымъ 3).

Самъ графъ Кутайсовъ былъ тоже любитель похожденій, и пока Павелъ, какъ гросмейстеръ мальтійскаго ордена, имѣлъ свои любовныя похожденія, его оберъ-шталмейстеръ также не отставалъ отъ своего господина. Они

¹⁾ Гр. Ив. Пав. Кутайсовъ, оберъ-гофмейстеръ имп. Павла I; † 9-го января 1834.

²) Графъ Пав. Ив. Кутайсовъ, гофмейстеръ и сенаторъ; род. 1789 † 1840.

³⁾ Графъ Ал-дръ Ив. Кутайсовъ, генералъ-майоръ; 1784 † 1812. Убитъ, въ должности начальника артиллеріи 1-й арміи, въ Бородинскомъ сраженіи.

обыкновенно отправлялись вдвоемъ на эти свиданія, якобы сохраняя incognito. Лакеи и кучеръ были одѣты въ красныя ливреи (цвѣтъ ордена) и было строго приказано полиціей не узнавать государя.

Слѣдующее за Кутайсовымъ мѣсто, по старшинству, среди гатчинцевъ, занималъ адмиралъ Кушелевъ ¹), человѣкъ въ высшей степени полезный, поддерживавшій расположеніе императора къ флоту.

Другой честный, услужливый, добрый и благочестивый человъкъ быль генераль-майоръ Обольяниновъ 2), сдъланный генералъ-адъютантомъ при восшествіи на престолъ Павла. Въ теченіе своей жизни этотъ человъкъ много сдёлаль для того, чтобы смягчать послёдствія вспыльчивости и строгости Павла. Въ концѣ его царствованія онъ былъ сдёланъ генералъ-прокуроромъ сената и въ этой должности много старался о томъ, чтобы возстановить безпристрастіе въ судахъ. Павелъ любилъ и уважалъ его до такой степени, что никогда не п дозрѣвалъ людей близкихъ съ Обольяниновымъ, который и самъ ни въ комъ не подозрѣвалъ никогда ничего дурного. Это всѣмъ извѣстное обстоятельство сдёлало впослёдствіи его домъ сборнымъ пунктомъ всвхъ твхъ, которые приняли участіе въ заговорѣ противъ Павла. Странно сказать, что я, будучи въ большой милости у Обольянинова, ни разу не былъ ни на одномъ изъ его вечеровъ, хотя мой отецъ бывалъ тутъ почти каждый вечеръ, чтобы играть съ нимъ въ вистъ. Этотъ прекрасный человъкъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что когда, послѣ смерти Павла, онъ удалился въ Москву, то былъ избранъ тамъ губернскимъ предводителемъ дворянства и занималъ эту почетную должность до конца своей жизни.

¹⁾ Графъ Григ. Григ. Кушелевъ, адмиралъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи Род. 1750 + 1833.

²) Петръ Хрисанф. Обольяниновъ, генералъ-прокуроръ при Павлѣ I. Род. 1752 † 1841.

Императрица Марія Өедоровна. Съ гравюры Клаубера 1801 года.

Я уже упомянуль о барон в Николаи, который до самой смерти Павла оставался его статсъ-секретаремъ, библіотекаремъ и хранителемъ его кабинета. Мой дядя Плещеевъ также остался при император в, но умеръ отъ чахотки въ Монпелье. Генералъ Донауровъ 1) также былъ незначительнымъ гатчинскимъ морякомъ, и то же самое можно сказать и о полковник в Кологривов в 2), добродушномъ гусар в и порядочномъ фронтовик в, главнымъ образомъ, замъчательномъ тъмъ, что у него была очень красивая жена, не слишкомъ жестокая къ своимъ многочисленнымъ поклонникамъ. Она заставляла своего мужа держать ради этихъ господъ весьма оживленный и веселый домъ.

Полковникъ конной артиллеріи Котлубицкій ³) былъ также гатчинецъ и часто рисковалъ своимъ положеніемъ и милостью къ себѣ Павла, спасая отъ наказаній молодыхъ офицеровъ. Я знаю это изъ личнаго опыта.

Изъ числа новыхъ дъйствующихъ лицъ, выступившихъ на сцену, слъдуетъ также упомянуть о двухъ великихъ князьяхъ, Александръ и Константинъ. Александръ былъ назначенъ шефомъ Семеновскаго, а Константинъ Измайловскаго полка. Александръ, кромъ того, былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Ему были подчинены военный комендантъ города, комендантъ кръпости и петербургскій оберъ-полицеймейстеръ. Каждое утро, въ семь часовъ, и каждый вечеръ—въ восемь, великій князь подавалъ императору рапортъ. При этомъ необходимо было отдавать отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ, относящихся до гарнизона, до всъхъ карауловъ города, до конныхъ патрулей, разъъзжавшихъ въ немъ и его окрестностяхъ, и за малъйшую ошибку давался строгій выговоръ.

¹⁾ Донауровъ, Мих. Ив., секретарь императора Павла. Род. 1758 † 1818.

²) Кологривовъ, Андрей Семеновичъ. Род. 1774 † 1825.

³⁾ Котлубицкій, Николай Осиповичъ, генераль-лейтенанть, быль генераль-адъютантомъ и довёреннымъ лицомъ императора Павла I. Скончался въ 1849 г.

Великій князь Александръ быль еще молодъ и характеръ его быль робокъ; кромѣ того, онъ былъ близорукъ и немного глухъ; изъ сказаннаго можно заключить, что эта должность не была синекурою и стоила Александру многихъ безсонныхъ ночей. Оба великіе князя смертельно боялись своего отца и, когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, они блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ. При этомъ они всегда искали покровительства у другихъ вмѣсто того, чтобы имѣть возможность сами его оказывать, какъ это можно было ожидать, судя по высокому ихъ положенію. Вотъ почему они внушали мало уваженія и были непопулярны.

Два князя Чарторыйскіе, Адамъ и Константинъ, были назначены адъютантами къ великимъ князьямъ, первый — къ Александру, второй — къ Константину. Это возбудило много толковъ, которые кончились тѣмъ, что оба князя испросили себѣ увольненіе отъ должности.

Какъ я уже сказалъ выше, много полковниковъ, майоровъ и другихъ офицеровъ были включены въ составъ гвардейскихъ полковъ и такъ какъ всв они были лично извъстны императору и имъли связи съ придворнымъ штатомъ, то многіе изъ нихъ имъли доступъ къ императору, и заднее крыльцо дворца было для нихъ открыто. Влагодаря этому, мы, естественно, были сильно вооружены противъ этихъ господъ, тъмъ болъе, что вскоръ мы узнали, что они занимались доносами и передавали все до малъйшаго вырвавшагося слова.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ, именъ которыхъ не стоитъ и упоминать, особеннаго вниманія, однако, заслуживаетъ одна личность, игравшая впослѣдствіи весьма важную роль. Это былъ полковникъ гатчинской артиллеріи Аракчеевъ 1), имя котораго, какъ страшилища Павловской и особенно

¹⁾ Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ. Впослѣдствіи любимецъ Александра I. Членъ госуд. совѣта и андреевскій кавалеръ. Род. 1760 † 1834.

Александровской эпохи, несомнѣнно, попадетъ въ исторію. По наружности Аракчеевъ походилъ на большую обезьяну въ мундиръ. Онъ былъ высокаго роста, худощавъ и мускулисть, съ виду сутуловать, съ длинной тонкой шеей, на которой можно было бы изучать анатомію жиль и мускуловъ и тому подобное. Въ довершение того, онъ какъ-то особенно смарщивалъ подбородокъ, двигая имъ какъ бы въ судорогахъ. Уши у него были большія, мясистыя; толстая безобразная голова, всегда нѣсколько склоненная на бокъ. Цвътъ лица былъ у него земляной, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, большой ротъ и нависшій лобъ. Чтобы закончить его портретъ, скажу, что глаза были у него впалые, стрые и вся физіономія его представляла страшную смёсь ума и злости. Будучи сыномъ мелкопомъстнаго дворянина, онъ поступилъ каартиллерійское училище, гдѣ онъ до того способностями и прилежаніемъ, что вскоръ былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ преподавателемъ геометріи. Но въ этой должности онъ явиль себя такимъ тираномъ и такъ жестоко обращался съ кадетами, что его перевели въ артиллерійскій полкъ, часть котораго, вмёстё съ Аракчеевымъ, попала въ Гатчину.

Въ Гатчинъ Аракчеевъ вскоръ обратилъ на себя вниманіе Павла и, благодаря своему уму, строгости и неутомимой дъятельности, сдълался самымъ необходимымъ человъкомъ въ гарнизонъ, страшилищемъ всъхъ живущихъ въ Гатчинъ и пріобрълъ неограниченное довъріе великаго князя. Надо сказать правду, что онъ былъ искренно преданъ Павлу, чрезвычайно усерденъ къ службъ и заботился о личной безопасности императора. У него былъ большой организаторскій талантъ и во всякое дъло онъ вносилъ строгій методъ и порядокъ, которые онъ старался поддерживать строгостью, доходившею до тиранства. Таковъ былъ Аракчеевъ. При вступленіи на престолъ императора Павла онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры,

сдъланъ шефомъ Преображенскаго полка и назначенъ петербургскимъ комендантомъ. Такъ какъ онъ прежде служилъ въ артиллеріи, то онъ сохранилъ большое вліяніе на этотъ родъ оружія и, наконецъ, былъ назначенъ начальникомъ всей артиллеріи, въ каковой должности оказалъ большія услуги государству.

Характеръ его былъ настолько вспыльчивъ и деспотиченъ, что молодая особа, на которой онъ женился, находя невозможнымъ жить съ такимъ человѣкомъ, оставила его домъ и вернулась къ своей матери. Замѣчательно, что люди жестокіе и мстительные обыкновенно трусы и боятся смерти. Аракчеевъ не былъ исключеніемъ изъ этого числа: онъ окружилъ себя стражею, рѣдко спалъ двѣ ночи кряду въ одной и той же кровати, обѣдъ его готовился въ особой кухнѣ довѣренною кухаркою (она же была его любовницею), и когда онъ обѣдалъ дома, его докторъ долженъ былъ пробовать всякое кушанье и то же дѣлалось за завтракомъ и ужиномъ.

Этотъ жестокій и суровый челов'єкъ былъ совершенно неспособенъ на нъжную страсть, но въ то же время вель жизнь крайне развратную. Тёмъ не менёе, у Аракчеева было два большихъ достоинства. Онъ былъ, дъйствительно, безпристрастенъ въ исполненіи суда и крайне бережливъ на казенныя деньги. Въ царствованіе Павла Аракчеевъ былъ, несомнънно, изъ тъхъ людей, которые возбудили неудовольствіе общественнаго мнінія противъ правительства; но императоръ Павелъ, по природъ человъкъ великодушный, проницательный и умный, сдерживалъ гости Аракчеева и, наконецъ, удалилъ его. Но когда, послъ смерти Павла, императоръ Александръ снова призвалъ его на службу и далъ его вліянію распространиться на всв отрасли управленія, причемъ онъ на ділів сділался первымъ министромъ, тогда Аракчеевъ по истинъ сталъ бичомъ всего государства и довелъ Александра до того шаткаго положенія, въ которомъ онъ находился въ минуту своей смерти въ Таганрогъ и которое разръшилось бунтомъ, вспыхнувшимъ при вступленіи на престолъ императора Николая, первою мѣрою котораго для успокоенія умовъ было увольненіе и удаленіе графа Аракчеева.

Изъ остальныхъ правительственныхъ лицъ этого царствованія я упомяну еще о граф' Ростопчин і 1), бывшемъ въ 1812 году московскимъ генералъ-губернаторомъ, человъкъ весьма даровитомъ и энергичномъ, но при этомъ насмѣшливомъ и ѣдкомъ. Онъ былъ генералъ-адъютантомъ и, на короткое время, министромъ иностранныхъ дёлъ. Ту же должность некоторое время занималь и графъ Паленъ, человъкъ также чрезвычайно талантливый и благородный, но холодный и крайне гордый. Адмиралъ Рибасъ 2), родомъ мальтіецъ, отличался въ турецкихъ войнахъ при Екатеринъ вмъстъ съ Паленомъ и адмираломъ Литтою. Это быль человъкъ чрезвычайно хитрый, предпріимчивый и ловкій. Закончу этотъ списокъ генераломъ Нелидовымъ 3), родственникомъ вышеназванной Екатерины Ивановны Нелидовой, прекраснымъ молодымъ человъкомъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ на императора и который вмъсть съ своею родственницей прилагалъ всъ свои старанія, дабы смягчать невзгоды этого времени, обращать царскую милость на людей достойныхъ и облегчать участь тёхъ, которые подверглись опалъ.

А теперь перехожу къ женскому персоналу двора императора Павла.

Я уже упоминалъ о томъ положеніи, которое занимала при дворѣ баронесса, впослѣдствіи графиня и позже княгиня Ливенъ ⁴). Она была воспитательницей великихъ кня-

¹⁾ Ростопчинъ, графъ Өед. Васильевичъ. Род. 1763 † 1826.

²) Рибасъ, Осипъ Михайловичъ. Род. 1750 + 1800. Вице-адмиралъ. Былъ генералъ-кригсъ-ком., кав. Александра Невскаго и Георгія.

³) Нелидовъ, Аркадій Ивановичъ. Генералъ-адъютантъ Павла I. Родной братъ фрейлины Екатерины Ивановны Нелидовой. Род. 1778 † 1828.

⁴⁾ Ливенъ, княгиня Шарлотта Карловна, рожд. баронесса фонъ-Поссе, 1743 † 1828. Она была избрана императрицей Екатериной II для воспитанія дітей великаго князя Павла Петровича. Отличаясь умомъ,

женъ, другомъ и довъреннымъ лицомъ императрицы и обладала рѣдкими душевными качествами и выдающимся умомъ. Ея красота, твердость и благородство заставили самого императора уважать ея мнтые. По ея рекомендаціи двѣ ея пріятельницы, графиня Паленъ 1) и г-жа фонъ Ренке, получили должность статсъ-дамъ при великихъ княгиняхъ Елисаветъ Алексъевнъ (супругъ Александра) и Анн'в Өеодоровн'в (супруг'в Константина). Зд'всь кстати замъчу, что мужъ первой изъ этихъ дамъ, графъ Паленъ, быль вызвань въ Петербургъ, назначенъ командиромъ конной гвардіи и инспекторомъ тяжелой кавалеріи. Впослёдствіи онъ былъ сдёланъ военнымъ губернаторомъ Петербурга, управляющимъ иностранными дълами и почтовымъ въдомствомъ, вслъдствіе чего въ его рукахъ находились ключи отъ всёхъ государственныхъ тайнъ, такъ что въ столицъ никто не могъ предпринять чего-либо безъ его въдома.

Такъ какъ читатель уже ознакомленъ съ необыкновеннымъ характеромъ этой эпохи, а также съ большинствомъ изъ главнъйшихъ дъятелей тогдашняго времени, то я вернусь теперь къ моему повъствованію и буду излагать въ хронологическомъ порядкъ событія кратковременнаго царствованія императора Павла.

II.

Въ своемъ разсказъ я изобразилъ императора Павла человъкомъ глубоко религіознымъ, исполненнымъ истиннаго благочестія и страха Божія. И, дъйствительно, это

сердечной добротой и благороднымъ, твердымъ характеромъ, Ливенъ скоро пріобрѣла любовь и довѣріе всей царственной семьи. Екатерина пожаловала её статсъ-дамой, императоръ Павелъ орденомъ св. Екатерины перваго класса, 1,500 душъ крестьянъ и графскимъ достоинствомъ; при императорѣ Александрѣ I она награждена портретомъ государя для ношенія на шеѣ, а при императорѣ Николаѣ I возведена въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости. По ея кончинѣ при дворѣ былъ наложенъ трауръ на три дня.

¹⁾ Графиня Юліана Паленъ, рожденная баронесса Шёппингъ, супруга графа Петра Алексъевича фонъ-деръ-Палена.

быль челов'вкъ въ душ'в вполн'в доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды и повиниться въ своихъ ошибкахъ. Онъ высоко цвнилъ правду, ненавидвлъ ложь и обманъ, заботился о правосудіи и безпощадно преслідовалъ всякія злоупотребленія, въ особенности же лихоимство и взяточничество. Къ несчастію, всё эти похвальныя и добрыя качества оставались совершенно безполезными, какъ для него лично, такъ и для государства, благодаря его несдержанности, чрезвычайной раздражительности, неразумной и нетери вливой требовательности безпрекословнаго повиновенія. Мал'єйшее колебаніе при исполненіи его приказаній, малібішая неисправность по службі влекли за собою жестокій выговоръ и даже наказаніе безъ всякаго различія лицъ. На Павла нелегко было им'єть вліяніе, такъ какъ, почитая себя всегда правымъ, онъ съ особеннымъ упорствомъ держался своего мнѣнія и ни за что не хотыть отъ него отказаться. Онъ былъ чрезвычайно раздражителенъ и отъ малъйшаго противоръчія приходилъ въ такой гивъъ, что казался совершенно изступленнымъ. А между тёмъ онъ самъ вполнё сознавалъ это и впослёдствіи глубоко этимъ огорчался, сожалья собственную вспыльчивость; но, несмотря на это, онъ все-таки не имътъ достаточной силы воли, чтобы побъдить себя.

Стремительный характеръ Павла и его чрезмърная придирчивость и строгость къ военнымъ дълали эту службу весьма непріятною. Неръдко за ничтожные недосмотры и ощибки въ командъ офицеры прямо съ парада отсылались въ другіе полки и на весьма большія разстоянія. Это случалось настолько часто, что у насъ вошло въ обычай, будучи въ караулъ, класть за пазуху нъсколько сотъ рублей ассигнаціями, дабы не остаться безъ денегъ въ случать взаймы деньги своимъ товарищамъ, которые забыли принять эту предосторожность. Подобное обращеніе, естественно, держало офицеровъ въ постоянномъ страхт и безпокойствъ, благодаря чему многіе совстмъ оставляли службу и удалялись въ свои помъстья, другіе же переходили въ гражданскую службу. Благодаря этому, какъ я ужъ говорилъ, производство шло у насъ чрезвычайно быстро, особенно для тъхъ, которые имъли кръпкіе нервы. Я, напримъръ, подвигался очень скоро, такъ что изъ подпоручика конной гвардіи, какимъ я былъ въ 1796 году, во время восшествія на престолъ императора Павла, я въ іюнъ 1799 года уже былъ полковникомъ, миновавъ всв промежуточныя ступени. Изъ числа ста тридцати двухъ офицеровъ, бывшихъ въ Конномъ полку въ 1796 году, всего двое (я и еще одинъ) остались въ немъ до кончины Павла Петровича. То же самое, если еще не хуже, было и въ другихъ полкахъ, гдъ тиранія Аракчеева и другихъ гатчинцевъ менте сдерживалась, чтмъ у насъ. Легко себт представить положение тъхъ семействъ, сыновья которыхъ были офицерами въ эту эпоху: они, естественно, находились въ постоянномъ страхъ и тревогъ, опасаясь за своихъ близкихъ, такъ что можно, безъ преувеличенія, сказать, что въ царствование Павла I Петербургъ, Москва и даже вся Россія были погружены въ постоянное горе.

Несмотря на то, что аристократія тщательно скрывала свое недовольство, чувство это, однако, прорывалось иногда наружу, и во время коронаціи, въ Москвъ, императоръ не могъ этого не замътить. Зато низшіе классы, «милліоны», съ такимъ восторгомъ привътствовали государя, что Павелъ сталъ объяснять себъ холодность и видимую недоброжелательность со стороны дворянства — нравственной испорченностью и «якобинскими» наклонностями этого сословія. Что касается нравственной испорченности, то въ этомъ случав онъ былъ отчасти правъ, такъ какъ нервдко многіе изъ наиболье недовольныхъ, когда онъ обращался къ нимъ лично, отвъчали ему льстивыми словами и съ улыбкою на устахъ. Императоръ, благодаря честности и откровенности своего нрава, никогда не подозрѣвалъ въ этомъ двоедушія, тімъ болье, что онъ самъ часто говорилъ, что, «будучи всегда готовъ и радъ доставить законный судъ и полное удовлетвореніе всякому, кто считаль бы себя обойденнымъ или обиженнымъ, онъ не боится быть несправедливымъ».

Какъ примъръ странности характера Павла и его способа дъйствій, приведу слъдующій, мнъ хорошо извъстный случай, бывшій съ моимъ отцомъ.

Выше я уже говорилъ, что въ Екатерининское время русская армія им'вла мундиры св'єтло-зеленаго сукна, а флоть-бѣлаго, и что императоръ Павелъ оба эти цвѣта замвнилъ темно-зеленымъ, синеватаго оттвика, желая сдвлать его болже похожимъ на синій цвъть прусскихъ мундировъ. Краска эта приготовлялась изъ особыхъ минеральныхъ веществъ, которыя осъдали на дно котловъ, вслъдствіе чего было очень трудно сразу приготовить большое количество этого сукна одинаковаго оттънка. Между тъмъ въ извъстный день войска должны были явиться въ Гатчину на маневры и оказалось необходимымъ пріобрѣсти значительное количество этого сукна въ кускахъ. При этомъ произошла такая спъшка, что комиссаріатскій департаментъ не имълъ времени подобрать для каждой бригады и дивизіи сукно одного только оттънка, вслъдствіе чего во многихъ полкахъ оказалось нѣкоторое различіе въ цвътъ мундировъ.

Императоръ немедленно замѣтилъ этотъ недостатокъ, чрезвычайно разгнѣвался и тутъ же, приложивъ къ одному изъ образцовъ сукна собственноручную печать, велѣлъ послать мануфактуръ-коллегіи рескриптъ, въ которомъ повелѣвалось, чтобы впредь всѣ казенныя фабрики изготовляли сукно точно такого цвѣта, какъ этотъ образчикъ. Мой отецъ былъ въ это время вице-президентомъ мануфактуръ-коллегіи и въ дѣйствительности заправлялъ всѣми дѣлами этого вѣдомства, такъ какъ президентъ ея, князь Юсуповъ 1), никогда ничего не дѣлалъ. Зная моего отца,

¹⁾ Юсуповъ, кн. Николай Борисовичъ. Впослѣдствіи членъ госуд. совѣта. Род. 1751 † 1831.

императоръ приказалъ президенту военной коллегіи, генералъ-лейтенанту Ламбу ¹), поручить это дёло особому его вниманію. Въ виду этого, отецъ мой немедленно же написалъ всёмъ казеннымъ фабрикамъ циркуляръ, въ которомъ сообщалъ волю государя и требовалъ немедленнаго отвёта.

Отвѣты были получены почти одновременно и всѣ единогласно подтверждали, что, благодаря свойству самой краски, крашеное сукно, въ кускахъ, невозможно изготовить совершенно однороднаго цвѣта. Объ этомъ отецъ мой, съ своей стороны, увѣдомилъ генералъ-лейтенанта Ламба.

Надо сказать, что въ это время въ Петербургѣ свирѣпствовалъ родъ гриппа, который зачастую принималъ опасную форму, и отецъ мой какъ разъ захворалъ этой болѣзнью, и притомъ въ такой степени, что у него появился сильный жаръ и расположеніе къ бреду. Естественно, что ему былъ предписанъ безусловный покой.

Между тѣмъ генералъ Ламбъ отправился съ обычнымъ рапортомъ въ Гатчину, гдѣ въ то время жилъ государь, и, по пріѣздѣ своемъ, засталъ его величество верхомъ на конѣ, ѣдущимъ на смотръ. На вопросъ императора, нѣтъ ли чего-нибудь новаго или важнаго, Ламбъ отвѣчалъ: «Ничего особеннаго, государь, кромѣ письма вице-президента мануфактуръ-коллегіи Саблукова съ отвѣтомъ отъ фабрикантовъ, которые сообщаютъ единогласно, что окрашивать сукно, въ кускахъ, въ совершенно однородный цвѣтъ рѣшительно невозможно».

— Какъ невозможно?—вскричалъ императоръ. Затѣмъ, произнеся скороговоркою: — Очень хорошо! — не сказалъ больше ни слова, сошелъ съ лошади, пошелъ во дворецъ и тотчасъ же отправилъ нарочнаго фельдъегеря къ военному губернатору Петербурга, графу Палену, съ слѣдующимъ приказаніемъ:

¹⁾ Ламбъ, Иванъ Вареоломеевичъ. Впослѣдствіи генералъ-аншефъ. Правитель Костромского намѣстничества; † въ 1801 г.

«Выслать изъ города тайнаго совътника Саблукова, уволеннаго отъ службы, и немедленно отправить назадъ посланнаго съ донесеніемъ объ исполненіи этого приказанія».

(подписано) «Павелъ» 1).

Я сидѣлъ надъ моимъ бѣднымъ отцомъ въ комнатѣ, сосѣдней съ его кабинетомъ, когда петербургскій оберъполицеймейстеръ, генералъ-майоръ Лисаневичъ, близкій другъ нашей семьи, вошелъ въ комнату и быстро спросилъ меня:—Что дѣлаетъ вашъ батюшка?

- Лежитъ въ сосъдней комнатъ, отвъчалъ я: и боюсь, не на смертномъ ли одръ.
- Неужели!—воскликнулъ Лисаневичъ:—тѣмъ не менѣе, я необходимо долженъ его видѣть, ибо имѣю сообщить ему немедленно приказаніе отъ императора.

Съ этими словами онъ вошелъ въ спальню, и я машинально послъдовалъ за нимъ.

Лицо несчастнаго моего отца было совершенно багровое, и онъ едва сознавалъ, что происходитъ вокругъ него. Лисаневичъ два раза окликнулъ его:

Александръ Александровичъ!

Отецъ, очнувшись немного, сказалъ:

- -- Кто вы такой? Что вамъ нужно?
- Я Лисаневичъ, оберъ полицеймейстеръ. Узнаете вы меня?

Отецъ мой отвъчалъ:

¹⁾ Саблуковъ, очевидно, приводить на память слова императора Павла. Вотъ подлинный текстъ этого высочайшаго повелѣнія: «Господинь Генераль-отъ-Кавалеріи, графъ фонъ-деръ Паленъ! Отставленнаго отъ службы и отъ всѣхъ должностей бывшаго Мануфактуръ-Коллегіи Президента Саблукова повелѣваю Вамъ выслать изъ Санктиетербурга. Пребываю къ Вамъ благосклоннымъ. Павелъ. Гатчина. Декабря 8 день 1799». (См. «Русская Старина», 1872 г. Т. V, стр. 255. Февраль).

- Ахъ, Василій Ивановичъ, это вы! Я очень боленъ: что вамъ нужно?
 - Вотъ вамъ приказъ отъ императора.

Отецъ мой развернулъ бумагу, а я въ это время помъстился такъ, чтобы имъть возможность прочесть бумагу и въ то же время слъдить за ея дъйствіемъ на лицъ моего отца. Онъ прочелъ бумагу, протеръ глаза и воскликнулъ:

- Господи! да что же я сдълалъ?
- Я ничего не знаю,—возразилъ Лисаневичъ,—кромѣ того, что я долженъ выслать васъ изъ Петербурга.
- Но вы видите, любезный другъ, въ какомъ я положеніи.
- Этому горю я помочь не могу: я долженъ повиноваться. Я оставлю у васъ въ домѣ полицейскаго, чтобы засвидѣтельствовать вашъ отъѣздъ, а самъ немедленно отправлюсь къ графу Палену, чтобы донести ему о вашемъ положеніи; вамъ же совѣтую отправить къ нему вашего сына.

Я возблагодарилъ Бога, замѣтивъ, что несчастный отецъ мой изъ багроваго цвѣта постепенно перешелъ въ блѣдный, ибо я, признаюсь, опасался, что съ нимъ можетъ приключиться апоплектическій ударъ. Моя дорогая матушка, которая въ такія тяжелыя минуты была исполнена энергіи и присутствія духа, зная, что императоръ сначала всегда бываетъ неумолимъ, немедленно послала на нашу дачу, находившуюся въ двухъ миляхъ отъ города, приказаніе, чтобы въ комнатѣ садовника, которая отапливалась печью, была приготовлена постель. Хотя это было зимою, но не было особеннаго мороза, и поэтому матушка немедленно велѣла приготовить карету и послать за докторомъ.

Я повхаль темь временемь къ графу Палену, который быль очень привязанъ къ моему отцу и во многихъ случаяхъ бывалъ очень добръ и ко мнё лично.

— Вотъ такъ исторія,—встрѣтилъ онъ меня.—Хотите стаканъ лафита?.. (Это была извѣстная привычка у Па-

лена предлагать стаканъ лафита всякому, кто попадаль въ бъду).

- Никакого мнѣ лафита не нужно,—съ нетерпѣніемъ перебилъ я его.—Мнѣ нужно только, чтобы вы оставили моего отца на мѣстѣ!
- Это невозможно. Dites à votre père, продолжаль онъ по-французски, qu'il sait combien je l'aime et que je n'y puis rien; que si l'un de nous deux doit aller au diable, c'est lui qui doit y aller. Qu'il sorte de la ville coûte que coûte; après cela nous verrons ce qu'on peut faire pour lui... Mais pourquoi diable est-il renvoyé?
- Ni moi, ni mon père n'en savons rien 1),—возразилъ я, пожавъ ему руку, и уѣхалъ.

Вернувшись домой, я нашель уже все приготовленнымь для отъйзда моего отца. Добрая матушка была неутомима: она крйпко закутала его въ мёховую одежду, велёла постлать постель въ каретв, въ которую его внесли, сама сёла съ нимъ, а докторъ слёдовалъ рядомъ въ другомъ экипажв. Черезъ три часа послв распоряженія Павла отецъ мой уже провхалъ городскую заставу. Полицейскій чиновникъ, все время находившійся въ нашемъ домв, тотчасъ донесъ объ этомъ Палену, какъ военному губернатору, а послёдній отослалъ обратно государева фельдъегеря съ рапортомъ, что приказаніе его величества исполнено въ точности.

Вечеромъ того же дня я повхалъ проввдать отца. Матушка и докторъ находились при немъ, и врачъ сообщилъ мнв утвшительное извъстіе, что никакихъ серьезныхъ последствій опасаться не надо. Но, увы, съ нимъ все-таки

^{1) —} Скажите вашему отцу, что онъ знаетъ, какъ я люблю его, но сдълать я ничего не могу. Если одному изъ насъ и суждено убраться къ чорту, то пока его чередъ. Пусть онъ во что бы то ни стало выфдеть изъ города, а затъмъ мы посмотримъ, что можно будеть сдълать... Но за что, собственно, его выслали?

[—] Ни я, ни отець мой объ этомъ понятія не имѣемъ.

сдълался легкій параличъ, отъ котораго онъ никогда уже не оправился.

Спустя два дня послъ этого происшествія, получено было изв'єщеніе, что государь, вм'єсть со вс'ємь дворомь, на слівдующій день прибудеть въ Петербургь. По обыкновенію, былъ назначенъ вахтъ-парадъ, и очередь идти въ караулъ какъ разъ была моя. Изъ ста шести человъкъ, составлявшихъ мой эскадронъ, девяносто шесть должны были явиться на парадъ верхами, что составляло весьма значительное число. Надо замътить, что если лицо, носившее извъстное имя, подвергалось какому-либо взысканію со стороны императора, то обыкновенно эту немилость раздёляли и другіе члены этой семьи, находившіеся на службъ. Вотъ почему мое появленіе на парад'в, почти немедленно посл'в отставки и изгнанія изъ столицы моего отца, было для меня дъломъ довольно щекотливымъ. Но дълать было нечего и мит все-таки надо было явиться во-время со встмъ моимъ эскадрономъ. Правда, я зналъ, что онъ хорошо обученъ, но всегда могли произойти ошибки и послъдствія ихъ могли оказаться для меня весьма важными; и не только для меня, но и для моего эскадрона и даже для всего полка: такъ бывало не разъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

Тогдашній нашъ полковой командиръ, князь Голицынъ 1), велёль еще наканунё вывести мой эскадронъ, чтобы сдёлать репетицію парада, но офицеры и солдаты были такъ взволнованы, что все шло плохо и генералъ нашъ быль въ отчаяніи. Я попросилъ его, однакоже, успокоиться и не дёлать выговоровъ, обёщая ему, что все пойдетъ хорошо. Я самъ похвалилъ солдатъ, приказалъ имъ отправиться въ баню, затёмъ плотно поужинать и спокойно лечь спать. Что касается до офицеровъ, которые подвергались наибольшей опасности, то я попросилъ

¹⁾ Генералъ-майоръ и генералъ-адъютантъ, кн. Борисъ Андреевичъ Голицынъ. Командовалъ конной гвардіей съ 18 марта 1798 до 5 янв. 1800 г.

ихъ не думать ни объ чемъ и только внимательнъе прислушиваться къ командъ. Въ казармахъ я отдалъ строгое приказаніе, чтобы солдать не будили, пока я не прівду самъ. Въ описываемое время всѣ солдаты также носили букли и толстыя косички со множествомъ пудры и помады, вследствіе чего прическа нижнихъ чиновъ занимала очень долгое время; въ то время у насъ полагалось всего парикмахера на эскадронъ, такъ что солдаты, когда готовились къ параду, принуждены были не спать ночь изъ-за своей завивки. Но этого я никакъ не могъ допустить въ моемъ опасномъ положеніи, въ которомъ все зависъло отъ состоянія нервовъ моихъ солдать. Поэтому я велёль собрать всёхь нарикмахеровь со всего полка, приказавъ имъ какъ можно скорбе причесать мой эскадронъ, благодаря чему солдаты могли освободиться раньше и выспаться какъ слёдуеть.

Въ пять часовъ утра я велѣлъ ихъ разбудить, а къ 9-ти часамъ люди и лошади были готовы, выстроены передъ казармами и смотрѣли весело и бодро. Я сѣлъ на своего красиваго гнѣдого мерина «Le Chevalier d'Eon», поздоровался съ людьми, далъ имъ пароль и мы отправились ко дворцу.

Императоръ вначалѣ смотрѣлъ мрачно и имѣлъ видъ недовольный, но я съ удвоенною энергіей далъ пароль, офицеры же и солдаты исполнили свое дѣло превосходно. Его величество, вѣроятно, къ собственному своему удивленію, остался настолько доволенъ, что два раза подъѣзжалъ хвалить меня. Словомъ, все пошло хорошо и для меня, и для моего эскадрона, и для моего отца, да и вообще для всѣхъ, кому въ этотъ день пришлось говорить съ его величествомъ, ибо подобнаго рода гроза падала на всѣхъ, кто къ нему приближался, безъ различія возраста и пола, не исключая даже и собственнаго его семейства.

Теперь я снова попрошу читателя послѣдовать за мною въ Гатчину и вернуться къ тому времени, когда импера-

торъ подписалъ приказъ объ увольненіи отъ службы и удаленіи изъ столицы моего отца. Тѣмъ же почеркомъ пера Павелъ тутъ же назначилъ на мѣсто моего отца сенатора Аршеневскаго 1) и особымъ рескриптомъ предписалъ ему немедленно исполнить его приказаніе относительно цвѣта сукна. Аршеневскій былъ очень хорошій и разсудительный человѣкъ, и всѣ знали, что онъ былъ близкимъ другомъ и почитателемъ моего отца. Обстоятельство это было извѣстно и императору, ибо въ сенатѣ они неоднократно держались одного мнѣнія, и Павелъ часто съ ними соглашался. Въ назначеніи Аршеневскаго, такимъ образомъ, нельзя было усматривать гнѣва противъ моего отпа.

Не теряя ни минуты времени, новый вице-президентъ Аршеневскій занялъ свое мѣсто въ мануфактуръ-коллегіи. Предсѣдатель, князь Юсуповъ, не могъ объяснить того, что случилось, а также не могъ посовѣтовать, что предпринять дальше. Тогда Аршеневскій самъ разсмотрѣлъ дѣло, затѣмъ лично поѣхалъ посовѣтоваться съ моимъ отцомъ и, убѣдившись, наконецъ, что, кромѣ того, что уже сдѣлалъ мой отецъ, дѣлать больше нечего, онъ, для того, чтобы не подвергаться дальнѣйшей отвѣтственности, подалъ императору прошеніе объ увольненіи, приложивъ къ нему письмо на имя его величества, объясняющее его поводы къ этому поступку. Въ то же время генералъ-прокуроръ сената, Беклешовъ 2), который на дѣлѣ былъ министромъ юстиціи, посовѣтовалъ моему отцу написать къ императору краткое письмо, въ которомъ онъ выражалъ

¹⁾ Въроятно, Петръ Яковлевичъ Аршеневскій, сенаторъ съ 1788 г., бывшій московскій губернаторъ; род. 1750 † 1812. Братъ его Илья Яковлевичъ, также сенаторь, но съ 1800 года быль президентомъ мануф.-коллегіи. Но, повидимому, рѣчь идетъ о Петрѣ Яковлевичъ, такъ какъ эпизодъ съ А. А. Саблуковымъ произошелъ въ 1799 году, когда Илья Яковлевичъ не былъ сенаторомъ.

²⁾ Беклешовъ, Александръ Андреевичъ. Род. 1745 † 1808. Впослъдствии курский и орловский генералъ-губернаторъ.

Marin

Императоръ Александръ I. Съ портрета, писаннаго Вуалемъ въ 1802 году.

свое горе по поводу того, что навлекъ на себя его гнѣвъ. Это письмо, вмѣстѣ съ прошеніемъ Аршеневскаго, Беклешовъ съ намѣреніемъ вручилъ государю немедленно по возвращеніи его съ парада, на которомъ я удостоился такой похвалы.

Императоръ, который самъ только что выздоровѣлъ отъ гриппа и еще не совсвиъ чувствовалъ себя хорошо, услышавъ, какъ жестоко былъ исполненъ его приговоръ надъ моимъ отцомъ, чрезвычайно взволновался. Онъ немедленно потребовалъ къ себъ генералъ-прокурора и со слезами на глазахъ попросилъ его тотчасъ събздить къ моему отцу, извиниться за него въ его жестокой несправедливости и просить его прощенія. Послі этой милостионъ ежедневно по два раза посылалъ вой въсти вать о здоровь моего отца, и когда тотъ, наконецъ, былъ въ силахъ выважать и явиться къ государю, то между монархомъ и его подданнымъ произошла весьма трогательная сцена примиренія въ присутствіи Беклешова, причемъ моему отцу, разумъется, была возвращена его прежняя должность.

.Тъмъ не менъе, случай этотъ очень повредилъ ратору въ общественномъ мнвніи, такъ какъ мои родители оба были весьма любимы и уважаемы. И, дъйствительно, трудно было найти въ Петербургъ людей, которые бы пользовались большимъ расположениемъ и вниманиемъ, которыхъ они вполнъ заслуживали, благодаря своей добротъ и отзывчивости ко всёмъ нуждающимся и несчастнымъ. Въ теченіе немногихъ дней опалы моего отца и вскоръ послѣ его возвращенія о немъ безпрестанно навѣдывались и съ участіемъ разспрашивали о его здоровью. Оказанная ему несправедливость вызвала сильное негодованіе, которое высказывалось открыто и різко, какъ въ частныхъ разговорахъ, такъ и въ письмахъ, которыя получались изъ Москвы и изъ провинціи. Можетъ показаться нев фроятнымъ, что въ стран в самодержавной и при государѣ, гнѣвъ котораго былъ неукротимъ, могли такъ свободно порицать его дъйствія. Но старинный русскій духъ быль еще живъ и его не могли подавить ни строгость, ни полицейскія мъры.

Зная вспыльчивый, но склонный къ великодушнымъ порывамъ характеръ императора Павла, видя зачастую его искреннее желаніе быть справедливымъ, графъ Паленъ, несомнѣнно, могъ бы воспользоваться тяжкою болѣзнью моего отца и рапортомъ полицеймейстера, чтобы дать государю время одуматься и хладнокровно обсудить неосновательность своего гнѣва. Но въ планы графа Палена и тѣхъ, кто дѣйствовали съ нимъ заодно, повидимому, не входило вызывать этого монарха къ раскаянію: его судьба была предрѣшена, и онъ долженъ былъ погибнуть. Когда Палену приходилось иногда слышать не соъсѣмъ умѣренную критику дѣйствій императора, онъ, обыкновенно, останавливалъ говорившихъ словами: «Messieurs! Jean f.... qui parle, brave homme qui agit!»

Теперь вернемся снова въ Гатчину, это ужасное мъсто, откуда послъдовалъ указъ объ увольненіи моего отца и которое было колыбелью пресловутой Павловской арміи съ ея организаціей, выправкой и дисциплиной. Гатчина была любимымъ мъстопребываніемъ Павла въ осеннее время и зд'всь происходили ежегодные маневры войскъ. Какъ с'вверная деревенская резиденція, Гатчина великол'єпна: дворецъ или, върнъе, замокъ представляетъ общирное зданіе, выстроенное изъ тесаннаго камня, прекрасной архитектуры. При дворцѣ обширный паркъ, въ которомъ ство великолѣпныхъ старыхъ дубовъ и другихъ деревьевъ. Прозрачный ручей вьется вдоль парка и по садамъ, обращаясь въ ніжоторыхъ містахъ въ общирные пруды, которые почти можно назвать озерами. Вода въ нихъ до того чиста и прозрачна, что, на глубинъ 12-15-ти футовъ, можно считать камешки, и въ ней плаваютъ большія форели и стерляди.

Павелъ былъ весьма склоненъ къ романтизму и любилъ все, что имъло рыцарскій характеръ. При этомъ онъ имѣлъ расположеніе къ великолѣпію и роскопи, которыми онъ восторгался во время пребыванія въ Парижѣ и другихъ городахъ Западной Европы.

Какъ я уже говорилъ, въ Гатчинъ происходили большіе маневры, во время которыхъ давались и празднества.
Балы, концерты, театральныя представленія безпрерывно
слъдовали одни за другими, и можно было думать, что
всъ увеселенія Версаля и Тріанона по волшебству перенесены были въ Гатчину. Къ сожальнію, эти празднества
неръдко омрачались разными строгостями, какъ, напримъръ, арестомъ офицеровъ или ссылкою ихъ въ отдаленные гарнизоны безъ всякаго предупрежденія. Случались
и несчастія, какія бываютъ неръдко во время большихъ
кавалерійскихъ маневровъ, что приводило императора въ
сильное раздраженіе. Впрочемъ, несмотря на сильный гнъвъ,
вызываемый подобными случаями, онъ выказывалъ большое человъколюбіе и участіе, когда кто-нибудь былъ серьезно раненъ.

Какъ-то разъ, въ то время, когда я находился во внутреннемъ караулъ, во дворцъ произошла забавная сцена. Выше я упоминалъ, что офицерская караульная комната находилась близъ самаго кабинета государя, откуда я часто слыщаль его молитвы. Около офицерской комнаты была общирная прихожая, въ которой находился караулъ, а изъ нея шелъ длинный узкій коридоръ, ведшій во внутренніе аппартаменты дворца. Здісь стояль часовой, который немедленно вызывалъ караулъ, когда императоръ показывался въ коридоръ. Услышавъ внезапно окрикъ часового «караулъ вонъ!», я посившно выбъжалъ изъ офицерской комнаты. Солдаты едва успъли схватить свои карабины и выстроиться, а я обнажить свою шпагу, какъ дверь коридора открылась настежь и императоръ, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, при шляпѣ и шпагѣ, поспѣшно вошелъ въ комнату, и въ ту же минуту дамскій башмачокъ, съ очень высокимъ каблукомъ, полетёлъ черезъ голову его величества, чуть-чуть ея не задѣвши.

Императоръ черезъ офицерскую комнату прошелъ въ свой кабинетъ, а изъ коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмакъ и вернулась туда же, откуда пришла.

На другой день, когда я смънялся съ караула, его велечество подошелъ ко мнѣ и шепнулъ: «Mon cher, nous avons eu du grabuge hier».—«Оці, Sire»,—отвъчалъ я. Меня очень позабавиль этотъ случай и я никому не говорилъ о немъ, ожидая, что за этимъ последуетъ что-нибудь столь же забавное. Ожиданія мои не обманулись: въ тотъ же день, вечеромъ, на балу, императоръ подошелъ ко мнѣ, какъ къ близкому пріятелю и пов'вренному, и сказалъ: «Mon cher, faites danser quelque chose de joli». Я сразу смекнулъ, что государю угодно, чтобы я протанцоваль съ Екатериной Ивановной Нелидовой. Что можно было протанцовать красиваго, кром' менуэта или гавота сороковыхъ годовъ? Я обратился къ дирижеру оркестра и спросилъ его, можетъ ли онъ сыграть менуэтъ и, получивъ утвердительный отвътъ, я просилъ его начать и самъ пригласилъ Нелидову, которая, какъ извъстно, еще въ Смольномъ отличалась своими танцами. Оркестръ заигралъ, и мы начали. Что за грацію выказала она, какъ прелестно выд'ялывала «pàs» и повороты, какая плавность была во всъхъ движеиіяхъ прелестной крошки, несмотря на ея высокіе каблуки точь-въ-точь знаменитая Лантини¹), бывшая ея учительница! Съ своей стороны, и я не позабылъ уроковъ моего учителя Канціани²), и, при моемъ кафтанѣ à la Frédéric le Grand, мы оба точь-въ-точь имѣли видъ двухъ старыхъ портретовъ. Императоръ былъ въ полномъ восторгъ и, слъдя за нашими танцами во все время менуэта, поощрялъ насъ восклицаніями: «C'est charmant, c'est superbe, c'est délicieux».

¹⁾ Въроятно Сантини, прима-балерина въ эпоху 1783—1790 гг.

²) Джузеппе Канціани. Балетмейстерь и танцоръ эрмитажнаго театра при Екатеринъ II.

Когда этотъ первый танецъ благополучно былъ оконченъ, государь просилъ меня устроить другой и пригласить вторую пару. Вопросъ теперь заключался въ томъ, кого выбрать и кто захочеть себя выставить напоказъ при такой смущающей обстановкъ. Въ нашемъ полку былъ офицеръ, по имени Хитрово 1). Я вспомнилъ, что когда-то, будучи 13-ти-лётнимъ мальчикомъ, онъ вмёстё со мною бралъ уроки у Канціани и, такъ какъ онъ въ то время всегда носилъ красные каблуки, я прозвалъ его камергеромъ. Никто не могъ мий быть болже подходящимъ. Я подошелъ къ нему и сообщилъ о желаніи его величества. Сначала Хитрово колебался, хотя, видимо, былъ радъ выставить себя напоказъ и, послъ нъкотораго размышленія, спросилъ меня, какую ему выбрать даму?—Возьмите старую девицу Валуеву²),—посовътовалъ я ему, и онъ такъ и сдълалъ. Разумвется, я снова пригласилъ Нелидову, и танецъ былъ исполненъ на славу, къ величайшему удовольствію его величества. За этотъ подвигъ я былъ награжденъ лишь забавою, которую мив онъ доставилъ, но зато Алексвю Хитрову этотъ менуэтъ оказалъ большую пользу. Будучи не особенно исправнымъ офицеромъ, онъ былъ сдъланъ камергеромъ, что ввело его въ гражданскую службу и, угождая разнымъ вліятельнымъ министрамъ, онъ, наконецъ, самъ сдълался министромъ, а въ настоящее время 3) онъ весьма снисходительный государственный контролеръ и вообще очень добрый человѣкъ.

¹⁾ Алексви Захаровичъ Хитрово, род. 1777 † 1854. Впослъдствіи дъйствительный тайный совътникъ, государственный контролеръ, сенаторъ, оберъ-прокуроръ 5 департ., дъйств. камергеръ и членъ госудсовъта.

²⁾ Валуева, Екатерина Петровна. Род. 1774 † 1848. Въ 1791 году, по окончаніи Смольнаго института, опредѣлена фрейлиной къ в. к. Маріи Өедоровнѣ. Была любимой фрейлиной императрицы Елисаветы Алексѣевны. Въ 1826 г. получила камеръ-фрейлинскій знакъ. Въ 1846 г. пожалована орденомъ Св. Екатерины 2 класса.

³⁾ Писано въ 1847 году.

Объ императорѣ Павлѣ принято обыкновенно говорить, какъ о человѣкѣ чуждомъ всякихъ любезныхъ качествъ, всегда мрачномъ, раздражительномъ и суровомъ. На дѣлѣ же характеръ его вовсе былъ не таковъ. Остроумную шутку онъ понималъ и цѣнилъ не хуже всякаго другого, лишь бы только въ ней не видно было недоброжелательства или злобы. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, я приведу слѣдующій анекдотъ.

Въ Гатчинъ, насупротивъ оконъ офицерской караульной комнаты, росъ очень старый дубъ, который, я думаю, и теперь еще стоитъ тамъ. Это дерево, какъ сейчасъ помню, было покрыто странными наростами, изъ которыхъ вырастало нѣсколько вѣтокъ. Одинъ изъ этихъ наростовъ до того былъ похожъ на Павла, съ его косичкою, что я не могъ удержаться, чтобы не срисовать его. Когда я вернулся въ казармы, рисунокъ мой такъ всемъ понравился, что всв захотели получить съ него копію, и въ день следующаго парада я былъ осажденъ просъбами со стороны офицеровъ гвардейской пъхоты. Воспроизвести его было нетрудно, и я роздалъ не менъе тридцати или сорока копій. Несомнънно, что, при томъ соглядатайствъ со стороны гатофицеровъ, которому подвергались всв наши дъйствія, исторія съ моимъ рисункомъ дошла до свъдънія императора. Будучи вскоръ послъ этого еще разъ въ карауль, я, отъ нечего дълать, занялся срисовываніемъ двухъ очень хорошихъ бюстовъ, стоявшихъ передъ зеркаломъ въ караульной комнать, изъ которыхъ одинъ изображалъ Генриха IV, а другой Сюлли. Окончивъ рисунокъ съ Генриха IV, я былъ очень занятъ срисовываніемъ Сюлли, когда въ комнату незамътно вошелъ императоръ, сталъ сзади меня и, ударивъ меня слегка по плечу, спросилъ:

- Что вы дѣлаете?
- Рисую, государь, отвѣчалъ я.
- Прекрасно! Генрихъ IV очень похожъ, когда будетъ оконченъ. Я вижу, что вы можете сдълать хорошій портретъ... Дълали вы когда-нибудь мой?...

- Много разъ, ваше величество.

Государь громко разсм'вялся, взглянуль на себя въ зеркало и сказалъ: «Хорошъ для портрета»! Зат'вмъ онъ дружески хлопнулъ меня по плечу и вернулся въ свой кабинетъ, см'вясь отъ души.

Думаю, что нельзя было поступить снисходительное съ молодымъ челововкомъ, который нарисовалъ его карикатуру, но въ которомъ онъ не имълъ повода предполагать какого-либо дурного умысла.

Нѣтъ сомнѣнія что въ основѣ характера императора Павла лежало истинное великодушіе и благородство и, несмотря на то, что онъ былъ ревнивъ къ власти, онъ презиралъ тѣхъ, кто раболѣпно подчинялись его волѣ въ ущербъ правдѣ и справедливости и, наоборотъ, уважалъ людей, которые безстрашно противились вспышкамъ его гнѣва, чтобы защитить невиннаго. Вотъ, между прочимъ, причина, по которой онъ до самой своей смерти оказывалъ величайшее уваженіе и вниманіе шталмейстеру Сергѣю Ильичу Муханову 1).

Но довольно о Гатчинѣ съ ея маневрами, вахтъ-парадами, празднествами и танцами на гладкомъ и скользкомъ паркетѣ дворца. Хотя вспыльчивый характеръ Павла и былъ причиною многихъ прискорбныхъ случаевъ (многіе изъ которыхъ связаны съ воспоминаніемъ о Гатчинѣ), но нельзя не высказать сожалѣнія, что этотъ безусловно благородный, великодушный и честный государь, столь нелицепріятный, искренно и горячо желавшій добра и правды, не процарствовалъ долѣе и не очистилъ высшую чиновную аристократію, столь развращенную въ Россіи, отъ нѣкоторыхъ ея недостойныхъ членовъ. Павелъ І всегда радъ былъ слышать истину, для которой слухъ его всегда былъ открытъ, а вмѣстѣ съ нею онъ готовъ былъ уважать и выслушать то лицо, отъ котораго онъ ее слышалъ.

¹⁾ Сергъй Ильичъ Мухановъ; род. 28 іюня 1762 † (?) оберъшталмейстеръ при Александръ I.

Хотя раздача наградъ и милостей царскихъ и зависъла отъ личной благосклонности императора къ данному лицу, но милостями этими никогда не опредълялись повышенія по службъ, вслъдствіе чего судъ надъ начальниками и подчиненными былъ справедливъ и нелицепріятенъ. Корнетъ могъ свободно и безбоязненно требовать военнаго суда надъ своимъ полковымъ командиромъ, вполнъ разсчитывая на безпристрастное разбирательство дёла. Это обстоятельство было для меня тъмъ щитомъ, которымъ я ограждался отъ великаго князя Константина Павловича во все время его командованія (шефства) нашимъ полкомъ 1) и при помощи котораго я могъ съ успѣхомъ бороться противъ его вспыльчивости и горячности. Одно только упомянаніе о военномъ суд' приводило его высочество въ настоящій ужасъ. Тѣмъ не менѣе, я долженъ здѣсь упомянуть, что, много лёть спустя, а именно въ декабрё 1829 года, когда я свидълся съ Константиномъ Павловичемъ въ Дрезденъ, онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и, въ присутствіи своего побочнаго П. Александрова²), вспоминая о происходившихъ между нами ссорахъ, чистосердечно сознался, что онъ былъ постоянно неправъ и съ полнымъ благородствомъ призналъ совершенную правильность моихъ дъйствій относительно него. Мий особенно пріятно писать эти строки и засвидівтельствовать здёсь, на землё, что великій князь, котораго обыкновенно очень строго осуждали, не былъ лишенъ, какъ увъряли многіе, добродътелей, и прежде всего смиренія и доброжелательства.

Какъ доказательство того уваженія, которое императоръ Павелъ питалъ къ постановленіямъ военныхъ судовъ

¹⁾ Вел. кн. Константинъ Павловичъ назначенъ шефомъ Коннаго полка 28 мая 1800 г. который до самой кончины ими. Павла именовался лейбъ-гвардіи его имп. выс. Константина Павловича полкомъ. (См. Анненковъ. Исторія л.-гв. Коннаго полка, стр. 183).

²⁾ Павелъ Конст. Александровъ; 1802 † 1867. Сынъ вел. кн. Конст. Павл. отъ г-жи Фридериксъ. Умеръ въ чинъ ген.-лейтенанта свиты его имп. величества.

и его безпристрастія въ дёлё правосудія, можно привести слёдующій случай.

Въ первый годъ его царствованія генералъ-прокуроромъ сената быль графъ Самойловъ 1), родственникъ нѣкоего генерала Лаврова, женатаго на сестръ извъстнаго богача Пемидова²). Лавровъ былъ челов'вкъ распутный, большой игрокъ и обремененъ долгами³). Жена его была особа довольно легкихъ нравовъ, обладала большимъ состояніемъ и находилась въ связи съ тремя офицерами нашего полка. Оставшись чрезвычайно довольна усердіемъ и вниманіемъ своихъ обожателей, генеральша выдала каждому изъ нихъ по векселю въ 30 тысячъ рублей. Супругъ, взбъщенный твиъ, что такая значительная сумма ускользнула изъ его рукъ, подалъ прошеніе въ сенатъ, заявляя, что жена его идіотка, неспособная даже прочесть сумму, вписанную въ векселя, на которомъ первоначально стояло 3,000 рублей, и что лишній ноль на каждомъ изъ векселей былъ прибавленъ ея любовниками, которыхъ онъ кстати и обвинялъ въ подлогъ.

Сенатъ, подъ вліяніемъ генералъ-прокурора Самойлова, призналъ офицеровъ виновными въ подлогѣ и приговорилъ къ разжалованію. Приговоръ этотъ былъ представленъ на утвержденіе государя; но послѣдній, вмѣсто того, чтобы утвердить постановленіе сената, велѣлъ созвать въ нашемъ полку военный судъ.

Въ качествъ младшаго члена полкового суда, мнъ пришлось подавать свой голосъ первымъ, и я прежде всего предложилъ спросить генеральшу Лаврову, считаетъ ли она сама эти три векселя подложными? Г-жа Лаврова прислала письменное заявленіе, въ которомъ сообщала, что подлога нътъ, что она любитъ этихъ трехъ офицеровъ

¹⁾ Графъ Александръ Ник. Самойловъ; дѣйст. тайн. сов., ген.прокуроръ при Павлѣ I; 1744 † 1814.

²⁾ Вѣроятно, Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ, богачъ-благотворитель; 1710 † 1789.

³⁾ Лавровъ, Аркадій Григорьевичъ.

и желаетъ сдѣлать имъ подарокъ, а что мужъ ея—«лжецъ». Тогда я подалъ голосъ за то, чтобы офицеры были оправданы въ подлогѣ, но были уволены изъ полка за поведеніе, недостойное дворянина. Военный судъ единогласно принялъ это рѣшеніе, приговоръ былъ представленъ государю, который и утвердилъ его, отмѣнивъ рѣшеніе сената и сдѣлавъ сенаторамъ строгій выговоръ. Впослѣдствіи эти три офицера неоднократно высказывали мнѣ свою благодарность.

Императоръ Навелъ, какъ я уже говорилъ, искреннимъ христіаниномъ, челов' комъ глубоко религіознымъ, отличался съ ранняго дътства богобоязненностью и благочестіемъ. По взглядамъ своимъ это былъ совершенный джентльменъ, который зналъ, какъ надо обращаться съ истинно-порядочными людьми, хотя бы они и не принадлежали къ родовой или служебной аристократіи. Я находился на службѣ въ теченіе всего царствованія этого государя, не пропустилъ ни одного ученія или вахтъ-парада и могу засвидътельствовать, что хотя онъ часто сердился, но я никогда не слыхалъ, чтобы изъ устъ его исходила обидная брань 1). Какъ доказательство его рыцарскихъ, доходившихъ даже до крайности воззрѣній, можетъ служить то, что онъ совершенно серьезно предложилъ Бонапарту дуэль въ Гамбургъ съ цълью положить этимъ поединкомъ предёлъ разорительнымъ войнамъ, опустошавшимъ Европу. Свидътелями, со стороны императора, должны были быть Паленъ 2) и Кутайсовъ. Несмотря на всю при-

¹⁾ Однажды, впрочемъ, на одномъ парадѣ онъ такъ разгорячился, что ударилъ трехъ офицеровъ тростью и, увы, жестоко заплатилъ за это въ послѣднія минуты своей жизни. Прим. автора.

²⁾ Баронъ (съ 1799 г. графъ) Петръ Алексвевичъ фонъ-деръ Паленъ. Родился въ Курляндіи въ 1745 году. Во время переворота 1762 г. былъ капраломъ конной гвардіи, участвовалъ въ Шведской войнъ 1788 г., за которую награжденъ чиномъ ген.-майора, Георгіемъ 3 класса и аннинской лентой. По присоединеніи Курляндіи, назначенъ курляндскимъ генералъ-губернаторомъ въ 1796 г. Вскоръ послъ воца-

чудливость и несовременность подобнаго вызова, большинство монарховъ, не исключая самого Наполеона, отдали полную справедливость высокогуманнымъ побужденіямъ, руководившимъ русскимъ государемъ, сдѣлавшимъ столь рыцарское предложеніе съ полною искренностью и чистосердечіемъ.

Кстати о рыцарствъ, мнъ пришло на память нъсколько случаевъ, бывшихъ въ Павловскъ, лътней резиденціи императорскаго семейства. Ихъ величества находились въ Павловскъ преимущественно весною и раннимъ лътомъ, такъ какъ во время сильныхъ іюльскихъ жаровъ они предпочитали Петергофъ на Финскомъ заливъ, гдъ воздухъ былъ морской и болье свъжій. Павловскъ, принадлежавшій лично императрицъ Маріи Өеодоровнъ, былъ устроенъ чрезвычайно изящно, и всякій клочокъ земли здісь носиль отпечатокъ ея вкуса, наклонностей, воспоминаній о заграничныхъ путешествіяхъ и т. п. Здёсь былъ павильонъ розъ, напоминавшій тріанонскій; шале, подобныя темъ, которыя она видъла въ Швейцаріи; мельница и нъсколько фермъ наподобіе тирольскихъ; были сады, напоминавшіе сады и террасы Италіи. Театръ и длинныя аллеи были заимствованы изъ Фонтенебло и тамъ и сямъ виднѣлись искусственныя развалины. Каждый вечеръ устраивались сельскіе праздники, по'єздки, спектакли, импровизаціи, разные сюрпризы, балы и концерты, во время которыхъ императрица, ея прелестныя дочери и невъстки своею привътливостью придавали этимъ развлеченіямъ восхитительный характеръ. Самъ Павелъ предавался имъ съ увлеченіемъ,

ренія имп. Павла уволенъ отъ службы. Въ 1798 г. изъ отставки произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, назначенъ спб. воен. губернаторомъ и пожалованъ андреевскимъ орденомъ. Въ 1800 г., оставалсь спб. воен. губернаторомъ, назначенъ первоприсутствующимъ въ коллегіи иностр. дѣлъ и главнымъ директоромъ почтъ. Главный руководитель въ событіи 11 марта 1801 г. Уволенъ отъ службы 1 апр. 1801 г. Женатъ на Юліанѣ Шёпцингъ, отъ когорой имѣлъ 3 дочерей и 5 сыновей. Умеръ 18 февр. 1826 г.

и его поклоненіе женской красотѣ зачастую заставляло его указать на какую-нибудь Дульцинею, что его услужливый Фигаро или Санчо-Панса-Кутайсовъ немедленно и принималъ къ свѣдѣнію, стараясь исполнить желаніе своего господина.

Однажды, на одномъ изъ баловъ, данныхъ въ Москвѣ, по случаю его прівзда въ 1798 году, императоръ былъ совершенно очарованъ огненными черными глазами дѣвицы Анны Лопухиной. Кутайсовъ, которому Павелъ сообщилъ о произведенномъ на него впечатлѣніи, немедленно же разсказалъ объ этомъ отцу дѣвицы, съ которымъ и былъ заключенъ договоръ, имѣвшій цѣлью плѣнить сердце его величества 1).

«La troupe dorée», какъ императоръ называлъ насъ, офицеровъ конной гвардіи, въ виду нашей элегантности и цвъта нашихъ мундировъ, ярко-красныхъ «tirant sur l'orange», въ качествъ постоянныхъ кавалеровъ павловскихъ увеселеній, вскоръ узнали объ этой любовной интригв, о которой мы стали болтать довольно свободно. Это скоро дошло до свъдънія государя, вслъдствіе чего полкъ нашъ нъкоторое время былъ въ немилости. Впрочемъ, она была непродолжительна, такъ какъ дѣвица Лопухина сама къ намъ очень благоволила и при томъ же двѣ ея сестры вскорѣ вышли замужъ за офицеровъ нашего полка: одна за Демидова, другая за графа Кутайсова, сына шталмейстера. Анна Петровна Лопухина вскор'в была пожалована фрейлиною и приглашена жить въ Павловскъ. Для нея было устроено особое помъщеніе, вродѣ дачи, въ которую Павелъ могъ пройти изъ «Розоваго Павильона», не будучи никъмъ заміченнымъ. Онъ являлся туда каждый вечеръ, какъ онъ вначаль самъ воображалъ, съ чисто платоническими чувствами восхищенія; но брадобрей и Лопухинъ-отецъ лучше

¹⁾ Анна Петровна Лопухина, въ замужествъ княгиня Гагарина. Род. 1777 † 1805.

знали человъческую натуру и върнъе смотръли на будушее. Имъ постепенно удалось разжечь чувства Павла къ дъвушкъ путемъ упорнаго ея сопротивленія желаніямъ его величества, что, впрочемъ, она и дълала вполнъ искренно, такъ какъ, будучи еще въ Москвъ, она испытывала довольно серьезную привязанность къ одному князю Гагарину 1), служившему майоромъ въ арміи и находившемуся теперь въ Италіи, въ войскахъ Суворова. Однажды, въ одинъ изъ вечеровъ, когда Павелъ оказался болве предпріимчивымъ, чвмъ обыкновенно, Лопухина неожиданно разрыдалась, прося оставить ее и призналась государю въ своей любви къ Гагарину. Императоръ былъ пораженъ, но его рыцарскій характеръ и врожденное благородство тотчасъ проявили себя: онъ немедленно же ръшиль отказаться отъ любви къ дъвушкъ, сохранивъ за собою только чувства дружбы, и тутъ же захотёлъ выдать ее замужъ за человѣка, къ которому она питала такую горячую любовь. Суворову немедленно посланы были приказанія вернуть въ Россію князя Гагарина. Въ это самое время последній только что отличился въ какомъ-то сраженіи, и его поэтому отправили въ Петербургъ съ извъстіемъ объ одержанной поб'єдь. Я находился во дворць, когда князь Гагаринъ прибылъ ко двору, и вынесъ о немъ впечативніе, какъ объ очень красивомъ, хотя и невысокаго роста человъкъ. Императоръ тотчасъ же наградилъ его орденомъ, самъ привелъ къ его возлюбленной и въ теченіе всего этого дня былъ искренно доволенъ и преисполненъ гордости отъ сознанія своего, дібствительно, геройскаго самопожертвованія.

И вечеромъ на «маленькомъ дворцовомъ балу» онъ имѣлъ положительно счастливый и довольный видъ, съ восторгомъ говорилъ о своемъ красивомъ и счастливомъ соперникѣ и представилъ его многимъ изъ насъ съ видомъ

¹⁾ Гагаринъ, кн. Павелъ Гавриловичъ. Генералъ-адъютантъ. Впоследстви директоръ инспекторскаго департамента. Род. 1777 † 1850.

искренняго добродушія. Съ своей стороны, я лично ни на минуту не сомнѣвался въ искренности Павла, благородная душа котораго одержала побѣду надъ сердечнымъ влеченіемъ. Не будь Кутайсова и Лопухина-отца, которые изъ личныхъ выгодъ потакали дурнымъ страстямъ императора и привлекли въ эту интригу даже самого Гагарина, не будь всего этого—нѣтъ никакого сомнѣнія, что княгиня Анна Гагарина, рожденная Лопухина, никогда не была бы maitresse en titre императора Павла, въ моментъ убійства этого злополучнаго государя.

Одновременно съ этими любовными интригами совершались крупныя политическія событія: союзъ между Россіей и Англіей и всёмъ континентомъ противъ революціонной Франціи былъ заключенъ. Суворовъ, вызванный изъ ссылки, назначенъ былъ генералиссимусомъ союзной русско-австрійской арміи, д'єйствовавшей въ Италіи въ февралѣ 1799 года. Другая русская армія, подъ начальствомъ генерала Германа 1), была отправлена въ Голландію для совм'єстныхъ д'єйствій съ арміей герцога Іоркскаго, имъвшей цълью атаковать Францію съ съвера. Наконецъ, и едва ли не важнъйшимъ событіемъ было избраніе императора гросмейстеромъ мальтійскаго ордена, вслідствіе чего островъ Мальта былъ взятъ подъ его покровительство. Павелъ былъ въ восторгъ отъ этого титула, и это обстоятельство, въ связи съ романтической овладъвшей его чувствительнымъ сердцемъ, привело его въ совершенный экстазъ. Щедрости его не было предъловъ: онъ велълъ купить три дома на набережной Невы и соединить ихъ въ одинъ дворецъ, который подарилъ князю Гагарину, снисходительному супругу черноокой Дульцинеи. Лопухинъ-отецъ былъ сдёланъ свётлёйшимъ княземъ и назначенъ генералъ-прокуроромъ сената-должность чрезвычайно важная, напоминающая отчасти, по значенію своему, должность перваго лорда казначейства въ Англіи,

¹⁾ Германъ, въроятно, Иванъ Ивановичъ; генералъ-майоръ съ 1790 г.

нѣчто вродѣ перваго министра. Кутайсовъ, исполнявпій свою роль Фигаро при гросмейстерѣ мальтійскаго ордена, продолжалъ служить для любовныхъ порученій, вслѣдствіе чего онъ изъ брадобреевъ былъ пожалованъ въ графы и сдѣланъ шталмейстромъ ордена. Онъ купилъ себѣ домъ по сосѣдству съ дворцомъ княгини Гагариной и поселилъ въ немъ свою любовницу, французскую актрису Шевалье. Я не разъ видѣлъ, какъ государь самъ привозилъ его туда и затѣмъ заѣзжалъ за нимъ, возвращаясь отъ своей любовницы.

При этомъ la troupe dorée, т. е. офицеры конной гвардін, обязаны были принимать участіе въ томъ, что происходило во дворцъ. Едва подписанъ былъ союзный трактатъ съ Англіей, я получилъ приказаніе отправиться въ Петербургъ и изготовить себѣ мундиръ точь-въ-точь подобный тому, который носила англійская конная гвардія (Horse Guards) - красный съ синими отворотами, вышитыми золотомъ. Это было нелегко, ибо, кромъ соотвътствующаго сукна, нужно было знать покрой англійскихъ мундировъ. Но счастье и тутъ мнѣ благопріятствовало и вскоръ я отыскалъ одного англичанина, по имени Дональдсона, который быль когда-то портнымъ принца Валлійскаго, и сообщилъ ему о своемъ желаніи. Онъ сдізлалъ мит мундиръ менте чтмъ въ два дня, и я тотчасъ вернулся въ Павловскъ въ новомъ мундиръ, которымъ восхищались вст и въ особенности великія княжны. Два или три другихъ офицера нашего полка едва успъли сшить себъ такіе мундиры, какъ вышло новое приказаніе: конной гвардін им'єть мундиры пурпуроваго цв'єта. Пурпуръ былъ цвътъ мальтійскихъ гросмейстеровъ, почему конная гвардія и получила этотъ цвътъ. Въ теченіе четырехлътняго царствованія Павла цвѣтъ и покрой нашихъ мундировъ былъ измѣненъ не менѣе девяти разъ.

Да не думаетъ, однако, читатель, что во все это время любовныхъ переговоровъ, новыхъ политическихъ комбинацій, перемѣны формъ, празднествъ и увеселеній, происхо-

дившихъ въ Павловскѣ, измѣнились или уничтожились тѣ дисциплинарныя строгости, которыя были заведены въ Гатчинѣ и въ Петербургѣ. Напротивъ того, ихъ было столько же, если не больше, тѣмъ болѣе, что почти ежедневно дѣлались смотры. Эти смотры дѣлались не надъ корпусами, какъ во время маневровъ, а надъ небольшими частями, вслѣдствіе чего всякая малѣйшая ошибка дѣлалась замѣтнѣе. Тутъ же, въ Павловскѣ, находилась такъ называемая цитадель или фортъ, по имени Бипъ, куда сажали подъ арестъ провинившихся офицеровъ 1). Такъ, напримѣръ, сюда попали два подполковника изъ донскихъ казаковъ, братья Залувецкіе, прославившіеся своими боевыми подвигами въ итальянскую кампанію 1799 года, которые были арестованы за остроумно-смѣлые отвѣты Павлу.

Флота капитанъ Чичаговъ ²) также долженъ былъ отправиться подъ арестъ за ръзкій, почти дерзкій отвътъ императору. Однако, Чичаговъ воспротивился этому приказанію и не хотълъ идти подъ арестъ, ссылаясь на привилегіи, связанныя съ георгіевскимъ крестомъ, кавалеромъ котораго онъ состоялъ. Взотшенный этимъ сопротивленіемъ, императоръ велълъ сорвать съ него георгіевскій крестъ, что и было исполнено безъ всякаго колебанія дежурнымъ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ ³). При такомъ оскорбленіи возмущенный Чичаговъ сбросилъ съ себя мундиръ и въ одномъ жилетъ отправился въ фортъ. Впро-

¹⁾ Форть Бипъ или Маріенталь построень въ 1778 году. При имп. Павлѣ зданіе обращено въ крѣпость съ католической мальтійской капеллой. Съ 1807 по 1810 здѣсь помѣщалось первое по времени училище глухонѣмыхъ. Въ настоящее время здѣсь находится присутствіе павловскаго городового правленія.

²⁾ Чичаговъ, Пав. Вас. Впослѣдствіи адмиралъ, морск. министръ при Александрѣ І. Членъ госуд. совѣта. Въ 1812 г. командовалъ Дунайской арміей. Род. 1762 † 1849. Авторъ «Записокъ», напечатанныхъ въ «Рус. Старинѣ» за 1886 годъ.

³⁾ Уваровъ, гр. Өедөръ Петр., впослѣдствіи ген.-отъ-кавал., членъ государ. совѣта. род. 1773 ÷ въ дек. 1824.

чемъ, подъ арестомъ его продержали всего нѣсколько дней и вскорѣ послѣ этого онъ даже былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и получилъ въ командованіе эскадру.

Этоть Уваровъ быль полковникомъ одного изъ полковъ, квартировавшихъ въ Москвъ въ то время, когда Павелъ впервые увидёлъ Лопухину и увлекся ея блестящими черными глазами. Будучи любовникомъ тери Лопухиной, Уваровъ, естественно, принималъ также участіе во всёхъ махинаціяхъ, им'ввшихъ цёлью завлечь императора въ любовныя съти. Вмъстъ съ Лопухиными прибыль онъ въ Павловскъ, былъ переведенъ въ конную гвардію, вскор'в же сдівлань генераль-адъютантом и все время повышался въ милостяхъ наравнъ съ Лопухиными. Во время объда, даннаго заговорщиками, именовавшими себя посл'в убійства Павла «освободителями», Уваровъ припомнилъ Чичагову, что онъ сорвалъ съ него георгіевскій кресть. Чичаговъ отвѣчалъ: «Если вы будете служить нын в шнему императору такъ же «в врно», какъ его предшественнику, то заслужите себѣ достойную награду». Уваровъ, въ качествъ довъреннаго генералъ-адъютанта Павла, быль дежурнымъ въ ночь съ 11-го на 12-е марта и какъ извъстно, былъ въ то же время однимъ изъ главныхъ двятелей заговора.

Во всемъ мірѣ едва ли найдется страна, въ которой цѣлый рядъ государей былъ бы одушевленъ такимъ горячимъ чувствомъ патріотизма, какъ домъ Романовыхъ въ Россіи. Правда, многіе сановники, министры и царедворцы нерѣдко злоупотребляли личными слабостями и недостатками нѣкоторыхъ изъ государей, да и сами они зачастую, благодаря чрезмѣрной самонадѣянности, уклонялись съ истиннаго пути, тѣмъ не менѣе, насколько я могу судить по личнымъ моимъ разсужденіямъ, я вынесъ искреннее убѣжденіе въ томъ, что въ основѣ всякаго дѣйствія этихъ монарховъ всегда лежало чувство горячей любви къ родинѣ. Государи русскіе искони гордились величіемъ этого обширнѣйшаго въ мірѣ государства и нерѣдко считали

необходимымъ принимать мъры, сообразныя съ этимъ величіемъ, всл'вдствіе чего славолюбіе это часто обращалось въ личное тщеславіе, а мудрая экономія въ расточительность. Но, помимо свойственной всякому человъку склонности къ тщеславію, русскіе государи иміноть два повода, до извъстной степени извиняющіе это стремленіе къ похваламъ: во-первыхъ, потому, что большая часть какъ мужскихъ, такъ и женскихъ представителей этого дома всегда отличалась зам'вчательною красотою и физическою силою; во-вторыхъ, потому, что, въ силу историческихъ условій, они сділались представителями военнаго сословія: съ самыхъ древивищихъ временъ Россія находилась въ постоянной войнъ со своими сосъдями и во главъ ея армій всегда стояли ея монархи-сначала цари московскіе, а затъмъ императоры всероссійскіе. Благодаря этому, любовь къ военной славъ передавалась отъ отца къ сыну и сдёлалась преобладающею страстью въ этой семьё. И, дёйствительно, не можетъ не возбуждать самолюбія и тщеславія одинъ видъ многихъ тысячъ людей, которые двигаются, стоятъ, поворачиваются и бъгутъ по одному слову, одному знаку своего монарха. Одинъ весьма остроумный, высокопоставленный и вліятельный при двор'в челов'якъ, говоря о громадныхъ средствахъ, расходуемыхъ русскимъ государствомъ на содержание постояннаго войска, весьма справедливо зам'тилъ: «Да, впрочемъ, оно такъ и должно быть, ибо до тъхъ поръ, пока у насъ не будетъ царя-калъки, мы никогда не дождемся перемъны во взглядахъ и привычкахъ нашихъ государей. Toujours joli garçon, toujours caporal!»

Перехожу теперь къ описанію событій, закончившихся возмутительнымъ убійствомъ Павла.

III.

Императоръ Павелъ находился въ Павловскѣ, окруженный интригами и волнуемый поперемѣнно чувствами любви, великодушія и ревности. Въ томъ же состояніи

перевхаль онь въ Гатчину, а затвиъ въ Петербургъ. Многіе изъ его приближенныхъ сознавали, что ихъ положеніе при дворѣ чрезвычайно опасно и что въ любую минуту, раскаиваясь въ только что совершенномъ поступкъ, государь можетъ перенести свое расположение на новое лицо и уничтожить ихъ всъхъ. Великіе князья также находились въ постоянномъ страхъ: оба они были командирами полковъ и, въ качествъ таковыхъ, ежедневно, во время парадовъ и ученій, получали выговоры за малівішія ошибки, причемъ, въ свою очередь, подвергали солдатъ строгимъ наказаніямъ, а офицеровъ сажали подъ арестъ. Конную гвардію щадили болье другихъ. Въ то время полкъ этотъ состояль изъ двухъ батальоновъ, по пяти эскадроновъ въ каждомъ, и духъ полка (esprit de corps) былъ таковъ, что мы были въ силахъ противиться всякимъ несправедливостямъ и напраснымъ на насъ нападкамъ. Этотъ духъ нашего полка постарались представить въ глазахъ государя, какъ направленіе опасное, какъ духъ крамольный, пагубно вліяющій на другіе полки. Гибель нашего полка могла удовлетворить два частныхъ интереса: великій князь Александръ былъ инспекторомъ всей пѣхоты, а Константинъ Павловичъ, который ничего не смыслилъ въ кавалерійскомъ діль, хотіль сділаться инспекторомъ кавалеріи и, въ качествъ переходной ступени къ этой должности, добивался командованія конной гвардіей. Въ то же время служившій въ Конномъ полку Уваровъ хотёль также получить отдёльный полкъ. Такимъ образомъ, эти два желанія могли быть удовлетворены одновременно, пожертвовавъ нашимъ полкомъ. Вотъ почему конная гвардія была реорганизована или, върнъе, дезорганизована слъдующимъ образомъ: три эскадрона, состоявшіе изъ лучшихъ людей и лошадей, были выдѣлены изъ полка и составили особый кавалергардскій полкъ, который быль порученъ Уварову и квартированъ въ Петербургѣ; остальная часть полка была раздёлена на пять эскадроновъ и отдана подъ начальство великаго князя Константина. Полкъ нашъ

былъ изгнанъ въ Царское Село, гдѣ цесаревичъ долженъ былъ посвящать насъ въ тайны гарнизонной службы.

Нельзя себѣ представить тѣхъ жестокостей, которымъ подвергалъ насъ Константинъ и его измайловскіе мирмидоны. Тѣмъ не менѣе, духъ полка не легко было сломить, и страхъ Константина, при одномъ упоминаніи о военномъ судѣ, неоднократно сдерживалъ его горячность и безпричинную жестокость. Своей неуступчивости и твердости, въ это тяжелое время, обязанъ я тѣмъ вліяніемъ въ полку, которое я сохранилъ до конца моей службы въ конной гвардіи и которое спасло этотъ благородный полкъ отъ всякаго участія въ низкомъ заговорѣ, приведшемъ къ убійству императора Павла.

Въ Царскомъ Селѣ насъ продержали около полутора года. Начальниковъ нашихъ постоянно мѣняли и намъ было извѣстно, что за всѣми нами строго слѣдятъ, такъ какъ считали насъ якобинцами. Большинству изъ офицеровъ не особенно нравился нашъ образъ жизни изгнанниковъ, удаленныхъ изъ столицы; но я лично не особенно грустилъ, такъ какъ, судя по слухамъ, доходившимъ до насъ изъ Петербурга, тамъ было, повидимому, не совсѣмъ ладно и поговаривали даже, что императоръ опасается за свою личную безопасность.

Его величество со своимъ августѣйшимъ семействомъ оставилъ старый дворецъ и переѣхалъ въ Михайловскій, выстроенный наподобіе укрѣпленнаго замка, съ подъемными мостами, рвами, потайными лѣстницами, подземными ходами,—словомъ, напоминалъ собою средневѣковую крѣпость à l'abris d'un coup de main.

Княгиня Гагарина оставила домъ своего мужа и была пом'вщена въ новомъ дворц'в, подъ самымъ кабинетомъ императора, который сообщался посредствомъ особой л'встницы съ ея комнатами, а также съ пом'вщеніемъ Кутайсова.

Графы Ростопчинъ и Аракчеевъ, два человѣка, которыхъ Павелъ раньше считалъ самыми вѣрными и ис-

полнительными своими слугами, были высланы въ свои помъстья. До насъ дошли слухи, что графъ Паленъ получилъ постъ министра иностранныхъ дълъ и главноуправляющаго почтовымъ въдомствомъ, сохранивъ вмъстъ съ темъ должность военнаго губернатора Петербурга и, въ качествъ такового, остался начальникомъ гарнизона и всей полиціи. Мы узнали, что всѣ Зубовы, которые были высланы въ свои деревни, вернулись въ Петербургъ, а вмѣств съ ними г-жа Жеребцова, рожденная Зубова, извъстная своею связью съ лордомъ Унтвордомъ, что всв они приняты ко двору и сдвлались близкими, интимными друзьями въ дом' добраго и честнаго генерала Обольянинова, генералъ-прокурора сената. Мы слышали также, что у нѣкоторыхъ генераловъ-Талызина 1), двухъ Ушаковыхъ, Депрерадовича и другихъ-бываютъ часто интимныя сборища, устраиваются de petits soupers fins, которыя длятся за полночь, и что бывшій полковникъ Хитрово, прекрасный и умный человъкъ, но настоящій гоие, близкій къ Константину, также устраиваеть маленькіе «рауты» близъ самаго Михайловскаго замка.

Всв эти новости, которыя раньше были запрещены, доказывали намъ, что въ Петербургъ происходитъ что то необыкновенное, тъмъ болъе, что патрули и рунды около Михайловскаго замка постоянно были наготовъ.

Зимою 1800 года въ дипломатическихъ кругахъ Петербурга царило сильное безпокойство: императоръ Павелъ, недовольный поведеніемъ Австріи во время Итальянской кампаніи Суворова 1799 года и образомъ дъйствій Англіи въ Голландіи, внезапно выступилъ изъ коалиціи и, въ качествъ гросмейстера мальтійскаго ордена, объявилъ Англіи войну, которую собирался энергично начать весною 1801 года. Въ февралъ того же года полкъ нашъ возвра-

¹⁾ Талызинъ, Степанъ Александровичъ, командиръ Преображен. полка съ 1801 г. Уволенъ въ отставку въ 1802 г. Скончался въ 1815 году.

щенъ изъ царскосельской ссылки и пом'вщенъ въ Петербург'в, въ дом'в Гарновскаго. Генералъ-майоръ Кожинъ 1), который во время нашей ссылки былъ назначенъ къ намъ въ качеств'в строгаго службиста, переведенъ въ армейскій полкъ, а генералъ-лейтенантъ Тормасовъ 2), превосходный офицеръ и достойн'вйшій челов'вкъ, сділанъ нашимъ полковымъ командиромъ—милость, которую мы просто не знали, чёмъ себ'в объяснить.

По возвращени въ Петербургъ, я былъ самымъ радушнымъ образомъ принятъ старыми друзьями и даже самимъ графомъ Паленомъ, генераломъ Талызинымъ и другими, а также Зубовыми и Обольяниновыми. Меня стали приглашать на интимные объды, причемъ меня всегда поражало одно обстоятельство: посл'в этихъ об'вдовъ, по вечерамъ, никогда завязывалось общаго разговора, но всегда бесъдовали отдёльными кружками, которые тотчасъ расходились, когда къ нимъ подходило новое лицо. Я замътилъ, что генералъ Талызинъ и другіе подошли ко мнъ, какъ будто съ намъреніемъ сообщить мнъ что-то по секрету, а затьмъ остановились, сдёлались задумчивыми и замолкли. Вообще, по всему видно было, что въ этомъ обществъ затъвалось что-то необыкновенное. Судя же по той вольности, съ которой императора порицали, высмъивали его странности и осуждали его строгости, я сразу догадался, что противъ него затввается заговоръ. Подозрвнія мои особенно усилились посл'в об'вда у Талызина (за которымъ насъ было четверо), послѣ «petite soirée» у Хитровыхъ и раута у Зубовыхъ. Когда, однажды, за объдомъ у Палена я нарочно довольно ръзко выразился объ императоръ, графъ посмотрълъ мнъ пристально въ глаза и сказалъ:«J—f—qui parle et brave homme qui agit». Всего этого было достаточно,

¹⁾ Генералъ-адъютантъ Сергъй Алексъевичъ Кожинъ назначенъ командиромъ конной гвардіи 4 октября 1800 года и оставался въ этой должности до 8 декабря того же года.

²⁾ Тормасовъ, А. П. Род. 1736 † 1819. Впослѣдствіи графъ и ген. отъ-кавалеріи. Въ 1812 году командоваль 3-ю резервною армією.

чтобы разсвять мои сомнвнія, и обстоятельство это глубоко меня разстроило. Я вспомнилъ свой долгъ, свою присягу на върность, припомнилъ многія добрыя качества императора и, въ концѣ концовъ, почувствовалъ себя очень несчастнымъ. Между тъмъ, всъ эти догадки не представляли ничего опредъленнаго: не было ничего осязательнаго, на основаніи чего я могъ бы дійствовать или даже держаться извъстнаго образа дъйствій. Въ такомъ состояніи нер'вшительности я отправился къ своему старому другу Тончи 1), который сразу разрѣшилъ мое недоумѣніе, сказавъ слѣдующее: «Будь вѣренъ своему государю и дѣйствуй твердо и добросовъстно; но такъ какъ ты, съ одной стороны, не въ силахъ измѣнить страннаго поведенія императора, ни удержать, съ другой стороны, нам'вреній народа, каковы бы они ни были, то теб'в надлежить держаться въ разговорахъ того строгаго и благоразумнаго тона, въ силу котораго никто бы не осмълился подойти къ тебъ съ какими бы то ни было секретными предложеніями». Я всёми силами старался слёдовать этому совёту и, благодаря ему, мнв удалось остаться въ сторонв отъ ужасныхъ событій этой эпохи 2).

¹⁾ Тончи быль родомъ неаполитанскій дворянинъ, прибывшій въ Россію въ свить польскаго короля въ качествь философа, поэта и художника. Это быль чрезвычайно умный и образованный человькъ. Онъ любилъ меня, какъ сына, и смотрълъ, какъ на своего воспитанника. Я много обязанъ этому почтенному человъку.

Прим. автора.

²⁾ Ник. Ив. Тончи (Salvator Tonci); род. 1756 † 1844. Изв'встень более, какъ историческій живописець и портретисть. Написаль н'ясколько портретовь, въ томъ числь Державина (особенно изв'ястный), императора Павла, гр. Ростопчина, княгини Дашковой, Циціанова, графини Потоцкой и др. Онь быль также изв'ястень, какъ поэть и философъ, излагавшій свое оригинальное міровоззр'яніе съ итальянскою живостью и даромь слова. Своимъ слушателямъ, увлекавшимся его ученіемъ, онь говорилъ, что его система сближаеть челов'яка съ Творцомъ съ глазу на глазъ (le met nez à nez avec Dieu). (См. Рус. Архивъ, 1875, кн. І, стр. 306).

Около этого времени великая княгиня Александра Павловна, супруга эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго, была при смерти больна и извъстіе о ея кончинъ ежечасно ожидалось изъ Вѣны. Императоръ Павелъ былъ чрезвычайно недоволенъ Австріей за ея образъ дъйствій въ Швейцаріи, результатомъ котораго было пораженіе Корсакова подъ Цюрихомъ и совершенная неудача знаменитой кампаніи Суворова въ Италіи, откуда онъ отступилъ на съверъ, черезъ Сенъ-Готардъ. Англіи была объявлена война, на имущество англичанъ наложено амбарго и уже дълались большія приготовленія, дабы, въ союзѣ съ Франціей, начать морскую войну противъ этой державы съ открытіемъ весенней навигаціи.

Всв эти обстоятельства произвели на общество удручающее впечатльніе. Дипломатическій корпусь прекратиль свои обычные пріемы; значительная часть петербургскихъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые славились своимъ широкимъ гостепріимствомъ, измѣнили свой образъ жизни. Самый дворъ, запертый въ Михайловскомъ замкъ, охранявшемся наподобіе среднев вковой крвпости, также влачиль скучное и однообразное существованіе. Императоръ, пом'ьстившій свою любовницу въ замкт, уже не вытажаль, какъ онъ это дълалъ прежде, и даже его верховыя прогулки ограничивались такъ называемымъ третьимъ лътсадомъ, куда, кромъ самого императора, императрицы и ближайшихъ лицъ свиты, никто не допускался. Аллеи этого парка или сада постоянно очищались отъ снъта для зимнихъ прогулокъ верхомъ. Во время одной изъ этихъ прогулокъ, около четырехъ или пяти дней до смерти императора (въ это время стояла оттепель), Павелъ вдругъ остановилъ свою лошадь и, обернувшись къ шталмейстеру Муханову, ъхавшему рядомъ съ императрицей, сказалъ сильно взволнованнымъ голосомъ: «Миъ показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватаетъ воздуха, чтобы дышать. Я чувствоваль, что умираю... Развъ они хотять задушить меня?» Мухановъ отвъчаль: «Государь,

это, вѣроятно, дѣйствіе оттепели.» Императоръ ничего не отвѣтилъ, покачалъ головой и лицо его сдѣлалось очень задумчивымъ. Онъ не проронилъ ни единаго слова до самаго возвращенія въ замокъ.

Какое странное предостереженіе! Какое загадочное предчувствіе! Разсказъ этотъ мнѣ сообщилъ Мухановъ въ тотъ же вечеръ, причемъ прибавилъ, что онъ обѣдалъ при дворѣ и что императоръ былъ болѣе задумчивъ, чѣмъ обыкновенно, и говорилъ мало. Отъ Муханова же я узналъ, что г-жа Жеребцова въ этотъ вечеръ простилась съ Обольяниновыми и что она ѣдетъ за границу. Она остановилась въ Берлинѣ; впрочемъ, объ этомъ я еще буду имѣть случай сообщить впослѣдствіи.

Теперь я подхожу къ чрезвычайно знаменательной эпохѣ въ исторіи Россіи, эпохѣ, въ событіяхъ которой мнѣ, до извѣстной степени, пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ и живымъ свидѣтелемъ и очевидцемъ многихъ обстоятельствъ, причемъ нѣкоторыя подробности объ этихъ крайне важныхъ событіяхъ я узналъ немедленно же и изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. При описаніи этихъ событій мною руководитъ искреннее желаніе сказать правду, одну только правду. Тѣмъ не менѣе, я буду просить читателя строго различать то, что я лично видѣлъ и слышалъ, отъ тѣхъ фактовъ, которые мнѣ были сообщены другими лицами и о которыхъ я, по необходимости, долженъ упоминать для полноты разсказа.

11-го марта 1801 года, эскадронъ, которымъя командовалъ и который носилъ мое имя, долженъ былъ выставить караулъ въ Михайловскій замокъ. Нашъ полкъ имѣлъ во дворцѣ внутренній караулъ, состоявшій изъ 24-хъ рядовыхъ, трехъ унтеръ-офицеровъ и одного трубача. Онъ находился подъ командою офицера и былъ выстроенъ въ комнатѣ, передъ кабинетомъ императора, спиною къ ведущей въ него двери. Корнетъ Андреевскій былъ въ этотъ день дежурнымъ по караулу.

Черезъ двъ комнаты стоялъ другой внутренній караулъ отъ гренадерскаго батальона Преображенскаго полка, любимаго государева полка, который быль ему особенно преданъ. Этотъ караулъ находился подъ командою подпоручика Марина и былъ, повидимому, съ намъреніемъ составленъ на одну треть изъ старыхъ преображенскихъ гренадеръ и на двѣ трети изъ солдатъ, включенныхъ, этотъ полкъ послѣ раскассированія лейбъ-гренадерскаго полка, происшедшаго по внушенію генерала графа Карла Ливена¹), челов'вка чрезвычайно строгаго и вспыльчиваго. Полкъ этотъ въ теченіе многихъ царствованій, особенно же при Екатерин'в, считался однимъ изъ самыхъ блестящихъ, храбрыхъ и наилучше-дисциплинированныхъ, и солдаты этого полка, вслъдствіе его раскассированія, были весьма дурно расположены къ императору.

Главный караулъ (the main guard) во дворѣ замка (а также наружные часовые) состоялъ изъ роты Семеновскаго великаго князя Александра Павловича полка и находился подъ командою капитана изъ гатчинцевъ ²), который, подобно маріонеткѣ, исполнялъ всѣ внѣшнія формальности службы, не отдавая себѣ, повидимому, никакого отчета, для чего онѣ установлены.

Въ 10 часовъ утра я вывелъ свой караулъ на плацъпарадъ, а между тъмъ, какъ происходилъ разводъ, адъю-

¹⁾ Это быль старшій брать князя Ливена, бывшаго долгое время посломь въ Англін. Графъ Карлъ Ливень недолго оставался въ военной службѣ и, удалившись въ свои помѣстья, вскорѣ, по милости Божьей, сдѣлался смиреннымъ и благочестивымъ христіаниномъ. Въ концѣ своей жизни онъ быль сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта и президентомъ протестанскаго синода и состоялъ предсѣдателемъ нѣкоторыхъ библейскихъ обществъ.

Прим. автора.

²⁾ Капитанъ Пейкеръ, служившій до этого въ гатчинскихъ морскихъ батальонахъ. По словамъ гр. Ланжерона, «всѣ солдаты и офицеры караула Михайловскаго дворца были посвящены въ секретъ заговора, исключая командира караула Пейкера, «ничтожнаго и глупаго нѣмца».

тантъ нашего полка Ушаковъ сообщилъ мнѣ, что, по именному приказанію великаго князя Константина Павловича, я сегодня назначенъ дежурнымъ полковникомъ по полку. Это было совершенно противно служебнымъ правиламъ, такъ какъ на полковника, эскадронъ котораго стоитъ въ караулѣ и который обязанъ осматривать посты, никогда не возлагается никакихъ иныхъ обязанностей. Я замѣтилъ это Ушакову нѣсколько раздраженнымъ тономъ и уже собирался немедленно пожаловаться великому князю, но, къ удивленію всѣхъ, оказалось, что ни его, ни великаго князя Александра Павловича не было на разводѣ. Ушаковъ не объяснилъ мнѣ причинъ всего этого, хотя, повидимому, онъ ихъ зналъ.

Такъ какъ я не имѣлъ права не исполнить приказанія великаго князя, то я повелъ караулъ во дворецъ и, напомнивъ офицеру о всѣхъ его обязанностяхъ (ибо я не разсчитывалъ уже видѣть его въ теченіе дня), вернулся въ казармы, чтобы исполнить мою должность дежурнаго по полку.

Въ 8 часовъ вечера, принявъ рапорты отъ дежурныхъ офицеровъ пяти эскадроновъ, я отправился въ Михайловскій замокъ, чтобы сдать мой рапортъ великому князю Константину, какъ шефу полка.

Выходя изъ саней у большого подъёзда, я встрётилъ камеръ-лакея собственныхъ его величества аппартаментовъ, который спросилъ меня, куда я иду? Я хорошо зналъ этого человёка и, думая, что онъ спрашиваетъ меня изъ простого любопытства, отвёчалъ, что иду къ великому князю Константину.

- Пожалуйста, не ходите,—отвѣчалъ онъ:—ибо я тотчасъ долженъ донести объ этомъ государю.
- Не могу не пойти, сказалъ я: потому что я дежурный полковникъ и долженъ явиться съ рапортомъ къ его высочеству; такъ и скажите государю.

Лакей побъжалъ по лъстницъ на одну сторону замка, я поднялся на другую. Когда я вошелъ въ переднюю Константина Павловича, Рутковскій, его дов'єренный камердинеръ, спросилъ меня съ удивленнымъ видомъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

Я отвътилъ, бросая шубу на диванъ:

Вы, кажется, всѣ здѣсь съ ума сошли! Я дежурный полковникъ.

Тогда онъ отперъ дверь и сказалъ:

— Хорошо, войдите.

Я засталь Константина въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ двери в: онъ имѣлъ видъ очень взволнованный. Я тотчасъ отранортовалъ ему о состояніи полка. Между тѣмъ, пока я рапортовалъ, великій князь Александръ вышелъ изъ двери с, прокрадываясь, какъ испуганный заяцъ (like a frightened hare). Въ эту минуту открылась задняя дверь д, и вошелъ императоръ propria persona, въ сапогахъ и шпорахъ, съ шляпой въ одной рукѣ и тростью въ другой, и направился къ нашей группѣ церемоніальнымъ шагомъ, словно на парадѣ.

Рис. 1.

Кабинетъ в. кн. Констант. в

Передняя. а

Александръ поспѣшно убѣжалъ въ собственный аппартаментъ; Константинъ стоялъ пораженный, съ руками, бьющимися по карманамъ, словно безоружный человѣкъ, очутившійся передъ медвѣдемъ. Я же, повернувшись, по уставу, на каблукахъ, отрапортовалъ императору о состояніи полка. Императоръ сказалъ: «А, ты дежурный!»

очень учтиво кивнулъ мнѣ головой, повернулся и пошелъ къ двери д. Когда онъ вышелъ, Александръ немного пріоткрылъ свою дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ стоялъ неподвижно. Когда вторая дверь въ ближай-шей комнатѣ громко стукнула, какъ будто ее съ силою захлопнули, доказывая, что императоръ дѣйствительно ушелъ, Александръ, крадучись, снова подошелъ къ намъ.

Константинъ сказалъ:

— Ну, братецъ, что скажете вы о моихъ?—указывая на меня.—Я говорилъ вамъ, что онъ не испугается!

Александръ спросилъ:

- Какъ? Вы не боитесь императора?
- Нѣтъ, ваше высочество, чего же мнѣ бояться? Я дежурный, да еще внѣ очереди; я исполняю мою обязанность и не боюсь никого, кромѣ великаго князя, и то потому, что онъ мой прямой начальникъ, точно такъ же, какъ мои солдаты не боятся его высочества, а боятся одного меня.
 - Такъ вы ничего не знаете?—возразилъ Александръ.
- Ничего, ваше высочество, кромѣ того, что я дежурный не въ очередь.
 - Я такъ приказалъ, —сказалъ Константинъ.
- Къ тому же, сказалъ Александръ, мы оба подъ арестомъ.

Я засмѣялся. Великій князь сказалъ:

- Отчего вы смѣетесь?
- Оттого, отвътилъ я: что вы давно желали этой чести.
- Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Насъ обоихъ водилъ въ церковь Обольяниновъ присягать въ върности!
- Меня нѣтъ надобности приводить къ присягѣ,— сказалъ я:—я въренъ.
- Хорошо,—сказалъ Константинъ:—теперь отправляйтесь домой и смотрите, будьте осторожны.

Я поклонился и вышелъ.

Въ передней, пока камердинеръ Рутковскій подаваль мнѣ шубу, Константинъ Павловичъ крикнулъ:

— Рутковскій стаканъ воды!

Рутковскій налиль, а я замѣтиль ему, что на поверхности плаваеть перышко. Рутковскій вынуль его пальцемъ и, бросивъ на поль, сказаль:

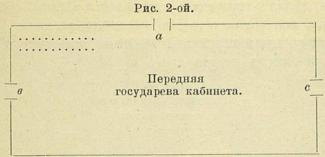
— Сегодня оно плаваеть, но завтра потонеть.

Затьмъ я оставилъ дворецъ и отправился домой. Было ровно девять часовъ и, когда я сълъ въ свое кресло, я, какъ легко себъ представить, предался довольно тревожнымъ размышленіямъ по поводу всего, что я только что слышалъ и видълъ въ связи съ предчувствіями, которыя я имълъ раньше. Мои размышленія, однакоже, были непродолжительны. Въ три четверти десятаго мой слуга Степанъ вошелъ въ комнату и ввелъ ко мнѣ фельдъегеря.

- Его величество желаеть, чтобы вы немедленно явились во дворецъ.
- Очень хорошо, —отвъчалъ я и велълъ подать сани. Получить такое приказаніе черезъ фельдъегеря считалось въ тѣ времена дѣломъ нешуточнымъ и плохимъ предзнаменованіемъ. Я, однакоже, не имѣлъ дурныхъ предчувствій и, немедленно отправившись къ моему караулу, спросилъ корнета Андреевскаго, все ли обстоитъ благополучно? Онъ отвътилъ, что все совершенно благополучно; что императоръ и императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему и имѣли видъ очень милостивый. Я сказалъ ему, что за мною послалъ государь и что я не приложу ума, зачѣмъ бы это было. Андреевскій также не могъ догадаться, ибо въ теченіе дня все было въ порядкѣ.

Въ шестнадцать минутъ одиннадцатаго часовой крикнулъ: «вонъ!» и караулъ вышелъ и выстроился. Императоръ показался изъ двери а, въ башмакахъ и чулкахъ, ибо онъ шелъ съ ужина. Ему предшествовала любимая его собачка «Шпицъ», а слѣдовалъ за нимъ Уваровъ, дежурный генералъ-адъютантъ. Собачка подбѣжала ко мнѣ

и стала ласкаться, котя прежде того никогда меня не видала. Я отстраниль ее шляпою, но она опять кинулась

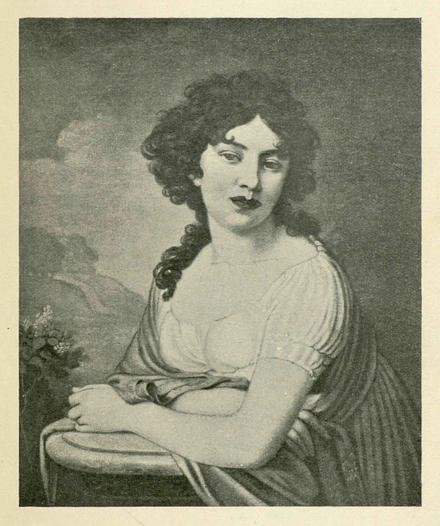
ко мнѣ, и императоръ отогналъ ее ударомъ шляпы, послѣ чего «Шпицъ» сѣлъ позади Павла Петровича на заднія лапки, не переставая пристально глядѣть на меня.

Императоръ подошелъ ко мнѣ (я стоялъ шагахъ въ двухъ отъ караула) и сказалъ по-французски: êtes des Jacobins». Нѣсколько озадаченный этими словами, я отвътилъ: «Oui, Sire». Онъ возразилъ: Vous, mais le régiment». На это я возразилъ: «Passe encore pour moi, mais vous vous trompez, Sire, pour le régiment». Онъ отвѣтилъ по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караудъ!». Я скомандовалъ: «По отдъленіямъ, направо! Маршъ!». Корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ черезъ дверь в и отправился съ нимъ домой. «Шпицъ» не шевелился и все время во всѣ глаза смотрёль на меня. Затёмъ императоръ, продолжая разговоръ по-русски, повторилъ, что мы якобинцы. Я вновь отвергъ это обвинение. Онъ снова замътилъ, что лучше знаетъ, и прибавилъ, что онъ велълъ выслать полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ, причемъ сказалъ мнъ весьма милостиво: «А вашъ эскадронъ будетъ пом'вщенъ въ Царскомъ Селъ; два бригадъ-майора будутъ сопровождать полкъ до седьмой версты; распорядитесь, чтобы онъ быль готовъ утромъ въ четыре часа, въ полной походной формъ и съ поклажею». Затъмъ, обращаясь къ двумъ лакеямъ, одётымъ въ гусарскую форму, но не вооруженнымъ, онъ сказалъ: «Вы же два займите этотъ постъ»,— указывая на дверь а. Уваровъ, все это время, за спиною государя, дѣлалъ гримасы и усмѣхался, а вѣрный «Шпицъ», бѣдняжка, все время серьезно смотрѣлъ на меня. Императоръ затѣмъ поклонился мнѣ особенно милостиво и ушелъ въ свой кабинетъ черезъ дверь а.

Тутъ, можетъ быть, кстати будетъ пояснить, какъ былъ расположенъ внутри кабинетъ императора.

То была длинная комната, въ которую входили черезъ дверь a, и такъ какъ нѣкоторыя изъ стѣнъ замка были достаточно толсты, чтобы вмѣстить въ себѣ внутреннюю лѣстницу, то въ толщинѣ стѣны, между дверями a b, и была устроена такая лѣстница, которая вела въ аппартаменты княгини Гагариной, а также графа Кутайсова. На противоположномъ концѣ кабинета была дверь c, ведшая въ опочивальню императрицы, и рядомъ съ нею каминъ

Княгиня Анна Петровна Гагарина, рожд. Лопухина. Съ портрега, принадлежащаго князю П. А. Голиџыну.

д; на правой сторон'в стояла походная кровать императора е, надъ которою всегда висёли: шпага, шарфъ и трость его величества. Императоръ всегда спалъ въ кальсонахъ и въ бѣломъ полотняномъ камзол'в съ рукавами.

Получивъ, какъ сказано выше, приказанія отъ его величества, я вернулся въ полкъ и передалъ ихъ генералу Тормасову, который молча покачалъ головою и велѣлъ мнѣ сдѣлать въ казармахъ распоряженія, чтобы все было готово и лошади осѣдланы къ четыремъ часамъ. Это было ровно въ 11 часовъ, за часъ до полуночи. Я вернулся къ своему вольтеровскому креслу въ глубокомъ раздумьи.

Нѣсколько минуть послѣ часа пополуночи, 12 марта, Степанъ, мой камердинеръ, опять вошелъ въ мою комнату съ собственнымъ ѣздовымъ великаго князя Константина, который вручилъ мнѣ собственноручную записку его высочества ¹), написанную, повидимому, весьма спѣшно и взволнованнымъ почеркомъ, въ которой значилось слѣдующее:

«Собрать тотчасъ же полкъ верхомъ, какъ можно скоръе, съ полною аммуниціею, но безъ поклажи и ждать моихъ приказаній».

(подписано) «Константинъ Цесаревичъ».

Потомъ вздовой на словахъ прибавилъ: «его высочество приказалъ мнв передать вамъ, что дворецъ окруженъ войсками и чтобы вы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами».

Я тотчасъ велѣлъ моему камердинеру надѣть шубу и шапку и идти за мною. Я довелъ его и ѣздового до воротъ казармы и поручилъ послѣднему доложить его высочеству, что приказанія его будутъ исполнены. Камердинера же своего я послалъ въ домъ къ моему отцу, разсказать все то, что онъ слышалъ, и велѣлъ ему оставаться тамъ, пока самъ не пріѣду.

¹⁾ Подлинникъ находится во владѣніи издателя «Fraser's Magazine». Прим. англійской редакціи.

Я зналъ то вліяніе, которое имѣю на солдать, и что безъ моего согласія они не двинутся съ мѣста; къ тому же я быль, очевидно, обязань ограждать ихъ отъ ложныхъ слуховъ. Наша казарма была домъ съ толстыми стѣнами, выстроенный въ видѣ пустого четыреугольника, съ двумя только воротами. Такъ какъ была еще зима и вездѣ были вставлены двойныя окна, то я легко могъ сдѣлать изъ этого зданія непроницаемую крѣпость, заперевъ наглухо и заколотивъ гвоздями заднія ворота и поставивъ у переднихъ воротъ парныхъ часовыхъ со строгимъ приказаніемъ никого не впускать. Я поступилъ такъ потому, что не быль вполнѣ увѣренъ въ образѣ мыслей генерала Тормасова при данныхъ обстоятельствахъ; вотъ почему я распорядился поставить у дверей его квартиры часового, строго приказавъ ему никого не пропускать.

Затѣмъ я отправился въ конюшни, велѣлъ созвать солдатъ и немедленно сѣдлать лошадей. Такъ какъ дѣло было зимою, то мы были принуждены зажечь свѣчи, яркій свѣтъ которыхъ тотчасъ разбудилъ весь полкъ. Нѣкоторые изъ полковниковъ упрекнули меня въ томъ, что я такъ «чертовски спѣшу», когда до четырехъ часовъ еще времени достаточно. Я не отвѣчалъ, но такъ какъ, зная меня, они разсудили, что я не сталъ бы дѣйствовать такимъ образомъ безъ уважительныхъ причинъ, то всѣ они послѣдовали моему примѣру, каждый въ своемъ эскадронѣ. Тѣмъ не менѣе, когда я приказалъ заряжать карабины и пистолеты боевыми патронами, всѣ они возражали и у насъ вышелъ маленькій споръ; но такъ какъ я лично получилъ приказанія отъ его высочества, они пришли къ убѣжденію, что я, должно быть, правъ и поступили такъ же, какъ и я.

Между тремя и четырьмя часами утра меня вызвали къ передовому караулу у воротъ. Тутъ я увидѣлъ Ушакова, нашего полкового адъютанта.

[—] Откуда вы? Вы не ночевали въ казармѣ? — спросилъ я его.

[—] Я изъ Михайловскаго замка.

- А что тамъ дѣлается?
- Императоръ Павелъ умеръ и Александръ провозглашенъ императоромъ.
- Молчите! отвѣчалъ я и тотчасъ повелъ его къ генералу, отпустивъ поставленный мною караулъ.

Мы вошли въ гостиную, которая была рядомъ со спальнею. Я довольно громко крикнулъ:

- Генералъ, генералъ, Александръ Петровичъ! Жена его проснулась и спросила:
- Кто тамъ?
- Полковникъ Саблуковъ, сударыня.
- А, хорошо, и она разбудила своего мужа. Его превосходительство надътъ халатъ и туфли и вышелъ въ ночномъ колпакъ, протирая себъ глаза, еще полусонный.
 - Въ чемъ дъло? спросилъ онъ.
- Вотъ, ваше превосходительство, адъютантъ, онъ только что изъ дворца и все вамъ скажетъ...
- Что же, сударь, случилось? обратился онъ къ Ушакову.
- Его величество, государь императоръ скончался: онъ умеръ отъ удара...
- Что такое, сударь? Какъ смѣете вы это говорить?! воскликнулъ генералъ.
- Онъ, дъйствительно, умеръ, сказалъ Ушаковъ: великій князь вступилъ на престолъ, и военный губернаторъ передалъ мнъ приказъ, чтобы ваше превосходительство немедленно привели полкъ къ присягъ императору Александру.

Онъ сказалъ намъ тоже, что Михайловскій замокъ окруженъ войсками и что Александръ съ женою Елисаветой перевхалъ въ Зимній дворецъ подъ прикрытіемъ кавалергардовъ, которыми предводительствовалъ самъ Уваровъ.

Убъдившись въ справедливости сообщеннаго извъстія, генералъ Тормасовъ сказалъ мнъ по-французски:

— Eh bien, mon cher colonel, faites sortir le régiment, preparez le prêtre et l'Evangile et réglez tout cela. Je m'habillerai et je descendrai tout de suite.

Ушаковъ въ заключение прибавилъ, что генералъ Бенигсенъ былъ оставленъ комендантомъ Михайловскаго замка.

12 марта, между четырьмя и пятью часами утра, когда только что начинало свътать, весь полкъ былъ выстроенъ, въ пъшемъ строю, на дворъ казармъ. Отецъ Иванъ, нашъ полковой священникъ, вынесъ крестъ и евангеліе на аналов и поставилъ его передъ полкомъ. Генералъ Тормасовъ громко объявилъ о томъ, что случилось: что императоръ Павелъ скончался отъ апоплексическаго удара и что Александръ I вступилъ на престолъ. Затъмъ онъ велълъ приступить къ присягв. Рвчь эта произвела мало впечатлънія на солдать: они не отвътили на нее криками «ура», какъ онъ того ожидалъ. Онъ затъмъ пожелалъ, чтобы я, въ качествъ дежурнато полковника, поговорилъ съ солдатами. Я началъ съ лейбъ-эскадрона, въ которомъ я служилъ столько лътъ, что зналъ въ лицо каждаго рядового. На правомъ флангъ стоялъ рядовой Григорій Ивановъ, примърный солдать, статный и высокаго роста. Я сказалъ ему:

- Ты слышалъ, что случилось?
- Точно такъ.
- Присягнете вы теперь Александру?
- Ваше высокоблагородіе,—отв'єтилъ онъ:—вид'єли ли вы императора Павла, д'єйствительно, мертвымъ?
 - Нътъ, отвътилъ я.
- Не чудно ли было бы, —сказалъ Григорій Ивановъ:— если бы мы присягнули Александру, пока Павелъ еще живъ?
 - Конечно, -- отвътилъ я.

Тутъ Тормасовъ шопотомъ сказалъ мнѣ по-французски:

- Cela est mal, arrangez cela.

Тогда я обратился къ генералу и громко, по-русски, сказалъ ему:

— Позвольте мнѣ замѣтить, ваше превосходительство, что мы приступаемъ къ присягѣ не по уставу: присяга никогда не приносится безъ штандартовъ.

Тутъ я шепнулъ ему по-французски, чтобы онъ приказалъ мнѣ послать за ними.

Генералъ сказалъ громко:

— Вы совершенно правы, полковникъ, пошлите за штандартами.

Я скомандовалъ первому взводу състь на лошадей и велълъ взводному командиру, корнету Филатьеву, непремънно показать солдатамъ императора Павла, живого или мертваго.

Когда они прибыли во дворецъ, генералъ Бенигсенъ, въ качествъ коменданта дворца, велълъ имъ принять штандарты, но корнетъ Филатьевъ замътилъ ему, что необходимо прежде показать солдатамъ покойника. Тогда Бенигсенъ воскликнулъ: «Mais c'est impossible, il est abimé, fracassé, on est actuellement à le peindre et à l'arranger»!

Филатьевъ отвѣтилъ, что, если солдаты не увидятъ Павла мертвымъ, полкъ отказывается присягнуть новому государю. — «Ah, ma foi!» сказалъ старикъ Бенигсенъ: «s'ils lui sont si attachés, ils n'ont qu'à le voir». Два ряда были впущены и видѣли тѣло императора.

По прибытіи штандартовъ, имъ были отданы обычныя почести съ соблюденіемъ необходимаго этикета. Ихъ передали въ соотвѣтствующіе эскадроны и я приступилъ къ присягѣ. Прежде всего я обратился къ Григорію Иванову:

- Что же, братецъ, видѣлъ ты государя Павла Петровича? Дѣйствительно онъ умеръ?
 - Такъ точно, ваше высокоблагородіе, крѣпко умеръ!
 - Присягнешь ли ты теперь Александру?
- Точно такъ... хотя лучше покойнаго ему не быть... А, впрочемъ, все одно: кто ни попъ, тотъ и батька.

Такъ окончился обрядъ (присяги), который, по смыслу своему, долженствовалъ быть священнымъ таинствомъ: впрочемъ, онъ всегда и былъ таковымъ... для солдатъ.

Теперь я буду продолжать свое повъствование уже со словъ другихъ лицъ, но на основании данныхъ самыхъ достовърныхъ и ближайшихъ къ тому времени, когда совершилась эта ужасная катастрофа.

Вечеромъ 11 марта заговорщики раздѣлились на небольшіе кружки. Ужинали у полковника Хитрово, у двухъ генераловъ Ушаковыхъ, у Депрерадовича (Семеновскаго полка) и у нѣкоторыхъ другихъ. Поздно вечеромъ всѣ соединились вмѣстѣ за однимъ общимъ ужиномъ, на которомъ присутствовали: генералъ Бенигсенъ и графъ Паленъ. Было выпито много вина и многіе выпили болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Въ концѣ ужина, какъ говорятъ, Паленъ будто бы сказалъ: «Rappelez-vous, messieurs, que pour manger d'une omelette il faut commencer par casser les œufs».

Говорять, что за этимъ ужиномъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковникъ Бибиковъ, прекрасный офицеръ, находившійся въ родствѣ со всею знатью, будто бы, высказалъ во всеуслышаніе мнѣніе, что нѣтъ смысла стараться избавиться отъ одного Павла; что Россіи не легче будетъ съ остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отдѣлаться отъ нихъ всѣхъ сразу. Какъ ни возмутительно подобное предположеніе, достойно вниманія то, что оно было вторично высказано въ 1825 году, во время послѣдняго заговора, сопровождавшаго вступленіе на престолъ императора Николая І.

Около полуночи большинство полковъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, двинулись ко дворцу. Впереди шли семеновцы, которые и заняли внутренніе коридоры и проходы замка.

Заговорщики встали съ ужина немного позже полуночи. Согласно выработанному плану, сигналъ къ вторженію во внутренніе аппартаменты дворца и въ самый кабинетъ императора долженъ былъ подать Аргамаковъ, адъютантъ гренадерскаго батальона Преображенскаго полка, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы до-

кладывать императору о пожарахъ, происходящихъ въ городѣ. Аргамаковъ вбѣжалъ въ переднюю государева кабинета, гдѣ недавно еще стоялъ караулъ отъ моего эскадрона, и закричалъ: «пожаръ»!

Въ это время заговорщики, числомъ до 180-ти человѣкъ, бросились въ дверь а (см. рис. 3). Тогда Маринъ, командовавшій внутреннимъ пѣхотнымъ карауломъ, удалиль вѣрныхъ гренадеръ Преображенскаго лейбъ-батальона, разставивъ ихъ часовыми, а тѣхъ изъ нихъ, которые прежде служили въ лейбъ-гренадерскомъ полку, помѣстилъ въ передней государева кабинета, сохранивъ, такимъ образомъ, этотъ важный постъ въ рукахъ заговорщиковъ.

Два камеръ-гусара, стоявшіе у двери а, храбро защищали свой постъ, но одинъ изъ нихъ былъ заколотъ, а другой раненъ 1). Найдя первую дверь (а), ведшую въ спальню, незапертою, заговорщики сначала подумали, что императоръ скрылся по внутренней лъстницъ (и это легко бы удалось), какъ это сдълалъ Кутайсовъ. Но когда они подошли ко второй двери (в), то нашли ее запертою извнутри, что доказывало, что императоръ, несомнънно, находился въ спальнъ.

Взломавъ дверь (в), заговорщики бросились въ комнату, но императора въ ней не оказалось. Начались поиски, но безуспѣшно, несмотря на то, что дверь с, ведшая въ опочивально императрицы, также была заперта извнутри. Поиски продолжались нѣсколько минутъ, когда вошелъ генералъ Бенигсенъ, высокаго роста, флегматичный человѣкъ; онъ подошелъ къ камину (д), прислонился къ нему и въ это время увидѣлъ императора, спрятавшагося за экраномъ. Указавъ на него пальцемъ, Бенигсенъ сказалъ по-французски: «le voilà», послѣ чего Павла тотчасъ вытащили изъ его прикрытія.

¹⁾ Это быль камерь-гусарь Кириловь, впослёдствіи служившій камердинеромь при вдовствующей государын'в Марін Өеодоровн'в.

Князь Платонъ Зубовъ¹), дъйствовавшій въ качествъ оратора и главнаго руководителя заговора, обратился къ императору съ ръчью. Отличавшійся, обыкновенно, больцюю нервностью, Павелъ, на этотъ разъ, однако, не казался особенно взволнованнымъ и, сохраняя полное достоинство, спросилъ, что имъ всъмъ нужно?

Платонъ Зубовъ отвѣчалъ, что деспотизмъ его сдѣлался настолько тяжелымъ для націи, что они пришли требовать его отреченія отъ престола.

Императоръ, преисполненный искренняго желанія доставить своему народу счастье, сохранять нерушимо законы и постановленія имперіи и водворить повсюду правосудіє, вступиль съ Зубовымь въ споръ, который длился около получаса и который, въ концѣ концовъ, принялъ бурный характеръ. Въ это время тѣ изъ заговорщиковъ, которые слишкомъ много выпили шампанскаго, стали выражать нетерпѣніе, тогда какъ императоръ, въ свою очередь, говориль все громче и началъ сильно жестикулировать. Въ это время шталмейстеръ, графъ Николай Зубовъ²), человѣкъ громаднаго роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьянъ, ударилъ Павла по рукѣ и сказалъ: «что ты такъ кричишь!».

При этомъ оскорбленіи императоръ съ негодованіемъ оттолкнулъ лѣвую руку Зубова, на что послѣдній, сжимая въ кулакѣ массивную золотую табакерку, со всего размаху нанесъ правою рукою ударъ въ лѣвый високъ императора, вслѣдствіе чего тотъ безъ чувствъ повалился на полъ. Въ ту же минуту французъ-камердинеръ Зубова вскочилъ съ ногами на животъ императора, а Скарятинъ, офицеръ Измайловскаго полка, снявъ висѣвшій надъ кроватью соб-

¹⁾ Зубовъ, князь Платонъ Александровичъ. Ген.-отъ инф., шефъ 1 кадет. корпуса. Впослъд. членъ госуд. совъта. Род. 1767; † 1822.

²⁾ Зубовъ, графъ Николай Александр. Оберъ-шталмейстеръ. 1763 † 1805. Вылъ женатъ на единственной дочери фельдмаршала Суворова, княжнъ Наталіи Александровнъ, извъстной подъ именемъ «Суворочки»

ственный шарфъ императора, задушилъ его имъ. Такимъ образомъ его прикончили.

На основаніи другой версіи, Зубовъ, будучи сильно пьянъ, будто бы запустилъ пальцы въ табакерку, которую Павель держалъ въ рукахъ. Тогда императоръ первый ударилъ Зубова и, такимъ образомъ, самъ началъ ссору. Зубовъ, будто бы, выхватилъ табакерку изъ рукъ императора и сильнымъ ударомъ сшибъ его съ ногъ. Но это едва ли правдоподобно, если принять во вниманіе, что Павелъ выскочилъ прямо изъ кровати и хотѣлъ скрыться. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что табакерка играла въ этомъ событіи извѣстную роль.

Итакъ, произнесенныя Паленомъ за ужиномъ слова «qu'il faut commencer par casser les oeufs» не были забыты и, увы, приведены въ исполненіе.

Называли имена нѣкоторыхъ лицъ, которыя выказали при этомъ случаѣ много жестокости, даже звѣрства, желая выместить полученныя отъ императора оскорбленія на безжизненномъ его тѣлѣ, такъ что докторамъ и гримерамъ было не легко привести тѣло въ такой видъ, чтобы можно было выставить его для поклоненія, согласно существующимъ обычаямъ. Я видѣлъ покойнаго императора, лежащаго въ гробу¹). На лицѣ его, несмотря на старательную гримировку, видны были черныя и синія пятна. Его треугольная шляпа была такъ надвинута на голову, чтобы, по возможности, скрыть лѣвый глазъ и високъ, который быль зашибленъ.

Такъ умеръ 12-го марта 1801 года одинъ изъ государей, о которомъ исторія говоритъ какъ о монархѣ, преисполненномъ многихъ добродѣтелей, отличавшемся неутомимой дѣятельностью, любившемъ порядокъ и справедли-

¹⁾ Говорять (изъ достов. источника), что, когда дипломатическій корпусь быль допущень къ тілу, французскій посоль, проходя, нагнулся надъгробомъ и, задівь рукою за галстукь императора, обнаружиль красный слідь вокругь шеи, сділанный шарфомъ.

вость и искренно набожномъ. Въ день своей коронаціи онъ опубликовалъ актъ, устанавливавшій порядокъ престолонаслѣдія въ Россіи. Земледѣліе, промышленность, торговля, искусства и науки имѣли въ немъ надежнаго покровителя. Для насажденія образованія и воспитанія онъ основалъ въ Дерптѣ университетъ, въ Петербургѣ училище для военныхъ сиротъ (Павловскій корпусъ). Для женщинъ—институтъ ордена св. Екатерины и учрежденія вѣдомства императрицы Маріи.

Нельзя безъ отвращенія упоминать объ убійцахъ, отличавшихся своимъ звърствомъ во время этой катастрофы. Я могу только присовокупить, что большинство изъ нихъ я зналъ до самаго момента ихъ кончины, которая у многихъ представляла ужасную нравственную агонію въ связи съ самыми жестокими тълесными муками.

Да будеть благословенна благод'єтельная десница Провид'єнія, сохранившая меня отъ всякаго соучастія въ этомъ страшномъ злод'єяніи!

Возвращаюсь теперь къ трагическимъ происшествіямъ 12-го марта 1801 года.

Какъ только шталмейстеръ Сергъй Ильичъ Мухановъ, состоявшій при особъ императрицы Маріи Өеодоровны, узналь о томъ, что случилось, онъ поситыно разбудиль графиню Ливенъ, старшую статсъ-даму и воспитательницу августъйшихъ дътей, ближайшаго и довъреннаго друга императрицы, особу большого ума и твердаго характера, одаренную почти мужскою энергіею.

Графиня Ливенъ отправилась въ опочивальню ея величества. Было два часа пополуночи. Государыня вздрогнула и спросила:

[—] Кто тамъ?

[—] Это я, ваше величество!..

- О,—сказала императрица, я увърена, что Александра¹) умерла.
 - Нътъ, государыня, не она...
 - О! Такъ это императоръ!...

При этихъ словахъ, императрица стремительно поднялась съ постели и, какъ была, безъ башмаковъ и чулокъ, бросилась къ двери, ведущей въ кабинетъ императора, служившій ему и спальнею. Графиня Ливенъ имѣла только время набросить салопъ на плечи ея величества.

Между спальнями императора и императрицы была комната съ особымъ входомъ и внутреннею лѣстнипею. Сюда введенъ былъ пикетъ семеновцевъ, чтобы не допускать никого въ кабинетъ императора съ этой стороны. Этотъ пикетъ находился подъ командою моего двоюроднаго брата, капитана Александра Волкова, офицера, лично извѣстнато императрицѣ и пользовавшагося особымъ ея покровительствомъ.

Въ ужасномъ волненіи, съ распущенными волосами и въ описанномъ уже костюмѣ, императрица вбѣжала въ эту комнату съ крикомъ: «пустите меня! пустите меня»! Гренадеры скрестили штыки. Со слезами на глазахъ она обратилась тогда къ Волкову и просила пропустить ее. Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ права. Тогда она опустилась на полъ и, обнимая колѣна часовыхъ, умоляла пропустить ее. Грубые солдаты рыдали при видѣ ея горя, но съ твердостью исполнили приказъ. Тогда императрица встала съ достоинствомъ и твердою походкой вернулась въ свою спальню. Блѣдная и неподвижная, какъ мраморная статуя, она опустилась въ кресло и въ такомъ состояніи ее одѣли.

Мухановъ, ея върный другъ, былъ первымъ мужчиною, котораго она допустила въ свое присутствіе, и съ этой минуты онъ постоянно былъ при ней до самой смерти ²).

¹⁾ Великая княгиня Александра Павловна, супруга эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго.

²) Какъ воспоминаніе объ услугахъ, оказанныхъ Мухановымъ въ эту эпоху, государыня Марія Өеодоровна подарила ему свой портретъ

Рано утромъ (12-го марта) изъ Зимняго дворца явился посланный; если я не ошибаюсь, это былъ самъ Уваровъ. Именемъ императора и императрицы, онъ умолялъ вдовствующую государыню перейхать къ нимъ.

— Скажите моему сыну,—отвѣчала императрица:—что до тѣхъ поръ, пока я не увижу моего мужа мертвымъ собственными глазами, я не признаю Александра своимъ государемъ.

Необходимо теперь замѣтить, что Паленъ не терялъ изъ виду Александра, который былъ молодъ и робокъ. Паленъ не пошелъ вмёстё съ заговорщиками, но остался въ нижнемъ этажѣ вмѣстѣ съ Александромъ, который, какъ извъстно, находился подъ арестомъ, равно какъ и Константинъ, въ той комнатъ, гдъ я ихъ видълъ. На этомъ основаніи злые языки впосл'вдствіи говорили, что если бы Павелъ спасся (какъ это и могло случиться), графъ Паленъ, въроятно, арестовалъ бы Александра и измънилъ бы весь ходъ дъла. Одно не подлежитъ сомнънію-это, что Паленъ очень хладнокровно все предусмотрелъ и принялъ возможныя мёры къ тому, чтобы избёжать всякихъ случайностей. Навелъ, сильно взволнованный въ последние дни, высказалъ Палену желаніе послать нарочнаго за Аракчеевымъ. Нарочный былъ посланъ, и Аракчеевъ прибылъ въ Петербургъ вечеромъ, въ самый день убійства, но его не пропустили черезъ заставу.

Генералъ Кологривовъ¹), который командовалъ гусарами и былъ вёрный и преданный слуга императора, въ этотъ вечеръ былъ у себя дома и игралъ въ вистъ съ генералъ-майоромъ Кутузовымъ²), который служилъ подъ его начальствомъ. Ровно въ половинѣ перваго той ночи Кутузовъ вынулъ свои часы и заявилъ Кологривову, что

въ траурномъ платъв, прекрасную картину, находящуюся въ настоящее время въ семъв Мухановыхъ. Прим. автора.

¹⁾ Кологривовъ, Андрей Семеновичъ. Род. 1774 † 1825.

²⁾ Кутузовъ, Александръ Петровичъ. Род. 1777 † 1817.

онъ арестованъ и что ему приказано наблюдать за нимъ. Въроятно, Кутузовъ принялъ необходимыя мъры на случай сопротивленія со стороны хозяина дома.

Майоръ Горголи 1), бывшій плацъ-майоромъ, очень милый молодой человъкъ, получилъ приказаніе арестовать графа Кутайсова и актрису Шевалье, съ которой тотъ былъ въ связи и у которой онъ часто ночевалъ въ домъ. Такъ какъ его не нашли во дворцъ, то думали, что онъ у нея. Пронырливый Фигаро, однако, скрылся по потайной лъстниць и, забывъ о своемъ господинь, которому всемъ былъ обязань, выбъжаль безь башмаковь и чулокь, въ одномь халать и колпакь, и въ такомъ видь быжаль по городу, пока не нашелъ убъжища въ домъ Степана Сергъевича Ланского, который, какъ человъкъ благородный, не выдалъ его, пока не миновала всякая опасность. Что касается актрисы Шевалье, то, какъ говорятъ, она приложила всв старанія, чтобы показаться особенно обворожительной, но Горголи, повидимому, не отдалъ дань ея прелестямъ, такъ что она отдълалась однимъ страхомъ.

Можно было думать, что, получивъ упомянутый отвѣтъ отъ своей матери, которую онъ любилъ столь же нѣжно, какъ и былъ любимъ ею, Александръ немедленно придетъ броситься въ ея объятія. Но тогда ему пришлось бы разрѣшить ей взглянуть на тѣло ея убитаго мужа, а этого, увы, нельзя было дозволить; нельзя было допустить императрицу къ тѣлу въ томъ его видѣ, въ какомъ его застали солдаты конной гвардіи. Уборка тѣла, гримировка, бальзамированіе и облаченіе въ мундиръ длились болѣе зо-ти часовъ, и только на другой день послѣ смерти, поздно вечеромъ, Павла показали убитой горемъ императрицѣ.

Слъдующій же день послъ ужасныхъ событій 11-го марта наглядно показаль все легкомысліе и пустоту сто-

¹⁾ Горголи, Иванъ Саввичъ. Впослѣдствіи спб. полицеймейстеръ. Род. въ 1770 † 1862 г. Сенаторъ и писатель.

личной, придворной и военной публики того времени. Одною изъ главныхъ жестокостей, въ которыхъ обвиняли Павла, считалась его настойчивость и строгость относительно старомодныхъ костюмовъ, причесокъ, экипажей и т. п. мелочей. Какъ только изв'єстіе о кончин'в императора распространилось въ городъ, немедленно же появились прически à la Titus, исчезли косы, обрѣзались букли и панталоны; круглыя шляны и сапоги съ отворотами наполнили улицы. Дамы также, не теряя времени, облеклись въ новые костюмы, и экипажи, имъвшіе видъ старыхъ нъмецкихъ или французскихъ attelages, исчезли, уступивъ мъсто русской упряжи, съ кучерами въ національной одеждѣ и съ форейторами (что было строго запрещено Павломъ), которые съ обычной быстротою и криками понеслись по улицамъ. Это движеніе, вдругъ сообщенное всёмъ жителямъ лицы, внезапно освобожденнымъ отъ строгостей полицейскихъ постановленій и уличныхъ правилъ, дъйствительно, заставило всёхъ ощущать, что съ рукъ ихъ, словно по волшебству, свалились цёпи и что нація, какъ бы находившаяся въ гробу, снова вызвана къ жизни и движенію.

Утромъ (12-го марта), въ 10 часовъ, мы всѣ были на парадѣ, во время котораго вся прежняя рутина была соблюдена. Графъ Паленъ держалъ себя, какъ и всегда. Такъ какъ я стоялъ отъ него въ сторонѣ, то онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

- Je vous ai craint plus, que toute la garnison.
- Et vous avez eu raison, —отвъчалъ я.
- Aussi,—возразилъ Паленъ:—j'ai eu soin de vous faire renvoyer.

Эти слова убъдили меня въ справедливости разсказа, что императоръ получилъ анонимное письмо съ указаніемъ именъ всѣхъ заговорщиковъ, во главѣ которыхъ стояло имя самого Палена; что, на вопросъ императора, Паленъ не отрицалъ этого факта, но, напротивъ, сказалъ, что, разъ онъ, въ качествѣ военнаго губернатора города, находится во главѣ заговора, его величество можетъ быть увѣренъ,

что все въ порядкѣ. Затѣмъ императоръ благодарилъ Палена и спросилъ его, не признаетъ ли онъ, съ своей стороны, нужнымъ, посовѣтовать ему что-нибудь для его безопасности, на что тотъ отвѣчалъ, что ничего больше не требуется: «Развѣ только ваше величество удалите вотъ этихъ якобинцевъ» (при этомъ онъ указалъ на дверь, за которою стоялъ караулъ отъ конной гвардіи) «да прикажете заколотить эту дверь» (ведущую въ спальню императрицы). Оба эти совѣта злополучный монархъ не преминулъ исполнить, какъ извѣстно, на свою собственную погибель.

Во время парада заговорщики держали себя чрезвычайно заносчиво и какъ бы гордились совершеннымъ преступленіемъ. Князь Платонъ Зубовъ также появился на парадѣ, имѣя далеко не воинственный видъ со своими улыбочками и остротами, за что онъ былъ особенно отличенъ при дворѣ Екатерины, и о чемъ я не могъ вспомнить безъ отвращенія.

Офицеры нашего полка держались въ сторонѣ и съ такимъ презрѣніемъ относились къ заговорщикамъ, что произошло нѣсколько столкновеній, окончившихся дуэлями. Это дало графу Палену мысль устроить офиціальный обѣдъ съ цѣлью примиренія разныхъ партій.

Въ концѣ парада мы узнали, что заключенъ миръ съ Англіей и что курьеръ съ трактатомъ уже отправленъ въ Лондонъ къ графу Воронцову. Онъ долженъ былъ ѣхатъ черезъ Берлинъ, гдѣ графъ получилъ извѣстіе о кончинѣ императора и о мирномъ договорѣ съ Англіей.

Крайне любопытно то, что г-жа Жеребцова предсказала печальное событіе 11-го марта въ Берлинѣ и, какъ только она узнала о совершившемся фактѣ, то отправилась въ Англію и навѣстила своего стараго друга лорда Уитворда, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ. Обстоятельство это впослѣдствіи послужило поводомъ къ распространенію слуха будто бы катастрофа, закончившаяся смертью Павла, была дѣломъ

рукъ Англіи и англійскаго золота. Но это обвиненіе, несомнѣнно, ложно, ибо, несмотря на всю преступность руководителей заговора, посл'єдніе были чужды корыстныхъ цёлей. Они дёйствовали изъ побужденій патріотическихъ, и многіе изъ нихъ, подобно обоимъ великимъ князьямъ, были убъждены въ томъ, что, при помощи угрозъ, императора можно было заставить отречься отъ престола или, по крайней мъръ, принудить подписать актъ, благодаря которому его деспотизмъ былъ бы ограниченъ. Говорили, что князь Зубовъ въ эту ночь, въ кабинетв императора, держаль въ рукт свертокъ бумаги, на которомъ будто бы написанъ былъ текстъ соглашенія между монархомъ и народомъ. Тъмъ не менъе, этотъ споръ между государемъ и заговорщиками, длившійся довольно долго, не привель къ желаемымъ результатамъ, и вскоръ вспыльчивость и раздражительность Павла возбудили заговорщиковъ, большинство которыхъ были почти совсвмъ пьяны, вследствіе чего и произошла вышеописанная катастрофа.

Что касается Александра и Константина, то большинство лицъ, близко стоявшихъ къ нимъ въ это время, утверждали, что оба великихъ князя, получивъ извѣстіе о смерти отца, были страшно потрясены, несмотря на то, что сначала имъ сказали, что императоръ скончался отъ удара, причиненнаго ему волненіемъ, вызваннымъ предложеніями, которыя ему сдѣлали заговорщики.

На слѣдующій день, 13-го марта, мы снова явились въ обычный часъ на парадъ. Александръ и Константинъ появились оба и имѣли удрученный видъ.

Нѣкоторые изъ главарей заговора и главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ убійствѣ выглядѣли нѣсколько смущенно. Одинъ графъ Паленъ держалъ себя, какъ обыкновенно; князь Зубовъ былъ болѣе болтливъ и разговорчивъ, чѣмъ наканунѣ.

Тѣло покойнаго императора, загримированное различными художниками, облеченное въ мундиръ, высокіе сапоги со шпорами и въ шляпѣ, надвинутой на голову

(чтобы скрыть лѣвый високъ), было положено въ гробъ, въ которомъ онъ долженъ былъ быть выставленъ передъ народомъ, согласно обычаю. Но еще до всего этого, убитая горемъ вдова его должна была увидѣть его мертвымъ, безъ чего она не соглашалась признать своего сына императоромъ.

Избѣжать этого было невозможно, и роковое посѣщеніе должно было произойти. Подробности этой ужасной сцены были мнѣ сообщены въ тотъ же вечеръ С. И. Мухановымъ по возвращеніи его изъ дворца, и нѣтъ словъ, чтобы достаточно выразить скорбь, въ которую былъ погруженъ этотъ достойный человѣкъ. Насколько помню, вотъ что онъ сообщилъ мнѣ.

Императрица находилась въ своей спальнѣ, блѣдная, холодная, наподобіе мраморной статуи, точно такою же, какъ она была въ самый день катастрофы. Александръ и Елисавета прибыли изъ Зимняго дворца, въ сопровожденіи графини Ливенъ и Муханова. Я не знаю, былъ ли тутъ и Константинъ, но кажется, что его не было, а всѣ младшія дѣти были со своими нянями. Опираясь на руку Муханова, императрица направилась къ роковой комнатѣ, причемъ за нею слѣдовалъ Александръ съ Елисаветой, а графиня Ливенъ несла шлейфъ. Приблизившись къ тѣлу, императрица остановилась въ глубокомъ молчаніи, устремила свой взоръ на покойнаго супруга и не проронила при этомъ ни единой слезы.

Александръ Павловичъ, который теперь самъ впервые увидалъ изуродованное лицо своего отца, накрашенное и подмазанное, былъ пораженъ и стоялъ въ нѣмомъ оцѣпенѣніи. Тогда императрица-мать обернулась къ сыну и съ выраженіемъ глубокаго горя и видомъ полнаго достоинства сказала: «Теперь васъ поздравляю—вы императоръ». При этихъ словахъ Александръ, какъ снопъ, свалился безъ чувствъ, такъ что присутствующіе на минуту подумали, что онъ мертвъ.

Императрица взглянула на сына безъ всякаго волненія, взяла снова подъ руку Муханова и, поддерживаемая имъ и графиней Ливенъ, удалилась въ свои аппартаменты. Прошло еще нѣсколько минутъ, пока Александръ пришелъ въ себя, послѣ чего онъ немедленно послѣдовалъ за своей матерью, и тутъ, среди новыхъ потоковъ слезъ, мать и сынъ излили впервые свое горе.

Вечеромъ того же дня императрица снова вошла въ комнату покойнаго, причемъ ее сопровождали только графиня Ливенъ и Мухановъ. Тамъ, распростершись надъ тѣломъ убитаго мужа, она лежала въ горькихъ рыданіяхъ, пока едва не лишилась чувствъ, не взирая на необыкновенную тѣлесную крѣпость и нравственное мужество. Ея два вѣрныхъ спутника увели ее, наконецъ, или, вѣрнѣе, унесли ее обратно въ ея аппартаменты. Въ слѣдующіе дни снова повторились подобныя же посѣщенія покойника, причемъ пріѣзжалъ и императоръ. Послѣ этого убитую горемъ вдовствующую императрицу перевезли въ Зимній дворецъ, а тѣло покойнаго императора со всею торжественностью было выставлено для народа.

Русскій народь, по самой своей природь, глубоко предань своимь государямь и эта любовь простолюдина къ своему царю столь же врожденная, кекъ любовь пчелъ къ своей маткъ. Въ этой истинъ убъдился декабристъ Муравьевъ, когда, во время возмущенія 1825 года, онъ объявиль солдатамъ, что императоръ болѣе не царствуетъ, что учреждена республика и установлено, вообще, полное равенство. Тогда солдаты спросили: «Кто же тогда будетъ государемъ?» Муравьевъ отвъчаль: «Да никто не будетъ». — «Батюшка», отвъчали солдаты: «да въдь ты самъ знаешь, что это никакъ невозможно». Впослъдствіи Муравьевъ самъ признался, что въ эту минуту онъ поняль всю ошибочность своихъ дъйствій. Въ 1812 году Наполеонъ впалъ въ ту же ошибку въ Москвъ и заплатилъ за это достаточно дорого, потерявъ всю свою армію.

Приверженность русскаго человѣка къ своему государю особенно ярко высказывается во время поклоненія народа праху умершаго царя. Въ началѣ моего повѣствованія

я уже говориль о тёхъ трогательныхъ сценахъ, которыя происходили послё кончины Екатерины, къ праху которой были свободно допущены люди всёхъ сословій «для поклоненія тёлу и прощанія». Въ настоящемъ случаё запрещено было останавливаться у тёла императора, но приказано лишь поклониться и тотчасъ уходить въ сторону. Несомнённо, что раскрашенное и намазанное лицо императора съ надвинутой на глаза шляпой (что тоже никогда не было въ обычаё) не скрылось отъ вниманія толпы и настроило общественное мнёніе чрезвычайно враждебно по отношенію къ заговорщикамъ.

Желая расположить общественное мнѣніе въ свою пользу, Паленъ, Зубовъ и другіе вожаки заговора рѣшили устроить большой обѣдъ, въ которомъ должны были принять участіе нѣсколько сотъ человѣкъ. Полковникъ N. N, одинъ изъ моихъ товарищей по полку, зашелъ ко мнѣ однажды утромъ, чтобы спросить, знаю ли я что-нибудь о предполагаемомъ обѣдѣ. Я отвѣчалъ, что ничего не знаю. «Въ такомъ случаѣ», сказалъ онъ, «я долженъ сообщить вамъ, что вы внесены въ списокъ приглашенныхъ. Пойдете ли вы туда?»

Я отвѣчалъ, что, конечно, не пойду, ибо не намѣренъ праздновать убійство. — «Въ такомъ случаѣ», отвѣчалъ N. N., «никто изъ нашихъ также не пойдетъ». Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

Въ тотъ же день графъ Паленъ пригласилъ меня къ себъ и едва я вошелъ въ комнату, онъ сказалъ мнъ:

- Почему вы отказываетесь принять участіе въ об'єд'є?
- Parce que je n'ai rien de commun avec ces messieurs,— отвъчалъ я 1).

Тогда Паленъ съ особеннымъ одушевленіемъ, но безъ всякаго гнѣва сказалъ: «Вы не правы, Саблуковъ! Дѣло уже сдѣлано и долгъ всякого добраго патріота, забывъ всѣ партійные раздоры, думать лишь о благѣ родины и

^{1) «}Потому что у меня нѣтъ ничего общаго съ этими господами».

соединиться вмѣстѣ для служенія отечеству. Вы такъ же хорошо, какъ и я, знаете, какіе раздоры посѣяло это событіе: неужели же позволить имъ усиливаться? Мысль объ обѣдѣ принадлежитъ мнѣ и я надѣюсь, что онъ успокоитъ многихъ и умиротворитъ умы. Но, если вы теперь откажетесь придти, остальные полковники вашего полка тоже не придутъ, и обѣдъ этотъ произведетъ впечатлѣніе, прямо противоположное моимъ намѣреніямъ. Прошу васъ поэтому принять приглашеніе и быть на обѣдѣ».

Я объщалъ Палену исполнить его желаніе.

Я явился на этотъ объдъ и другіе полковники тоже, но мы сидъли отдъльно отъ другихъ и, сказать правду, я замѣтилъ весьма мало единодушія, несмотря на то, что выпито было не мало шампанскаго. Много сановныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, а также придворныхъ особъ посѣтили эту «оргію», ибо другого названія нельзя дать этому объду. Передъ тѣмъ, чтобы встать со стола, главнѣйшіе изъ заговорщиковъ взяли скатерть за четыре угла, всѣ блюда, бутылки и стаканы были брошены въ средину и все это съ большою торжественностью было выброшено черезъ окно на улицу. Послѣ объда произошло нѣсколько рѣзкихъ объясненій и, между прочимъ, разговоръ между Уваровымъ и адмираломъ Чичаговымъ, о которомъ я упомянулъ выше.

Въ теченіе нѣкотораго времени все, повидимому, было спокойно и ни о какихъ реформахъ или перемѣнахъ не было слышно. Мы только замѣтили, что Паленъ и Платонъ Зубовъ особенно высоко подняли голову и даже поговаривали, будто послѣдній имѣлъ смѣлость выказать особенное вниманіе къ молодой и прелестной императрицѣ. Императоръ Александръ и великій князь Константинъ Павловичъ ежедневно появлялись на парадѣ, причемъ первый казался болѣе робкимъ и сдержаннымъ, чѣмъ обыкновенно, а второй, напротивъ, не испытывая болѣе страха передъ отцомъ, горячился и шумѣлъ болѣе, чѣмъ прежде.

Несмотря на это, Константинъ, при всей своей вспыльчивости, не былъ лишенъ чувства горечи при мыслѣ о катастрофѣ. Однажды утромъ, спустя нѣсколько дней послѣ ужаснаго событія, мнѣ пришлось быть у его высочества по дѣламъ службы. Онъ пригласилъ меня въ кабинетъ и, заперевъ за собою дверь, сказалъ: «Ну, Саблуковъ, хорошая была каша въ тотъ день!» «Дѣйствительно, ваше высочество, хорошая каша», отвѣчалъ я: «и я очень счастливъ, что я въ ней былъ ни при чемъ.»—«Вотъ что, другъ мой», сказалъ торжественнымъ тономъ великій князь: «скажу тебѣ одно, что послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если это ему нравится; но, если бы престолъ когда-нибудь долженъ былъ перейти ко мнѣ, я, навѣрно, бы отъ него отказался».

Своимъ послѣдующимъ поведеніемъ въ 1825 году, во время вступленія на престолъ Николая І, Константинъ Павловичъ доказалъ, что рѣшеніе его не царствовать было твердо, и въ то время я всегда говорилъ, что всѣ убѣжденія, имѣющія цѣлью склонить его принять корону, не поведутъ ни къ чему и что онъ ни за что не согласится царствовать, какъ онъ это высказалъ мнѣ, спустя нѣсколько дней послѣ смерти отца.

Публика, особенно же низшіе классы и въ числѣ ихъ старообрядцы и раскольники, пользовалась всякимъ случаємъ, чтобы выразить свое сочувствіе удрученной горемъ вдовствующей императрицѣ. Раскольники были особенно признательны императору Павлу, какъ своему благодѣтелю, даровавшему имъ право публично отправлять свое богослуженіе и разрѣшившему имъ имѣть свои церкви и общины. Какъ выраженіе сочувствія, образа съ соотвѣтствующими надписями изъ священнаго писанія въ большомъ количествѣ присылались императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ со всѣхъ концовъ Россіи. Императоръ Александръ, постоянно навѣщавшій свою удрученную горемъ мать по нѣсколько разъ въ день, проходя однажды утромъ черезъ переднюю,

увидѣлъ въ этой комнатѣ множество образовъ, поставленныхъ въ рядъ. На вопросъ Александра, что это за иконы и почему онѣ тутъ разставлены, императрица отвѣчала, что все это приношенія, весьма для нея драгоцѣнныя, потому что онѣ выражаютъ сочувствіе и участіе народа къ ея горю; при этомъ ея величество присовокупила, что она уже просила Александра Александровича (моего отца, въ то время члена опекунскаго совѣта) взять ихъ и помѣстить въ церковь воспитательнаго дома. Это желаніе императрицы и было немедленно исполнено моимъ отцомъ.

Однажды утромъ, во время обычнаго доклада государю, Паленъ былъ чрезвычайно взволнованъ и съ нескрываемымъ раздраженіемъ сталъ жаловаться его величеству, что императрица-мать возбуждаетъ народъ противъ него и другихъ участниковъ заговора, выставляя напоказъ въ воспитательномъ домѣ иконы съ надписями вызывающаго характера. Государь, желая узнать, въ чемъ дѣло, велѣлъ послать за моимъ отцомъ. Злополучныя иконы были привезены во дворецъ и вызывающая надпись оказалась текстомъ изъ священнаго писанія, взятымъ, насколько помню, изъ Книги Царствъ 1).

Императрица-мать была крайне возмущена этимъ поступкомъ Палена, позволившаго себѣ обвинять мать въ глазахъ сына, и заявила свое неудовольствие Александру. Императоръ, съ своей стороны, высказалъ это графу Палену въ такомъ твердомъ и рѣшительномъ тонѣ, что послѣдній не зналъ, что отвѣчать отъ удивленія.

На слѣдующемъ парадѣ Паленъ имѣлъ чрезвычайно недовольный видъ и говорилъ въ крайне рѣзкомъ, несдержанномъ тонѣ. Впослѣдствіи даже разсказывали, что онъ дѣлалъ довольно неосторожные намеки на свою власть и на возможность «возводить и низводить монарховъ съ

¹⁾ Вфроятно, мѣсто изъ IV-ой Книги Царствъ: «Когда Інуй вошелъ въ ворота, она сказала: миръ ли Замврію, убійцѣ государя своего?» (Глава IX, 31).

престола». Трудно допустить, чтобы такой человѣкъ, какъ Паленъ, могъ выказать такую безтактную неосторожность; тѣмъ не менѣе, въ тотъ же вечеръ объ этомъ уже говорили въ обществѣ.

Какъ бы то ни было, достовърно только то, что, когда на другой день, въ обычный часъ, Паленъ прівхаль на парадъ въ такъ называемомъ «vis-à-vis», запряженномъ шестеркой цугомъ, и собирался выходить изъ экипажа, къ нему подошелъ флигель-адъютантъ государя и, по высочайшему повельнію, предложилъ ему вывхать изъ города и удалиться въ свое курляндское имъніе.

Паленъ повиновался, не отвътивъ ни единаго слова.

Въ высочайшемъ приказѣ было объявлено, что «генералъ - отъ - кавалеріи графъ Паленъ увольняется отъ службы», и въ тотъ же день вечеромъ князю Зубову также предложено оставить Петербургъ и удалиться въ свои помѣстья. Послѣдній тоже безпрекословно повиновался.

Такимъ образомъ, въ силу одного слова юнаго и робкаго монарха, сошли со сцены эти два человъка, которые возвели его на престолъ, питая, повидимому, надежду царствовать вмъстъ съ нимъ.

Въ управленіи государствомъ все шло попрежнему, съ тою только разницею, что во всёхъ случаяхъ, когда могла быть примёнена политика Екатерины II, на нее ссылались, какъ на прецедентъ.

Весною того же года, вскорѣ послѣ Пасхи, императрицамать выразила желаніе удалиться въ свою лѣтнюю резиденцію, Павловскъ, гдѣ было не такъ шумно и гдѣ она могла пользоваться покоемъ и уединеніемъ. Исполняя это желаніе, императоръ спросилъ ея величество, какой караулъ она желаетъ имѣть въ Павловскѣ?

Императрица отвѣчала: «Другъ мой, я не выношу вида ни одного изъ полковъ, кромѣ конной гвардіи».— «Какую же часть этого полка вы желали бы имѣть при себѣ?» — «Только эскадронъ Саблукова», отвѣчала императрица.

Я тотчасъ былъ командированъ въ Павловскъ и эскадронъ мой, по особому повелѣнію государя, былъ снабженъ
новыми чапраками, патронташами и пистолетными кобурами съ андреевской звѣздою, имѣющею, какъ извѣстно,
надпись съ девизомъ «за Вѣру и Вѣрность». Эта почетная
награда, какъ справедливая дань безукоризненности нашего поведенія во время заговора, была дана сначала
моему эскадрону, а затѣмъ распространена на всю конную
гвардію. Кавалергардскій полкъ, принимавшій столь
дѣятельное участіе въ заговорѣ, былъ чрезвыйчано обиженъ,
что столь видное отличіе дано было исключительно нашему
полку. Генералъ Уваровъ горько жаловался на это, и тогда
государь, въ видахъ примиренія, велѣлъ дать ту же звѣзду
всѣмъ кирасирамъ и штабу арміи, что осталось и до настоящаго времени 1).

Служба моя въ Павловскъ при ея величествъ продолжалась до отъъзда всего двора въ Москву на коронацію императора Александра. Каждую ночь я, подобно сторожу, обходилъ всъ ближайшіе къ дворцу сады и цвътники, среди которыхъ разбросаны были всевозможные памятники, воздвигнутые въ память различныхъ событій супружеской жизни покойнаго императора. Здъсь, подобно печальной тъни, удрученная горемъ, Марія Өеодоровна, одътая въ глубокій трауръ, бродила по ночамъ среди мраморныхъ памятниковъ и плакучихъ ивъ, проливая слезы въ теченіе долгихъ, безсонныхъ ночей. Нервы ея были до того напряжены, что малъйшій шумъ пугалъ ее и обращалъ въ бъгство. Вотъ почему моя караульная служба въ Павловскъ сдълалась для меня священной обязанностью, которую я исполнялъ съ удовольствіемъ.

Императрица-мать не искала въ забвеніи облегченія своего горя: напротивъ, она какъ бы находиля утѣшеніе, выпивая до дна горькую чашу душевныхъ мукъ. Самая

¹⁾ Въ настоящее время звъзда эта имъется на головныхъ уборахъ всъхъ полковъ гвардіи.

кровать, на которой Павель испустиль послѣднее дыханіе, съ одѣялами и подушками, окрашенными его кровью, была привезена въ Павловскъ и помѣщена за ширмами, рядомъ съ опочивальнею государыни, и въ теченіе всей своей жизни вдовствующая императрица не переставала посѣщать эту комнату. Недавно мнѣ передавали, что эту кровать, послѣ смерти государыни, перевезли въ Гатчину и помѣстили въ маленькую комнату, въ которой я такъ часто слышалъ молитвы Павла. Обѣ двери этой комнаты, говорятъ, были заколочены наглухо, равно какъ въ Михайловскомъ замкѣ двери, ведущія въ кабинетъ императора, гдѣ пр изошло убійство.

Въ заключение скажу, что императоръ Павелъ, несмотря на необычайное увлечение нѣкоторыми женщинами, былъ всегда нѣжнымъ и любящимъ мужемъ для Маріи Өеодоровны, отъ которой онъ имѣлъ 8 дѣтей, изъ коихъ послѣдними были Николай, родившійся въ 1796 г., и Михаилъ въ 1798 г.

Достойно вниманія и то обстоятельство, что Екатерина Ивановна Нелидова, которою Павелъ такъ восторженно увлекался, сохранила дружбу и уваженіе императрицы Маріи Өеодоровны до посл'єднихъ дней ея жизни. Не есть ли это лучшее доказательство того, что до того времени, когда императоръ Павелъ попалъ въ сѣти Гагариной и ея клевретовъ, онъ, дъйствительно, былъ нравственно чистъ въ своемъ поведеніи?

Какой поучительный примъръ для государей, указывающій на необходимость всегда остерегаться вліянія льстивыхъ царедворцевъ, единственною заботой которыхъ всегда было и будетъ потворство ихъ слабостямъ ради личныхъ цъвей.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА БЕНИГСЕНА.

Въ новъйшее время вопросъ о томъ, какъ въ дъйствительности происходили событія, повлекшія за собою трагическую кончину императора Павла, послужилъ темой для двухъ выдающихся сочиненій: въ 1866 году была издана Дункеромъ и Гумблотомъ часть мемуаровъ барона Гейкинга подъ заглавіемъ «Изъ жизни императора Павла», а въ 1897 году появилось у Котты, повидимому, при участіи извъстнаго дерптскаго историка Брикнера, обширное критическое изслъдованіе этихъ событій: «Императоръ Павелъ I, конецъ 1801 г. Р. Р.»

Оба эти труда значительно дополнили наши свъдънія по данному предмету; однако, и они, какъ и предыдущія сочиненія, не привели ни къ какимъ заключительнымъ выводамъ, потому что имъ недоставало одного изъ важнъйшихъ источниковъ, свидътельства генерала Бенигсена, которое было недоступно. Правда, извъстное сочиненіе Теодора Бернгарди въ историческомъ повременномъ изданіи Зибеля точно такъ же, какъ и его изложеніе этихъ событій во второмъ томѣ «Исторіи Россіи», пользуются такъ называемыми бенигсеновскими мемуарами, но при участіи другихъ матеріаловъ, причемъ трудно разобрать, гдѣ говоритъ Бенигсенъ, и гдѣ комбинируетъ самъ Бернгарди. Къ вѣрному же историческому сужденію мы можемъ придти лишь тогда, когда передъ нами будетъ оригинальный текстъ разсказа, оставленнаго свидѣтелями умерщвленія царя.

Вотъ та точка зрѣнія, которая побуждаетъ меня обнародовать текстъ письма, въ которомъ Бенигсенъ излагаетъ одному другу весь ходъ событій. Копія съ этого письма сохранилась въ ганноверской вѣтви семьи генерала, и ее сообщилъ мнѣ Рудольфъ Бенигсенъ. Подъ текстомъ копіи находится помѣтка:

Für die Abschrift Th. Barkhausen geb. von Müller v. g. von Reden.

Сюда же приложено объясненіе, что бенигсеновскіе мемуары тотчасъ же послѣ смерти генерала, 1-го октября 1826 года, были взяты г. Струве у вдовы Бенигсена, урожденной Андржейковской. Она выдала рукопись потому, что императоръ Николай I объщалъ ей за это пенсію въ 12.000 тал. Но вдова получила всего на всего 4.000 руб. и къ тому же должна была дать обѣщаніе не оставлять у себя копіи. Обѣщаніе это было дано, но одна изъ дочерей Бенигсена, Софія фонъ-Ленте, поручила дочери своей Метѣ снять копію съ интереснѣйшей части мемуаровъ. Документъ долго сохранялся втайнѣ, до тѣхъ поръ, пока другая внучка Бенигсена, Теодора фонъ-Баркгаузенъ, не сняла копіи съ текста, который мы и приводимъ здѣсь.

Документъ носитъ заглавіе «La mort de l'empereur Paul I. Extrait des mémoires du général comte de Bennigsen» и до сихъ поръ нигдѣ не былъ обнародованъ. Уже этихъ краткихъ данныхъ достаточно, чтобы опровергнуть неправдоподобный разсказъ, напечатанный въ 1875 году Идой Штетембургъ-Барфельде, подъ заглавіемъ «Кто былъ воръ», въ журналѣ «Ueber Land und Meer», и перепечатанный затѣмъ «Русской Стариной» 1). Вѣрность данныхъ, заключающихся въ нашей рукописи относительно исторіи мемуаровъ, недавно были подтверждена появленіемъ записокъ въ формѣ дневника извѣстнаго русскаго генерала и воен-

^{1) 1876} г., томъ XVI; стр. 387—394.

наго писателя Михайловскаго-Данилевскаго («Русская Старина,» 1893 г., III), который въ 1829 году разсказываетъ сл'єдующее: «Я об'єдалъ у генерала Андржейковича, сестра котораго было замужемъ за генераломъ Бенигсеномъ, и вотъ что узналъ о судьбъ этого генерала. Послъ его смерти книготорговцы предлагали вдовъ за мемуары 60.000 талеровъ, но она не хотъла продать ихъ, не спросивъ предварительно разръшенія у нашего правительства, и съ этой цёлью обратилась къ нашему посланнику въ Ганноверѣ (вышеупомянутому Струве). Вскорт послт этого графиня Бенигсенъ получила отъ нашего министра иностранныхъ дълъ письмо съ просьбой выслать рукопись ея мужа въ Петербургъ, причемъ онъ объщалъ вскоръ вернуть Она исполнила это требованіе, но вотъ прошло уже четыре года, ей не возвращають рукописи, лишають ее значительной суммы, объщанной ей книгопродавцами, а ученый міръ-одного изъ интереснійшихъ источниковъ. 16 сентября 1818 года, встрѣтившись въ Аахенѣ съ графомъ Бенигсеномъ, я разговорился съ знаменитымъ человъкомъ, и онъ сказалъ мнъ, между прочимъ, съ свойственной ему откровенностью: «Мои «Mémoires de mon temps» обнимають 7 томовъ и начинаются съ 1763 года. Я думаю, что битва при Пултускъ-мой шедевръ, ибо я маневрировалъ въ присутствіи Наполеона, точно на парадѣ», и такъ далѣе.

Мы имѣемъ какъ разъ ту часть мемуаровъ, которая трактуетъ о кампаніи 1807 года. Она была обнародована въ русскомъ переводѣ, въ 1896—1897 годахъ, Майковымъ, но страннымъ образомъ не обратила на себя никакого вниманія въ Германіи, хотя имѣетъ большую важность для прусской исторіи. Для нашихъ же цѣлей интересно, что изданіе Майкова упоминаетъ о рукописи на французскомъ языкѣ, сохранившейся въ семействѣ фонъ-Фокъ. Александръ Борисовичъ фонъ-Фокъ, съ 1799 года генералъ-майоръ, былъ ближайшимъ другомъ Бенигсена. Бенигсенъ послалъ ему не только эту исторію кампаніи 1807 года, но и разсказъ о ходѣ событій при умерщвленіи

Павла, имѣющій форму письма, адресованнаго фонъ-Фоку, и даже въ скоромъ времени послѣ того, какъ случилось это событіе. Очевидно, что это самое письмо Бенигсенъ буквально включилъ въ свои мемуары, такъ что текстъ, воспроизводимый нами, можетъ имѣть притязаніе быть почти одновременнымъ. Въ сообщаемомъ документѣ опускается только введеніе къ разсказу Бенигсена, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ невѣрное по содержанію описаніе сумасбродствъ Павла и не сообщаетъ ничего новаго.

Т. Шиманъ.

Извлечение изъ мемуаровъ графа Бенигсена.

Вы сами видите, генералъ, что такое положеніе дѣлъ, такое замѣшательство во всѣхъ отрасляхъ правленія, такое всеобщее недовольство, охватившее не только населеніе Петербурга, Москвы и другихъ большихъ городовъ имперіи, но и всю націю, не могло продолжаться и что надо было рано или поздно предвидѣть паденіе имперіи.

Основательныя опасенія вызвали наконецъ всеобщее желаніе, чтобы перем'єна царствованія предупредила несчастія, угрожавшія имперіи. Лица, изв'єстныя въ публик'в своимъ умомъ и преданностью отечеству, составили съ этой цълью планъ. Его приписывали графу Панину, занимавшему постъ виде-канцлера имперіи, и генералу де-Рибасу, изъ адмиралтейской коллегіи. На кого имъ было лучше направить свои взоры, какъ не на законнаго наследника престола, на великаго князя, воспитаннаго своей бабкой, безсмертной Екатериной II, которой Россія обязана осуществленіемъ обширныхъ замысловъ Петра I и въ особенности своимъ значеніемъ за границей,—словомъ, на этого великаго князя, котораго народъ любилъ за прекрасныя качества, обнаруженныя имъ еще въ юности, и на котораго онъ смотрель теперь, какъ на избавителя,единственно кто могъ удержать Россію на краю пропасти,

Графъ Петръ Алексвевичъ Паленъ. Съ гравюры Валькера.

куда она неминуемо должна была ввергнуться, если продолжится царствованіе Павла.

Вследствіе этого графъ Панинъ обратился къ великому князю. Онъ представилъ ему тъ несчастія, какія неминуемо должны явиться результатомъ этого царствованія, если оно продлится; только на него одного нація можеть возлагать довъріе, только онъ одинъ способенъ предупредить роковыя посл'єдствія, причемъ Панинъ об'єщалъ ему арестовать императора и предложить ему, великому князю, етъ имени націи бразды правленія. Графъ Панинъ и генераль де-Рибасъ были первыми, составившими планъ этого переворота. Последній такъ и умеръ, не дождавшись осуществленія этого замысла, но первый не терялъ надежды спасти государство. Онъ сообщилъ свои мысли военному губернатору, графу Палену. Они еще разъ говорили объ этомъ великому князю Александру и убъждали его согласиться на переворотъ, ибо революція, вызванная всеобщимъ недовольствомъ, должна вспыхнуть не сегодня-завтра, и уже тогда трудно будетъ предвидъть ея послъдствія. Сперва Александръ отвергъ эти предложенія, противныя чувствамъ его сердца. Наконецъ, поддавшись убъжденіямъ, онъ объщалъ обратить на нихъ свое внимание и обсудить это діло столь огромной важности, такъ близко затрагивающее его сыновнія обязанности, но, вмісті съ тімь, налагаемое на него долгомъ по отношенію къ его народу. Тѣмъ временемъ графъ Панинъ, попавъ въ опалу, лишился мъста вице-канцлера, и Павелъ сослалъ его въ его подмосковное имѣніе, гдѣ онъ, однако, не оставался празднымъ. Онъ сообщалъ графу Палену все, что могъ узнать о мивніяхъ и недовольствв столицы, на которую можно было смотрѣть, какъ на органъ всей націи. Онъ совѣтовалъ спѣшить, чтобы предупредить опасныя слѣдствія отчаянія и нетерп'внія, съ какими общество жаждало избавиться отъ этого желёзнаго гнета, становящагося тёмъ болье тягостнымъ, что находилось не мало личностей, достаточно гнусныхъ и корыстныхъ, чтобы исполнять втайнъ

роль шпіоновъ въ городахъ, гдѣ они втирались въ общество, подслушивали, что тамъ говорится, и часто одного доноса этихъ людей было достаточно, чтобы сдѣлать несчастными множество лицъ и цѣлыя семейства. Нельзя безъ чувства презрѣнія вспомнить, что въ числѣ этихъ низкихъ рабовъ, занимавшихся ремесломъ шпіоновъ въ городахъ имперіи, встрѣчались люди всѣхъ слоевъ общества, даже принадлежавшіе къ извѣстнымъ, уважаемымъ семьямъ.

Павелъ былъ суевъренъ. Онъ охотно върилъ въ предзнаменованія. Ему, между прочимъ, предсказали, что если онъ первые четыре года своего царствованія проведетъ счастливо, то ему больше нечего будетъ опасаться, и остальная жизнь его будеть увънчана славой и счастіемъ. Онъ такъ твердо повърилъ этому предсказанію, что, по прошествіи этого срока, издалъ указъ, въ которомъ благодарилъ своихъ добрыхъ подданныхъ за проявленную ими върность, и, чтобы доказать свою благодарность, объявиль помилование всёмъ, кто былъ сосланъ имъ, или смёщенъ съ должности, или удаленъ въ помъстья, приглашая ихъ всёхъ вернуться въ Петербургъ для поступленія вновь на службу. Можно себ'в представить, какая явилась толпа этихъ несчастныхъ. Первые были всв приняты на службу безъ разбора, но вскоръ число ихъ возросло до такой степени, что Павелъ не зналъ, что съ ними дълать. Пришлось отослать назадъ всвхъ остальныхъ, что подало поводъ къ новымъ недовольствамъ въ странъ, когда увидали возвращение большинства этихъ несчастныхъ въ Петербургъ изъ внутреннихъ областей имперіи, большею частью пѣшкомъ, и оставшихся безъ всякихъ средствъ къ жизни. До сихъ поръ множество людей, можно сказать, большая часть націи выносили этотъ желізный гнеть съ терпініемъ и твердостью въ надеждъ на будущее болъе свътлое и счастливое, ибо каждый предвидёль и сознаваль въ глубинъ души, что такое несчастное положение не можетъ продлиться долго, какъ вдругь одна жестокая выходка Павла довершила рядъ его несправедливостей и сумасбродствъ.

Двое молодыхъ людей, одинъ военный, другой штатскій, оба изъ хорошихъ фамилій, поссорились между собой и дрались на дуэли изъ-за одной молодой дамы, пользовавблагосклонностью императора. Штатскій быль сильно раненъ въ руку. Въ этомъ состояніи его отвезли къ матери, у которой онъ былъ единственнымъ сыномъ. Можно себ'в представить ея горе. Павелъ ревновалъ къ этому молодому человъку. Узнавъ о случившемся, онъ не могъ удержать своей радости и выразилъ ее въ одобрительныхъ восклицаніяхъ по адресу молодого офицера, котораго онъ обласкалъ при первомъ же свиданіи. Но скоро снова пробудился его гнѣвъ противъ другого. Онъ приказалъ немедленно арестовать его и отвезти въ крупость. Полиція явилась къ раненому въ тотъ моменть, когда врачи наложили первую перевязку, предписавъ больному лежать въ постели въ спокойномъ состояніи, чтобы избъжать кровоизліянія, которое могло оказаться смертельнымъ, такъ какъ онъ былъ очень истощенъ.

Легко себъ представить состояніе матери. Никакія слезы, никакіе доводы насчеть опасности, какой подвергнется ея сынъ, если его будутъ перевозить въ такомъ положеніи не оказали ни малъйшаго дъйствія. Полицейскіе чины, не смъя медлить съ исполненіемъ приказаній, отданныхъ самимъ императоромъ, перевезли больного, какъ есть, вмъстъ съ постелью и со всякими предосторожностями, прямо въ крѣность. Когда доложили императору объ арестѣ молодого человъка и о томъ, въ какомъ состояніи онъ быль доставленъ въ крѣпость, онъ спросилъ: «А мать что сказала?». На отвътъ, что она плачетъ, и что ея положеніе внушаетъ жалость, онъ приказалъ немедленно выслать ее изъ города; полиція поспѣшила это исполнить и еще до наступленія ночи почтенная и несчастная женщина была выпровождена за заставу, гдѣ она, однако, пробыла спрятанной нъсколько дней въ одномъ домъ, чтобы быть поближе отъ раненаго сына; затъмъ только она уъхала къ роднымъ, жившимъ вдали отъ столицы. Къ этому варварскому поступку прибавились и другіе, столь же безчелов'я сталь ихъ всі перечислять. Я обязанъ, однако, упомянуть о поступкахъ, которые онъ продёлывалъ въ собственной семь, и которые были не лучше, потому что касались лицъ, наибол'те ему близкихъ и наибол'те любимыхъ народомъ.

Убъжденный, что нельзя терять ни минуты, чтобы спасти государство и предупредить несчастныя послъдствія общей революціи, графъ Паленъ опять явился къ великому князю Александру, прося у него разръшенія выполнить задуманный планъ, уже не терпящій отлагательства. Онъ прибавилъ, что послъднія выходки императора привели въ величайшее волненіе все населеніе Петербурга различныхъ слоевъ, и что можно опасаться самаго худшаго.

Наконецъ, принято было рѣшеніе овладѣть особой императора и увезти его въ такое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы находиться подъ надлежащимъ надзоромъ, и гдѣ бы онъ былъ лишенъ возможности дѣлать зло. Вы сейчасъ увидите, генералъ, что эта мѣра, сдѣлавшаяся неизбѣжной, обернулась совершенно неожиданнымъ образомъ, какого никто не могъ и предвидѣть.

11-го (23-го) марта 1801 г., утромъ, я встрѣтилъ князя Зубова въ саняхъ, ѣдущимъ по Невскому проспекту. Онъ остановилъ меня и сказалъ, что ему нужно переговоритъ со мной, для этого онъ желаетъ поѣхать ко мнѣ на домъ. Но, подумавъ, онъ прибавилъ, что лучше, чтобы насъ не видѣли вмѣстѣ, и пригласилъ меня къ себѣ ужинать. Я согласился, еще не подозрѣвая, о чемъ можетъ бытъ рѣчь, тѣмъ болѣе, что я собирался на другой день выѣхать изъ Петербурга въ свое имѣніе въ Литвѣ. Вотъ почему я передъ обѣдомъ отправился къ графу Палену просить у него, какъ у военнаго губернатора, необходимаго мнѣ паспорта на выѣздъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Да отложите свой отъ-ѣздъ, мы еще послужимъ вмѣстѣ», и добавилъ: «князь Зубовъ вамъ скажетъ остальное». Я замѣтилъ, что все

время онъ былъ очень смущенъ и взволнованъ. Такъ какъ мы были связаны дружбой издавна, то я впоследствии очень удивлялся, что онъ не сказалъ мнв о томъ, что должно было случиться; хотя всё со дня на день ожидали перемвны царствованія, но, признаюсь, я не думаль, что время уже настало. Отъ Палена я отправился къ генералъпрокурору Обольянинову, чтобы проститься, а оттуда часовъ въ десять прівхалъ къ Зубову. Я засталъ у него только его брата, графа Николая, и трехъ лицъ, посвященныхъ въ тайну, — одно было изъ сената, и ему предназначалось доставить туда приказъ собраться, только арестуютъ императора. Графъ Паленъ позаботился вельть заготовить необходимые приказы, начинавшіеся словами: «По высочайшему повелънію», и предназначенные для арестованія ніскольких лиць, въ первый же моментъ.

Князь Зубовъ сообщилъ мнѣ условленный планъ, сказавъ, что въ полночь совершится переворотъ. Моимъ первымъ вопросомъ было: кто стоитъ во главѣ заговора? Когда мнѣ назвали это лицо, тогда я, не колеблясь, примкнулъ къ заговору, правда, шагу опасному, однако необходимому, чтобы спасти націю отъ пропасти, которой она не могла миновать въ царствованіе Павла. До какой степени эту истину всѣ сознавали, видно изъ того, что, несмотря на множество лицъ, посвященныхъ въ тайну еще наканунѣ, никто, однако, ея не выдалъ.

Немного позже полуночи я сѣлъ въ сани съ княземъ Зубовымъ, чтобы ѣхать къ графу Палену. У дверей стоялъ полицейскій офицеръ, который объявилъ намъ, что графъ у генерала Талызина и тамъ ждетъ насъ. Мы застали комнату полной офицеровъ; они ужинали у генерала, при чемъ большинство находились въ подпитіи, всѣ были посвящены въ тайну. Говорили о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять, а между тѣмъ слуги безпрестанно входили и выходили изъ комнаты. Кто-нибудь изъ нихъ, руководимый желаніемъ составить себѣ блестящую карьеру, легко могъ

бы незамѣтно проскользнуть вонъ изъ дому, броситься въ Михайловскій дворецъ и тамъ предупредить о заговорѣ. Послѣ узнали, что наканунѣ множество лицъ въ городѣ знали о готовящемся ночью событіи, и все-таки никто не выдалъ тайны: это доказываетъ, до какой степени всѣмъ опротивѣло это царствованіе, и какъ всѣ желали его конца.

Условились, что генералъ Талызинъ соберетъ свой гвардейскій батальонъ во двор'є одного дома, неподалеку отъ
Літняго сада; а генералъ Депрерадовичъ — свой, также
гвардейскій, батальонъ на Невскомъ проспект'є, вблизи
Гостинаго двора. Во глав'є этой колонны будутъ находиться
военный губернаторъ и генералъ Уваровъ, а во глав'є первой—князь Зубовъ, его два брата, Николай и Валеріанъ, и
я; насъ должны были сопровождать н'єсколько офицеровъ,
какъ гвардейскихъ, такъ и другихъ полковъ, стоявшихъ
въ Петербург'є, офицеровъ, на которыхъ можно положиться.
Графъ Паленъ съ своей колонной долженъ былъ занять
главную л'єстницу замка, тогда какъ мы съ остальными
должны были пройти по потайнымъ л'єстницамъ, чтобы
арестовать императора въ его спальн'є.

Проводникомъ нашей колонны былъ полковой адъютантъ императора, Аргамаковъ, знавшій всё потайные ходы и комнаты, по которымъ мы должны были пройти, такъ какъ ему ежедневно по нъсколько разъ случалось ходить по нимъ, принося рапорты и принимая приказанія своего повелителя. Этотъ офицеръ повелъ насъ сперва въ Лътній садъ, потомъ по мостику и въ дверь, сообщавшуюся съ этимъ садомъ, далъе по лъсенкъ, которая привела насъ въ маленькую кухоньку, смежную съ прихожей передъ спальней Павла. Тамъ мы застали камеръ-гусара, который спалъ кръпчайшимъ сномъ, сидя и прислонившись головой къ печкъ. Изъ всей толны офицеровъ, сначала окружавшихъ насъ, оставалось теперь всего человъка четыре; да и тъ, вмъсто того, чтобы вести себя тихо, напали на лакея; одинъ изъ офицеровъ ударилъ его тростью по головъ, и тотъ поднялъ крикъ. Пораженные, всъ останови-

лись, предвидя моментъ, когда общая тревога разнесется по всёмъ комнатамъ. Я поспёшилъ войти вмёстё съ княземъ Зубовымъ въ спальню, гдв мы, двиствительно, застали императора уже разбуженнымъ этимъ крикомъ и стоящимъ возлѣ кровати, передъ ширмами. Держа шпаги наголо, мы сказали ему: «Вы арестованы, ваше величество!». Онъ поглядёлъ на меня, не произнеся ни слова, потомъ обернулся къ князю Зубову и сказалъ ему: «Что вы дълаете, Платонъ Александровичъ?». Въ эту минуту вошелъ въ комнату офицеръ нашей свиты и шепнулъ Зубову на ухо, что его присутствие необходимо внизу, гдв опасались гвардіи; что одинъ поручикъ не былъ изв'ященъ о перем'вн'в, которая должна совершиться. Несомнённо, что императоръ никогда не оказывалъ несправедливости солдату и привязалъ его къ себъ, приказывая при каждомъ случаъ щедро раздавать мясо и водку въ петербургскомъ гарнизонъ. Тѣмъ болѣе должны были бояться этой гвардіи, что графъ Паленъ еще не прибылъ со своей свитой и батальономъ для занятія главной л'єстницы замка, отр'єзавшей всякое сообщение между гвардіей и покоями императора.

Князь Зубовъ вышелъ, и я съ минуту оставался съ глазу-на-глазъ съ императоромъ, который только глядълъ на меня, не говоря ни слова. Мало-по-малу стали входить офицеры изъ тъхъ, что слъдовали за нами. Первыми были подполковникъ Яшвиль, братъ артиллерійскаго генерала Яшвиля, майоръ Татариновъ и еще нъсколько другихъ. Я долженъ здёсь прибавить, что такъ какъ за послёднее время было сослано и удалено со службы огромное количество офицеровъ всъхъ чиновъ, то я уже не зналъ почти никого изъ тѣхъ, кого теперь видѣлъ передъ собой, и они тоже знали меня только по фамиліи. Тогда я вышелъ, чтобы осмотрть двери, ведущія въ другіе покои; въ одномъ изъ нихъ, между прочимъ, были заперты шпаги арестованныхъ офицеровъ. Въ эту минуту вошли еще много офицеровъ. Я узналъ потомъ тъ немногія слова, какія произнесъ императоръ, по-русски-сперва: «Арестованъ,

что это значить арестовань»? Одинь изъ офицеровь отвѣчаль ему: «Еще четыре года тому назадь съ тобой слѣдовало бы покончить!» На это онъ возразиль: «Что я сдѣлаль?» Вотъ единственныя произнесенныя имъ слова.

Офицеры, число которыхъ еще возросло, такъ что вся комната наполнилась ими, схватили его и повалили на ширмы, которыя были опрокинуты на полъ. Мнѣ кажется, онъ хотѣлъ освободиться отъ нихъ и бросился къ двери, и я дважды повторилъ ему: «Оставайтесь спокойнымъ, ваше величество,—дѣло идетъ о вашей жизни!».

Въ эту минуту я услыхалъ, что одинъ офицеръ, по фамиліи Бибиковъ, вмѣстѣ съ пикетомъ гвардіи вошелъ въ смежную комнату, по которой мы проходили. Я иду туда, чтобы объяснить ему, въ чемъ будетъ состоять его обязанность, и, конечно, это заняло не боле несколькихъ минутъ. Вернувшись, я вижу императора, распростертаго на полу. Кто-то изъ офицеровъ сказалъ мив: «Съ нимъ покончили!» Мнъ трудно было этому повърить, такъ какъ я не видълъ никакихъ слъдовъ крови. Но скоро я въ томъ убъдился собственными глазами. Итакъ, несчастный государь былъ лишенъ жизни непредвидвинымъ образомъ и, несомнівню, вопреки наміреніямь тіхь, кто составляль планъ этой революціи, которая, какъ я уже сказалъ, являлась необходимой. Напротивъ, прежде было условлено увезти его въ крѣпость, гдѣ ему хотѣли предложить подписать актъ отреченія отъ престола.

Припомните, генералъ, что было много выпито вина за ужиномъ, предложеннымъ генераломъ Талызинымъ офицерамъ, бывшимъ виновниками этой сцены, которую, къ несчастью, нельзя вычеркнуть изъ исторіи Россіи. Долженъ прибавить, что графъ Паленъ, обращаясь къ этимъ офицерамъ, сказалъ имъ между прочимъ: «Господа, чтобы приготовить яичницу, необходимо разбить яйца». Не знаю, съ какимъ намъреніемъ было употреблено это выраженіе, но эти слова могли подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ. Я отправилъ немедленно офицера къ князю Зу-

бову, чтобы извъстить его о случившемся. Онъ засталъ его съ великимъ княземъ Александромъ, обоими братьями Зубовыми и еще нъсколькими офицерами передъ фронтомъ дворцовой гвардіи. Когда объявили солдатамъ, что императоръ скончался скоропостижно отъ апоплексіи, послышались громкіе голоса: «Ура! Александръ!»

Новый государь велёль позвать меня въ свой кабинеть, гдё я засталь его съ тёми же лицами, которыя окружали его со времени нашего вступленія въ замокъ. Ему угодно было поручить мнё командованіе войсками, призванными для охраненія порядка въ Зимнемъ дворцё, куда онъ тотчасъ же прослёдовалъ вмёстё съ великимъ княземъ Константиномъ.

Были отправлены приказы въ сенатъ и другія присутственныя мѣста—собраться неотложно и явиться къ 12 часамъ дня ко двору, чтобы присутствовать на молебнѣ въ дворцовой церкви. Всѣ другія церкви были также открыты для той же церемоніи принесенія вѣрноподданнической присяги новому государю, и народъ стекался туда толпами.

Въсть о кончинъ Павла съ быстротою молніи пронеслась по всему городу еще ночью. Кто самъ не былъ очевидцемъ этого событія, тому трудно составить себъ понятіе о томъ впечатлъніи и о той радости, какія овладъли умами всего населенія столицы. Всъ считали этотъ день днемъ избавленія отъ бъдъ, тяготъвшихъ надъ ними цълыхъ четыре года. Каждый чувствовалъ, что миновало это ужасное время, уступивъ мъсто болье счастливому будущему, какого ожидали отъ воцаренія Александра І. Лишь только разсвъло, какъ улицы наполнились народомъ. Знакомые и незнакомые обнимались между собой и поздравляли другъ друга съ счастіемъ—и общимъ, и частнымъ для каждаго порознь.

Графъ Паленъ взялъ на себя извъстить императрицу о кончинъ ея супруга. Хотя она часто страдала отъ его суровости, отъ его вспыльчивости и дурного нрава, но она всегда неизмънно была сильно привязана къ своему су-

пругу и выносила тяжелыя минуты своей жизни съ ангельскимъ терпѣніемъ; можно даже сказать, что она подавала націи примѣръ доброй супруги и матери, творя во всѣхъ случаяхъ столько добра, сколько позволяли ей ен средства, ен власть и кредитъ. Я былъ свидѣтелемъ ен глубокаго горя и при этой катастрофѣ, при потерѣ, близкой ен сердцу, однако благоразумныя размышленія и привязанность къ народу вскорѣ сумѣли положить предѣлы этому личному горю.

Итакъ, графъ Паленъ отправился къ оберъ-гофмейстеринъ графинъ Ливенъ. Онъ приказалъ разбудить ее и объявилъ ей о кончинъ императора, съ тъмъ, чтобы она извъстила о томъ императрицу. Графиня принялась за это со всъми предосторожностями, внушенными ей ея благоразуміемъ, и, разбудивъ императрицу, объяснила ей, что императоръ внезапно заболълъ, и что состояние его очень тревожное. Ея величество тотчасъ же встала, спъща на помощь своему супругу. Но она нашла запертыми двери, черезъ которыя привыкла проходить. Наконецъ, она достигла одной двери, у которой нашла часовыхъ и офицеровъ, отказавшихся пропустить ее. Ни угрозы, ни просьбы не помогали. Когда ей сказали, что отданы приказанія не пропускать ее въ покои императора, она отправилась къ своимъ невъсткамъ, супругамъ великихъ князей Александра и Константина. Мнъ доложили объ этомъ, и я велълъ запереть двери, ведшія въ аппартаменты великихъ княгинь.

По множеству часовыхъ и офицеровъ, встръченныхъ императрицей повсюду въ замкъ, она могла догадаться, что дъло идетъ не о простой болъзни императора, и скоро ее дъйствительно извъстили, что ея супругъ скончался. Она пролила нъсколько слезъ, но не предавалась тъмъ порывамъ горя, какимъ обыкновенно предаются женщины въ подобныхъ случаяхъ.

До сихъ поръ императрица не была освъдомлена, въ чью пользу была произведена эта революція. Ей сообщили,

кому было поручено командование дворцовыми войсками. Когда она узнала, что командование поручено мнъ, она приказала мит явиться къ ней. Я уже освтдомился о приказаніяхъ императора, который велёлъ мнё передать, чтобы я отправился къ ней и посовътовалъ, попросилъ ее отъ его имени покинуть Михайловскій замокъ и бхать въ Зимній дворецъ, гдѣ ей будетъ сообщено все, что она пожелаетъ узнать. Вследствіе этого я отправился въ аппартаменты великихъ княгинь, гдв находилась императрица. Увидавъ меня, ея величество спросила, мнѣ ли поручено командовать здёшними войсками. На мой утвердительный отвъть она освъдомилась съ большой кротостью и спокойствіемъ душевнымъ: «Значитъ, арестована?» Я отвѣчалъ: «Совствы нтъть, возможно ли это?»-«Но меня не выпускають, всѣ двери на запорѣ». Отвѣть: «Ваше величество, это объясняется лишь необходимостью принять нікоторыя мёры предосторожности для безопасности императорской фамиліи, здісь находящейся, или тімь, что могуть еще случиться безпорядки вокругь замка». Вопросъ: «Слъдовательно, мнѣ угрожаетъ опасность?» Отвѣтъ: «Все спокойно, ваше величество, и всѣ мы находимся здѣсь, чтобы охранять особу вашего величества».

Тутъ я хотѣлъ воспользоваться минутой молчанія, чтобы исполнить данное мнѣ порученіе Я обратился къ императрицѣ со словами: «Императоръ Александръ поручилъ мнѣ»... Но ея величество прервала меня словами: «Императоръ! императоръ! Александръ! Но кто провозгласилъ его императоромъ?»—Отвѣтъ: «Голосъ народа!»—«Ахъ! я не признаю его», понизивъ голосъ, сказала она: «прежде чѣмъ онъ не отдастъ мнѣ отчета о своемъ поведеніи». Потомъ, подойдя ко мнѣ, ея величество взяла меня за руку, подвела къ дверямъ и проговорила твердымъ голосомъ: «Велите отворить двери; я желаю видѣть тѣло моего супруга!» и прибавила: «Я посмотрю, какъ вы меня ослушаетесь!»

Тщетно я склонялъ ее къ умъренности, говоря ей объ ея обязанностяхъ по отношенію къ народу, обязанностяхъ, которыя должны побуждать ее успоконться, темъ более, что послѣ подобнаго событія слѣдуеть всячески избѣгать всякаго шума. Я сказалъ ей, что до сихъ поръ все спокойно, какъ въ замкъ, такъ и во всемъ городъ; что надѣются на сохраненіе этого порядка, и что я убѣжденъ, что ея величество сама желаетъ тому способствовать. Я боялся, что если императрица выйдеть, то ея крики могуть подъйствовать на духъ солдать, какъ я уже говорилъ, весьма привязанныхъ къ покойному императору. На всв эти представленія она погрозила мив пальцемъ, со слъдующими словами, произнесенными довольно тихо: «О, я васъ заставлю раскаяться». Смыслъ этихъ словъ не ускользнулъ отъ меня. Минута молчанія и, быть можетъ, размышленія вызвали нѣсколько слезъ. Я надѣялся воспользоваться этой минутой растроганности. Я заговорилъ опять, сталъ побуждать ее къ умъренности и уговаривать покинуть Михайловскій дворецъ и бхать въ Зимній. Здісь молодая императрица поддержала мой совіть съ той кротостью и мягкостью, которыя были такъ свойственны этой великой княгинъ, любимой всъми, кто имъль счастіе знать ее, и обожаемой всей націей. Императрицамать не одобрила этого шага и, обернувшись къ невъсткъ, отвѣчала ей довольно строгимъ тономъ: «Что вы мнѣ говорите? Не мнъ повиноваться! Идите, повинуйтесь сами, если хотите!»

Это раздраженіе усиливалось съ минуты на минуту. Она объявила мнѣ рѣшительно, что не выйдетъ изъ дворца, не увидавъ тѣла своего супруга. Я тайкомъ послалъ офицера къ новому государю, чтобъ испросить его приказаній на этотъ счетъ. Онъ велѣлъ мнѣ отвѣтить, что если это можетъ обойтись безъ всякаго шума, то я долженъ сопровождать императрицу въ комнату, гдѣ стояло тѣло императора. Тѣмъ временемъ, я пригласилъ графа Палена прибыть на минуту во дворецъ, въ виду того, что онъ имѣетъ счастіе быть болѣе знакомымъ императрицѣ. Въ ту минуту, какъ она увидала его, она спросила: «Что здѣсь произо-

шло?» Графъ отвѣчалъ со своимъ обычнымъ хладнокровіемъ: «То, что давно можно было предвидѣть».

Вопросъ: «Кто же зачинщики этого дѣла?»

Отвѣтъ: «Много лицъ изъ различныхъ классовъ общества».

Вопросъ: «Но какъ могло это совершиться помимо васъ, занимающаго постъ военнаго губернатора?»

Отвѣтъ: «Я прекрасно зналъ обо всемъ и поддался этому, какъ и другіе, во избѣжаніе болѣе великихъ несчастій, которыя могли бы подвергнуть опасности всю императорскую фамилію». Онъ прибавилъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и затѣмъ удалился.

Все это не могло успокоить раздраженія императрицы. Она нѣсколько разъ брала меня за руку и подводила къ дверямъ, говоря: «Приказываю вамъ пропустить меня!». Я отвѣчалъ неизмѣнно съ величайшей почтительностью, но твердо, что не въ моей власти повиноваться ей, пока я вижу ее такой взволнованной, и что только подъ однимъ условіемъ я могъ бы исполнить ея волю. «Какое же это условіе?» спросила она.—«Чтобы ваше величество соблаговолили успокоиться». Эти слова навлекли на меня новую немилость. Ея величество сказала мнѣ: «Не вамъ предписывать мнѣ условія! Ваше дѣло повиноваться мнѣ! Прежде всего велите отпереть двери».

Мой долгъ предписалъ мнѣ еще разъ напомнить ей ея обязанности по отношенію къ народу и умолять ее избѣжать малѣйшаго шума, который могъ бы имѣть пагубныя и даже опасныя послѣдствія. Эти рѣчи, очевидно, произвели надлежащее дѣйствіе. Она почувствовала, что переворотъ уже нельзя измѣнить. Послѣ нѣкотораго молчанія и размышленія, ея величество понизила голосъ и сказала мнѣ: «Ну, хорошо, обѣщаю вамъ ни съ кѣмъ не говорить».

Съ этого момента императрица вернулась къ свойственной ей кротости, отъ которой она уже не отръшалась и которая дълаетъ ее столь достойной любви. Я приказалъ

отпереть двери. Ея величество взяла меня подъ руку, чтобы подняться по л'єстницамъ, и сказала: «Прежде всего я хочу вид'єть своихъ д'єтей». Когда она вошла въ свои аппартаменты, об'є великія княжны, Екатерина и Марія-Анна, уже находились тамъ съ графиней Ливенъ.

Эта сцена была поистинъ самой трогательной изъ всъхъ, какія мнъ случалось видъть. Великія княжны, обнимая свою мать, проливали слезы о смерти отца, и лишь съ трудомъ ихъ можно было оторвать отъ матери. Ея величество посидъла еще нъкоторое время въ этихъ покояхъ, потомъ встала и сказала мнъ: «Пойдемъ, ведите меня».

Намъ пришлось пройти лишь двѣ комнаты, чтобы достигнуть той, гдв стояло твло покойнаго императора. Г. Роджерсонъ и я находились возлъ ея величества, которую сопровождали объ великія княжны, графиня Ливенъ, двѣ камеръ-юнгферы и камердинеръ. Въ послѣдней комнатв ея величество съла на минуту, потомъ поднялась, и мы вошли въ спальню покойнаго императора, лежавшаго на своей постели въ мундиръ своего гвардейскаго полка. Ширмы все еще заслоняли его постель, со стороны той двери, въ которую мы вошли. Ея величество нъсколько разъ произнесла по-нъмецки: «Боже, поддержи меня!» Когда, наконецъ, императрица увидала тъло своего супруга, она громко вскрикнула. Г. Роджерсонъ и я поддерживали ее подъ руки. Черезъ минуту она стала приближаться къ тълу; встала на колъни и поцъловала руку покойнаго, проговоривъ: «Ахъ, другъ мой!» Послѣ этого, все стоя на кол'вняхъ, она потребовала ножницы. Камеръ-юнгфера подала ей ножницы, и она отръзала прядь волосъ съ головы императора. Наконецъ, поднявшись, она сказала великимъ княжнамъ: «Проститесь съ отцомъ». Онъ встали на колѣни, чтобы поцѣловать его руку. Обращеніе княженъ, неподдъльная печаль, написанная на ихъ лицахъ, растрогали насъ. Императрица уже сдълала нъсколько шаговъ, чтобы удалиться, но, увидавъ объихъ княженъ еще на колѣняхъ, вернулась и проговорила; «Нѣтъ, я хочу быть

послѣдней». И опять опустилась на колѣни, чтобы поцѣловать руку своему покойному супругу. Г. Роджерсонъ и я просили ее не затягивать этой печальной сцены, которая могла бы повредить ея здоровью, столь драгоцінному и столь нужному всей императорской фамиліи. Мы взяли ее подъ руки, чтобы помочь ей встать, и затъмъ вернулись въ покои императрицы. Ея величество удалилась въ уборную, гдв облеклась въ глубочайшій трауръ, и вскорв опять вышла къ намъ. Шталмейстеръ Мухановъ уже докладывалъ, что поданы экипажи для доставленія императрицы съ великими княжнами изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Онъ просилъ меня еще разъ напомнить объ этомъ императрицв. Мы желали, чтобы она покинула Михайловскій замокъ еще до разсвъта. Императрица, однако, затягивала отъёздъ съ минуты на минуту до того, какъ совсемъ разсвело. Тогда она просила меня подать ей руку, спуститься съ лъстницы и довести ее до кареты. Можно себ'в представить, какая собралась толпа по всему пути до Зимняго дворца. Ея величество опустила стекла въ каретъ. Она кланялась народу, собравшемуся по пути. Такимъ образомъ она довхала до дворца, чтобы остаться тамъ.

Величайшій порядокъ былъ сохраненъ отъ начала до конца этой зам'вчательной сцены. Да и могъ ди онъ быть нарушенъ среди ликованія, какое испытывало каждое от- дільное лицо по случаю избавленія отъ рабства.

Вы видите, генераль, что мив нечего красивть за то участіе, какое я принималь въ этой катастрофв. Не я составляль плань ея. Я даже не принадлежаль къ числу твхь, кто храниль эту тайну, такъ какъ я не быль извъщенъ о ней до самаго момента осуществленія переворота, когда все уже было условлено и ръшено. Я не принималь также участіе въ печальной кончинъ этого государя. Конечно, я не согласился бы войти въ комнату, если бъ зналь, что есть партія, замышлявшая лишить его жизни.

Я подробно изложилъ вамъ, генералъ, абсолютную необходимость перемѣны правленія. Никогда смерть монарха не вызывала такой всеобщей радости среди народа, какую произвела кончина Павла I, и никогда ни одинъ государь но былъ привѣтствуемъ съ такимъ единодушнымъ восторгомъ при воцареніи, какъ Александръ I, отъ царствованія котораго народъ ожидаетъ величайшихъ благъ.

Подписано: Бенигсенъ.

Съ копіей в'врно: Теод. Баркгаузенъ, рожденная Мюллеръ, v. g. von Reden.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ЛАНЖЕРОНА.

Нижеслъдующее написано въ 1826 г., но то, что сообщили мнѣ о смерти императора Павла — Паленъ, Бенигсенъ и великій князь Константинъ, было записано вътоть же самый день, какъ я получилъ отъ нихъ свѣдѣнія, помѣщенныя ниже.

Я не быль въ Петербургѣ во время страшной катастрофы, пресѣкшей жизнь императора Павла ¹), но мнѣ извѣстны ея происхожденіе и подробности съ такою точностью, какъ будто я былъ самъ ея очевидцемъ.

Такъ какъ я издавна находился въ близкихъ отношеніяхъ, задолго до этой прискорбно-замѣчательной эпохи, съ генералами графомъ Паленомъ и Бенигсеномъ, игравшими главныя роли въ этой страшной драмѣ, то они не только не отказались удовлетворить моему любопытству, но даже предупредили мои разспросы, первые заговоривъ со мною о событіи, которое, быть можетъ, для нихъ лучше было бы замолчать 2).

Великій князь Константинъ также сообщилъ мнѣ нѣ-которыя подробности, изложенныя ниже.

¹⁾ Я находился тогда въ Литвѣ, въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ состоялъ начальникомъ пѣхотной дивизіи и генералъ-лейтенантомъ.

^{2) 20} лътъ спустя, Бенигсенъ, имъя причины жаловаться на императора Александра, сказалъ мнъ въ Одессъ: «Неблагодарный, онъ забываетъ, что ради него я рисковалъ попасть на эшафотъ».

Въ замъткахъ, прибавленныхъ мною къ изложенію разговора, который я имълъ въ 1826 году въ Варшавъ съ великимъ княземъ Константиномъ, я высказалъ положеніе, въ которомъ мнѣ даже прискорбно сознаться, но которое тъмъ не менъе справедливо. Я сказалъ: «бываютъ положенія, вмѣняющія обязательства, весьма тягостныя, долгъ даже, ужасный и для частныхъ лицъ, а тъмъ болъе для принца, родившагося на ступеняхъ трона».

Александръ былъ поставленъ между необходимостью свергнуть съ престола своего отца и увъренностью, что отецъ его вскоръ довелъ бы до гибели свою имперію сумасбродствомъ своихъ поступковъ.

Безуміе этого несчастнаго государя (нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ не въ своемъ умѣ) дошло до такихъ предѣловъ, что долѣе не было возможности выносить его и что пришлось принести его въ жертву счастью сорокамилліоннаго народа.

Въ то время въ Россіи было на высшихъ должностяхъ всего два человѣка, способныхъ задумать и выполнить подобное предпріятіе: Рибасъ и Паленъ. Оба давно объ этомъ думали. Рибасъ даже составилъ объ этомъ свой планъ, но смерть неожиданно застигла его. Паленъ остался одинъ, и его одного оказалось достаточно. Нуженъ былъ именно такой человѣкъ, и нужно было, чтобы онъ занималъ именно то мѣсто, какое онъ занималъ въ то время, чтобы спасти Россію, и Паленъ спасъ ее, но я не желалъ бы заслужить подобную честь такою цѣною.

Паленъ, одаренный геніемъ глубокимъ и смѣлымъ, умомъ выдающимся, характеромъ непреклоннымъ, наружностью благородной и внушительной, Паленъ, непроницаемый, никогда никому не открывавшійся, ни въ грошъ не ставившій свое благо, свое состояніе, свою свободу и даже жизнь, когда ему предстояло осуществить задуманное, былъ созданъ успѣвать во всемъ, что бы онъ ни предпринялъ, и торжествовать надъ всѣми препятствіями; это былъ

настоящій глава заговора, предназначенный подать страшный прим'єрь всёмь заговорщикамь, настоящимь и будущимь. Но что онь считаль тогда необходимымь (оно и было необходимо)—оказалось не такъ легко исполнимымь. Надо было устранить Павла. Рибасъ высказался въ пользу переворота, причемъ настаиваль на необходимости открыть свои планы великому князю Александру и заручиться его согласіемъ, уб'єдивъ его, что хотять только заставить его отца отречься отъ престола и заточить его, но что его жизнь будетъ пощажена, въ чемъ не могли бы обнадежить его, если бъ говорили ему объ отравленіи.

Паленъ быль въ то время генералъ-губернаторомъ Петербурга, состоялъ подъ начальствомъ великаго князя Александра, что отдавало всю высшую полицію въ его руки и облегчало ему осуществленіе всего, что онъ желалъ предпринять.

Графъ Панинъ, человъкъ умный, даровитый и съ характеромъ, подходящимъ къ характеру графа Палена, былъ въ то время министромъ иностранныхъ дълъ; онъ одинъ изъ первыхъ вступилъ въ заговоръ и комбинировалъ вмъстъ съ Паленомъ всъ его градаціи и выполненіе.

Достигнуть успѣха можно было, только подкупивъ или поднявъ гвардію цѣликомъ или только частью, а это было дѣло не легкое: солдаты гвардіи любили Павла, первый батальонъ Преображенскаго полка въ особенности былъ очень къ нему привязанъ. Вспышки ярости этого несчастнаго государя обыкновенно обрушивались только на офицеровъ и генераловъ, солдаты же, хорошо одѣтые, пользующіеся хорошей пищей, кромѣ того, осыпались денежными подарками.

Офицеровъ очень легко было склонить къ перемѣнѣ царствованія, но требовалось сдѣлать очень щекотливый, очень затруднительный выборъ изъ числа 300 молодыхъ вѣтрениковъ и кутилъ, буйныхъ, легкомысленныхъ и несдержанныхъ; существовалъ рискъ, что заговоръ будетъ разглашенъ, или, по крайней мѣрѣ, заподозрѣнъ; какъ это

и случилось въ дъйствительности, что и заставило ускорить моментъ катастрофы, какъ увидятъ ниже.

Паленъ нашелъ возможность сгладить всё трудности, устранить всё препятствія и достичь своей цёли съ невозмутимой, ужасающей настойчивостью.

Передамъ слово въ слово, что онъ говорилъ мнѣ въ 1804 г., когда я проъзжалъ черезъ Митаву:

«Мить нечего сообщать вамъ новаго, мой любезный Л***, о характерт императора Павла и о его безумствахъ; вы сами страдали отъ нихъ такъ же, какъ и вст мы; но такъ какъ вы отсутствовали изъ Петербурга въ послъднее время его царствованія и въ продолженіе двухъ лътъ не видали его, то и не могли сами судить объ изступленности его безумія, которое шло, все усиливаясь, и могло, въ концъ концовъ, стать кровожаднымъ,—да и стало уже таковымъ: ни одинъ изъ насъ не былъ увтренъ ни въ одномъ днъ безопасности; скоро всюду были бы воздвигнуты эшафоты, и вся Сибирь населена несчастными.

«Состоя въ высокихъ чинахъ и облеченный важными и щекотливыми должностями, я принадлежалъ къ числу тѣхъ, кому болѣе всего угрожала опасность, и мнѣ настолько же желательно было избавиться отъ нея для себя, сколько избавить Россію, а, быть можетъ, и всю Европу отъ кровавой и неизбѣжной смуты.

«Уже болѣе шести мѣсяцевъ были окончательно рѣшены мои планы о необходимости свергнуть Павла съ престола, но мнѣ казалось невозможнымъ (оно такъ и было въ дѣйствительности) достигнуть этого, не имѣя на то согласія и даже содѣйствія великаго князя Александра, или, по крайней мѣрѣ, не предупредивъ его о томъ. Я зондировалъ его на этотъ счетъ, сперва слегка, намеками, кинувъ лишь нѣсколько словъ объ опасномъ характерѣ его отца. Александръ слушалъ, вздыхалъ и не отвѣчалъ ни слова.

«Но мнѣ не этого было нужно; я рѣшился, наконецъ, пробить ледъ и высказать ему открыто, прямодушно то, что мнѣ казалось необходимымъ сдѣлать.

«Сперва Александръ былъ, видимо, возмущенъ моимъ замысломъ; онъ сказалъ мнѣ, что вполнѣ сознаетъ опасности, которымъ подвергается имперія, а также опасности, угрожающія ему лично, но что онъ готовъ все выстрадать и рѣшился ничего не предпринимать противъ отца. « Чась»

«Я не унываль однако и такъ часто повторяль мои настоянія, такъ старался дать ему почувствовать настоятельную необходимость переворота, возраставшую съ каждымъ новымъ безумствомъ, такъ льстилъ ему или пугалъ его насчетъ его собственной будущности, представляя ему на выборъ—или престолъ, или же темницу, и даже смерть, что мнѣ, наконецъ, удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность и даже убѣдить его установить вмѣстѣ съ Панинымъ и со мною средства для достиженія развязки, настоятельность которой онъ самъ не могъ не сознавать.

«Но я обязанъ, въ интересахъ правды, сказать, что великій князь Александръ не соглашался ни на что, не потребовавъ отъ меня предварительно клятвеннаго объщанія, что не станутъ покушаться на жизнь его отца; я далъ ему слово: я не былъ настолько лишенъ смысла, чтобы внутренно взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить щепетильность моего будущаго государя, и я обнадежилъ его намъренія, хотя былъ убъжденъ, что они не исполнятся 1). Я прекрасно зналъ, что надо завершить революцію, или уже совсѣмъ не затѣвать ея, и что если жизнь Павла не будетъ прекращена 2), то двери его темницы скоро откро-

Что за человъкъ! вотъ какимъ надо быть, чтобы произвести революцію. Но всякій честный человъкъ отступиль бы передъ подобной клятвой.

²⁾ Паленъ былъ совершенно правъ: безъ смерти Павла революція была бы невозможна; сомнительно даже, удалось ли бы даже заточить его, а если удалось бы, то новая революція сдълала бы его орудіємъ ужасной мести.

ются, произойдетъ страшнъйшая реакція, и кровь невинныхъ, какъ и кровь виновныхъ, вскоръ обагритъ и столицу и губерніи.

«Императору внушили нѣкоторыя подозрѣнія насчетъ моихъ связей съ великимъ княземъ Александромъ; намъ это было небезызвѣстно. Я не могъ показываться къ молодому великому князю, мы не осмѣливались даже говорить другъ съ другомъ подолгу, несмотря на сношенія, обусловливаемыя нашими должностями; поэтому только посредствомъ записокъ (сознаюсь—средство неосторожное и опасное) мы сообщали другъ другу наши мысли и тѣ мѣры, какія требовалось принять; записки мои адресовались Панину; великій князь Александръ отвѣчалъ на нихъ другими записками, которыя Панинъ передавалъ мнѣ: мы прочитывали ихъ, отвѣчали на нихъ и немедленно сжигали.

«Однажды Панинъ сунулъ мнѣ въ руку подобную записку въ прихожей императора, передъ самымъ моментомъ, назначеннымъ для пріема; я думалъ, что успѣю прочесть записку, отвѣтить на нее и сжечь, но Павелъ неожиданно вышелъ изъ своей спальни, увидалъ меня, позвалъ и увлекъ въ свой кабинетъ, заперевъ дверь; едва успѣлъ я сунуть записку великаго князя въ мой правый карманъ.

«Императоръ заговорилъ о вещахъ безразличныхъ; онъ былъ въ духѣ въ этотъ день, развеселился, шутилъ со мною и даже осмѣлился залѣзть руками ко мнѣ въ карманы, сказавъ: «Я хочу посмотрѣть, что тамъ такое,—можетъ быть, любовныя письма!»

«Вы знаете меня, любезный Л***», прибавилъ Паленъ: «знаете, что я не робкаго десятка, и что меня не легко смутить, но долженъ вамъ признаться, что если бы мнѣ пустили кровь въ эту минуту, ни единой капли не вылилось бы изъ моихъ жилъ»

— Какъ же выпутались вы изъ этого опаснаго положенія?—спросилъ я.

«А воть какь», отвѣчалъ Паленъ: «я сказалъ императору: «Ваше величество! что вы дѣлаете? оставьте! вѣдь вы терпѣть не можете табаку, а я его усердно нюхаю, мой носовой платокъ весь пропитанъ; вы перепачкаете себѣ руки, и онѣ надолго примутъ противный вамъ запахъ». Тогда онъ отнялъ руки и сказалъ мнѣ: «Фи, какое свинство! вы правы!» Вотъ какъ я вывернулся 1).

«Когда великаго князя уб'вдили д'виствовать сообща со мною, -это былъ уже большой выигрышъ, но еще далеко не все: онъ ручался мнъ за свой Семеновскій полкъ; я видался со многими офицерами этого полка, настроенными очень р'вшительно; но это были все люди молодые, легкомысленные, неопытные, безъ испытаннаго мужества, необходимаго для такого рёшенія, и которые, въ моментъ дъйствія, могли бы, вслъдствіе слабости, вътрености или нескромности, испортить всё наши планы: мнё хотёлось заручиться помощью людей болбе солидныхъ, чвиъ вся эта ватага вертопраховъ, я желалъ опереться на друзей, извъстныхъ мнъ своимъ мужествомъ и энергіей: я хотълъ имъть при себъ Зубовыхъ и Бенигсена²). Но какъ вернуть ихъ въ Петербургъ? Они были въ опалъ, въ ссылкъ; у меня не было никакого предлога, чтобы вызвать ихъ оттуда, и вотъ что я придумалъ.

«Я рѣшилъ воспользоваться одной изъ свѣтлыхъ минутъ императора, когда ему можно было говорить что угодно, разжалобить его насчетъ участи разжалованныхъ офицеровъ: я описалъ ему жестокое положение этихъ несчастныхъ, выгнанныхъ изъ ихъ полковъ и высланныхъ изъ столицы, и которые, видя карьеру свою погубленною и жизнь испорченною, умираютъ съ горя и нужды за проступки легкие и простительные. Я зналъ порывистость

¹⁾ Какая ловкость и какое присутствіе духа!

²⁾ Насчеть Бенигсена и Валеріана Зубова Палень быль правъ; Николай же быль быкъ, который могь быть отважнымъ въ пьяномъ видѣ, но не иначе, а Платонъ Зубовъ быль самымъ трусливымъ и низкимъ изъ людей.

Павла во всёхъ дёлахъ, я надёялся заставить его сдёлать тотчасъ же то, что я представиль ему подъ видомъ великодушія; я бросился къ его ногамъ. Онъ былъ романическаго характера, онъ имёлъ претензію на великодушіе. Во всемъ онъ любилъ крайности: два часа спустя послё нашего разговора двадцать курьеровъ уже скакали во всё части имперіи, чтобы вернуть назадъ въ Петербургъ всёхъ сосланныхъ и исключенныхъ со службы. Приказъ, дарующій имъ помилованіе, былъ продиктованъ мнё самимъ императоромъ.

«Тогда я обезпечилъ себъ два важныхъ пункта: 1) заполучилъ Бенигсена и Зубовыхъ, необходимыхъ мнѣ, и 2) еще усилилъ общее ожесточение противъ императора: я изучилъ его нетерпъливый нравъ, быстрые переходы его отъ одного чувства къ другому, отъ одного намъренія къ другому, совершенно противоположному. Я былъ увъренъ, что первые изъ вернувшихся офицеровъ будутъ приняты хорошо, но что скоро они надобдять ему, а также и слъдующіе за ними. Случилось то, что я предвидълъ: ежедневно сыпались въ Петербургъ сотни этихъ несчастныхъ: каждое утро подавали императору донесенія съ заставъ. Вскор' ему опротивъла эта толпа прибывающихъ: онъ пересталъ принимать ихъ, затъмъ сталъ просто гнать и тъмъ нажилъ себъ непримиримыхъ враговъ въ лицъ этихъ несчастныхъ, снова лишенныхъ всякой надежды и осужденныхъ умирать съ голоду у воротъ Петербурга 1).

«Мы назначили исполнение нашихъ плановъ на конецъ марта: но непредвидънныя обстоятельства ускорили срокъ: многіе офицеры гвардіи были предупреждены о нашихъ замыслахъ, многіе ихъ угадали. Я могъ всего опасаться отъ ихъ нескромности и жилъ въ тревогъ.

«7-го марта я вошелъ въ кабинетъ Павла въ семь часовъ утра, чтобы подать ему, по обыкновенію, рапортъ о

¹⁾ Какая адская махинація!

состояніи столицы. Я застаю его озабоченнымъ, серьезнымъ; онъ запираетъ дверь и молча смотритъ на меня въ упоръ минуты съ двѣ, и говоритъ наконецъ: «Г. фонъ-Паленъ! вы были здѣсь въ 1762 году»—«Да, ваше величество».—«Были вы здѣсь?»—«Да, ваше величество, - но что вамъ угодно этимъ сказать?»—«Вы участвовали въ заговорѣ, лишившемъ моего отца престола и жизни?»—«Ваше величество, я былъ свидѣтелемъ переворота, а не дѣйствующимъ лицомъ, я былъ очень молодъ, я служилъ въ низшихъ офицерскихъ чинахъ въ Конномъ полку. Я ѣхалъ на лошади со своимъ полкомъ, ничего не подозрѣвая, что происходитъ: но почему, ваше величество, задаете вы мнѣ подобный вопросъ?»—«Почему? вотъ почему: потому что хотятъ повторить 1762 годъ».

«Я затрепеталъ при этихъ словахъ, но тотчасъ же оправился и отвъчалъ: «Да, ваше величество, хотятъ! Я это знаю и участвую въ заговорѣ». —«Какъ! вы это знаете и участвуете въ заговоръ? Что вы мнъ такое говорите!»— «Сущую правду, ваше величество, я участвую въ немъ и долженъ сдёлать видъ, что участвую въ виду моей должности, ибо какъ могъ бы я узнать, что намфрены они дълать, если не притворюсь, что хочу способствовать ихъ замысламъ? но не безпокойтесь, - вамъ нечего бояться: я держу въ рукахъ всв нити заговора, и скоро все станетъ вамъ извъстно. Не старайтесь проводить сравненій между валими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Онъ былъ иностранецъ, а вы русскій; онъ ненавидълъ русскихъ, презиралъ ихъ и удалялъ отъ себя; а вы любите ихъ, уважаете и пользуетесь ихъ любовью; онъ не былъ коронованъ, а вы коронованы; онъ раздражилъ и даже ожесточилъ противъ себя гвардію, а вамъ она предана. Онъ преслъдовалъ духовенство, а вы почитаете его; въ его время не было никакой полиціи въ Петербургѣ, а нынче она такъ усовершенствована, что не дълается ни шага, не говорится ни слова помимо моего въдома: каковы

бы ни были намѣренія императрицы ¹), она не обладаеть ни геніальностью, ни умомъ вашей матери; у нея двадцатилѣтнія дѣти, а въ 1762 году вамъ было только 7 лѣтъ».— «Все это правда», отвѣчалъ онъ: «но, конечно, не надо дремать».

«На этомъ нашъ разговоръ и остановился, я тотчасъ же написалъ про него великому князю, убъждая его завтра же нанести задуманный ударъ: онъ заставилъ меня отсрочить его до 11-го, дня, когда дежурнымъ будетъ 3-й батальонъ Семеновскаго полка, въ которомъ онъ былъ увъренъ еще болъе, чъмъ въ другихъ остальныхъ. Я согласился на это съ трудомъ и былъ не безъ тревоги въ слъдующие два дня ²).

Можно ли было тогда ожидать, что впослѣдствіи этотъ ужасный человѣкъ пріобрѣтетъ при императорѣ Александрѣ почти безграничную власть и будетъ оказывать вліяніе самое погубное? Много говорили въ то время о какомъ-то письмѣ, адресованномъ наканунѣ смерти Павла къ графу Кутайсову или князю Гагарину, письмѣ, которое тотъ или другой позабыли передать императрицѣ и даже распечатать и въ которомъ, говорять, заключалось предупрежденіе о томъ, что произойдетъ на другой день.

Князь Христофоръ Ливенъ, генералъ-адъютантъ Павла, нынѣ посолъ въ Лондонѣ, въ то время только что подвергшійся опалѣ и передавшій князю Гагарину портфель военнаго министра, разсказывалъ мнѣ, что письмо было отъ него и адресовано Гагарину, который дѣйствительно позабылъ вскрыть его, но что оно не содержало никакихъ предупрежденій о заговорѣ, такъ какъ онъ самъ ничего не зналъ о немъ, а содержало только просьбы частнаго характера.

¹⁾ Палену удалось внушить императору подозрѣніе насчеть императрицы, какъ будеть видно дальше.

²⁾ Паленъ не напрасно безпокоился: оказывается, что императоръ имълъ болъ чъмъ подозрънія о замышляемомъ, и что самъ Паленъ былъ осужденъ на опалу. Павелъ тайно послалъ въ Гатчину за двумя своими прежними фаворитами, въ то время удаленными: Аракчеевымъ и Линденеромъ; еслибъ пріъхали эти два чудовища, они замънили бы Палена и, можетъ быть, великаго князя Александра на постахъ генералъ-губернаторовъ Петербурга, и столица облилась бы кровью. Аракчеевъ прибылъ черезъ десять часовъ послъ смерти Павла; онъ былъ остановленъ на заставъ и отосланъ обратно.

«Наконецъ наступилъ роковой моментъ: вы знаете все, что произопло. Императоръ погибъ и долженъ былъ погибнуть: я не былъ ни очевидцемъ, ни дѣйствующимъ лицомъ при его смерти. Я предвидѣлъ ее, но не хотѣлъ въ ней участвовать, такъ какъ далъ слово великому князю 1)».

Вотъ разсказъ Бенигсена:

«Я быль удалень со службы, и, не смён показываться ни въ Петербургів, ни въ Москвів, ни даже въ другихъ губернскихъ городахъ, изъ опасенія слишкомъ выставляться на видъ, быть заміченнымъ и, можетъ быть, сосланнымъ въ міста боліве отдаленныя, я проживалъ въ печальномъ уединеніи своего помістья на Литвів.

«Въ началѣ 1801 года я получиль отъ графа Палена письмо, приглашавшее меня явиться въ Петербургъ: я былъ удивленъ этимъ предложеніемъ и нимало не расположенъ послѣдовать ему; нѣсколько дней спустя, получился приказъ императора, призывавшій назадъ всѣхъ сосланныхъ и уволенныхъ со службы. Но этотъ приказъ точно также не внушилъ мнѣ никакой охоты покинуть мое уединеніе; между тѣмъ Паленъ бомбардировалъ меня письмами, въ которыхъ энергично выражалъ свое желаніе видѣть меня въ столицѣ и увѣрялъ меня, что я буду прекрасно принятъ императоромъ. Послѣднее его письмо было такъ убѣдительно, что я рѣшился ѣхать.

«Прівзжаю въ Петербургъ; сперва я довольно хорошо принятъ Павломъ; но потомъ онъ обращается со мною холодно, а вскорв совсвмъ перестаетъ смотрвть на меня и говорить со мной. Я иду къ Палену и говорю ему, что все, что я предвидвлъ, оправдалось, что надвяться мнв не на что, зато много есть чего опасаться, поэтому я хочу увхать какъ можно скорве. Паленъ уговорилъ меня потерпвть еще нъкоторое время, и я согласился на это съ

¹⁾ Странный изворотъ! Онъ не способствоваль смерти Павла! Но несомнънно, это онъ приказалъ Зубовымъ и Бенигсену совершить убійство.

трудомъ; наконецъ, наканунѣ дня, назначеннаго для выполненія его замысловъ, онъ открылъ мнѣ ихъ: я согласился на все, что онъ мнѣ предложилъ. Въ намѣченный день мы всѣ собрались къ Палену; я засталъ тамъ троихъ Зубовыхъ, Уварова, много офицеровъ гвардіи¹), всѣ были по меньшей мѣрѣ разгорячены шампанскимъ, которое Паленъ велѣлъ подать имъ (мнѣ онъ запретилъ питъ и самъ не пилъ). Насъ собралось человѣкъ 60; мы раздѣлились на двѣ колонны: Паленъ съ одной изъ нихъ пришелъ по главной лѣстницѣ со стороны покоевъ императрицы Маріи²), а я съ другой колонной направился по лѣстницѣ, ведущей къ церкви³). Больше половины сопровождавшихъ меня заблудились и отстали прежде, чѣмъ дошли до покоевъ императора; насъ осталось всего 12 человѣкъ. Томъ числѣ были Платонъ и Николай Зу-

¹⁾ Между прочимъ князя Яшвиля изъартиллеріи, Вяземскаго— Семеновскаго полка, Скарятина—Измайловскаго, Аргамакова— Преображенскаго, Татаринова—Кавалергардскаго; Волконскаго и др.

²⁾ Думають, что Палень, адскій геній котораго все предвиділь, а въ особенности не забыль ничего, что могло касаться его лично, уклонился отъ діятельнаго участія не потому, какъ онъ увітряль меня, что хотіль исполнить обіщаніе, данное великому князю Александру, а для того, чтобъ быть въ состояніи, если не удастся предпріятіе, броситься на помощь къ императору: не желая самъ совершать преступленія, онъ, зная хладнокровіе и невозмутимое мужество Бенигсена, призваль его, чтобы замінить себя, и правда, что безъ Бенигсена ничего не удалось бы.

ведеть въ большую залу, служившую прихожей императора, и гдё спали два гусара или придворныхъ гайдука. За этой комнатой была спальня Павла, обширная и высокая; изъ нея вели двё двери, между которыми быль устроенъ родъ чуланчика, гдё спаль камердинеръ. Направо отъ входа стояль шкапъ, куда прятали знамена и штандарты гвардейскихъ полковъ и шпаги офицеровъ подъ арестомъ. Возлё шкапа была дверка, ведущая черезъ узкую потаенную лёстницу въ голландскую кухню, никогда не бывшую въ употребленіи, и затёмъ въ квартиру дежурнаго генералъ-адъютанта; въ то время это быль князь Гагаринъ, жена котораго, рожденная княжна Лопухина, была любовницей императора.

бовы. Валеріанъ былъ съ Паленомъ. Мы дошли до дверей прихожей императора, и одинъ изъ насъ велёлъ отворить ее подъ предлогомъ, что имѣетъ что-то доложить императору 1). Когда камердинеръ и гайдуки императора увидѣли насъ входящими толпой, они не могли усомниться въ нашемъ замыслѣ: камердинеръ спрятался, но одинъ изъ гайдуковъ, хотя и обезоруженный, бросился на насъ; одинъ изъ сопровождавшихъ меня свалилъ его ударомъ сабли и опасно ранилъ въ голову 2).

«Между твиь этоть шумь разбудиль императора; онь вскочиль съ постели, и если бъ сохранилъ присутствее духа, то легко могь бы бъжать; правда, онъ не могъ этого сдълать черезъ комнаты императрицы,—такъ какъ Палену удалось внушить ему сомнъніе насчеть чувствъ государыни, то онъ каждый вечеръ барикадирова дверь, ведущую въ ен покои,—но онъ могъ спуститьс. ъ Гагарину и бъжать отгуда. Но, повидимому, онъ былъ слишкомъ перепуганъ, чтобы соображать, и забился въ одинъ изъ угловъ маленькихъ ширмъ, загораживавшихъ простую безъ полога кровать, на которой онъ спалъ.

«Мы входимъ. Платонъ Зубовъ ³) бѣжитъ къ постели, не находитъ никого и восклицаетъ по-французски: «Онъ

¹⁾ Это быль нѣкто Аргамаковъ, адъютанть Преображенскаго полка, онъ являлся каждое утро въ 6 часовъ подавать императору рапортъ по полку. Онъ стучится въ дверь, запертую на ключь. Камердинеръ встаетъ и спрашиваетъ его, кто онъ такой, и что ему нужно. Аграмаковъ называетъ себя, прибавивъ: «Можно ли спрашивать, что мнѣ нужно? Я прихожу каждое утро подавать рапортъ императору. Уже 6 часовъ! Отпирайте скорѣе!»—«Какъ 6 часовъ?» возразилъ камердинеръ: «нѣтъ еще и 12-ти; мы только что улеглисъ спать».—«Вы ошибаетесь», сказалъ Аргамаковъ: «ваши часы, вѣроятно, остановилисъ: теперь болѣе 6-ти часовъ. Изъ-за васъ меня посадятъ подъ арестъ, если я опоздаю, отпирайте скорѣе». Обманутый камердинеръ отперъ, и заговорщики вошли толной.

²⁾ Этотъ храбрый и върный гайдукъ не умеръ отъ своей раны, а впослъдствіи онъ служиль камердинеромъ у императрицы Маріи; его звали Кириловымъ.

³⁾ Послѣдній фаворить императрицы Екатерины.

убъжаль!» Я слъдоваль за Зубовымъ и увидълъ, гдъ скрывается императоръ. Какъ и всъ другіе, я былъ въ парадномъ мундиръ, въ шарфъ, въ лентъ черезъ плечо, въ шляпъ на головъ и со шпагой въ рукъ. Я опустилъ ее и сказалъ по-французски: «Ваше величество, царствованію вашему конецъ: императоръ Александръ провозглашенъ. По его приказанію, мы арестуемъ васъ; вы должны отречься отъ престола. Не безпокойтесь за себя: васъ не хотятъ лишать жизни; я здъсь, чтобы охранять ее и защищать, покоритесь своей судьбъ; но если вы окажете хотя малъйшее сопротивленіе, я ни за что больше не отвъчаю».

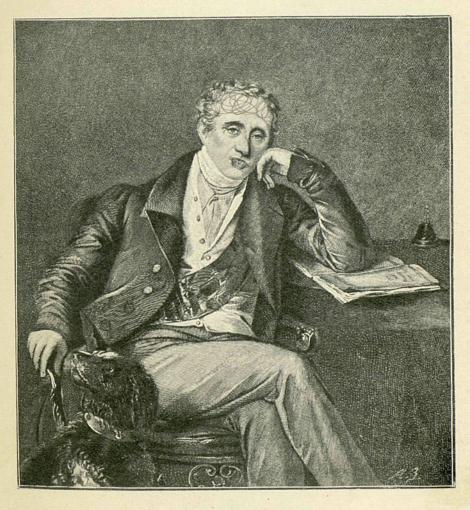
«Императоръ не отвъчалъ мнѣ ни слова. Платонъ Зубовъ повторилъ ему по-русски то, что я сказалъ по-французски. Тогда онъ воскликнулъ: «Что же я вамъ сдѣлалъ!» Одинъ изъ офицеровъ гвардіи отвъчалъ: «Вотъ уже четыре года, какъ вы насъ мучите».

«Въ эту минуту другіе офицеры, сбившіеся съ дороги, безпорядочно ворвались въ прихожую: поднятый ими шумъ испугалъ тѣхъ, которые были со мною, они подумали, что это пришла гвардія на помощь къ императору, и разбѣжались всѣ, стараясь пробраться къ лѣстницѣ. Я остался одинъ съ императоромъ, но я удержалъ его, импонируя ему своимъ видомъ и своей шпагой 1). Мои бѣглецы, встрѣтивъ своихъ товарищей, вернулись вмѣстѣ съ ними

¹⁾ Изъ этого видно, что если бы Бенигсенъ не находился въ числъ заговорщиковъ, то императоръ, оставшись одинъ и придя въ себя, могъ бы бъжать къ Гагарину. Паленъ отлично все разсчиталъ, поручивъ ему выполненіе заговора.

Я много разъ ходилъ смотрѣть комнату, гдѣ погибъ несчастный Павелъ I; теперь ея уже больше никому не показываютъ, и она постоянно заперта.

Михайловскій дворець, гдѣ жиль съ недавнихь поръ Павель, отдань инженерному вѣдомству; тамъ помѣщается инженерное училище, и воспитанники учатся въ залахъ, украшенныхъ великолѣпной рѣзной и лѣпной работой и прекрасной живописью; между прочимъ, тамъ есть двери и камины богатой, драгоцѣнной отдѣлки.

Графъ Никита **Іте**тровичъ Панинъ. Съ гравюры Буассена.

въ спальню Павла и, тёснясь одинъ на другого, опрокинули ширмы на лампу, стоявшую на полу, посреди комнаты, лампа потухла. Я вышелъ на минуту въ другую комнату за свёчой, и въ теченіе этого короткаго промежутка времени прекратилось существованіе Павла».

На этомъ Бенигсенъ кончилъ свой разсказъ 1). = 15/и 5% Теперь вотъ что я узналъ отъ великато князя Константина; передамъ его слова съ буквальной точностью:

«Я ничего не подозрѣвалъ ²) и спалъ, какъ спятъ въ 20 лѣтъ.

¹⁾ Бенигсенъ не захотълъ мнъ больше ничего говорить, однако оказывается, что онъ быль очевидцемь смертиимператора, но не участвовалъ въ убійствъ. Убійцы бросились на Павла, и онъ защищался слабо: онъ просилъ пощады, умолялъ, чтобы ему дали время прочесть молитвы, и, увидавъ одного офицера конной гвардіи, приблизительно одного роста съ великимъ княземъ Константиномъ, онъ принялъ его за сына и сказаль ему, какъ Цезарь Бруту: «Какъ! и ваше высочество здёсь». (Это слово «высочество» очень необычайно при подобныхъ обстоятельствахъ). Итакъ, несчастный государь умеръ, убѣжденный, что его сынъ былъ однимъ изъ его убійцъ, и это страшное сознаніе еще болъ отравило его послъднія минуты. Убійцы не имъли ни веревки, ни полотенца, чтобы задушить его; говорять, Скарятинъ даль свой шарфъ, и черезъ него погибъ Павелъ. Не знаютъ, кому принисать позорную честь быть виновникомъ его жестокой кончины; всё заговорщики участвовали въ ней, но, повидимому, князю Яшвилю и Татаринову принадлежить главная отвътственность въ этомъ страшномъ злодъйствъ. Оказывается, что Николай Зубовъ, нъчто въ родъ мясника, жестокій и разгоряченный виномъ, которымъ упился, ударилъ его кулакомъ въ лицо, а такъ какъ у него была въ рукъ золотая табакерка, то одинъ изъ острыхъ угловъ этой четырехугольной табакерки ранилъ императора подъ лѣвымъ глазомъ.

²⁾ Императоръ Александръ не захотъль открыть своему брату тайну замышляемаго заговора, онъ страшился его нескромности и, быть можеть, его честности и прямоты. Паленъ внушиль ему также опасеніе, что если великій князь узнаеть о проектѣ свергнуть съ престола его отца, онъ можетъ открыть все отцу въ надеждѣ погубить своего старшаго брата и самому занять его мѣсто: безъ сомнѣнія, Константинъ быль далекъ отъ подобнаго расчета, но очень вѣроятно, что онъ оказаль бы долгое, энергичное и, быть можетъ, дѣйствительное сопро-

«Платонъ Зубовъ пьяный вошель ко мнв въ комнату, поднявъ шумъ. (Это было уже черезъ часъ послъ кончины моего отца). Зубовъ грубо сдергиваетъ съ меня одъяло и дерзко говорить: «Ну, вставайте, идите къ императору Александру; онъ васъ ждетъ». Можете себъ представить, какъ я былъ удивленъ и даже испуганъ этими словами. Я смотрю на Зубова: я былъ еще въ полуснъ и думалъ, что мнт все это приснилось. Платонъ грубо тащить меня за руку и подымаетъ съ постели: я надъваю панталоны, сюртукъ, натягиваю сапоги и машинально слъдую за Зубовымъ. Я имътъ, однако, предосторожность захватить съ собой мою польскую саблю, ту самую, что подарилъ мнъ князь Любомірскій въ Ровно 1); я взяль ее съ цёлью защищаться, въ случав, если бы было нападеніе на мою жизнь, ибо я не могъ себъ представить, что такое произошло.

«Вхожу въ прихожую моего брата, застаю тамъ толпу офицеровъ, очень шумливыхъ, сильно разгоряченныхъ, и Уварова, пьянаго, какъ и они, сидящаго на мраморномъ столѣ, свѣсивъ ноги. Въ гостиной моего брата я нахожу его лежащимъ на диванѣ въ слезахъ, какъ и императрица Елисавета. Тогда только я узналъ объ убійствѣ моего отца. Я былъ до такой степени пораженъ этимъ ударомъ, что сначала мнѣ представилось, что это былъ заговоръ извнѣ противъ всѣхъ насъ.

«Въ эту минуту пришли доложить моему брату о претензіяхъ моей матери. Онъ воскликнуль: «Боже мой! Еще новыя осложненія!». Онъ приказалъ Палену пойти убѣдить ее и заставить отказаться отъ идей по меньшей мѣрѣ весьма странныхъ и весьма неумѣстныхъ въ подобную минуту. Я остался одинъ съ братомъ; черезъ нѣкоторое

тивленіе рѣшенію своего брата. Паленъ и объ этомъ подумаль; ничто не ускользнуло отъ него.

¹⁾ Князь Іосифъ. Великій князь Константинъ объёзжаль Волынь, дёлая смотры войскамъ, и, повидимому, быль увлеченъ княжной Еленой Любомірской, дочерью князя Іосифа.

время вернулся Паленъ и увелъ императора, чтобы показать его войскамъ. Я послъдовалъ за нимъ, остальное вамъ извъстно» ¹).

Какъ только императоръ испустиль духъ, всѣ убійцы разбѣжались: опять Бенигсенъ остался почти одинъ. Онъ приказалъ уложить тѣло императора на кровать камердинера, призвалъ тридцать солдатъ лейбъ-гвардіи съ офицеромъ (Константинъ Полторацкій), разставилъ вездѣ часовыхъ, двоихъ со скрещенными ружьями у дверей въ покои императрицы. Вскорѣ она прибѣжала: дверь была отперта, неизвѣстно, кѣмъ и какъ²). Часовые загородили ей проходъ; она вспылила и хотѣла пройти. Они оказали сопротивленіе. Полторацкій пришелъ сказать ей, что она не пройдетъ, что ему дано приказаніе не пропускать ее; она

¹⁾ Великій князь всегда питалъ отвращеніе ко всѣмъ участникамъ этого заговора; онъ называлъ Бенигсена капитаномъ сорока пяти, намекая на убійство герцога Гиза въ Блуа, совершенное ротой гвардіи Генриха III, состоявшей изъ 45 человѣкъ.

²⁾ Есть основаніе предполагать, что это Бенигсень велёль отворить дверь, такъ какъ она была заперта лишь со стороны комнаты императора. Но онъ мнё объ этомъ ничего не говориль, а я забылъ спросить его; можеть быть, онъ ждаль оттуда колонну Палена.

Всё солдаты и офицеры караула Михайловскаго дворца были посвящены въ секретъ заговора, за исключеніемъ ихъ командира: это быль нёмецъ, очень глупый и ничтожный, нёкто Пейкеръ. Прежде онъ состоялъ въ морскихъ батальонахъ, образовавшихъ до смерти императрицы Екатерины гатчинское войско и включенныхъ Павломъ, по вступленіи его на престолъ, въ составъ его гвардіи.

Одинъ изъ гайдуковъ, бъжавшихъ изъ передней императора, побъжалъ въ караулъ и позвалъ на помощь, крича, что убивають государя. Если бъ на дежурствъ былъ другой полкъ, а не Семеновскій, или, можетъ быть, если бъ у нихъ былъ другой начальникъ, болъе ръшительный, то возможно (хотя мало въроятно), что онъ явился бы во время, чтобы предупредить убійство: солдаты, хотя и подкупленные, можетъ быть, не посмъти бы ослушаться, въ неувъренности насчетъ того, удастся ли заговоръ, но Пейкеръ растерялся: онъ спросилъ совъта у офицеровъ, которые, чтобы выиграть время, посовътовали ему сдълать докладъ командиру полка, генералу Депрерадовичу, что онъ и исполнилъ очень глупо и очень подробно.

отвѣтила рѣзкостью, и наконецъ ей сдѣлалось дурно. Одинъ гренадеръ, по имени Перекрестовъ, принесъ стаканъ воды и подалъ ей, она отказалась. Тогда гренадеръ сказалъ: «Выкушайте, матушка, вода не отравлена, не бойтесь за себя». Онъ самъ выпилъ часть воды и предложилъ ей остальное. Она выпила и вернулась въ свои аппартаменты 1). Въ эту минуту разсудокъ у нея совсѣмъ помутился, ея характеръ и честолюбіе одержали верхъ надъ горестью, которую она должна была бы испытывать; она воскликнула, что она коронована, что ей подобаетъ царствовать, а ея сыну принести ей присягу. Побѣжали доложить объ этомъ императору Александру, а онъ послалъ Палена успокоить мать, какъ видно изъ разсказа, приведеннаго выше. Изъ этого можно судить о чувствительности и о супружеской любви императрицы Маріи.

Между тъмъ войска гвардіи выстроились во дворѣ и вокругъ дворца; какъ видно, въ нихъ не были увѣрены, и событія это подтвердили. Молодой генералъ Талызинъ командовалъ Преображенскимъ полкомъ, въ которомъ всегда служилъ; онъ собралъ его въ одиннадцать часовъ вечера, приказалъ зарядить ружья и сказалъ солдатамъ: «Братцы, вы знаете меня 20 лѣтъ, вы довѣряете мнѣ, слѣдуйте за мною и дѣлайте все, что я вамъ прикажу». Солдаты пошли за нимъ, не зная, въ чемъ дѣло, и убѣжденные, что они призваны для защиты своего государя; но когда они

¹⁾ Какъ только Паленъ узналъ о смерти императора, онъ отправился къ г-жѣ Ливенъ, гувернанткѣ молодыхъ великихъ княженъ и близкому другу императрицы Маріи; онъ разбудилъ ее и поручилъ ей сообщить эту страшную вѣсть императрицѣ. Г-жа Ливенъ съ трудомъ рѣшалась на это, но Паленъ заставилъ ее, сказавъ ей, что она единственнан особа, которой можно довѣрить подобное порученіе. Г-жа Ливенъ разбудила императрицу и сообщила ей, что съ императоромъ апоплектическій ударъ, и что ему очень дурно. «Нѣтъ», воскликнула она: «онъ умеръ, его убили!» Г-жа Ливенъ не могла долѣе скрывать истины; тогда императрица бросилась въ спальню своего мужа, куда ее не пропустили. Паленъ ходилъ къ г-жѣ Ливенъ по приказанію императора Александра.

узнали, что отъ нихъ скрыли, между ними поднялся тревожный ропотъ.

Императоръ Александръ предавался въ своихъ покояхъ отчаянію, довольно натуральному, но неумъстному. Паленъ, встревоженный образомъ дъйствія гвардіи, приходить за нимъ, грубо хватаетъ его за руку и говоритъ: «Будетъ ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардіи». Онъ увлекъ императора и представилъ его Преображенскому полку. Талызинъ кричитъ: «Да здравствуетъ императоръ Александръ!» — гробовое молчаніе среди солдатъ. Зубовы выступаютъ, говорятъ съ ними и повторяютъ восклицаніе Талызина, такое же безмолвіе. Императоръ переходить къ Семеновскому полку, который привътствуетъ его криками «ура!». Другіе слёдують примёру семеновцевъ, но преображенцы попрежнему безмолвствуютъ. Императоръ садится въ сани съ императрицей Елисаветой и вдеть въ Зимній дворець; всв следують за нимъ. Онъ велить созвать войска на Дворцовую площадь, войска повинуются, но все тотъ же Преображенскій полкъ ропщетъ и, очевидно, подозрѣваетъ, что Павелъ еще живъ 1). Когда же полкъ убъдился въ его смерти, онъ принесъ присягу Александру, какъ и остальныя войска ²).

Наскоро созванъ былъ сенатъ и всѣ присутственныя мѣста; они также приведены были къ присягѣ. Императрица Марія волей-неволей присоединилась къ остальнымъ подданнымъ своего сына; въ девять часовъ утра водворилось полное спокойствіе, и императоръ Александръ упрочился на престолѣ.

Эта революція, столь внезапная, не сопровождалась кровопролитіємъ, какъ переворотъ 1762 года, а стоила жизни только самому императору. Революція, лишившая

¹⁾ Это доказываеть, что если бъ Павель не умерь и быль заточень въ крѣпость, то гвардія освободила бы его и тогда!!!

²⁾ Увъряли, что принуждены были нъсколькимъ солдатамъ показать трупъ императора Павла.

имперіи Іоанна VI, окончилась черезъ 4 часа, революція, жертвой которой палъ Петръ III, продолжалась 24 часа, и наконецъ третья революція, въ коей погибъ Павелъ, длилась всего 2 часа.

Эти страшныя катастрофы, повторявшіяся въ Россіи три раза въ теченіе стольтія, безъ сомньнія, самые убъдительные изъ всьхъ аргументовъ, какіе можно привести противъ деспотизма: нужны преступленія, чтобы избавиться отъ незаконности, отъ безумія или отъ тираніи, когда они опираются на деспотизмъ; въ конституціонномъ государствь 1) незаконность не можетъ имъть мъста, безуміе прикрывается 2), а тиранія не смъетъ развернуться, слъдовательно не нужно преступленій, чтобы занять престоль и удержаться на немъ.

Какъ деспотъ могущественъ и слабъ въ одно и то же время! Павелъ, неограниченный властелинъ, управлялъ 36-ю милліонами людей и царилъ надъ 400.000 квадратныхъ миль; а между тѣмъ взводъ его гвардіи и 60 заговорщиковъ свергли его съ этого исполинскаго престола!

Вилліе, хирургъ Семеновскаго полка, предупрежденный о заговорѣ, прибѣжалъ въ спальню Павла, какъ только ему сообщили о его смерти; онъ убралъ тѣло для выставленія, которое совершалось согласно обычаю, установленному въ Россіи. Рана, сдѣланная ему Николаемъ Зубовымъ, говорятъ, была замазана лакомъ.

Въ Европъ распространился слухъ (его пустилъ Паленъ), будто Павелъ хотълъ развестись съ женою, жениться на княгинъ Гагариной, разведя ее съ мужемъ, заточить въ кръпость своихъ трехъ старшихъ сыновей и

¹⁾ Оберъ-камергеръ Александръ Нарышкинъ былъ арестованъ, не знаю, за что, такъ какъ онъ былъ неопасенъ; его отвели на гауптвахту, и онъ отдёлался тёмъ, что его немного посёкъ Николай Зубовъ, и тёмъ, что онъ сильно трусилъ часа два.

²⁾ Въ наши времена мы видёли въ Англіи прим'єръ, что безуміе у монарха нисколько не м'єшало конституціонному правленію.

провозгласить своимъ наслѣдникомъ маленькаго великаго князя Михаила, родившагося уже въ бытность Павла на престолѣ. Этотъ слухъ оказывается страшнѣйшей клеветой; онъ былъ опровергнутъ Коцебу въ его интересной и правдивой брошюрѣ, озаглавленной: «Одинъ памятный годъ въ моей жизни», а я слышалъ отъ генерала Кутузова, бывшаго тогда въ Петербургѣ, что никогда не было и рѣчи о подобныхъ сумасбродствахъ, и что даже наканунѣ смерти Павелъ казался очень расположеннымъ къ женѣ и дѣтямъ, а извѣстно, что его характеръ никогда не позволилъ бы ему скрывать свои намѣренія.

Говорили также, что въ самый день смерти Павель, взглянувъ на себя въ зеркало, сказалъ: «Мнѣ кажется, какъ будто у меня сегодня лицо кривое!» Этотъ фактъ въренъ, и вотъ какъ Кутузовъ мнѣ разсказывалъ о немъ:

«Мы ужинали вмѣстѣ съ императоромъ; насъ было 20 человѣкъ за столомъ; онъ былъ очень веселъ и много шутилъ съ моей старшей дочерью, которая въ качествѣ фрейлины присутствовала за ужиномъ и сидѣла противъ императора. Послѣ ужина онъ говорилъ со мною, и пока я отвѣчалъ ему нѣсколько словъ, онъ взглянулъ на себв въ зеркало, имѣвшее недостатокъ и дѣлавшее лица кривыми. Онъ посмѣялся надъ этимъ и сказалъ мнѣ: «Посмотрите, какое смѣшное зеркало; я вижу себя въ немъ съ шеей на сторону». Это было за полтора часа до его кончины». (Кутузовъ не былъ посвященъ въ заговоръ).

Послѣ смерти Павла, Паленъ былъ сперва утвержденъ во всѣхъ его должностяхъ и получилъ громадное вліяніе на умъ императора Александра; онъ слишкомъ злоупотреблялъ своей властью, онъ черезчуръ долго третировалъ своего государя, какъ ребенка (Александру было, однако, 22 года и, конечно, онъ уже не былъ ребенкомъ ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Паленъ заставилъ себя бояться, не заставивъ себя любить).

Императрица Марія терпѣть его не могла, какъ и всѣхъ участниковъ въ убійствѣ своего мужа; она преслѣдовала ихъ неустанно и наконецъ успѣла всѣхъ ихъ или удалить, или уничтожить ихъ вліяніе, или же подорвать ихъ карьеры.

Вскорѣ послѣ катастрофы, которою она казалась такъ сильно, но немного поздно тронутой, она приказала соорудить въ своемъ павловскомъ саду прекрасный памятникъ Павлу, который и поставила въ часовнѣ; потомъ ея стараніями объявилась въ церкви одной деревни чудотворная икона Божьей Матери, которая говорила и призывала кару небесъ на убійцъ ея мужа.

Паленъ поскакалъ въ эту деревню, велѣлъ сорвать икону и не пощадилъ императрицы-матери, которая пожаловалась своему сыну. Императоръ заговорилъ объ этомъ съ Паленомъ, тотъ отвѣчалъ дерзко и заносчиво. Александръ былъ оскорбленъ и далъ понять, что онъ тяготится своимъ менторомъ. Императрица достигла того, что неосторожный министръ впалъ въ немилость. Сразу лишенный всѣхъ своихъ должностей и принужденный удалиться въ Курляндію, въ свои помѣстья, онъ сталъ проводить время поперемѣнно то въ прекрасномъ замкѣ Екавѣ, возлѣ Митавы, то въ Ригѣ.

Генералъ Бенигсенъ былъ также предметомъ яростной ненависти со стороны императрицы-матери; она потребовала отъ сына, чтобы онъ никогда не жаловалъ ему маршальскаго жезла, хотя никто не заслужилъ этой почести больше его, но она не могла помѣшать императору ввѣрить командованіе войсками единственному великому генералу, котораго онъ могъ съ выгодой выставить противъ Наполеона, единственному, которому удалось остановить быстрое теченіе его успѣховъ, и который, можетъ быть, окончательно восторжествовалъ бы надъ непріятелемъ, если бъ ему не помѣшали разныя козни.

Князь Платонъ Зубовъ принужденъ былъ по прошествіи нѣкотораго времени переселиться въ Курляндію, въ

свой великолѣпный замокъ Руэнталь. Затѣмъ онъ жилъ и въ Митавѣ и въ Вильнѣ 1).

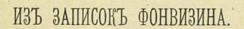
Панинъ былъ также удаленъ и больше не появлялся въ Петербургъ.

Талызинъ умеръ 3 мѣсяца спустя послѣ императора.

Всѣ офицеры гвардіи, участвовавшіе въ заговорѣ, постепенно, одинъ за другимъ, подверглись опалѣ или были сосланы, а къ концу года въ Петербургѣ не оставалось болѣе ни одного изъ заговорщиковъ, исключая Зубовыхъ, которые тамъ и умерли.

На первой страницѣ сказано, что во время смерти Павла я находился въ Литвѣ. Извѣстіе о его кончинѣ я получилъ въ Кобринѣ, куда я поѣхалъ изъ Бреста съ генераломъ Милорадовичемъ. Въ Кобринѣ стоялъ тогда Тамбовскій полкъ, командиромъ коего былъ генералъ Ферстеръ. Курьеръ, донесшій намъ о смерти императора, сказаль, что онъ умеръ отъ апоплектическаго удара. Мы этому повѣрили: Ферстеръ, Милорадовичъ и я встрѣтили это извѣстіе съ сожалѣніями, для насъ вполнѣ законными. Быть можетъ, мы были единственными людьми въ Россіи, которые искренно оплакивали его. Мы не можемъ не сознавать его недостатковъ и его промаховъ. Но мы проливали слезы на могилѣ нашего благодѣтеля, и наши сожалѣнія еще усилились, когда мы узнали, какой смертью онъ погибъ.

¹⁾ Когда Платонъ сталъ замѣчать, что его положеніе пошатнулось, ему пришла въ голову мысль пойти къ великому князю Константину оправдываться въ томъ, что онъ дерзнулъ поднять руку на императора. Великій князь отвѣчалъ ему: «Ну, князь, qui s'excuse—s'accuse», и повернулся къ нему спиной.

Brusy. Fagrande Barnach Par Busher, my 132-182.

Вступивъ въ службу въ гвардію въ 1803 году, я лично зналъ многихъ, участвовавшихъ въ заговорѣ; много разъ слышалъ я подробности преступной катастрофы, которая тогда была еще въ свъжей памяти и служила предметомъ самыхъ живыхъ разсказовъ въ офицерскихъ бесъдахъ. Не разъ, стоя въ караулъ въ Михайловскомъ замкъ, я изъ любопытства заходиль въ комнаты, занимаемыя Павломъ, и въ его спальню, которая долго оставалась въ прежнемъ видъ; видёль и скрытую лёстницу, по которой онъ спускался къ любовницъ своей, княгинъ Гагариной, бывшей Лопухиной. Очевидцы объясняли мнв на самыхъ мвстахъ, какъ все происходило. Сравнивая читанныя мною въ разныхъ иностранныхъ книгахъ повъствованія о смерти Павла съ собственными воспоминаніями слышаннаго мною объ этомъ, начну разсказъ мой спискомъ заговорщиковъ, которыхъ имена могъ припомнить. Всёхъ ихъ было до 60-ти человѣкъ, кромъ большей части гвардейскихъ офицеровъ, которые, собственно не участвуя въ заговорѣ, догадывались о его существованіи и, по ненависти къ Павлу, готовы были способствовать успѣху. Вотъ кто были лица, мнѣ и всёмъ въ то время извёстныя: с.-петербургскій военный ген.-губернаторъ графъ фонъ-деръ-Паленъ; вице-канцлеръ графъ Н. П. Панинъ; князь Платонъ Зубовъшефъ 1-го кадетскаго корпуса; братья его: Валерьянъшефъ 2-го кадетскаго корпуса—и Николай; генералъ-майоръ Бенигсенъ и Талызинъ-командиръ Преображенскаго

полка и инспекторъ с.-петербургской инспекціи; шефы полковъ: Кексгольмскаго-Вердеревскій; Сенатскихъ батальоновъ — Ушаковъ; 1-го Артиллерійскаго полка—Тучковъ; командиры гвардейскихъ полковъ: Уваровъ — Кавалергардскаго; Янковичъ-Демиріево — Конногвардейскаго; Депрерадовичъ-Семеновскаго, и князь Вяземскій-шефъ 4-го батальона Преображенскаго полка; того же полка полковники: Запольскій и Аргамаковъ; капитанъ Шеншинъ и штабсъ-капитанъ баронъ Розенъ; поручики: Маринъ и Леонтьевъ; два брата Аргамаковы; графъ Толстой-Семеновскаго полка полковникъ; князь Волконскій-адъютанть в. к. Александра Павловича; поручики: Савельевъ, Кикинъ, Писаревъ, Полторацкій, Ефимовичъ; Измайловскаго полка полковникъ Мансуровъ; поручики: Болховской, Скарятинъ и Кутузовъ; Кавалергардскаго полка полковникъ Голенищевъ-Кутузовъ; ротмистръ Титовъ; поручикъ Горбатовъ; артиллеристы: полковникъ князь Яшвиль; поручикъ Татариновъ; флотскій капитанъ командоръ Клокачевъ. Въ заговоръ, кромъ военныхъ, участвовали нъсколько придворныхъ и гражданскихъ лицъ и даже отставныхъ; именъ ихъ не припомню.

Душою заговора и главнымъ дъйствователемъ былъ графъ Паленъ, одинъ изъ умнъйшихъ людей въ Россіи, смълый, предпріимчивый, съ характеромъ рѣшительнымъ, непоколебимымъ. Родомъ курляндецъ, онъ еще при Петрѣ Ш вступилъ въ русскую службу корнетомъ въ Конногвардейскій полкъ. Въ царствованіе Екатерины Паленъ усердно содъйствовалъ присоединенію Курляндіи къ имперіи, полюбилъ Россію и былъ всей душою преданъ новому своему отечеству. Съ прискорбіемъ и негодованіемъ смотрѣлъ онъ на безумное самовластіе Павла, на непостоянство и измѣнчивость его внѣшней политики, угрожавшей благоденствію и могуществу Россіи. Павелъ, сперва врагъ французской революціи, готовый на всѣ пожертвованія для ея подавленія, раздосадованный своими недавними союзниками,

которымъ справедливо приписывалъ неудачи, испытанныя его войсками-пораженія генераловъ: Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи и Германа въ Голландіи—послѣ славной кампаніи Суворова въ Италіи, вдругь совершенно изм'єняеть свою политическую систему и не только мирится съ первымъ консуломъ Французской республики, умѣвшимъ ловко польстить ему, но становится восторженнымъ почитателемъ Наполеона Бонапарте и угрожаетъ войною Англіи. Разрывъ съ ней наносилъ неизъяснимый вредъ нашей заграничной торговлъ. Англія снабжала насъ произведеніями и мануфактурными и колоніальными за сырыя произведенія нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми въ Россію притекало все для насъ необходимое. Дворянство было обезпечено въ върномъ полученіи доходовъ съ своихъ помъстьевъ, отпуская за море хлъбъ, корабельные лѣса, мачты, сало, пеньку, ленъ и проч. Разрывъ съ Англією, нарушая матеріальное благосостояніе дворянства, усиливалъ въ немъ ненависть къ Павлу, и безъ того возбужденную его жестокимъ деспотизмомъ.

Мысль извести Павла какимъ бы то ни было способомъ сдёлалась почти общею. Графъ Паленъ, неразборчивый въвыборт средствъ, ведущихъ къ цёли, рёшился осуществить ее.

Графъ Паленъ былъ въ большой милости у императора, умѣвшаго оцѣнить его достоинства. Облеченный довѣренностью его, онъ посвященъ былъ во всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Какъ военный губернаторъ столицы, Паленъ завѣдывалъ тайною полиціею и чрезъ него одного могли доходить до царя донесенія ея агентовъ: это было ручательствомъ сохраненія въ тайнѣ предпринимаемаго заговора. Когда мысль о немъ созрѣла, и Паленъ, зная общественное мнѣніе, враждебное правительству, могъ разсчитывать на многихъ сообщниковъ, рѣшился открыть свое смѣлое намѣреніе вице-канцлеру графу Н. П. Панину, котораго Павелъ любилъ, какъ племянника своего воспитателя, графа Н. И. Панина. Воспитанный умнымъ и про-

свъщеннымъ дядей, графъ Н. П. Панинъ усвоилъ свободный его образъ мыслей, ненавидълъ деспотизмъ и желалъ не только паденія безумнаго царя, но съ этимъ паденіемъ учредить законно-свободныя постановленія, которыя бы ограничивали царское самовластіе. На этотъ счетъ и графъ Паленъ раздълялъ его образъ мыслей.

Первымъ дъйствіемъ условившихся Палена и Панина было стараніе помирить съ Павломъ фаворита Екатерины князя Платона Зубова и братьевъ его, Валерьяна и Николая, находившихся въ опалъ, въ чемъ они и успъли. Зубовы приняты въ службу и прибыли въ Петербургъ. Паленъ и Панинъ знали напередъ ихъ ненависть къ Павлу и были ув'врены въ ихъ усердномъ сод'вйствіи: поэтому и открыли имъ свое нам'вреніе. Зубовы вступили въ заговоръ, а съ ними и нъсколько преданныхъ имъ кліентовъ, которымъ они покровительствовали во время силы своей при Екатеринъ. Изъ этихъ лицъ, по характеру и положенію своему, важніве прочихь были: генераль баронъ Бенигсенъ, ганноверецъ, служившій чіемъ въ Польскую и Персидскія войны въ нашихъ войскахъ, отставленный Павломъ, какъ человѣкъ, преданный Зубовымъ, и принятый опять въ службу по ходатайству графа Панина, который былъ съ нимъ друженъ, и генералъ Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка и инспекторъ войскъ, находившихся въ Петербургъ.

Пріобрѣтеніе такого сообщника было тѣмъ болѣе важно для успѣха дѣла, что Талызина любили подчиненные: какъ любимый начальникъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ и могъ всегда увлечь за собою не только офицеровъ, но одушевить и нижнихъ чиновъ, которые были къ нему чрезвычайно привязаны.

Всѣ недовольные тогдашнимъ порядкомъ вещей, все лучшее петербургское общество и гвардейскіе офицеры собирались у братьевъ Зубовыхъ и у сестры ихъ Жеребцовой, свѣтской дамы, которая была въ дружескихъ отношеніяхъ съ англійскимъ посланникомъ лордомъ Уитвордомъ

и съ чиновниками его посольства, посътителями ея гостиной. Отъ этого распространилось въ Европъ мнъніе, будто лордъ Уитвордъ главный виновникъ заговора и что онъ не жалълъ англійскихъ денегъ для покупки сообщниковъ, съ цѣлію предупредить разрывъ Россіи съ Англіей, угрожавшій торговымъ интересамъ послідней. Это мнівніе не имъетъ основанія, во-первыхъ, потому, что лордъ Уитвордъ слишкомъ извъстенъ по строгой честности и благороднымъ правиламъ своимъ, чтобы можно было подозръвать его въ такомъ коварномъ и безнравственномъ дъйствін, —потомъ заговоръ противъ Павла быль дёло чисторусское, а для нъкоторыхъ истинно-патріотическое, и въ которомъ, кромъ Бенигсена, не участвовалъ ни одинъ иностранецъ; да и лордъ Уитвордъ вывхалъ изъ Петербурга тотчасъ послѣ разрыва съ Англіею, стало быть, до начала заговора. Вечернія собранія у братьевъ Зубовыхъ или у Жеребцовой породили настоящіе политическіе клубы, въ которыхъ единственнымъ предметомъ разговоровъ было тогдашнее положение Россіи, страждущей подъ гнетомъ безумнаго самовластія. Толковали о необходимости полог жить этому конецъ. Никому и въ голову не входило посягнуть на жизнь Павла, -- было одно общее желаніе: заставить его отказаться отъ престола въ пользу наслъдника, всёми любимаго за доброту, образованность, кроткое и въжливое обращение, - качества совершенно противоположныя неукротимому и самовластному характеру отца его. Всѣ эти совѣщанія происходили явно подъ эгидой петербургскаго военнаго губернатора, который, какъ начальникъ тайной полиціи, получалъ ежедневно донесенія шпіоновъ и давалъ движеніе только тімъ изъ нихъ, которыя не касались заговора и лицъ, въ немъ замъщанныхъ.

Графъ Паленъ исподволь приготовлялъ великаго князя Александра Павловича къ замышляемому имъ государственному перевороту, для успѣшнаго совершенія котораго его согласіе было необходимо. Часто видясь съ нимъ, Паленъ всегда наводилъ рѣчь на трудное и бѣдственное со-

стояніе Россіи, страждущей отъ безумныхъ поступковъ отца его, и, не выводя никакихъ заключеній, вызывалъ великаго князя на откровенность.

Тотъ съ грустнымъ чувствомъ слушалъ его и молчалъ, потупивъ глаза. Не разъ повторялись подобныя безмолвныя но выразительныя сцены. Однажды Паленъ ръшился высказать великому князю все и своей неумолимой логикой доказалъ ему необходимость для блага Россіи и для безопасности императорскаго семейства отстранить отъ престола безумнаго императора и заставить его самого подписать торжественное отречение. Чтобы еще болье убъдить великаго князя, Паленъ представилъ ему несомнѣнныя доказательства, что отецъ его подозрѣваетъ и супругу свою и обоихъ сыновей възамыслахъ противъ его особы, и даже показалъ ему именное повелъніе Павла, въ случав угрожающей ему опасности, заключить императрицу и обоихъ великихъ князей въ Петропавловскую крѣпость. Все это поколебало наконецъ сыновнее чувство и совъсть великаго князя, и онъ, обливаясь слезами, далъ Палену согласіе, но требоваль отъ него торжественную клятву, что жизнь Павла будеть для всёхъ священна и неприкосновенна. По неопытности, великій князь почиталъ возможнымъ сохранить отцу жизнь, отнявъ у него корону! Согласіе великаго князя Александра Павловича развязало Палену руки и главнымъ заговорщикамъ. Все было устроено къ ръшительному дъйствію: большая часть гвардейскихъ офицеровъ были на ихъ сторонъ, сами солдаты, особенно Семеновскаго полка, Преображенскаго 3-го и 4-го батальоновъ, которыми командовали полковникъ Запольскій и генералъ-майоръ князь Вяземскій, волновались и, недовольные настоящимъ положеніемъ и тягостною службою, желали перемёны и готовы были слёдовать за любимыми начальниками, куда бы ихъ ни повели.

Между тъмъ императоръ, какъ бы предчувствуя скорое паденіе или, можетъ быть, предувъдомленный къмъ-нибудь изъ немногихъ искренно преданныхъ ему людей о все-

общемъ неудовольствіи противъ него и о д'єйствіяхъ его тайныхъ враговъ, становился день ото дня мрачнѣе и подозрительнѣе. Волнуемый страхомъ и гнѣвомъ, онъ встрѣтилъ графа Палена, который явился къ нему съ обыкновеннымъ утреннимъ рапортомъ, грознымъ вопросомъ:

«Вы были въ Петербургѣ въ 1762-мъ году?» (годъ воцаренія Екатерины вслѣдствіе дворцоваго переворота, стоившаго жизни Петру III...).

- «Да, государь, быль», хладнокровно отвѣчаетъ Паленъ. «Что вы тогда дѣлали и какое участіе имѣли въ томъ, что происходило въ то время?» спросилъ опять императоръ.
- «Какъ субалтернъ-офицеръ, я на конѣ, въ рядахъ полка, въ которомъ служилъ, былъ только свидѣтелемъ, а не дѣйствовалъ», отвѣчалъ Паленъ.

Императоръ взглянулъ на него грозно и недовърчиво продолжалъ:

«И теперь замышляють то же самое, что было въ 1762-мъ году».

— «Знаю, государь», возразилъ Паленъ, нисколько не смутившись: «я самъ въ числъ заговорщиковъ!»

«Какъ, и ты въ заговоръ противъ меня?!»

— «Да, чтобы слѣдить за всѣмъ и, зная все, имѣть возможность предупредить замыслы вашихъ враговъ и охранять васъ».

Такое присутствіе духа и спокойный видъ Палена совершенно успокоили Павла, и онъ болье, нежели когдалибо, ввърился врагу своему. Это происходило за недълю или за двъ до рокового дня и ускорило катастрофу.

Императоръ жилъ тогда въ Михайловскомъ замкъ. Не довъряя любви своихъ подданныхъ, онъ выстроилъ его какъ кръпость, съ брустверомъ и водянымъ рвомъ, одътымъ гранитомъ, съ четырьмя подъемными мостами, которые по пробитіи вечерней зари поднимались. Въ этомъ убъжищъ царь считалъ себя безопаснымъ отъ нападенія въ случав народнаго мятежа и возстанія. Караулъ въ замкъ содержали поочередно гвардейскіе полки. Внизу на главной

гауптвахтѣ находилась рота со знаменемъ, капитаномъ и двумя офицерами. Въ бельэтажѣ расположенъ былъ внутренній караулъ, который наряжался только отъ одного лейбъ-батальона Преображенскаго полка. Павелъ особенно любилъ этотъ батальонъ, довѣрялъ ему, размѣстилъ его въ зданіи Зимняго дворца, смежномъ съ Эрмитажемъ, отличилъ и офицеровъ и солдатъ богатымъ мундиромъ: первыхъ съ золотыми вышивками вокругъ петлицъ, а рядовыхъ петлицами, обложенными галуномъ по всей груди. Этотъ батальонъ онъ хотѣлъ отдѣлить отъ полка и переименовать «лейбъ-компаніей» — исключительной стражей, охраняющей его особу.

Въ замкъ гарнизонная служба отправлялась, какъ въ осажденной крѣпости, со всею военною точностью. Послѣ пробитія вечерней зари весьма немногія дов'тренныя особы, извъстныя швейцару и дворцовымъ сторожамъ, допускались въ замокъ по малому подъемному мостику, который и опускался только для нихъ. Въ числъ этихъ немногихъ былъ адъютантъ лейбъ-батальона Преображенскаго полка Аргамаковъ, исправлявшій должность плацъ-адъютанта замка. Онъ былъ обязанъ доносить лично императору о всякомъ чрезвычайномъ происшествіи въ городѣ, какъ-то о пожаръ и т. д. Павелъ довърялъ Аргамакову, и даже ночью онъ могъ входить въ царскую спальню. Мостикъ (этого мостика я уже не видълъ: онъ былъ снятъ скоро послѣ воцаренія Александра) для пѣшеходовъ всегда опускался по его требованію. Черезъ это Аргамаковъ сдёлался самымъ важнымъ пособникомъ заговора.

Одиннадцатое число марта было послѣднимъ роковымъ днемъ несчастнаго Павла I-го.

Въ этотъ день графъ Паленъ пригласилъ всѣхъ заговорщиковъ къ себѣ на вечеръ. По призыву его собрались всѣ главные его сообщники, Зубовы, Бенигсенъ, многіе гвардейскіе и армейскіе генералы и офицеры, въ полномъ мундирѣ, въ шарфахъ и орденахъ. Гостямъ разносили шампанское, пуншъ и другія вина. Всѣ опоражнивали

бокаль за бокаломъ, кромѣ хозяина дома и Бенигсена. Паленъ, Зубовы (въ этомъ собраніи не было графа Панина и Валерьяна Зубова), Бенигсенъ обращались къ патріотизму присутствующихъ, говорили о настоящемъ бѣдственномъ положеніи Россіи, что самовластіе императора губитъ ее и что есть средство предотвратить еще большія несчастія: это—принудить Павла отречься отъ трона; что самъ наслѣдникъ престола признаетъ необходимою эту рѣшительную мѣру. Не было рѣчи о будущей участи императора. Заговорщикамъ, кромѣ весьма немногихъ, и въ голову не приходило, чтобы жизни его угрожала какаялибо опасность. Восторженные подобными рѣчами, а еще болѣе питымъ виномъ и пуншемъ, заговорщики требуютъ, чтобы ихъ тотчасъ вели на славный подвигъ спасенія отечества.

Панинъ и генералъ Талызинъ, предвидя это, распорядились заблаговременно, чтобы къ полуночи генералъ Депрерадовичъ съ 1-мъ Семеновскимъ батальономъ, а полковникъ Запольскій и генералъ князь Вяземскій съ 3-мъ и 4-мъ батальонами Преображенскаго выступили на назначенное сборное мъсто у верхняго сада подлъ Михайловскаго замка.

Получа донесеніе, что движеніе войскъ началось, заговорщики раздѣлились на два отряда: одинъ подъ предводительствомъ Бенигсена и Зубовыхъ, другой подъ начальствомъ Палена. Впереди перваго отряда шелъ адъютантъ Аргамаковъ, который долженъ былъ открыть заговорщикамъ входъ въ замокъ по извѣстному подъемному мостику, который сторожъ во всякое время для него опускалъ. Паленъ съ сопровождавшимъ его меньшимъ числомъ сообщниковъ отсталъ отъ перваго отряда, который встрѣтилъ гвардейскіе три батальона уже на сборномъ мѣстѣ. Зубовъ съ своими сообщниками подошли къ замку. Аргамаковъ впереди безпрепятственно провелъ ихъ по мостику. Генералъ Талызинъ двинулъ батальоны чрезъ верхній садъ и окружиль ими замокъ. (Въ верхнемъ саду на ночь слеталось

безчисленное множество воронъ и галокъ; птицы, испуганныя движеніемъ войска, поднялись огромною тучею съ карканіемъ и шумомъ и перепугали начальниковъ и солдатъ, принявшихъ это за несчастливое предзнаменованіе).

Зубовъ и Бенигсенъ съ своими сообщниками бросились прямо къ царскимъ покоямъ. За одну комнату до Павловой спальни стоявшіе на часахъ два камеръ-гусара не хотѣли ихъ впустить, но нѣсколько офицеровъ бросились на нихъ, обезоружили, зажали имъ рты и увлекли вонъ. Зубовы съ Бенигсеномъ и нѣсколькими офицерами вошли въ спальню. Павелъ, встревоженный шумомъ, вскочилъ съ постели, схватилъ шпагу и спрятался за ширмами. (Въ разсказѣ объ умерщвленіи Павла, въ «Исторіи консульства и имперіи» Тьера, дѣйствія и слова Платона Зубова приписаны Бенигсену, который будто бы одинъ остался съ императоромъ, потому что прочими заговорщиками овладѣлъ паническій страхъ, и они хотѣли бѣжать, но Бенигсенъ остановилъ ихъ).

Князь Платонъ Зубовъ, не видя Павла на постели, испугался и сказалъ по-французски: «l'oiseau s'est envolé», но Бенигсенъ, хладнокровно осмотръвъ горницу, нашелъ Павла, спрятавшагося за ширмами со шпагою въ рукъ, и вывель его изъ засады. Князь Платонъ Зубовъ, упрекая царю его тиранство, объявилъ ему, что онъ уже не императоръ, и требовалъ отъ него добровольнаго отреченія отъ престола. Нъсколько угрозъ, вырвавшихся у несчастнаго Павла, вызвали Николая Зубова, который былъ силы атлетической. Онъ держалъ въ рукъ золотую табакерку и съ размаху ударилъ ею Павла въ високъ, -- это было сигналомъ, по которому князь Яшвиль, Татариновъ, Гердановъ и Скарятинъ яростно бросились на него, вырвали изъ его рукъ шпагу: началась съ нимъ отчаянная борьба. Павелъ былъ крвпокъ и силенъ: его повалили на полъ, топтали ногами, шпажнымъ эфесомъ проломили ему голову и наконецъ задавили шарфомъ Скарятина. Въ началъ этой гнусной, отвратительной сцены Бенигсенъ вышелъ въ

предспальную комнату, на стѣнахъ которой развѣшаны были картины, и со свѣчкою въ рукѣ преспокойно разсматривалъ ихъ.

Удивительное хладнокровіе! Не скажу—звърское жестокосердіе, потому что генералъ Бенигсенъ во всю свою
службу быль извъстенъ, какъ человъкъ самый добродушный
и кроткій. Когда онъ командовалъ арміей, то всякій разъ,
когда ему подносили подписывать смертный приговоръ
какому-нибудь мародеру, пойманному на грабежъ, онъ
исполнялъ это какъ тяжкій долгъ, съ горемъ, съ отвращеніемъ и дълая себъ насиліе. Кто изъяснитъ такія
несообразныя странности и противоръчія человъческаго
сердца!—Паленъ пришелъ на мъсто дъйствія, когда уже
все было кончено. Или онъ гнушался преступленіемъ и
даже не хотъль быть свидътелемъ его, или, какъ иные
думали, онъ дъйствовалъ двулично: если бы заговоръ не
увънчался успъхомъ, онъ явился бы къ императору на
помощь, какъ върный его слуга и спаситель.

Но что делала тогда дворцовая стража? Караульные на нижней гауптвахтъ и часовые Семеновскаго полка во все это время оставались въ бездъйствіи, какъ бы ничего не видя и не слыша. Ни одинъ человъкъ не тронулся на защиту погибавшаго царя, хотя всё догадывались, что для него насталъ послъдній часъ. Караульный капитанъ быль изъ «гатчинскихъ» и изъ самыхъ плохихъ, не вспомню теперь его имени. Одинъ изъ офицеровъ, ему подчиненныхъ, прапорщикъ Полторацкій, быль въ числѣ заговорщиковъ и, предувъдомленный о томъ, что будетъ происходить въ замкъ, вмъстъ съ товарищемъ своимъ арестовалъ своего начальника и принялъ начальство надъ карауломъ. Во внутреннемъ караулъ Преображенскаго лейбъ-батальона стояль тогда поручикъ Маринъ. Услыша, что въ замкъ происходить что-то необыкновенное, старые гренадеры, подозрѣвая, что царю угрожаеть опасность, громко выражали свое подозрѣніе и волновались. Одна минута-и Павелъ могъ быть спасенъ ими. Но Маринъ не потерялъ присутствія духа, громко скомандоваль: смирно! отъ ночи и во все время, какъ заговорщики управлялись съ Павломъ, продержалъ своихъ гренадеръ подъ ружьемъ неподвижными, и ни одинъ не смѣлъ пошевелиться. Таково было дѣйствіе русской дисциплины на тогдашнихъ солдатъ: во фронтъ они становились машинами.

Великій князь Александръ Павловичъ жилъ тогда въ Михайловскомъ замкъ съ великой княгинею. Онъ въ эту ночь не ложился спать и не раздъвался; при немъ находились генералъ Уваровъ и адъютантъ его князь Волконскій. Когда все кончилось, и онъ узналъ страшную истину, скорбь его была невыразима и доходила до отчаянія. Воспоминаніе объ этой страшной ночи преслъдовало его всю жизнь и отравляло его тайною грустью. Онъ былъ добръ и чувствителенъ, властолюбіе не могло заглушить въ его сердцѣ жгучихъ упрековъ совъсти даже и въ самое счастливое и славное время его царствованія, послѣ Отечественной войны. Александръ всею ненавистью возненавидълъ графа Палена, который воспользовался его неопытностью и увѣрилъ его въ возможности низвести отца его съ трона, не отнявъ у него жизни.

Великій князь Константинъ Павловичь не зналь о заговорѣ и могь оплакивать несчастнаго отца съ покойною, безупречною совѣстью.

Императрица Марія Өеодоровна поражена была бѣдственною кончиною супруга, оплакивала его, но и въ ея сердцѣ зашевелилось желаніе царствовать. Она вспомнила, что Екатерина царствовала безъ права, и, можетъ быть, разсчитывала на нѣжную привязанность сына и надѣялась, что онъ уступитъ ей тронъ. Приближенные къ ней разсказывали, что, несмотря на непритворную печаль, у ней вырывались слова: «Ісh will regieren!»

Новый императоръ со всёмъ дворомъ на разсвётё переёхалъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Всё гвардейскіе и армейскіе полки тотчасъ присягнули ему. Статсъ-секретарь Трощинскій написалъ манифестъ о восшествіи на престолъ Александра І-го. Этотъ актъ возбудиль восторгъ въ дворянствѣ обѣщаніемъ новаго самодержца — царствовать по духу и сердцу Великой Бабки своей.

Михайловскій замокъ представляль грустное и отвратительное зрѣлище: трупъ Павла, избитаго, окровавленнаго, съ проломленной головой, одѣли въ мундиръ, какою-то мастикой замазали израненное лицо и, чтобы скрыть глубокую головную рану, надѣли на него шляпу и, не бальзамируя его, какъ это всегда водится съ особами императорской фамиліи, положили на великолѣпное ложе.

Рано стали съвзжаться въ замокъ придворные, архіереи и проч. Прівхаль и убитый горестью Александръ къ панихидь. Посреди множества собравшихся царедворцевъ нагло расхаживали заговорщики и убійцы Павла. Они, не спавшіе ночь, полупьяные, растрепанные, какъ бы гордясь преступленіемъ своимъ, мечтали, что будутъ царствовать съ Александромъ. Порядочные люди въ Россіи, не одобряя средство, которымъ они избавились тираніи Павла, радовались его паденію. Исторіографъ Карамзинъ говоритъ, что въсть объ этомъ событіи была въ цъломъ государствъ въстію искупленія: въ домахъ, на улицахъ, люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день Свътлаго Воскресенія.

Этотъ восторгъ изъявило однако одно дворянство, прочія сословія приняли эту въсть довольно равнодушно.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КНЯГИНИ ЛИВЕНЪ.

Дарія Христофоровна фонъ-Бенкендорфъ, сестра всесильнаго николаевскаго шефа жандармовъ, была дочерью рижскаго военнаго губернатора, но мать ея, урожденная баронесса Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, издавна дружила съ великой княгинею Маріею Өеодоровною. Расположеніе отъ матери перенеслось на дочь; получила она воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ подъ внимательнымъ призоромъ императрицы, которая пожаловала 14-лѣтнюю дѣвочку по выходѣ изъ института въ свои фрейлины. Весьма вѣроятно, при посредничествѣ императрицы же состоялся въ 1800 г. и бракъ 15-лѣтней фрейлины съ любимцемъ императора Павла и его 25-лѣтнимъ военнымъ министромъ, графомъ X. А. Ливеномъ.

Главною опорою для юной четы при дворѣ перемѣнчиваго Павла являлась мать Ливена, графиня Шарлотта-Екатерина Карловна, которая еще въ царствованіе Екатерины и по выбору послѣдней была назначена воспитательницею дочерей и сыновей цесаревича, сумѣла, несмотря на свою прямоту и рѣзкость нрава, снискать благоволеніе Павла и удерживала совершенно исключительное положеніе при дворѣ въ теченіе четырехъ царствованій. Въ 1826 г., по случаю коронаціи императора Николая, Ш.-Е. Ливенъ съ нисходящимъ потомствомъ была возведена въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости и умерла глубокою старухою въ 1828 г.

Княгиня Д. X. Ливенъ такимъ образомъ отъ ранней юности находилась въ близкихъ отношеніяхъ къ царской

семь в и по свойственной ей любознательности и наблюдательности была вполн в точно осв в домлена во вс в хъ перипетіяхъ, которыя привели императора Павла къ скорбному его концу.

Послѣдующее царствованіе открыло графу Хр. Андр. Ливену еще болѣе широкое и отвѣтственное поприще, хотя сама по себѣ его личность совершенно меркла и подавлялась даровитостью его супруги. Назначенный послѣ Тильзитскаго мира посланникомъ въ Берлинъ, графъ Ливенъ въ 1812 г., по возобновленіи дружественныхъ отношеній съ Великобританіей, былъ аккредитованъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ и оставался здѣсь до 1834 г., когда получилъ назначеніе въ воспитатели великаго князя Александра Николаевича.

Пройдя дипломатическую школу еще въ Берлинъ, графиня Д. Хр. въ Лондонъ, по выраженію Ф. Ф. Вигеля, «при мужъ исполняла должность посла и совътника и сочиняла депеши».

Необычайно въжливая и благовоспитанная, графиня не выносила скуки и посредственныхъ людей и сумъла создать въ Лондонъ блестящій салонъ, гдъ собирались дипломатическія знаменитости и выдающіеся политическіе дъятели самыхъ противоположныхъ взглядовъ.

Влагодаря знакомству съ дѣтскихъ лѣтъ съ интимною стороною дворцовыхъ отношеній у насъ и за границей, графиня Д. Х. изъ постояннаго общенія съ выдающимися европейскими дѣятелями усвоила всѣ тонкости тогдашней европейской политики. Отъ нея не ускользали ни политическія новости, ни слухи, она съ большою наблюдательностью и догадливостью ловила налету ничтожные факты, схватывала истинное настроеніе лицъ, стоявшихъ во главѣ правительства, сопоставляла случайно оброненныя фразы и намеки и выводила заключенія, которыми дѣлилась съ мужемъ. Онъ предложилъ ей какъ-то составить депешу для сообщенія графу Нессельроде, и вскорѣ эти необычайныя обязанности посланницы перестали быть тайною и

для Русскаго двора. Графъ Нессельроде, минуя посланника, завелъ непосредственную интимную переписку съ графинею, гдѣ обсуждались вопросы, имѣвшіе касательство къ русской политикѣ, да и самъ императоръ Александръ оказывалъ графинѣ милостивое вниманіе, бесѣдовалъ съ нею объ европейской политикѣ и снабжалъ словесными инструкціями, а въ 1818 и 1822 г.г. графиня была Александромъ подъ рукою приглашена присутствовать на Ахенскомъ и Веронскомъ конгрессахъ.

Когда, по назначеніи Стратфорта Каннинга посланникомъ въ Петербургъ, отношенія между Россією и Англією обострились, Ливены покинули Лондонъ, при чемъ княгиня удостоилась рѣдкаго для иностранки въ Англіи вниманія: графиня Сутерлендъ поднесла ей отъ имени лондонскихъ дамъ драгоцѣнный браслетъ, «въ знакъ сожалѣнія объ ея отъѣздѣ и на память о многихъ годахъ, проведенныхъ въ Англіи».

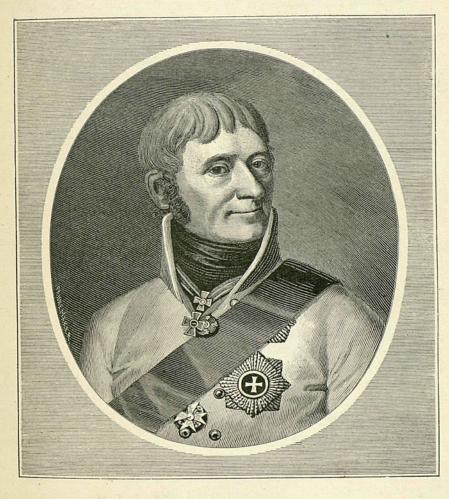
По возвращеніи въ Петербургъ, княгиня Д. Х. почувствовала себя совершенно вырванною изъ обычной колеи: привычная ей западно-европейская обстановка, политическіе и общественные интересы были въ казенномъ Петербургъ совершенно невъдомы. Потерявъ весной 1835 г. двухъ сыновей, одного вслъдъ за другимъ, въ возрастъ 10 и 14 лътъ, княгиня окончательно возненавидъла Петербургъ и суровость его климата; какъ за ней ни ухаживали и императоръ Николай, и другія лица царской фамиліи, она настояла на своемъ намъреніи выселиться назадъ за границу. Къ мужу она давно охладъла, а послъ его смерти и всъ ея связи съ Россіею порвались, такъ какъ государь Николай Павловичъ ръшительно вознегодовалъ на княгиню за ея въчное пребываніе внъ родины.

Проживая постоянно въ Парижѣ, гдѣ она купила старинный отель Талейрана, княгиня возобновила тамъ свой салонъ, который пріобрѣлъ міровую славу и неотразимо привлекалъ самое блестящее по талантамъ и политическому значенію общество до царствованія Наполеона III включительно. Особенно сблизилась княгиня съ историкомъ Гизо, которому оказала существенную поддержку, когда бывшій министръ Людовика-Филиппа, послѣ февральской революціи 1848 г., оказался безъ всякихъ средствъ къ существованію; дочерей Гизо княгиня надѣлила богатымъ приданымъ, а сыну Гизо предоставила возможность закончить образованіе. Въ распоряженіе же историка Гизо княгиня передъ смертью (весной 1857 г.) оставила отрывки своихъ записокъ о смерти императора Павла, о пребываніи союзныхъ монарховъ въ Лондонѣ въ 1815 г. и объ основаніи Греческаго королевства. Записки эти далеко не полностью использованы Гизо въ его біографіи княгини Ливенъ (въ Mélanges biographiques et historiques).

Здѣсь мы помѣщаемъ въ переводѣ съ французскаго отрывокъ изъ записокъ кн. Д. Х. Ливенъ, касающійся смерти императора Павла и напечатанный въ книгѣ проф. Шимана: «Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nicolaus I».

В. фонъ-Штейнъ.

Я только что вышла замужъ. Мой мужъ уже три года управляль военнымъ министерствомъ. Министерскій портфель онъ получилъ 22 лътъ отъ роду, былъ уже генералъадъютантомъ и пользовался полнымъ довърјемъ и милостью императора. Служба его при особъ государя начиналась съ 6¹/₂ часовъ утра, разставался онъ съ государемъ только въ объденную пору, по тогдашнему обычаю въ часъ пополудни. Въ четыре часа мужъ опять прівзжаль во дворецъ и освобождался не ранбе восьми часовъ вечера. Какъ извъстно, военная служба была преобладающею страстью Павла и любимымъ его занятіемъ. По этой причинъ изъ всъхъ министровъ мой мужъ всего чаще видълся съ государемъ и наиболъ е былъ къ нему приближенъ. Онъ вообще нравился императору, относившемуся къ нему съ неизмѣнною добротою и милою фамильярностью, которая трогаетъ и привязываетъ людей. Отъ ръзкихъ выхо-

Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ. Съ граворы Больдта.

докъ, обильно сыпавшихся на окружающихъ, мужъ былъ совершенно огражденъ. Единственный разъ, сколько я знаю, государь вспылилъ на мужа, а именно въ Гатчинѣ, въ концѣ 1800 года.

Императоръ, диктуя, приказалъ ему выразить благоволеніе какому-то полку, отправлявшемуся въ походъ, и вельть ему прочесть этотъ рескриптъ въ его присутствіи на парадъ, послъ отдачи приказа. Послъ церемоніальнаго марша государь поворачивается и говоритъ: «Ливенъ, читай!» А Ливена нътъ. О приказаніи государя онъ позабыль, а отъ присутствованія на парадахь вообще быль освобожденъ. Государь пришелъ въ ярость, и чрезъ пять минутъ въ мою спальню, гдв мужъ спокойно отдыхалъ, уже вбъгалъ, запыхавшись, флигель-адъютантъ, полковникъ Альбедиль. Это былъ толстый, добродушный нёмецъ, питавшій немалый решпекть къ Ливену, состоявшему въ то же время начальникомъ военно-походной императорской квартиры. Альбедиль остановился, какъ вкопанный, не рвшаясь ни выговорить порученное, ни ослушаться государя. Тъмъ не менъе пришлось выговорить слово «дуракъ» съ такимъ порученіемъ прислалъ его государь. Произнесъ Альбедиль это слово съ такимъ потвшнымъ выражениемъ ужаса на лицѣ, что оба мы могли только расхохотаться. Разрѣшившись руганью, Альбедиль поспѣшилъ спастись бъгствомъ. Повторяю, то былъ единственный случай, когда мужу досталось отъ императора.

Вообще, характеръ Павла представлялъ странное смѣшеніе благороднѣйшихъ влеченій и ужасныхъ склонностей. Дѣтство и юность протекли для него печально. Любовью матери онъ не пользовался. Сначала императрица совсѣмъ его забросила, а потомъ обижала. Въ теченіе долгихъ лѣтъ проживалъ онъ чуть не изгнанникомъ въ загородныхъ дворцахъ, окруженный шпіонами императрицы Екатерины. При дворѣ Павелъ появлялся рѣдко, а когда это ему разрѣщалось, императрица принимала его съ холодностью и строгостью и проявляла къ наслѣднику отчужденіе, грани-

чившее съ неприличіемъ, чему, конечно, вторили и царедворцы. Собственныя дѣти Павла воспитывались вдали отъ него, и онъ рѣдко даже ихъ видѣлъ. Не пользуясь вѣсомъ, не соприкасаясь съ людьми по дѣловымъ отношеніямъ, Павелъ влачилъ жизнь безъ занятій и развлеченій—на такую долю былъ обреченъ въ теченіе 35 лѣтъ великій князь, который долженъ былъ бы по-настоящему занимать престолъ, и во всякомъ случаѣ предназначался его занять хоть впослѣдствіи.

Императоръ Павелъ былъ малъ ростомъ. Черты лица имътъ некрасивыя за исключениемъ глазъ, которые у него были очень красивы; выраженіе этихъ глазъ, когда Павелъ не подпадалъ подъ власть гнѣва, было безконечно доброе и пріятное. Въ минуты же гніва видъ у Павла былъ положительно устрашающій. Хотя фигура его была обдѣлена грацією, онъ далеко не былъ лишенъ достоинства, обладалъ прекрасными манерами и былъ очень въжливъ съ женщинами; все это запечатлъвало его особу истиннымъ изяществомъ и легко обличало въ немъ дворянина и великаго князя. Онъ обладалъ литературною начитанностью и умомъ бойкимъ и открытымъ, склоненъ быль къ шуткъ и веселію, любиль искусство; французскій языкъ и литературу зналъ въ совершенствѣ, любилъ Францію, а нравы и вкусы этой страны восприняль въ свои привычки. Разговоры онъ велъ скачками (saccadé), но всегда съ непрестаннымъ оживленіемъ. Онъ толкъ въ изощренныхъ и деликатныхъ оборотахъ рѣчи. Его шутки никогда не носили дурного вкуса, и трудно себѣ представить что-либо болѣе изящное, чѣмъ краткія милостивыя слова, съ которыми онъ обращался къ окружающимъ въ минуты благодушія. Я говорю это по опыту, потому что мив не разъ до и послв замужества приходилось соприкасаться съ императоромъ. Онъ неръдко навъ Смольный монастырь, гдв я воспитывалась; его забавляли игры маленькихъ дѣвочекъ, и онъ охотно самъ даже принималъ въ нихъ участіе. Я прекрасно помню, какъ однажды вечеромъ въ 1798 г. я игралъ въ жмурки съ нимъ, послъднимъ королемъ Польскимъ, принцемъ Конде и фельдмаршаломъ Суворовымъ; императоръ тутъ продълалъ тысячу сумасбродствъ, но и въ припадкахъ веселости онъ ничъмъ не нарушалъ приличій. Въ основъ его характера лежало величіе и благородство—великодушный врагъ, чудный другъ, онъ умълъ прощать съ величіемъ, а свою вину или несправедливость исправлялъ съ большою искренностью.

На ряду съ рѣдкими качествами, однакоже, у Павла сказывались ужасныя склонности. Съ внезапностью принимая самыя крайнія рѣшенія, онъ былъ подозрителенъ, рѣзокъ и страшенъ до чудачества. Утверждалось не разъ, будто Павелъ съ дѣтства обнаруживалъ явные признаки умственной аберраціи, но доказать, чтобъ онъ дѣйствительно страдалъ такимъ недугомъ, трудно. Никогда у него не проявлялось положительныхъ признаковъ этого; но, несомнѣнно, его странности, страстные и подчасъ жестокіе порывы намекали на органическіе недочеты ума и сердца, въ сущности открытыхъ и добрыхъ. Всемогущество, которое кружитъ и сильныя головы, довершило остальное, и печальные задатки постепенно настолько разрослись, что въ ту эпоху, о которой я стану разсказывать, императоръ уже являлся предметомъ страха и всеобщей ненависти.

Мой мужъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выѣзжалъ изъ дому по причинѣ довольно серьезной болѣзни,
которая уже миновала, но онъ охотно замедлялъ окончательное выздоровленіе, потому что съ нѣкотораго времени
служба ему опротивѣла. За послѣдній годъ подозрительность въ императорѣ развилась до чудовищности. Пустѣйшіе случаи вырастали въ его глазахъ въ огромные заговоры, онъ гналъ людей въ отставку и ссылалъ по произволу. Въ крѣпости не переводились многочисленныя
жертвы, а порою вся ихъ вина сводилась къ слишкомъ
длиннымъ волосамъ или слишкомъ короткому кафтану.
Носить жилеты совсѣмъ воспрещалось. Императоръ утвер-

ждалъ, будто жилеты почему-то вызвали всю французскую революцію. Достаточно было императору гдівнибудь на улицъ запримътить жилеть, и тотчасъ же его злосчастный обладатель попадаль на гауптвахту. Случалось туда попадать и дамамъ, если онъ при встръчахъ съ Павломъ не выскакивали достаточно стремительно изъ или не дълали достаточно глубокаго реверанса. Полицейское распоряжение предписывало въ ту пору всёмъ, мужчинамъ и женщинамъ, сообразоваться съ этими капризами. Благодаря этому, улицы Петербурга совершенно пустъли въ часъ обычной прогулки государя, съ 12 до 1 часа пополудни. За последнія шесть недель царствованія свыше 100 офицеровъ гвардіи были посажены въ тюрьмы. Моему мужу тяжело было служить орудіемъ этихъ расправъ. Все трепетало передъ императоромъ. Только одни солдаты его любили, потому что хотя и измучивались чрезмёрною дисциплиною, но зато пользовались щедрыми царскими милостями. Суровое отношение къ офицерству Павелъ неизмѣнно уравновѣшивалъ широкою раздачею денегъ солдатамъ.

Со времени затворничества мужа, графъ Паленъ, которымъ онъ стоялъ на интимной ногѣ и къ тому же имълъ и частыя сношенія по службь, ежедневно завзжаль къ мужу провести съ нимъ часъ, другой. Графъ Паленъ соединялъ въ своей особъ самыя отвътственныя государственныя должности. Онъ имёлъ въ своемъ завёдываніи иностранныя дёла, финансы, почту, высшую полицію и состояль въ то же время военнымъ губернаторомъ столицы, что предоставляло ему начальство надъ гвардіею. Отсюда уже видно, какую власть императоръ передалъ въ его руки. Паленъ былъ человъкъ крупный, широкоплечій, съ высокимъ лбомъ и открытою, привътливою, добродушфизіономією. Очень умный и самобытный, онъ въ своихъ рѣчахъ проявлялъ большую тонкость, шутливость и добродушіе. Натура, не изощренная образованіемъ, но сильная; большое здравомысліе, рішительность и отваж-

ность; шутливое отношение къ жизни. Словомъ, онъ былъ воплощениемъ прямоты, жизнерадостности и беззаботности. Графъ Бенигсенъ, который насъ тоже навъщалъ, но не особенно часто, былъ длинный, сухой, накрахмаленный и важный, словно статуя командора изъ «Донъ-Жуана». Я съ Бенигсеномъ была мало знакома, и онъ во мнъ только и оставилъ описанное впечатлѣніе. Что касается графа Палена, то я всегда поджидала его посъщеній съ безконечнымъ удовольствіемъ. Онъ не уставалъ меня смѣшить и, повидимому, самъ находилъ въ этомъ удовольствіе. Первымъ его движеніемъ было повеселиться, и я всегда чувствовала себя обиженною, когда разговоръ принималъ болъе серьезное направление, и меня выпроваживали прочь. Паленъ сообщалъ мужу о всемъ происшедшемъ за день; туть я оказывалась лишнею, но я была нъсколько любопытна и добивалась отъ мужа, чтобы онъ мнв потомъ разсказывалъ все новенькое. Между прочимъ, вспоминаю я такой фактъ, который случился, кажется, дней за пять, за шесть передъ катастрофою.

Въ одномъ изъ припадковъ подозрительности, не щадившей ни собственной семьи, ни собственныхъ дътей, императоръ какъ-то послѣ обѣда спустился къ своему сыну, великому князю Александру, къ которому никогда не захаживалъ. Онъ хотълъ поймать сына врасплохъ. На стол'в между другими книгами Павелъ зам'втилъ переводъ «Смерти Цезаря». Этого оказалось достаточнымъ, чтобы утвердить подозрѣнія Павла. Поднявшись въ свои аппартаменты, онъ разыскалъ исторію Петра Великаго и раскрылъ ее на страницъ, описывавшей смерть царевича Алексъя. Развернутую книгу Павелъ приказалъ графу Кутайсову отнести къ великому князю и предложить прочесть эту страницу. Чрезъ нѣсколько дней графъ Паленъ довърилъ мужу свои опасенія насчетъ того, что императоръ, повидимому, собирается заключить императрицу, свою супругу, въ монастырь, а обоихъ старшихъ сыновей-въ кръпость, потому что и Константинъ, которому отецъ до тѣхъ поръ отдавалъ предпочтеніе, сдѣлался ему подозрительнымъ, въ виду тѣснаго сближенія съ старшимъ братомъ.

Дѣло дошло до того, что императору приписали даже намѣреніе жениться на актрисѣ французскаго театра, г-жѣ Шевалье, въ то время любовницѣ Кутайсова.

Распространяли ли заговорщики такія клеветы нарочно, съ цѣлью вербованія единомышленниковъ, или дѣйствительно такія нелѣпости пробѣгали въ головѣ императора? Какъ бы то ни было, разсказни эти распространялись, повторялись, и имъ вѣрили.

Недоумѣніе и страхъ преисполняли всѣ умы. Въ то же время навязывалась и мысль о приближеніи роковой развязки, и наиболѣе ходкою фразою было: «Такъ дольше продолжаться не можетъ!»

Графъ Паленъ уже послѣ рокового событія признавался мужу, что, при каждой съ нимъ встрѣчѣ, онъ хотѣлъ и его привлечь къ заговору, но сознаніе того, что болѣзнь помѣшаетъ мужу дѣятельно послужить этому дѣлу, удерживало Палена отъ этого намѣренія.

Это была одна изъ удачъ на житейскомъ поприщъ мужа, и онъ не разъвпослѣдствіи разбиралъ этотъ вопросъ передъ мною. Какъ бы онъ долженъ былъ поступить съ столь опасною тайною, если бы ее ему ввърили? Долгъ бы повелѣвалъ спасти императора. Но что же дальше? Въдь это было равносильно тому, чтобы предать императору на отомщеніе и суровый гнѣвъ все великое и возвышенное, что тогда имълось налицо въ Россіи. А гдъ бы остановились гоненія, разъ заговорщики были столь многочисленны? Значитъ, эшафоты, ссылка и тюрьма для всёхъ? А дальше что бы последовало? Еще пущій гнетъ, чёмъ тотъ, подъ бременемъ котораго изнемогала вся Россія! Альтернатива мужу рисовалась во всякомъ случав ужасная, и онъ увърялъ, что, если бы Паленъ сообщилъ ему о заговоръ, ему ничего другого не осталось бы сдълать, какъ пустить себъ пулю въ лобъ.

Врачъ императора, по приказанію послѣдняго, ежедневно навѣщалъ мужа — то былъ англичанинъ мистеръ Бекъ, дѣйствовавшій въ интересахъ Ливена. Съ тѣхъ поръ, какъ мужъ заболѣлъ, императоръ сносился съ нимъ записками. Этотъ способъ веденія дѣлъ въ концѣ концовъ вызвалъ нетерпѣніе въ Павлѣ, и, обмѣнявшись 11 марта со своимъ министромъ нѣсколькими записочками, въ которыя вкрались какія-то недоразумѣнія, въ 11 часовъ вечера императоръ написалъ Ливену слѣдующее: «Ваше нездоровье затягивается слишкомъ долго, а такъ какъ дѣла не могутъ быть направляемы въ зависимости отъ того, помогаютъ ли вамъ мушки, или нѣтъ, то вамъ придется передать портфель военнаго министерства князю Гагарину».

Эта записочка на русскомъ языкѣ была послѣднею, написанною императоромъ Павломъ передъ смертью, и, если я не ошибаюсь, находится теперь въ обладаніи императора Николая, равно какъ и вся переписка мужа съ покойнымъ императоромъ. Записку эту государь написалъ въ покояхъ княгини Гагариной, его метрессы, гдѣ онъ всегда заканчивалъ вечера послѣ ужина съ императрицею. Княгиня Гагарина жила въ Михайловскомъ замкѣ, занимая помѣщеніе подъ личными аппартаментами государя. Спустя часъ, Павелъ ушелъ къ себѣ, чтобы лечь спать.

Князь Гагаринъ, которому предстояло замъстить моего мужа въ управленіи военнымъ министерствомъ, упросилъ государя оказать Ливену какой-нибудь знакъ благоволенія для позлащенія немилости. Гагаринъ, мужъ фаворитки, былъ добрякъ, водившій болѣе или менѣе дружбу съ Ливеномъ. Императоръ на это согласился и приказалъ включить въ завтрашній приказъ производство Ливена въ чинъ генералъ-лейтенанта. Уже изъ тона записки государя Ливенъ заключилъ, что пришелъ конецъ его фавору, хотя ему и обѣщалось производство. Онъ улегся въ постель разстроенный, такъ какъ достаточно зналъ характеръ государя и опасался послѣдствій неудовольствія, имъ на себя навлеченнаго.

Мы крѣпко спали, когда камердинеръ внезапно вошелъ въ спальню и разбудилъ мужа вѣстью, что отъ императора присланъ фельдъегерь съ спѣшнымъ порученіемъ. Было $2^{1/2}$ часа утра. Шумъ разбудилъ и меня. Мужъ мнѣ тутъ же сказалъ: «Дурныя вѣсти, вѣроятно. Пожалуй, угожу въ крѣпость».

Черезъ минуту, не давъ мужу даже встать, въ спальню явился фельдъегерь. Замътивъ, что мужъ не одинъ, онъ сказалъ:

— Громко я боюсь говорить.

Мужъ нагнулся къ нему ухомъ,

— Его величество приказываютъ вамъ немедленно явиться къ нему, въ кабинетъ, въ Зимній дворецъ.

Такъ какъ государь съ царскою семьею жилъ въ Михайловскомъ замкъ, то приказаніе, переданное чрезъ фельдъегеря, не имъло смысла.

Мой мужъ тутъ же и сказалъ фельдъегерю:

— Вы, должно быть, пьяны.

Обиженный офицеръ рѣшительно возразилъ:

- Я повторяю дословно слова государя императора, отъ котораго только что вышелъ.
- Да въдь императоръ легъ почивать въ Михайловскомъ замкъ.
- Точно такъ. Онъ и теперь тамъ. Только вамъ онъ приказываетъ явиться къ нему въ Зимній дворецъ, и притомъ немедленно.

Тутъ пошли разспросы о томъ, что случилось. Зачѣмъ императору понадобилось выѣзжать изъ замка посреди ночи? Что его подняло на ноги?

Фельдъегерь на это отвѣчалъ:

— Государь очень боленъ, а великій князь Александръ Павловичъ, т.-е. государь, послалъ меня къ вамъ.

Мой мужъ переспросилъ опять, но фельдъегерь только повторялъ прежнее.

Страхъ обуялъ теперь Ливена.

Отпустивъ фельдъегеря, онъ принялся обсуждать со мною значение непонятнаго таинственнаго приказанія. Ужъ не спятилъ ли съ ума фельдъегерь? Или, быть можетъ, императоръ ставитъ Ливену ловушку? А если это испытаніе, то какому риску подвергаетъ себя мужъ? Ну, а если фельдъегерь сказалъ правду?..

Напрасны были попытки разобраться во всёхъ этихъ загадкахъ. А принять рёшеніе все-таки было нужно. Мужъ всталь, приказалъ запрячь сани и перешелъ въ туалетную, выходившую окнами во дворъ. Спальня же наша выходила окнами на Большую Милліонную, какъ разъ напротивъ казармы перваго батальона Преображенскаго полка, такъ какъ улица эта примыкаетъ къ Зимнему дворцу. Мужъ меня заставилъ подняться съ постели и приказалъ, ставъ около окна, наблюдать, что происходитъ на улицъ, и передавать ему о томъ.

Ну, вотъ я и наряжена въ часовые.

Мнѣ было тогда всего пятнадцать лѣтъ, нравъ у меня быль веселый, я любила всякую новизну и относилась легкомысленно къ роковымъ событіямъ, интересуясь только однимъ, лишь бы они внесли разнообразіе въ повседневную рутину городской жизни. Я съ любопытствомъ думала о завтрашнемъ днв. Въ какой же дворецъ мнв предстоитъ вхать съ визитомъ къ свекрови и великимъ княжнамъ, которыхъ я навъщала ежедневно? Это меня наиболъе интересовало въ данную минуту. Въ спальнъ горълъ только ночникъ. Я подняла занавъсъ у окна, присъла на подоконникъ и устремила взоры на улицу. Ледъ и снътъ кругомъ. Ни одного прохожаго. Полковой часовой забрался въ будку и, должно быть, прикорнулъ. Ни въ одномъ изъ оконъ казармы огней не видать, не слышно и шума. Мужъ изъ туалетной спрашиваетъ меня отъ времени до времени, не вижу ли я чего,—отвътъ одинъ: «Ничего не вижу». Мужъ не особенно торопился съ туалетомъ, колеблясь, вы взжать ли ему. Одна четверть часа см внялась другою, и я только раздражалась тъмъ, что ничего ровно не вижу.

Мнѣ хотѣлось спать. Но вотъ послышался отдаленный шумъ, въ которомъ мнѣ почудился стукъ колесъ. Эту вѣсть я громко возвѣстила мужу, но прежде, чѣмъ онъ перешелъ въ спальню, экипажъ уже проѣхалъ. Очень скромная пароконная каретка (тогда какъ всѣ въ ту пору въ Петербургѣ разъѣзжали четверикомъ или шестерикомъ); на запяткахъ, впрочемъ, выѣздныхъ лакеевъ замѣняли два офицера, а при мерцаніи снѣга мнѣ показалось, что въ каретѣ я вижу генералъ-адъютанта Уварова. Такой выѣздъ представлялся необычайнымъ. Мой мужъ пересталъ колебаться, вскочилъ въ сани и отправился въ Зимній дворецъ.

Моя роль на этомъ и окончилась. Все послѣдующее я сообщаю со словъ мужа и свекрови.

Экипажъ, который я видѣла, везъ не Уварова, но великихъ князей Александра и Константина. Выѣхавъ по Адмиралтейскому бульвару къ противоположному краю Зимняго дворца, мужъ дѣйствительно увидѣлъ въ кабинетѣ великаго князя Александра освѣщеніе, но по лѣстницѣ поднимался очень неувъренно.

Въ пріемной мужъ засталъ великаго князя Константина и нѣсколькихъ генераловъ. Великій князь заливался слезами, а генералы ликовали, опьяненные происшедшимъ избавленіемъ. Въ какихъ-нибудь полминуты Ливенъ уже узналъ, что императора Павла не стало, и что ему предстоитъ привѣтствовать новаго императора. Государь требуетъ Ливена. Гдѣ Ливенъ? Мой мужъ бросается въ кабинетъ, и императоръ падаетъ ему въ объятія съ рыданіями: «Мой отецъ! Мой бѣдный отецъ!» И слезы обильно текутъ у него по щекамъ.

Этотъ порывъ продолжается нѣсколько минутъ, потомъ государь выпрямился и воскликнулъ: «Гдѣ же казаки?»

На этотъ вопросъ отвътъ могъ дать дъйствительно только мужъ.

Три мѣсяца назадъ императоръ Павелъ въ гнѣвной вспышкѣ рѣшилъ предать уничтоженію все донское казачество.

Подъ предлогомъ поддержанія политики Бонапарта, перваго консула, къ которому онъ вдругъ воспылалъ фанатическимъ расположеніемъ, Павелъ рѣшилъ послать казаковъ тревожить съ тыла индійскія владенія англичанъ. На самомъ же дълъ императоръ разсчитывалъ, что при продолжительномъ зимнемъ походъ болъзни и военныя случайности избавять его окончательно отъ казачества¹). Предлогъ и истинная цёль экспедиціи должны были храниться въ великой тайнъ. Никто въ Россіи не долженъ быль ничего знать о маршрут в экспедиціи, и только Ливень изъ кабинета государя подъ царскую диктовку отдавалъ для безпрекословнаго выполненія подробные приказы, предписывавшіе переселеніе цълаго племени. Курьеръ получилъ въ самомъ кабинетъ государя запечатанные конверты для отвоза на Донъ, и Павелъ строго-настрого запретилъ Ливену кому-либо сообщать о сдёланныхъ чрезъ него распоряженіяхъ. Даже и всемогущій Паленъ ничего объ этомъ не провъдалъ. Чрезъ нъкоторое время по въстямъ изъ провинціи удостов'тренъ былъ необычайный фактъ выселенія всего донского казачества. Объ истинныхъ побужденіяхъ императора стали догадываться, —извъстна была его ненависть къ независимымъ формамъ внутренняго управленія казачества, но представлялось совершенно невозможнымъ проникнуть въ тайну действительнаго следованія донскихъ полковъ, и уже нъсколько недъль были потеряны послёдніе слёды снаряженной экспедиціи. Это обстоятельство и было, между прочимъ, одною изъ причинъ, ускорившихъ трагическую кончину императора.

Мужъ сообщилъ императору Александру всѣ свѣдѣнія объ экспедиціи. Тотчасъ же былъ написанъ, подписанъ и отправленъ приказъ о немедленномъ возвращеніи казаковъ.

¹⁾ Тутъ княгиня впадаетъ въ преувеличеніе. Казачья экспедиція была обстоятельно договорена съ Наполеономъ и была направлена противъ англійскихъ владіній въ Индіи. Въ экспедиціи участвовали только нісколько казачьихъ полковъ: ни о какомъ выселеніи донскихъ казаковъ и помину не было.

Послѣ этого императоръ поручилъ мужу отправиться въ Михайловскій замокъ и уговориться съ г-жею Ливенъ 1); какъ убѣдить императрицу-мать покинуть роковое обиталище. Въ то же время Александръ сообщилъ мужу о безуспѣшности своихъ попытокъ свидѣться съ своею родительницею.

Въ пять часовъ утра Ливенъ былъ уже въ Михайловскомъ замкъ.

Но прежде, чѣмъ продолжать разсказъ о дальнѣйшемъ, я опишу, что узнала о роковой сценѣ, разыгравшейся въ ту ночь въ замкѣ.

Еще въ полночь въ замкѣ и около него царила глубочайшая тишина. По несчастному затемненію ума, императоръ Павелъ, заподозрѣвая всѣхъ, съ недовѣріемъ относился даже и къ императрицѣ, преданнѣйшей ему и почтенной женщинѣ, которую даже вопіющія гласныя измѣны мужа не отвратили отъ ея страстной привязанности къ государю.

Онъ заперъ на ключъ и преградилъ сообщеніе между аппартаментами императрицы и своими. Поэтому, когда въ 12¹/2 часовъ ночи заговорщики постучались къ Павлу въ опочивальню, онъ самъ же лишилъ себя единственнаго шанса къ бъгству. Извъстно, что, не найдя Павла въ постели, заговорщики сочли свое дъло почти проиграннымъ, но тутъ одинъ изъ нихъ сткрылъ Павла, притаившагося за ширмами... Чрезъ десять минутъ императора уже не стало. Успъй Павелъ спастись бъгствомъ и покажись онъ войскамъ, солдаты бы его охранили и спасли.

Въсть о кончинъ Павла была тотчасъ же доведена до свъдънія графа Палена, который расположился на главной аллеъ у замка съ нъсколькими батальонами гвардіи. Войска были собраны по его приказу, чтобы, глядя по обстоятельствамъ, или явиться на подмогу императору, или послужить

¹⁾ Графинею Шарлоттой Карловной, рожденной баронессой фонъ-Поссе, воспитательницею дочерей императора Павла.

для провозглашенія его преемника. И въ томъ, и въ другомъ случав графъ Паленъ питалъ уввренность, что ему на долю достанется первенствующая роль. Онъ поспвшилъ отправиться къ великому князю Александру и склонился предънимъ на колвни. Великій князь въ ужасв приподнялъ его.

Разсказывали не разъ, будто великій князь былъ нѣсколько посвященъ въ заговоръ, такъ какъ заговорщики для обезпеченія себѣ безопасности должны были принять въ этомъ направленіи нѣкоторыя предосторожности.

Великій князь быль молодъ, всё видёли, что онъ скорбить и терзается за другихъ, оплакивая жертвы подозрительной тираніи, д'єйствіе которой отражалось прежде всего на немъ самомъ. Его, быть можетъ, и увърнли въ томъ, что обращение къ императору ръшительныхъ и энергичныхъ требованій отъ особъ, приближенныхъ къ престолу и преданныхъ служенію родинѣ и славѣ имперіи, образумить наконець императора, и онъ отмёнить прежніе жестокіе указы и вернется къ болье умъренному образу дъйствій. Неопытность могла заставить Александра повёрить такимъ об'вщаніямъ. Только въ такихъ предівлахъ и могъ онъ санкціонировать д'вйствія заговорщиковъ, направляемыя къ такой именно цёли. Но это и все. Для всякаго, кто зналъ ангельскую чистоту характера Александра, не можетъ быть никакихъ сомненій въ томъ, что дальше благонам вренных в пожеланій его воображенію ничто другое и не рисовалось, а самые порывы отчаянія, какимъ государь предавался вслёдъ за неожиданной катастрофой, устранили въ многочисленныхъ свидътеляхъ этихъ ужасныхъ минутъ всякую тёнь сомнёній въ этомъ отношеніи.

Первою мыслью Александра была его мать. Императрица-мать пользовалась большимъ почтеніемъ и любовью своихъ дѣтей. Никогда никакая женщина лучше не постигала и безукоризненнѣе не выполняла всѣхъ своихъ обязанностей. Ничто не можетъ сравниться съ ея жалостливостью, разумнымъ милосердіемъ и постоянствомъ въ привязанностяхъ. Она любила свой санъ и умѣла под-

держивать свое достоинство. Она обладала сильнымъ умомъ и возвышеннымъ сердцемъ. Она была горда, но привътлива. Она была еще очень красива и, высокая ростомъ, производила внушительное впечатлъніе.

Великій князь приказаль графу Палену отъ его имени отправиться къ моей свекрови, воспитательницѣ дѣтей покойнаго императора, и, сообщивъ ей роковую вѣсть, попросить подготовить къ ней и императрицу-мать. Графъ Паленъ безъ всякихъ предосторожностей вошелъ къ г-жѣ Ливенъ, разбудилъ ее самъ и неожиданно объявилъ ей, что императора постигъ апоплектическій ударъ, и чтобы она поскорѣе довела объ этомъ до свѣдѣнія императрицы.

Моя свекровь приподнялась съ постели и тотчасъ же вскричала:

- Его убили!
- Ну, да, конечно! Мы избавились отъ тирана.

Г-жа Ливенъ съ омерзѣніемъ оттолкнула графа Палена и сухо промолвила: «Я знаю свои обязанности». Она тотчасъ же встала и направилась въ аппартаменты императрицы. Сторожевой постъ, расположенный внизу лѣстницы, скрестилъ штыки. Г-жа Ливенъ властно потребовала пропуска. Въ каждомъ залѣ она натыкалась на такія же препятствія, но умѣло ихъ устраняла. Она была женщина очень рѣшительная и властная. Въ послѣднемъ залѣ, который открывалъ доступъ съ одной стороны къ аппартаментамъ императрицы, а съ другой—къ покоямъ императора, запретъ слѣдовать дальше былъ выраженъ безапелляціонно: стража тутъ была особенно многочисленна и рѣшительна. Г-жа Ливенъ громко вскричала:

— Какъ вы смѣете меня задерживать? Я отвѣчаю за дѣтей императора и иду съ докладомъ къ государынѣ о великомъ князѣ Михаилѣ, которому нездоровится. Вы не смѣете мѣшать мнѣ въ исполненіи моей обязанности!

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній дежурный офицеръ склонился предъ властною старухою. Она вошла къ императрицѣ и, прямо подойдя къ ея кровати, разбудила ее и

предложила встать. Императрица, вскочивъ спросонья, перепугалась и воскрикнула:

- Боже мой! Бъда случилась? Съ Мишелемъ?
- Никакъ нѣтъ. Его высочеству лучше, онъ спитъ спокойно.
 - Значитъ, кто-нибудь изъ другихъ дѣтей заболѣлъ?
 - Нътъ, всв здоровы.
 - Вы меня, върно, обманываете, Катерина?
- Да нѣтъ же, нѣтъ! Только вотъ государь очень илохо себя чувствуетъ.

Императрица не понимала. Тогда свекровь принуждена была сказать государынѣ, что ея супругъ пересталъ жить. Императрица посмотрѣла на г-жу Ливенъ блуждающими глазами и словно не хотѣла понять истины. Тогда свекровь произнесла рѣшительно:

— Вашъ супругъ скончался. Просите Господа Бога принять усопшаго милостиво въ лоно свое и благодарите Господа за то, что онъ вамъ столь многое оставилъ.

Тутъ императрица соскочила съ постели, упала на колѣни и предалась молитвѣ, но довольно машинально и по усвоенной ею привычкѣ вѣрить и уважать слова моей свекрови, такъ какъ г-жа Ливенъ неотразимо вліяла на императрицу и на всѣхъ авторитетностью, которая всегда выказываетъ величіе характера. Чрезъ нѣсколько мгновеній, однакоже, императрица начала сознавать постигшую ее потерю, а когда поняла все, лишилась чувствъ. Тутъ сбѣжалась ближняя свита, позвали доктора, который держался наготовѣ, и ей тотчасъ же пустили кровь. Великій князь Александръ, извѣщенный о состояніи родительницы, захотѣлъ къ ней войти, но свекровь этому воспротивилась, опасаясь первой послѣ рокового событія встрѣчи при свидѣтеляхъ, позднѣе же сама императрица стала упорно отказывать сыну въ свиданіи.

Когда къ императрицѣ окончательно вернулось сознаніе, роковая истина предстала предъ ея разсудкомъ въ сопровожденіи ужасающихъ подозрѣній.

Она съ крикомъ требовала, чтобы ее допустили къ усопшему. Ее убъждали, что это невозможно. Она на это восклипала:

— Такъ пусть же и меня убьютъ, но видѣть его я хочу!

Она бросилась къ аппартаментамъ, но роковыя задвижки преграждали туда доступъ. Тогда императрица направилась кружнымъ путемъ черезъ залы. Стража вездѣ была многочисленная. Какой-то офицеръ подошелъ объяснить ей, что получилъ формальное приказаніе никого не пропускать въ опочивальню къ усопшему. Царица, не обращая на слова вниманія, пошла дальше, но туть офицеръ принужденъ былъ ее остановить за руку. Императрица, впавъ въ отчаяніе, бросилась на кол'вни; она заклинала всю стражу допустить ее къ усопшему. Она не хотъла подняться съ колѣнъ прежде, чѣмъ не удовлетворять ея просьбы. Но это представлялось прямо невозможнымъ. раженное тёло государя покоилось въ сосёдней комнатё. Никто не зналъ, что дълать. Императрица продолжала стоять на кол'вняхъ, близкая къ обмороку. Какой-то гренадеръ подошелъ къ ней съ стаканомъ воды. Она его оттолкнула въ испугв и горделиво поднялась на ноги. Старые гренадеры вскричали:

— Да ты, матушка, насъ не бойся, мы всѣ тебя любимъ!

Императрица, побъжденная наконецъ усовъщеваніями моей свекрови, согласилась вернуться въ свои покои, взявъ, однако, формальное объщаніе, что ее допустятъ къ усопшему.

Чрезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ графъ Ливенъ для выполненія приказаній императора Александра.

Когда моя свекровь увидёла своего сына, у нея вырвался крикъ ужаса. Такъ какъ она не видёла сына цёлыхъ три недёли и знала, что онъ боленъ, то внезапное его появленіе въ замкѣ въ эту роковую ночь вселило въ нее самыя тяжкія подозрѣнія. Ливенъ умолялъ мать его выслушать, она на это не соглашалась, но когда онъ торжественно поклялся, что оставался совершенно чуждъ катастрофѣ и ничего ровно не зналъ о ея подготовленіи, г-жа Ливенъ ему повѣрила и допустила его къ исполненію возложеннаго на него порученія. Ливенъ тотчасъ же понялъ безповоротность рѣшенія императрицы покинуть замокъ не раньше, чѣмъ она простится съ прахомъ супруга. Поэтому Ливенъ ускорилъ приготовленія, необходимыя для того, чтобы показать императрицѣ тѣло усопшаго, по возможности не обнаруживая истинныхъ причинъ его кончины.

Императоръ Павелъ нѣсколько минутъ боролся съ заговорщиками, и эта борьба оставила особенно замѣтный слѣдъ на лбу. Тѣло одѣли въ мундиръ, нахлобучили шляпу по самыя брови и уложили въ парадную постель.

Въ 7 часовъ утра императрица была наконецъ допущена къ тъ́лу супруга. Сцена произошла раздирательная; она не хотъ́ла покинуть усопшаго; наконецъ, въ 8 часовъ утра мужу удалось перевезти ее въ Зимній дворецъ со всѣми членами императорской фамиліи.

Только въ 11 часовъ утра допустила императрицамать къ себѣ сына-императора. Свиданіе происходило безъ свидѣтелей. Государь вышелъ отъ императрицы-матери очень взволнованный. Съ этого мгновенія вплоть до кончины императоръ проявлялъ къ своей родительницѣ самое восторженное почтеніе, внимательность и нѣжность, а она, въ свою очередь, показывала страстную привязанность къ своему первенцу.

Яркое солнце взошло надъ этимъ роковымъ и великимъ днемъ.

Я уже говорила, что часть гвардіи была собрана у валовъ замка. Лишь по возвращеніи въ казармы узнали солдаты, что на слѣдующій день предстоитъ принесеніе присяги новому императору. Великаго князя Александра солдаты боготворили. Да и всѣ его боготворили.

Въ столицѣ раздавались клики радости и освобожденія. Улицы Петербурга наполнились толпами.

Незнакомые цѣловались другъ съ другомъ, какъ въ Пасху, да и дѣйствительно это было воскресеніе всей Россіи къ новой жизни. Все устремлялось къ (Зимнему) дворцу, Тамъ въ полдень назначенъ былъ съѣздъ сенату. высшимъ сановникамъ имперіи, двору, офицерству и чиновничеству для принесенія присяги новому императору.

Молодой императоръ (ему было всего 23 года) сдѣлалъ выходъ съ императрицею Елисаветою. Она тогда была юна и очень красива, обладала большимъ изяществомъ и достоинствомъ, и въ простенькомъ кисейномъ платьицѣ, безъ всякаго головного убора, съ свѣтлыми кудрями, разсыпавшимися по шеѣ, была очень мила, и это тѣмъ болѣе, что обладала чудною фигурою, изящною походкою и манерами. Императоръ тоже былъ красавецъ и сіялъ молодостью и тою душевною ясностью, которая составляла отличительное его свойство. Вообще парочка эта производила чарующее впечатлѣніе, и все передъ нею склонялось, окружая ее любовью, граничившею съ боготвореніемъ.

У насъ въ ту пору отсутствовали поэты и историки, которые бы смогли съ достаточною яркостью описать тогдашнее восторженное опьянвніе общества. Четыре года деспотизма, граничившаго съ безуміемъ и порою доходившаго до жестокости, отошли въ область преданія; роковая развязка или забывалась, или восхвалялась—середины между этими крайностями не было. Время для справедливаго суда надъ событіями пока еще не наступило. Вчера русскіе люди, засыпая, сознавали себя угнетенными рабами, а сегодня уже проснулись свободными счастливцами. Эта мысль преобладала надъ всвмъ прочимъ; всв жаждали насладиться счастіемъ свободы и предавались ему, твердо ввря въ его ввчность.

Среди всеобщихъ ликованій не было мѣста ни сожалѣніямъ, ни размышленіямъ, и только вдова императора Павла замкнулась въ свое личное горе, которое еще болѣе усилила вѣсть о кончинѣ великой княгини Александры Павловны, супруги палатина венгерскаго, умершей въ Пресбургѣ, отъ несчастныхъ родовъ, за нѣсколько дней предъумерщвленіемъ Павла. Я встрѣтилась съ императрицеюматерью на слѣдующій же день у моей свекрови, которую разыгравшіяся событія настолько потрясли, что она серьезно занемогла. Императрица и тутъ кинула мнѣ парумилостивыхъ словъ съ обычною своею добротою. Выраженіе ея лица было серьезное и суровое, она сильно поблѣднѣла, а вытянувшіяся черты лица указывали глубокую скорбь и не менѣе глубокую покорность Провидѣнію.

Передъ императрицею лишь постепенно открылись всъ обстоятельства, сопровождавшія умерщвленіе Павла. Сначала она продолжала принимать у себя графа Палена; но, узнавъ объ истинной его роли въ заговоръ, перестала его пускать къ себъ на глаза. Вскоръ она узнала фамиліи остальныхъ заговорщиковъ, и они разъ навсегда были изгнаны изъ ея присутствія. Она громко требовала для нихъ наказанія, но это представлялось совершенно невозможнымъ. Самая важность сана и многочисленность заговорщиковъ не позволяли молодому императору возбудить противъ нихъ свирѣпыхъ преслѣдованій, не говоря уже о томъ, что сегодняшнихъ освободителей нельзя преобразить въ завтрашнія жертвы. Сод'вянное предпріятіе вс'єми прославлялось и не укладывалось въ рамки безпристрастнаго обсужденія. Скандалъ оказывался крупный: общественное мнѣніе рѣзко расходилось съ нравственностью и правосудіемъ, а пренебреженіе въ этомъ случав общественнымъ мниніемъ угрожало слишкомъ явною опасностью.

Трудно себѣ даже и представить всѣ разсказы, въ ту пору свободно обращавшіеся въ столицѣ. Не только никто изъ заговорщиковъ не таился въ совершенномъ злодѣяніи, но всякій торопился изложить свою версію о происшедшемъ и не прочь былъ даже въ худшую сторону преувеличить свое личное соучастіе въ кровавомъ дѣлѣ. А когда

чей-нибудь голосъ возмущался чудовищностью совершеннаго делнія, на это давался отвёть:

— Что же, вы хотъли бы вернуться къ прежнему царствованію? Ну, и дождались бы того, что вся императорская фамилія была бы ввержена въ крѣпость, а сами бы вы отправились въ ссылку, въ Сибирь!

Предо мною такія заявленія высказывались, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать въ гостиной у свекрови, хотя эта вѣрная долгу женщина отказывалась входить въ обсужденіе причинъ заговора и стояла на фактѣ, совершенно для нея непреложномъ:

— Вы-убійцы вашего императора!

И, произнося эти суровыя слова, она только поднимала руки къ небесамъ.

Всѣ обстоятельства и подробности, сопровождавшія роковую развязку, собирались съ большою жадностью. Было вполнѣ удостовѣрено, что императора неоднократно предупреждали о готовящейся ему участи.

Несомнънно, смутные въ своей неопредъленности доносы и заставляли покойнаго по слъпой случайности обрекать на заточение все новыя жертвы, а несправедливыя эти преслъдования, въ свою очередь, умножали число недовольныхъ и легко превращали послъднихъ въ заговорщиковъ.

Много анекдотовъ разсказывалось о сообщеніяхъ, дѣлавшихся Павлу. Среди нихъ я выбираю тотъ, который лично слышала отъ графа Палена послѣ катастрофы, этимъ же фактомъ и ускоренной.

Я передаю этотъ разсказъ въ подлинныхъ выраженіяхъ графа Палена, которыя отчетливо запомнила.

«Наканунѣ кончины императоръ Павелъ неожиданно меня спросилъ, не отводя пристальнаго взгляда отъ моихъ глазъ, знаю ли я, что противъ него замышленъ заговоръ, весьма развѣтвленный и участниками котораго, между прочимъ, являются лица, очень близкія царю. Взглядъ государя былъ пронизывающій, подозрительный и настолько

навель на меня страхъ, что я похолодѣлъ. Я чувствовалъ, какъ у меня во рту пересыхаетъ, и я, пожалуй, не смогу даже слова промолвить. Но я не потерялся и, желая оправиться, расхохотался. «Государь, вѣдь если заговоръ этотъ проявляетъ дѣятельность, то потому, что самъ же я имъ и руковожу. Я съ такою ловкостью сосредоточилъ всѣ нити заговора въ собственныхъ рукахъ, что помимо меня ничего не дѣлается. Будьте совершенно покойны, ваше величество. Никакія злоумышленія рукъ моихъ не минуютъ, я въ томъ отвѣчаю вамъ собственною головою». Государь ласково взялъ меня за руку и сказалъ: «Я вамъ вѣрю». Тутъ только вздохнулъ я свободно».

Я была тогда молода, и, признаюсь, цинизмъ разсказа вызваль во мнѣ дрожь.

Несомнівню, въ душі молодого императора должна была происходить тяжкая борьба. Его восшествію на престолъ, сопровождавшемуся ликованіемъ и проявленіями любви, предшествовало пролитіе крови и прочіе ужасы. Справедливое отвращение, которымъ его родительница воспылала къ дъйствовавшимъ въ ужасной трагедіи лицамъ, являло тягостный контрасть съ попустительствомъ и безнаказанностью заговорщиковъ, на которыя государя обрекала необходимость. Наиблагороднъйшие порывы разбивались туть о его безпомощность. Покарать преступление онъ былъ безсиленъ. Страдая отъ столь прискорбнаго противорвчія душевныхъ велвній, государь осыпаль императрицумать всёми проявленіями внимательной почтительности; онъ охотно уступалъ ей все придворное представительство; Александръ старался предупреждать всв желанія и фантазіи Маріи Өеодоровны и даже мирился съ большою ея вліятельностью во всемъ, что не касалось наиважнѣйшихъ государственных дёль. Въ этомъ образ дёйствій инстинктивно чуялось какое-то искупленіе и признаніе трогательнаго долга по отношенію къ вдовѣ Павла.

Эта завъдомая для всъхъ и неоспоримая авторитетность матери надъ сыномъ возбуждала въ высокой сте-

пени зависть и недоброжелательство со стороны графа Палена. Онъ, вѣдь, надѣялся, что станетъ управлять и имперіею и императоромъ, а дѣйствительность разбивала всѣ его надежды, и онъ сознавалъ себя униженнымъ, благодаря вліянію вдовствующей императрицы. Пытался онъ и клеветать на Марію Өеодоровну и создать противовѣсъ ея вліянію. Паленъ обнаруживалъ въ своихъ дѣйствіяхъ больше, чѣмъ опрометчивость, а на многочисленныя предостереженія друзей отвѣчалъ неизмѣнно: «Бояться императора! Онъ не посмѣетъ меня тронуть!» Жестокія слова эти, несмотря на преднамѣренность и гнусный смыслъ, которые Паленъ думалъ имъ придать, разбивались о чистоту славы императора Александра.

Съ одной стороны, и императрица-мать не упускала случаевъ указывать императору на неприличіе удерживать вблизи своей особы и во главѣ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ личность, которая подготовила умерщвленіе его родителя, а, съ другой стороны, и графъ Паленъ всѣми возможными способами старался убѣдить государя въ зловредности материнскаго вліянія. Отчаявшись въ успѣхѣ своихъ навѣтовъ, графъ принялся возмутительнѣйшимъ образомъ поносить императрицу-мать. Между прочимъ, разсказывали, будто у него вырвалось и такое заявленіе: «Я расправился съ супругомъ, сумѣю отдѣлаться и отъ супруги!» Въ припадкѣ озлобленія и наглости Паленъ распорядился убрать изъ какой-то церкви образъ, только что подаренный императрицею.

Эта дерзость, конечно, не могла пройти незамъченною. Императрица-мать заявила Александру, чтобы тотъ немедленно же выслалъ графа Палена изъ Петербурга, въ противномъ случав столицу покинетъ сама Марія Өеодоровна.

Два часа спустя, графъ Паленъ былъ высланъ подъ охраною фельдъегеря въ свои курляндскія имѣнія съ воспрещеніемъ пожизненнаго въѣзда въ Петербургъ и Москву.

Русское общество отнеслось съ полнымъ равнодушіемъ къ въсти о паденіи могущественнаго вельможи, даже пріобрѣтшаго нѣкоторую популярность своимъ преступленіемъ. Я знаю чрезъ моего отца, который былъ другомъ дѣтства и сотоварищемъ графа Палена по военному поприщу и поддерживалъ съ нимъ сношенія по самую его смерть, что графъ Паленъ со времени ссылки совершенно не выносилъ одиночества въ своихъ комнатахъ, а въ годовщину 11 марта регулярно напивался къ 10 часамъ вечера мертвецки пъянымъ, чтобы опамятоваться не раньше слѣдующаго дня.

Умеръ графъ Паленъ въ началѣ 1826 г., чрезъ нѣсколько недѣль послѣ кончины императора Александра... ЗАПИСКИ КНЯЗЯ АДАМА ЧАРТОРЫЙСКАГО.

Князь Адамъ Чарторыйскій, изв'єстный польскій политическій дінтель, двадцатидвухлітнимъ юношей принималь участіе въ военныхъ дъйствіяхъ 1792 г. противъ русскихъ и послъ неудачъ, постигшихъ поляковъ, долженъ былъ эмигрировать, что повлекло за собою конфискацію всёхъ имъній Чарторыйскихъ. Императрица Екатерина, на ходатайства князя Адама и его брата Константина о снятіи секвестра, потребовала, чтобы они явились въ Петербургъ и оставались здёсь какъ бы въ видё заложниковъ. Оба брата исполнили требованіе, въ 1795 г. прівхали въ Петербургъ и были радушно приняты при дворъ и въ высшемъ обществъ. Князь Адамъ сблизился съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и между ними завязалась тъсная дружба, возбудившая подозрвніе императора Павла, который посп'яшилъ удалить князя Адама, назначивъ его посланникомъ въ Сардинію. Тотчасъ по кончинъ Павла, въ 1801 г., Чарторыйскій посп'єшилъ вернуться въ Петербургъ и сдълался однимъ изъ самыхъ интимныхъ и довъренныхъ друзей императора Александра. Онъ игралъ видную роль въ первые годы царствованія Александра, но затымь послыдній охладыль къ нему, и Чарторыйскому пришлось убхать изъ Петербурга въ Вильну, гдб онъ былъ назначенъ попечителемъ учебнаго округа. Въ 1823 г. князь Адамъ совсёмъ оставилъ службу и поселился въ своемъ имѣніи Пулавахъ. Во время польскаго возстанія 1830 г. онъ занялъ постъ президента сената и національнаго правительства. Послъ подавленія возстанія Чарторыйскій навсегда перебрался въ Парижъ, гдѣ и умеръ въ 1861 г.

Мемуары его были изданы на французскомъ языкѣ въ 1887 году, а на русскій переведены и напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1906 г. Мы беремъ изъ нихъ только тѣдвѣ главы, въ которыхъ Чарторыйскій касается убійства Павла.

I.

По мъръ моего приближенія къ Петербургу я сильно волновался, находясь подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ чувствъ: съ одной стороны, я испытывалъ радость и нетерпъніе при мысли о свиданіи съ людьми мнъ близкими и дружественными, съ другой же — тяготился неизвъстностью, размышляя о могущихъ произойти въ этихъ людяхъ перемънахъ вслъдствіе измънившихся обстоятельствъ и ихъ новаго положенія.

Навстрічу мні послань быль фельдъегерь, заставшій меня въ Ригв. Онъ вручилъ мнв письмо отъ императора Александра и подорожную съ предписаніемъ почтовому начальству ускорить мое путешествіе. Адресъ на конвертв написанъ былъ рукою государя, въ которомъ я былъ названъ дъйствительнымъ тайнымъ совътникомъ —чинъ, соотвътствующій военному чину генералъ-аншефа. Я быль не мало удивленъ, что императоръ такъ быстро произвелъ меня въ этотъ чинъ, и твердо ръшился не принимать его, считая это недоразумъніемъ. И дъйствительно, когда по прівздв въ Петербургъ, я представился государю и показалъ ему конвертъ, то убъдился, что надпись эта была сдѣлана имъ по ошибкѣ. Но въ Россіи можно было легко воспользоваться ошибкою государя, считая такую надпись высочайшимъ повелѣніемъ. Я и не думалъ объ этомъ и съ тѣхъ поръ не получилъ въ Россіи ни одной почетной награды, исключая чина ¹), пожалованнаго мнѣ императоромъ Павломъ.

Наконецъ, я снова увидълъ Александра, и первое впечатлъніе, которое онъ произвелъ на меня, подтвердило мои тревожныя предчувствія. Императоръ возвращался съ парадовъ или ученій такимъ же, какъ бывало при жизни своего отца: блёднымъ и утомленнымъ. Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково и имѣлъ видъ человѣка печальнаго и убитаго горемъ, чуждаго той сердечной жизнерадостности, свойственной людямъ, не имъющимъ основанія слъдить за собою и сдерживаться. Теперь, когда онъ быль уже самодержцемъ, я сталъ замъчать въ немъ, быть можетъ ошибочно, особенный оттънокъ сдержанности и безпокойства, отъ которыхъ невольно сжималось сердце. Онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и сказалъ: «Вы хорошо сдълали, что прівхали: всв наши ожидають вась съ нетерпвніемь», намекая на нѣкоторыхъ болѣе близкихъ ему лицъ 2), которыхъ онъ считалъ болъе просвъщенными и передовыми и которыя пользовались его особеннымъ довъріемъ. «Если бы вы находились здёсь», продолжалъ государь: «всего бы этого не случилось: будь вы со мною, меня никогда бы не удалось увлечь»... Затёмъ онъ сталъ говорить мнё о кончинъ своего отца въ выраженіяхъ, въ которыхъ слышались сильная скорбь и сильное раскаяніе.

Это печальное и трагическое обстоятельство въ теченіе нѣкотораго времени сдѣлалось предметомъ частныхъ продолжительныхъ бесѣдъ между нами, при чемъ государь, несмотря на видимыя страданія, испытываемыя имъ въ этихъ разговорахъ, съ особенной подробностью описывалъ это ужасное событіе. Объ этихъ подробностяхъ я упомяну ниже, сопоставивъ ихъ съ другими свѣдѣніями, получен-

¹⁾ Въ придворномъ календаръ 1799 года князь Адамъ Чарторыйскій указанъ въ чинъ генералъ-майора.

²⁾ Вѣроятно, Н. Н. Новосильцевъ и графъ П. А. Строгановъ, которые вмѣстѣ съ Чарторыйскимъ составили знаменитый тріумвиратъ, игравшій видную роль въ первые годы Александровскаго царствованія.

ными мною отъ непосредственныхъ участниковъ этой мрачной драмы.

Что касается многихъ другихъ вопросовъ, о которыхъ я прежде бесѣдовалъ съ Александромъ и по поводу которыхъ я желалъ узнать его теперешніе взгляды въ виду измѣнившихся обстоятельствъ,—я убѣдился, что въ общемъ государю, какъ я и ожидалъ, попрежнему не были чужды его былыя мечты, къ которымъ онъ невольно возвращался; но уже чувствовалось, что онъ находился подъ давленіемъ желѣзной руки дѣйствительности, — уступая силѣ, не властвуя еще ни надъ чѣмъ, не сознавая своего могущества и не умѣя еще имъ пользоваться.

Петербургъ, когда я туда прівхалъ, напоминалъ мнв видъ моря, которое, послв сильной бури, продолжало еще волноваться, успокаиваясь лишь постепенно.

Государь только что уволилъ графа Палена. Человъкъ этотъ, пользовавшійся безграничнымъ дов'вріемъ покойнаго императора Павла, былъ вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ главнымъ виновникомъ и душою заговора, прекратившаго дни этого злополучнаго монарха. Событіе 11 марта 1801 г. никогда бы не осуществилось, если бы Паленъ, имѣвшій въ рукахъ власть и располагавшій всёми средствами въ качествъ военнаго губернатора Петербурга, не сталъ во главъ предпріятія. Когда переворотъ совершился, Паленъ считалъ себя всемогущимъ, надъясь на свои силы. И дъйствительно, съ первыхъ же дней новаго царствованія онъ выказалъ энергію, принялъ на себя руководительство во внѣшней и внутренней политикъ рядомъ мъръ, ставшихъ неотложными въ виду возможнаго появленія англійскаго флота въ водахъ Ревеля, Риги и Кронштадта послѣ кровавыхъ копенгагенскихъ событій. Нельсонъ торжествоваль побъду въ Копенгагенъ наканунъ того дня, когда императоръ Павелъ погибъ въ Петербургѣ 1), куда извѣстіе о

¹⁾ Тутъ, очевидно, ошибка. Англійская эскадра подъ начальствомъ Паркера и Нельсона вошла въ Копенгагенскій рейдъ 18/30 марта 1801 г., т. е. недѣлю спустя послѣ смерти императора Павла.

разгром' датскаго флота пришло черезъ два дня посл' смерти императора. Пользуясь замёшательствомъ и всеобщей растерянностью правительства въ первые дни послъ катастрофы, Паленъ возымълъ мысль захватить въ свои руки расшатанныя бразды правленія и къ всесильной должности военнаго губернатора Петербурга присоединить должность статсъ-секретаря по иностраннымъ дёламъ. И дёйствительно, въ главибищихъ правительственныхъ актахъ этого времени всюду фигурируетъ его подпись 1). Ничто не должно было дълаться безъ его согласія: онъ принялъ роль покровителя юнаго государя и дёлалъ ему сцены, когда онъ не давалъ немедленнаго согласія на его представленія, или, върнье, на то, что онъ навязываль Александру. Уже поговаривали, что Паленъ претендуетъ на роль «палатнаго мэра». Императоръ Александръ, погруженный въ горе и отчаяніе, окруженный безутішной семьею, казался въ собственномъ дворцъ во власти заговорщиковъ, которыхъ признавалъ необходимымъ щадить и подчинять свою волю ихъ желаніямъ.

Между тѣмъ одна изъ важнѣйшихъ должностей государства—генералъ-прокурора сената, которому подчинены были внутреннія дѣла, юстиція, финансы и полиція—была вакантна послѣ удаленія одного изъ павловскихъ фаворитовъ, который ее занималъ ²). Императоръ Александръ сдѣлалъ удачный выборъ, назначивъ на эту должность генерала Беклешова ⁸), который въ это время находился въ Петербургѣ, будучи вызванъ сюда императоромъ Павломъ, желавшимъ, быть можетъ, предоставить ему это мѣсто. Это

¹⁾ Паленъ уже завъдывалъ иностранными дълами, такъ какъ еще въ февралъ 1801 года, послъ увольненія Ростопчина, завъдываніе внъшними сношеніями было передано ему, а 18 февраля того же года ему подчиненъ почтовый департаментъ.

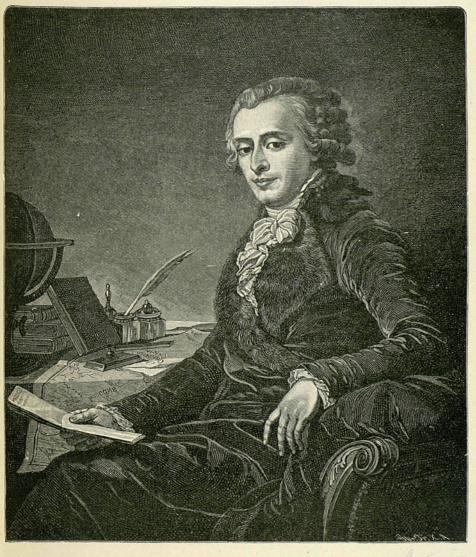
²⁾ Извъстный Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ. Род. 1752 + 1841.

³⁾ Александръ Андреевичъ Беклешовъ, предмѣстникъ и преемникъ Обольянинова по должности генералъ-прокурора, которую онъ занималъ до учрежденія министерствъ. Род. 1745 † 1808.

былъ русскій стараго закала, по внішнимъ пріемамъ человъкъ грубый и ръзкій, не говорившій по-французски или по крайней мъръ не понимавшій этого языка, но который подъ этой суровой внѣшностью обнаруживалъ твердость и прямоту и обладалъ чуткимъ отзывчивымъ сердцемъ. Общественное мнѣніе создало ему репутацію благороднаго человъка, которую онъ сохранилъ даже во время своего управленія (въ качеств тенераль-губернатора) польскими юго-западными губерніями. Здёсь онъ выказаль себя человъкомъ справедливымъ по отношенію къ подвластному ему населенію и строгимъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, преслъдуя и сурово карая воровство, взяточничество и злоупотребленія. Покидая этотъ край, онъ заслужилъ всеобщую любовь и признательность всего мѣстнаго населенія — обстоятельство, особенно знаменательное для представителя высшей русской администраціи въ завоеванномъ краѣ 1).

Совершенно незнакомый съ вопросами внѣшней политики, но изучившій въ совершенствѣ многочисленные указы и знавшій всѣ тонкости административной рутины русскаго правительства, Беклешовъ умѣло пользовался своею властью, проводя начала справедливости въ примѣненіи правосудія. Онъ былъ совершенно чуждъ политическихъ партій и не принималъ никакого участія въ заговорѣ, чтò являлось особенною заслугою въ глазахъ императора Александра, который относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ и однажды откровенно высказалъ ему, насколько онъ тяго-

¹⁾ Мифніе чрезвычайно характерное въ устахъ поляка—князя Чарторыйскаго, — который въ отзывъ своемъ о Беклешовъ сходится, въроятно, того не подозръвая, съ А. С. Шишковымъ. Въ «Запискахъ» послъдняго мы находимъ слъдующую фразу: «А. А. Беклешовъ—одинъ изъ тъхъ государственныхъ людей, которыми было сильно царствованіе Екатерины. Его дъятельность, какъ администратора русскихъ окраинъ, могла бы и въ наше время послужить примъромъ управленія этими областями. При немъ балтійскіе нъмцы учились говорить по-русски, а поляки юго-западныхъ губерній забывали упражняться въ подпольныхъ интригахъ». (Записки адм. Шишкова, т. І, берлинское изданіе 1870 г.).

Графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ. Съ гравюры Валькера.

9

тится ролью Палена. Беклешовъ отвъчалъ государю со свойственной ему ръзкостью, выражая совершенное недоумъніе при мысли, что самодержецъ на что-то жалуется и не ръшается высказать своей воли. «Когда мнъ досаждаютъ мухи», сказалъ онъ государю, «я просто ихъ прогоняю». Вскорт послт этого императоръ подписалъ указъ, въ которомъ Палену повелъвалось немедленно оставить Петербургъ и выбхать въ свои помбстья. Беклешовъ, бывшій съ нимъ. какъ въ прежнія времена, такъ и теперь, въ дружественныхъ отношеніяхъ, въ качествъ генералъ-прокурора, взялся вручить ему указъ вмѣстѣ съ повелѣніемъ выѣхать изъ столицы въ 24 часа. На слъдующій день рано утромъ Беклешовъ явился къ Палену, разбудилъ его и передалъ волю императора. Послёдній повиновался 1). Такимъ образомъ Александръ впервые проявилъ самодержавную волю, не имѣющую въ Россіи преградъ.

Обстоятельство это надълало много шума среди участниковъ заговора, которые обвиняли императора въ двуличіи и неискренности. Говорили, что наканунъ того дня, когда Паленъ долженъ былъ лишиться всъхъ должностей и отправиться въ ссылку, Александръ, во время доклада, который происходилъ поздно вечеромъ, принялъ его по обычаю совершенно спокойно, бесъдовалъ о дълахъ и ни въ чемъ не измънилъ своего обращенія. Но могъ ли онъ поступить иначе? Какъ бы то ни было, этотъ первый актъ проявленія самостоятельности молодого государя вызвалъ неудовольствіе среди главарей заговора и сильно ихъ встревожилъ.

Съ Зубовыми, игравшими столь выдающуюся роль въ событіи 11 марта, я имѣлъ отношенія еще въ царствованіе императрицы Екатерины. Благодаря ихъ всемогущему въ то время заступничеству, намъ удалось вернуть значительную часть имѣній нашего отца. Послѣ вступленія на

¹⁾ Случай этотъ въ «Запискахъ Саблукова» описанъ нѣсколько иначе.

престолъ императора Павла, въ то время, когда при дворѣ всѣ стали избѣгать Зубовыхъ, боясь даже подойти къ нимъ, мнѣ удалось доставить имъ аудіенцію у великаго князя Александра.

Спустя нъсколько дней послъ моего прівзда въ Петербургъ, графъ Валеріанъ Зубовъ высказалъ желаніе увидъться со мною. Во время разговора онъ много и подробно говорилъ о совершившемся переворотъ и о современномъ настроеніи умовъ, жалуясь, что государь не высказался за своихъ истинныхъ друзей, которые возвели его на престолъ, пренебрегая всъми опасностями ради его дъла. «Не такъ дъйствовала императрица Екатерина», говорилъ Зубовъ: «она открыто поддерживала тъхъ, кто ради ея спасенія рисковали своими головами. Она не задумалась искать въ нихъ опору и благодаря этой политикъ, столь же мудрой, сколь предусмотрительной, она всегда могла разсчитывать на ихъ безграничную преданность. Объщая съ первыхъ дней вступленія на престолъ не забывать оказанныхъ ей услугъ, она этимъ пріобръла преданность и любовь всей Россіи. Вотъ почему-продолжалъ Зубовъцарствованіе Екатерины было столь могущественнымъ и славнымъ, потому что никто не поколебался принести величайшую жертву для государыны, зная, что онъ будеть достойно вознагражденъ. Но императоръ Александръ, своимъ двусмысленнымъ, неръшительнымъ образомъ дъйствій, рискуетъ самыми плачевными послъдствіями; онъ колеблется и охлаждаетъ рвеніе своихъ истинныхъ друзей, тѣхъ, которые только желають доказать ему свою преданность». Графъ Зубовъ затёмъ прибавилъ, что «императрица Екатерина категорически заявила ему и его брату, князю Платону, что на Александра имъ следуетъ смотреть, какъ на единственнаго законнаго ихъ государя, и служить ему, и никому другому, върой и правдой. Они это исполнили свято, а между тъмъ какая имъ за это награда?» Слова эти, несомнънно, были сказаны съ цълью оправдаться въ глазахъ молодого императора за участіе въ заговорѣ на жизнь его отца и чтобы доказать ему, что этоть образь дѣйствій быль естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ обязательствъ, которыя императрица на нихъ возложила по отношенію къ своему внуку. Но они, очевидно, не знали, что Александръ и даже великій князь Константинъ вовсе не были проникнуты по отношенію къ своей бабкѣ тѣмъ чувствомъ, которое они въ нихъ предполагали.

Въ теченіе этой бесёды, длившейся около часа, я нъсколько разъ перебивалъ моего собесъдника, стараясь объяснить ему причину некоторых действій молодого государя, не входя, однако, въ обсуждение подробностей послъднихъ событій, тімь болье, что, въ виду моего отсутствія изъ Петербурга, я стоялъ совершенно въ сторонъ отъ переворота. Что касается графа Зубова, то онъ, очевидно, желалъ высказать мнв свои взгляды съ твмъ, чтобы я передалъ нашъ разговоръ государю. Хотя я и не далъ ему прямого объщанія, тъмъ не менже при первомъ же удобномъ случав я сообщиль объ этомъ императору Александру. Последній, повидимому, не придаль этому особеннаго значенія, хотя я почти дословно передаль ему нашь разговоръ. Слова Зубова доказывали, что заговорщики, а особенно главные ихъ руководители, повидимому, открыто хвастались своимъ поступкомъ, считая это дёло заслугой передъ отечествомъ и молодымъ государемъ, на благодарности и милости котораго они были въ правъ разсчитывать. Они даже давали понять, что удаленіе и недовольство могутъ быть опасны для Александра и что изъ чувства благодарности, а равно изъ благоразумія ему слідуеть окружить себя твми лицами, которыя возвели его преждевременно на высоту престола и на которыхъ онъ долженъ смотръть, какъ на самый върный и естественный оплотъ. Такое разсужденіе, довольно естественное въ Россіи, традиціонной стран'в дворцовыхъ переворотовъ, не произвело, однако, желаемаго впечатлънія на Александра. Да и странно было бы предположить, чтобы онъ могъ когданибудь сочувствовать убійцамъ своего отца (котораго онъ

все-таки дюбилъ, несмотря на его недостатки) и добровольно предаться въ ихъ руки.

Образъ дъйствій императора Александра являлся результатомъ его характера, воспитанія, его чувства и его положенія, и изм'єнить его онъ не могъ. При томъ же онъ уже удалилъ Палена, единственнаго, быть можетъ, изъ главарей заговора, который могъ возбудить серьезныя опасенія и сділаться дійствительно опаснымь въ силу своей ловкости, обширныхъ связей, личной отваги и огромнаго честолюбія. Вскор'в зат'ємъ Александръ постепенно удалиль и другихъ главарей переворота, - удалилъ не въ силу того, что считалъ ихъ опасными, но изъ чувства гадливости и отвращенія, которое онъ испытываль при одномъ ихъ видъ. Графъ Валеріанъ Зубовъ быль единственный, который остался въ Петербургъ и былъ сдъланъ членомъ Государственнаго Совъта 1). Его пріятная внъшность, искренность и прямота нравились государю и внушали къ нему довъріе; послъднее поддерживалось еще тою привязанностью, думаю, вполнт искреннею, которую онъ выказывалъ къ особъ императора, а также его мягкимъ, нъсколько безпечнымъ характеромъ и отсутствіемъ карьеризма. Онъ имълъ особенную слабость къ прекрасному полу, которымъ былъ почти исключительно занятъ.

Теперь я постараюсь сообщить о заговорѣ и его ближайшихъ послѣдствіяхъ все то, что мнѣ извѣстно лично, а также тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось получить нѣсколько позже, какъ о возникновеніи самаго плана, такъ и о томъ, какимъ образомъ приступлено было къ выполненію заговора. Я буду излагать факты такъ, какъ я ихъ припоминаю, или по мѣрѣ того, какъ они стали мнѣ извѣстны, не придерживаясь строго хронологическаго порядка офиціальнаго повѣствованія. Изъ этого разсказа читатель увидитъ, что люди наиболѣе опытные и ловкіе не-

¹⁾ А Уваровъ и Бенигсенъ, которые до послѣдняго времени польвовались неизмѣннымъ благоволеніемъ императора Александра?

рѣдко впадають въ ошибки вслѣдствіе ложной оцѣнки своихъ обязанностей и тѣхъ средствъ, которыми они располагали, а также благодаря невѣрному опредѣленію характера тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ окончательный успѣхъ ихъ предпріятія и осуществленіе ихъ стремленій.

Тотчасъ послѣ совершенія кроваваго дѣла заговорщики предались безстыдной, позорной, неприличной радости. Это было какое-то всеобщее опьянѣніе не только въ переносномъ, но и въ прямомъ смыслѣ, ибо дворцовые погреба были опустошены и вино лилось рѣкою въ то время, какъ пили за здоровье новаго императора и главныхъ «героевъ» заговора. Въ теченіе первыхъ дней послѣ событія заговорщики открыто хвалились содѣяннымъ злодѣяніемъ, наперерывъ выставляя свои заслуги въ этомъ кровавомъ дѣлѣ, выдвигаясь другъ передъ другомъ на первый планъ, указывая на свою принадлежность къ той или другой партіи, и т. п. А среди этой всеобщей распущенности, этой непристойной радости, императоръ и его семейство, погруженные въ горе и слезы, почти не показывались изъ дворца.

По мъръ того, однако, какъ постепенно улеглось возбужденное состояніе умовъ, большинство убъдилось, что вся эта радость, которую такъ открыто выказывали, не раздъляется большинствомъ и что такого рода хвастовство, не обнаруживающее ни ума, ни сердца, вызываетъ только презръніе и негодованіе; наконецъ, если самая смерть Павла, быть можетъ, и избавила государство отъ большихъ бъдствій, то во всякомъ случать участіе въ этомъ кровавомъ дълт едва ли могло считаться заслугою. Тъмъ не менте главари заговора прикрывались высокими фразами, говоря, что главною и единственною побудительною причиною ихъ было спасеніе Россіи.

Между тѣмъ молодой государь, оправившись послѣ первыхъ дней треволненій и упадка духа, сталъ чувствовать непреодолимое отвращеніе къ главарямъ заговора, особенно же къ тѣмъ изъ нихъ, чьи доводы заставили его со-

гласиться съ ихъ планомъ, выполнение котораго, по ихъ мнѣнію, отнюдь не угрожало жизни его отца, ибо, говорили они, для спасенія Россіи было достаточно лишить его престола, убѣдивъ Павла въ необходимости сложить съ себя бремя правленія, отказавшись отъ власти въ пользу сына, чему бывали неоднократные примѣры среди государей Европы.

Императоръ Александръ сообщилъ мнѣ, что первый, кто подалъ ему эту злополучную мысль, былъ графъ Панинъ 1), которому онъ никогда не могъ простить этого. Этотъ человъкъ былъ, повидимому, созданъ, болъе чъмъ кто-либо другой, играть выдающуюся роль въ государственныхъ дёлахъ. Онъ обладалъ всёми необходимыми для этого качествами: громкимъ именемъ, недюжинными способностями и большимъ честолюбіемъ. Будучи совстмъ молодымъ человъкомъ, онъ уже сдълалъ блестящую карьеру. Назначенный русскимъ посланникомъ въ Берлинъ, онъ вскорт былъ призванъ императоромъ Павломъ въ коллегію иностранныхъ дълъ подъ начальство князя Александра Куракина²), который приходился ему дядей со стороны матери. Этотъ князь Куракинъ, другъ и товарищъ дътскихъ игръ императора Павла, былъ единственнымъ изъ близкихъ ко двору лицъ, котораго не коснулись выходки государя и который оставался въ милости за все время его царствованія. Графъ Н. П. Панинъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ сыномъ извъстнаго генерала 3), оставившаго послъ своей смерти весьма почтенное и уважаемое имя, и племянникомъ графа Панина, бывшаго министра и воспитателя

¹⁾ Графъ Никита Петровичъ Панинъ, д. т. с., посланникъ въ Гаагѣ и Берлинъ при Екатеринъ И. Вице-канцлеръ и мин. пностр. дѣлъ при Павлъ и въ началъ царствованія Александра, † 1837 г.

²⁾ Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ. Внучатый племянникъ графа Н. И. Панина. Другъ дътства цесаревича Павла. Впослъдствін канцлеръ росс. орденовъ и д. т. с. Былъ посланникомъ при Наполеонъ передъ войной 1812 г. Род. 1752 + 1818 г.

³⁾ Гр. Петръ Ив. Панинъ. Генералъ-аншефъ, сенаторъ и членъ Госуд. Сов. Род. 1721 † 1789 г.

великаго князя Павла Петровича. Молодой графъ Панинъ не могъ не воспользоваться всёми этими данными и весьма скоро пріобрёлъ вёсъ и значеніе въ обществё и быстро сталь двигаться по служебной лёстницё. Это былъ человёкъ высокаго роста, холодный, владёвшій въ совершенствё французскимъ языкомъ: мнё не разъ приходилось читать его донесенія, которыя всегда отличались глубиной мысли и блестящимъ слогомъ. Въ Россіи онъ пользовался репутаціей чрезвычайно даровитаго человёка, энергичнаго и съ большимъ здравымъ смысломъ, но характеръ его былъ сухой, черствый, властный и непокладливый.

Прослуживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ иностранной коллегіи, графъ Никита Петровичъ вызвалъ чемъ-то неудовольствіе императора, былъ отрішень отъ должности и высланъ на жительство въ Москву. Какъ мы увидимъ ниже, онъ воспользовался этимъ временемъ пребыванія въ Москвъ, переписывался со своими единомышленниками и, несмотря на ссылку, продолжалъ вліять на умы. Изв'єстіе о кончинъ Павла онъ принялъ съ нескрываемою радостью и тотчасъ прівхаль въ Петербургъ съ самыми радужными надеждами на будущее. И дъйствительно, онъ вскоръ былъ назначенъ управляющимъ иностранными дълами. Въ бытность мою въ Петербургъ мнъ не пришлось съ нимъ встрътиться, такъ какъ, въ виду своей заграничной дипломатической службы, онъ ръдко прівзжаль въ столицу. Жена его, рожденная Орлова, осталась въ Петербургъ. Это была чрезвычайно симпатичная, милая и любезная особа, которая относилась ко мнъ весьма дружелюбно. Когда я вернулся въ Петербургъ, она очень хотъла сблизить меня съ ея мужемъ и сдълала все возможное, чтобы связать насъ дружбою. Усилія ея, однако, не имѣли успѣха, такъ какъ, помимо всѣхъ другихъ причинъ, самая внёшность графа, его ледяная холодность и почти суровая сдержанность мало располагали въ его пользу Впоследствии я узналь, что онъ даль мне прозвище «Сармата» и въ обществъ, когда ръчь заходила обо мнъ, постоянно спрашивалъ: «а что дълаетъ Сарматъ?»

Панинъ и Паленъ, иниціаторы заговора, были, несомнѣнно, въ то время наиболѣе выдающимися и способными людьми въ имперіи, среди правительства и двора. Они были несравненно дальновидне и умне всехъ остальныхъ членовъ совъта Павла, въ составъ котораго они оба входили. Они сговорились между собою и ръшили привлечь на свою сторону Александра. Какъ люди благоразумные и осторожные, они поняли, что прежде всего имъ необходимо заручиться согласіемъ наслёдника престола и что безъ его одобренія такое опасное предпріятіе, въ случат неудачи, можетъ окончиться для нихъ крайне плачевно. Будь на ихъ мъстъ люди молодые, увлекающіеся и преданные дёлу, они непремённо бы поступили иначе: не вмѣшивая въ такое дѣло сына, гдѣ вопросъ идетъ о низверженіи отца, они пошли бы на смерть, пожертвовавъ собою ради спасенія отечества, дабы избавить будущаго государя отъ всякаго участія въ переворотъ. Но такой образъ дъйствій быль почти немыслимь и требоваль отъ заговорщиковъ или беззавътной отваги, или античной доблести, на что едва ли были способны дъятели этой эпохи.

Графъ Паленъ, который, въ качествъ военнаго губернатора Петербурга, имълъ всегда возможность видъться съ Александромъ, убъдилъ великаго князя согласиться на тайное свиданіе съ Панинымъ. Это первое свиданіе произошло въ ванной комнатъ. Панинъ изобразилъ Александру въ яркихъ краскахъ плачевное состояніе Россіи и тъ невгоды, которыя можно ожидать въ будущемъ, если Павелъ будетъ продолжать царствовать. Онъ старался доказать ему, что содъйствіе перевороту является для него священнымъ долгомъ по отношенію къ отечеству, и что нельзя приносить въ жертву судьбу милліоновъ своихъ подданныхъ самодурству и жестокости одного человъка, даже въ томъ случать, если этотъ человъкъ его отецъ. Онъ указалъ ему, что жизнь, по меньшей мъръ свобода,

его матери, его личная и всей царской семьи находится въ опасности, благодаря тому отвращенію, которое Павелъ питалъ къ своей супругъ; съ послъдней онъ совсъмъ разошелся и свою ненависть, которая все возрастала, онъ даже не скрывалъ и естественно могъ при такомъ настроеніи принять самыя суровыя и крутыя міры; что діло идеть въдь только о низвержении Павла съ престола, дабы воспрепятствовать ему подвергнуть страну еще большимъ бъдствіямъ, спасти императорское семейство отъ угрожающей ему опасности, создать самому Павлу спокойное и счастливое существованіе, вполн'в обезпечивающее ему полную безопасность отъ всевозможныхъ случайностей, которымъ онъ подверженъ въ настоящее время. Что, наконецъ, дъло спасенія Россіи находится въ его, великаго князя, рукахъ, и что, въ виду этого, онъ нравственно обязанъ поддержать твхъ, кто озабочены теперь спасеніемъ имперіи и династіи.

Эти слова Панина произвели сильное впечатлъніе на Александра, но не убъдили его окончательно дать свое согласіе. Только посл'в шестим всячных в ув'вщаній и уб'вжденій удалось, наконецъ, вырвать у него согласіе. Что касается гр. Палена, то онъ, какъ чрезвычайно ловкій человъкъ, заставилъ предварительно высказаться Панина, считая его наиболже скромнымъ и способнымъ для столь труднаго дъла, какъ склонение наслъдника престола къ образу дъйствій, противному его мыслямъ и чувствамъ. Послѣ опалы Панина и высылки его въ Москву, Паленъ приступилъ уже къ личному воздъйствію на великаго князя путемъ всевозможныхъ намековъ, полусловъ и словечекъ, понятныхъ одному Александру, сказанныхъ подъ видомъ откровенности военнаго человѣка-каковая манера говорить являлась отличительнымъ свойствомъ красноръчія этого генерала 1). Такимъ образомъ, послѣ отъѣзда въ

¹⁾ Паленъ слылъ всегда за самаго тонкаго и хитраго человѣка, обладавшаго удивительною способностью выворачиваться изъ положеній самыхъ затруднительныхъ, особенно когда дѣло шло о быстромъ

Москву Н. П. Панина, Паленъ остался одинъ во главъ заговора, и въ концъ концовъ ему удалось вырвать у Александра роковое согласіе на устраненіе Павла отъ престола.

Нельзя не сожалѣть, что, благодаря всѣмъ этимъ роковымъ обстоятельствамъ, Александръ, который всегда стремился къ добру и который обладалъ такими качествами для его осуществленія, не остался чуждымъ этой ужасной, но вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемой катастрофѣ, положившей предѣлъ жизненному поприщу его отца.

Несомнѣнно, что Россія страдала подъ управленіемъ такого человѣка, душевное равновѣсіе котораго было весьма сомнительное, и что самый переворотъ былъ вызванъ силой вещей, тѣмъ не менѣе Александръ всю свою жизнь носилъ въ душѣ этотъ тяжелый упрекъ въ соучастіи съ заговорщиками, посягнувшими, хотя и безъ его вѣдома, на жизнь его отца. Въ его глазахъ событіе 11 марта было несомнѣннымъ пятномъ на его репутаціи, какъ государя и человѣка, хотя въ сущности оно доказывало только его юношескую неопытность, полное незнаніе людей и своей страны. Этотъ упрекъ преслѣдовалъ его всю жизнь и подобно коршуну терзалъ его чувствительное сердце, парализуя въ началѣ его царствованія лучшія его способности и начинанія, а въ концѣ жизни привелъ его къ мистицизму, доходившему иногда до суевѣрія.

Императоръ Павелъ велъ государство къ неминуемой гибели и разложенію, внеся полную дезорганизацію въ

движеніи корабля его фортуны. Посл'єдній тімь не мен'є благодаря непредвидінной случайности потерпієль крушеніе у самаго входа въ гавань, когда ему почти нечего было опасаться. Въ Лифляндіи на родині Палена містное дворянство, хорошо его знавшее, говорило о немь такь: «Ег hat die Pfiffologie studiert» — оть німецкаго слова «рfiffig»: хитрый, ловкій, пронырливый человікь, который всегда мистифицируеть другихь, а самь пикогда не остается въ дуракахъ. Самь Палень всегда употребляль это выраженіе, когда онь хотіль похвалить кого-нибудь. (Примічаніе автора).

1. F. 188

правительственную машину. Онъ царствовалъ порывами, минутными вспышками, не заботясь о последствіяхъ своихъ распоряженій, какъ челов'єкъ, не дающій себ'є труда взвъсить всъ обстоятельства дъла, который приказываетъ и требуетъ только немедленнаго исполненія своей воли. Всѣ, т.е. высшіе классы общества, правящія сферы, генералы, офицеры, значительное чиновничество, словомъ, все, что въ Россіи составляло мыслящую и правящую часть націи, было болъе или менъе увърено, что императоръ не совсёмъ нормаленъ и подверженъ болезненнымъ прицадкамъ. Это было настоящее царство страха, и въ концъ концовъ его ненавидъли даже за добрыя его качества, хотя въ глубинъ души онъ искалъ правды и справедливости и неръдко въ своихъ гнъвныхъ порывахъ онъ каралъ справедливо и върно. Вотъ почему въ его кратковременное царствованіе русскіе чиновники допускали мен'ве злоупотребленій, были бол'є в'єжливы, держались на чеку, менве грабили и были менве заносчивы, чвмъ въ предыдущія и посл'вдующія царствованія. Но это правосудіе императора, воистину слѣпое, преслѣдованіе правыхъ виноватыхъ, карало безъ разбора, было своевольно ужасно, ежеминутно грозило генераламъ, офицерамъ, арміи, гражданскимъ чиновникамъ и въ результатъ вызывало глухую ненависть къ человъку, заставлявшему всъхъ трепетать и державшему ихъ въ постоянномъ страхв за свою судьбу.

Такимъ образомъ, заговоръ можно было назвать всеобщимъ: высшая аристократія, дворянство, гвардія и армія,
среднее сословіе, ремесленники, словомъ, все населеніе
столицы, а также помѣщики, чиновники и купечество—
всѣ трепетали, всѣ чувствовали невыносимый гнетъ его
жестокаго самовластія и утомились подъ вліяніемъ постояннаго страха. Такое состояніе общества, подавленнаго
и терроризированнаго, должно было, наконецъ, разразиться
катастрофой.

Въ такомъ положеніи находилась Россія съ первыхъ дней царствованія Павла, при чемъ съ каждымъ годомъ странности и причуды императора все возрастали. Это и было истинной причиной заговора, закончившагося его смертью. Многіе ув'вряли, что усп'яху заговора способствовало англійское золото. Я лично этого не думаю. Если допустить, что тогдашнее британское правительство даже было лишено всякихъ нравственныхъ принциповъ, то и тогда обвиненіе его въ соучастіи въ заговор'в едва ли основательно, такъ какъ событіе 11 марта 1801 г. вызвано вполнъ естественными причинами. Со времени вступленія на престолъ Павла, въ Россіи существовало хотя и смутное, но единодушное предчувствіе скорой, давно желанной перем'вны правленія. Объ этомъ говорили полусловами, намеками, но весьма усиленно. Еще въ 1797 году, до моего отъжзда изъ Петербурга, среди придворной молодежи считалось признакомъ хорошаго тона критиковать и высмвивать дъйствія Павла, составлять на его счеть эпиграммы и вообще допускать такія вольности, которыя при этомъ говорились почти во всеуслышаніе. Это была государственная тайна, которая довърялась всъмъ, даже женщинамъ и юнымъ щеголямъ общества, и между тъмъ никто не проговорился, никто эту тайну не выдалъ. И это при монархф столь подозрительномъ и недовърчивомъ, какимъ былъ Павелъ.

Но предпріятіе это никогда бы не осуществилось и тайна была бы все-таки раскрыта, если бы пость петербургскаго военнаго губернатора, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи войска и полицію, не находился въ рукахъ рѣшительнаго человѣка, который самъ руководилъ всѣмъ заговоромъ.

Говорять, что однажды, во время доклада, императорь Павель, устремивь испытующій взорь на Палена, сказаль ему: «Мнѣ извѣстно, что противь меня задумань заговорь».—«Это невозможно, государь», отвѣтиль совершенно спокойно Палень: «ибо въ такомъ случаѣ я, который все знаю, быль бы самъ въ числѣ заговорщиковъ».—Этоть отвѣть и добродушная улыбка генераль-

губернатора совершенно успокоили Павла. Увъряютъ, однако, что нъсколько анонимныхъ писемъ все-таки возбудили подозрвнія императора, и наканунв своей смерти онъ велълъ тайно вызвать въ Петербургъ Аракчеева, который долженъ былъ занять мъсто Палена. Будь Аракчеевъ во-время въ столицѣ-ходъ дѣла могъ бы совершенно измѣниться, и въ Петербургѣ произошли бы самыя трагическія событія. Суровый, почти зв'єрскій характеръ этого человъка служитъ тому порукою. Вмъстъ съ Аракчеевымъ явился бы и Ростопчинъ, и Павелъ, въроятно, быль бы спасенъ. Но судьба устроила иначе: разогнавъ благодаря своей вспыльчивости многихъ преданныхъ ему и энергичныхъ людей, Павелъ окружилъ себя людьми бездарными и неспособными, которымъ розданы были лучшія правительственныя должности. Таковъ былъ князь Куракинъ, человъкъ добрый, но ограниченный, стоявшій во главъ иностранныхъ дълъ; генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, получившій этотъ высокій и отв'єтственный постъ только потому, что онъ когда-то управлялъ гатчинскими землями. Наконецъ, самымъ довъреннымъ и близкимъ къ императору лицомъ былъ графъ Кутайсовъ, бывшій брадобрей Павла и состоящій теперь шталмейстеромъ и андреевскимъ кавалеромъ. Это былъ не злой человѣкъ, но безпечный, любившій пожить, у котораго на другой день, когда его арестовали, въ карманъ камзола найдены были письма, сообщавшія подробный планъ заговора и списокъ всъхъ его участниковъ. Но Кутайсовъ даже не распечаталь этихъ писемъ, сказавъ очень спокойно: «Ну, дъла можно отложить и до завтрашняго дня». Онъ положилъ ихъ въ карманъ, не читая, такъ какъ спѣшилъ на ночное свиданіе.

II.

Императоръ Павелъ только что окончилъ постройку Михайловскаго дворца. Этотъ дворецъ, стоившій громадныхъ денегъ, представлялъ собсю тяжелое массивное зданіе, похожее на крѣпость, въ которомъ императоръ считаль себя совершенно безопаснымъ отъ всякихъ случайностей. Изъ удобнаго и помѣстительнаго Зимняго дворца онъ переѣхалъ въ новый замокъ, стѣны котораго еще были сыры и мокры, и, несмотря на это, былъ въ восхищеніи отъ новой постройки, которую расхваливалъ своимъ приближеннымъ и вообще считалъ себя счастливымъ и довольнымъ, съ восхищеніемъ показывая своимъ гостямъ роскошные аппартаменты новаго дворца. Это было въ январѣ 1801 года.

Между тёмъ заговоръ, который постепенно подготовлялся, былъ близокъ къ осуществленію. Необходимъ былъ толчокъ, который быстро долженъ былъ подвинуть дёло, и толчкомъ этимъ явилось согласіе, вырванное у великаго князя Александра Павловича главарями заговора: графомъ Н. П. Панинымъ, Паленомъ и братьями Зубовыми—Платономъ и Николаемъ. Графъ Панинъ находился въ ссылкѣ въ Москвѣ, въ Петербургѣ же всѣ нити заговора находились въ рукахъ Палена и Зубовыхъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, были недавно возвращены изъ ссылки и осыпаны милостями Павла, который, не считая ихъ болѣе опасными, весь отдался чувству великодушія по отношенію къ бывшимъ врагамъ.

Тёмъ временемъ Паленъ и Зубовы, подъ разными благовидными предлогами, вызвали въ столицу многихъ генераловъ и офицеровъ, которыхъ они считали своими единомышленниками. Многіе сановники и генералы были также приглашены въ Петербургъ императоромъ для присутствованія на празднествахъ по случаю бракосочетанія одной изъ великихъ княженъ. Паленъ и Зубовы не замедлили воспользоваться и этимъ, чтобы войти въ сношеніе съ многими изъ этихъ лицъ и узнать ихъ образъ мыслей, не открывая имъ однако подробностей заговора. Такое положеніе вещей не могло однако продолжаться долго: мальйшій намекъ, мальйшій доносъ, даже не подтвержденный доказательствами, могли возбудить подозрительность

Павла и вызвать гнѣвъ, послѣдствія котораго всегда были ужасны. Ходили слухи, что онъ уже сдѣлалъ тайное распоряженіе о вызовѣ въ Петербургъ Аракчеева и Ростопчина—людей, на безусловную преданность которыхъ онъ могъ всегда положиться. Первый изъ нихъ находился въ это время въ своемъ имѣніи недалеко отъ Петербурга и менѣе чѣмъ въ сутки могъ прибыть въ столицу. Положеніе заговорщиковъ становилось дѣйствительно опаснымъ, и всякое промедленіе, всякое колебаніе угрожало теперь страшными бѣдствіями.

Въ виду всего этого, выполнение заговора было назначено на 11-ое марта 1801 года. Вечеромъ въ тотъ же день кн. Платонъ Зубовъ устроилъ большой ужинъ, на который были приглашены всв генералы и высшіе офицеры, взгляды которыхъ были хорошо извъстны. Боль шинство изъ нихъ только въ этотъ вечеръ узнали всю суть дъла, на которое имъ придется идти тотчасъ послъ ужина. Надо сознаться, что такой способъ, несомнънно, слъдуетъ считать наиболъе удачнымъ для заговора: всъ подробности его были извъстны лишь двумъ-тремъ руководителямъ, всъ же остальные участники этой драмы должны были узнать ихъ лишь въ самый моментъ его выполненія, чъмъ, естественно, лучше всего обезпечивались сохраненіе тайны и безопасность отъ случайнаго доноса.

За ужиномъ Платонъ Зубовъ сказалъ рѣчь, въ которой, описавъ плачевное положеніе Россіи, указывалъ на бѣдствія, угрожающія государству и частнымъ людямъ, если безумныя выходки Павла будутъ продолжаться. Онъ указаль на безразсудность разрыва съ Англіей, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и е экономическое благосостояніе; доказывалъ, что при такомъ положеніи нашей внѣшней политики балтійскимъ портамъ и самой столицѣ можетъ грозить неминуемая опасность, что, наконецъ, никто изъ присутствующихъ не можетъ быть увѣренъ въ личной безопасности, не зная, что его ожидаетъ на слѣдующій день. Затѣмъ онъ сталъ гово-

рить о прекрасныхъ душевныхъ качествахъ наследника престола великаго князя Александра, на котораго покойная императрица Екатерина всегда смотръла, какъ на истиннаго своего преемника и которому она, несомнънно, передала бы имперію, если бы не внезапная ея кончина. Свою рѣчь Зубовъ закончилъ заявленіемъ, что великій князь Александръ, удрученный бъдственнымъ положеніемъ родины, ръшился спасти ее и что, такимъ образомъ, все дёло сводится теперь лишь къ тому, чтобы низложить императора Павла, заставивъ его подписать отречение въ пользу наслъдника престола. Провозглашение Александра, по словамъ оратора, спасетъ отечество и самого Павла отъ неминуемой гибели. Въ заключение гр. Паленъ и Зубовы категорически заявили всему собранію, что настоящій проектъ вполнъ одобренъ Александромъ. Они только умолчали о томъ, какихъ усилій и ув'треній стоило имъ получить это согласіе.

Съ этого момента колебанія заговорщиковъ прекратились: пили здоровье будущаго императора, и вино полилось рѣкою. Паленъ, оставившій на время собраніе, по-**Вхалъ** во дворецъ и вскоръ вернулся, принеся извъстіе, что ужинъ въ Михайловскомъ замкъ прошелъ спокойно, что императоръ, повидимому, ничего не подозрѣваетъ и разстался съ императрицей и великими князьями, какъ обыкновенно. Лица, бывшія во время ужина во дворцѣ, впоследствіи вспоминали, что Александръ, прощаясь съ отцомъ, не выказалъ при этомъ никакого волненія, и жестоко обвиняли его въ безсердечіи и двоедущіи. Это глубоко несправедливо, такъ какъ въ последующихъ моихъ бесёдахъ съ императоромъ Александромъ послёдній неоднократно разсказывалъ мнъ совершенно искренно о своемъ ужасномъ душевномъ волненіи въ эти минуты, когда серіце его буквально разрывалось отъ горя и отчаянія. Да оно и не могло быть иначе, ибо въ такія минуты онъ не могъ не думать объ опасности, угрожавшей ему, его матери и всему семейству въ случат неудачи заговора. При этомъ

Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ. Съ гравюры Пфейфера.

необходимо сказать, что вырванное у него почти насильно согласіе на отреченіе отца было дано имъ послѣ торжественнаго объщанія не причинять никакого зла Павлу, и что мысль о лишеніи его жизни не могла придти ему въ голову. Это тёмъ болёе правдоподобно, что въ планы заговора входило лишь устранение Павла отъ престола, и что роковая катастрофа произошла совершенно неожиданно для большинства заговорщиковъ, среди которыхъ исполнителями этой драмы явились нъсколько человъкъ, потерявшихъ самообладаніе, благодаря чрезмірному количеству выпитаго вина, и сводившихъ въ этотъ моментъ свои личные счеты съ злополучнымъ монархомъ. Что касается поведенія Александра во время ужина, то изв'єстно, что оба великіе князя были всегда чрезвычайно сдержанны въ присутствіи отца, и эта привычка скрывать свои мысли и чувства, это вынужденное спокойствіе могуть служить лучшимъ объясненіемъ того, что никто изъ присутствующихъ въ этотъ вечеръ не замътилъ той глубокой душевной борьбы, которая, несомнівню, происходила въ душів Александра.

Ужинъ между тъмъ продолжался, и всеобщее возбужденіе росло благодаря обильнымъ возліяніямъ. Только главари заговора воздерживались, стараясь сохранить присутствіе духа, столь необходимое въ эти минуты, большинство же гостей были сильно навесель, при чемъ нъсколько человъкъ уже едва держались на ногахъ. Наконецъ время, назначенное для исполненія заговора, наступило. Въ полночь вствени изъ-за стола и двинулись въ путь. Заговорщики раздёлились на двё партіи, въ каждой изъ которыхъ было до 60-ти человъкъ. Первая группа, во главъ которой находились братья Платонъ и Николай Зубовы и генералъ Бенигсенъ, направились прямо къ Михайловскому замку, другая подъ предводительствомъ гр. Палена должна была проникнуть во дворецъ со стороны Лътняго сада. Плацъ-адъютантъ замка (капитанъ Аргамаковъ), знавшій всѣ ходы и выходы дворца по обязанности своей

службы, шелъ во главѣ перваго отряда съ потайнымъ фонаремъ въ рукѣ и провелъ заговорщиковъ до передней государевой опочивальни. Стоявшій у двери лакей (камеръ-гусаръ) не пропускалъ заговорщиковъ и сталъ звать на помощь. Защищаясь отъ наступавшихъ на него заговорщиковъ, онъ былъ раненъ и упалъ, обливаясь кровью. Между тѣмъ императоръ, заслышавъ крики и шумъ въ передней, проснулся, быстро всталъ съ кровати и направился къ двери, ведшей въ комнату императрицы, которая была завѣшена большой портьерой.

Къ несчастью злополучнаго Павла, эта дверь еще недавно была наглухо заколочена по его же приказанію. Въ то же время громкіе крики взывавшаго о помощи върнаго камеръ-гусара привели заговорщиковъ въ смущеніе: они остановились въ неръшительности и стали совъщаться. Шедшій во главъ отряда Зубовъ растерялся и уже хотълъ скрыться, увлекая за собою другихъ; но въ это время къ нему подошелъ генералъ Бенигсенъ и, схвативъ его за руку, сказалъ: «Какъ? Вы сами привели насъ сюда и теперь хотите отступать? Это невозможно, мы слишкомъ далеко зашли, чтобы слушаться вашихъ совътовъ, которые насъ ведутъ къ гибели. Жребій брошенъ, надо дъйствовать. Впередъ!»—Слова эти я слышалъ впослъдствіи отъ самого Бенигсена.

Такимъ образомъ, этотъ человѣкъ, благодаря своей рѣшительности, сталъ во главѣ событія, имѣвшаго такое
важное вліяніе на судьбы имперіи и европейской политики. А между тѣмъ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ,
которые узнали о заговорѣ лишь въ этотъ самый день.
Онъ рѣшительно становится во главѣ отряда, и наиболѣе
смѣлые слѣдуютъ за нимъ. Они врываются въ спально
императора и идутъ прямо къ его кровати, но съ ужасомъ видятъ, что Павла уже нѣтъ. Тревога снова охватываетъ заговорщиковъ: они ходятъ по комнатѣ и со свѣчой ищутъ Павла. Наконецъ, злополучный монархъ найденъ за портьерой, куда онъ скрылся, заслышавъ шумъ.

Его выводять изъ этого прикрытія, и генералъ Бенигсенъ, въ шляив и съ обнаженной шпагой въ рукв, говорить императору: «Государь, вы мой пленникъ и вашему царствованію наступилъ конецъ; откажитесь отъ престола и подпишите немедленно актъ отреченія въ пользу великаго князя Александра». Тёмъ временемъ императору подносять заготовленный черновикъ акта отреченія. Павелъ береть въ руки перо, но въ это время за дверью снова раздаются крики. Бенигсенъ выходитъ изъ комнаты, чтобы узнать, въ чемъ дёло, и принять необходимыя мёры для безопасности императорскаго семейства, но едва онъ переступилъ порогъ, какъ произошла возмутительная сцена. Несчастный Павелъ остался одинъ среди толпы заговорщиковъ, окруженный людьми, изъ которыхъ многіе пылали жаждою мщенія: одни за преслідованія, другіе за оказанныя имъ несправедливости, иные наконецъ за простые отказы на ихъ просьбы. Тутъ начались надъ нимъ возмутительныя издівательства со стороны этихъ людей, озвъръвшихъ при видъ жертвы, очутившейся въ ихъ власти. Возможно, что смерть его была заранъе ръшена наиболъе мстительными и свиръпыми заговорщиками, въроятно, безъ вѣдома главныхъ руководителей и во всякомъ чав безъ ихъ формальнаго согласія. Ужасную развязку, повидимому, ускорили крики, раздавшіеся въ коридор'в и вызвавшіе уходъ Бенигсена. Графъ Николай Зубовъ, человъкъ атлетическаго тълосложенія, какъ говорятъ, первый нанесъ ударъ императору, и послъ этого ничто уже не могло удержать разсвиръпъвшихъ заговорщиковъ. Теперь въ лицѣ Павла они видѣли только изверга, тирана, непримиримаго врага: беззащитность жертвы уже ихъ не останавливала, возбуждая въ нихъ дикое чувство мести.

На несчастнаго посыпались удары. Одинъ изъ заговорщиковъ, имени котораго я теперь не припоминаю, отвязаль свой офицерскій шарфъ и накинулъ его на шею злополучнаго монарха. Послёдній сталъ отбиваться и по естественному чувству самосохраненія, высвободивъ одну руку,

просунулъ ее между шеей и охватывавшимъ ее шарфомъ. крича: «воздуху! воздуху!» Въ это время, увидавъ красный конно-гвардейскій мундиръ одного изъ заговорщиковъ и принявъ последняго за сына своего Константина, императоръ въ ужасъ закричалъ: «Ваше высочество, пощадите! воздуху! воздуху!» Но заговорщики схватывають руку Павла и затягиваютъ шарфъ съ безумной силой. Несчастный императоръ уже испустилъ последній вздохъ, но озвъръвшіе злодъи продолжають затягивать петлю и влекуть безжизненное тёло по комнатё. Между тёмъ болёе трусливые, бросившіеся было къ выходу, снова возвращаются въ комнату, принимаютъ участіе въ убій твъ и даже превосходять первоначальныхъ убійцъ своимъ звърствомъ и жестокостью. Генералъ Бенигсенъ въ это время возвращается и съ ужасомъ видитъ страшную картину. Не знаю, насколько искренно было его негодование при видъ всего, что произошло въ его отсутствіе, но онъ посившилъ положить конецъ этой возмутительной сценв.

Между твмъ крики: «Павелъ болве не существуеть!» распространяются среди другихъ заговорщиковъ, пришедшихъ позже, которые, не ствсняясь, громко высказываютъ свою радость, забывъ о всякомъ чувствъ приличія и человъческаго достоинства. Они толпами ходятъ по коридорамъ и заламъ дворца, громко разсказываютъ другъ другу о своихъ подвигахъ, и нъксторые проникаютъ въ винные погреба, продолжая оргію, начатую въ домъ Зубовыхъ.

Паленъ, заблудившійся, повидимому, со своимъ отрядомъ въ аллеяхъ Лѣтняго сада, прибылъ со своей партіей во дворецъ, когда все уже было кончено. Говорили, что онъ умышленно опоздалъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неудачи заговора выступить въ роли защитника императора и при надобности арестовать своихъ единомышленниковъ. Какъ бы то ни было, извѣстно только то, что Паленъ, явившись во дворецъ, тотчасъ проявилъ необычайную дѣятельность, сталъ отдавать приказанія и въ теченіе

всей остальной ночи выказалъ распорядительность и энергію, свойственныя его характеру и сдѣлавшія его въ эти времена почти полновластнымъ вершителемъ судебъ государства.

Изъ всего сказаннаго легко убѣдиться, насколько, несмотря на всѣ принятыя мѣры, судьба заговора была въ зависимости отъ цѣлаго ряда случайностей, благодаря которымъ все предпріятіе могло рушиться. Послѣдующія событія докажутъ справедливость этого предположенія.

Можно сказать, не ошибаясь, что заговоръ былъ составленъ при почти единодушномъ согласіи высшихъ классовъ общества и преимущественно офицеровъ. Но не то было среди солдать. Гнввныя выходки и строгости императора Павла обыкновенно обрушивались на сановниковъ и высшихъ чиновъ военнаго сословія. Чёмъ выше было служебное положение лица, тёмъ болёе подвергалось оно опасности вызвать гнъвъ государя; солдаты же ръдко бывали въ отвътъ. Напротивъ, положеніе ихъ было гораздо лучше, и нижніе чины послѣ вахтъ-парадовъ и смотровъ получали удвоенную пищу, порцію водки и денежныя награды. Особенно въ гвардіи, среди которой было не мало женатыхъ, солдаты жили въ извъстномъ довольствъ и въ большинствъ были преданы императору. Генералъ Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка, одинъ изъ видныхъ заговорщиковъ, человъкъ, пользовавшійся любовью солдать, взялся доставить во дворець, въ ночь заговора, батальонъ командуемаго имъ полка. Послъ ужина у Зубовыхъ онъ собралъ батальонъ и обратился къ солдатамъ съ ръчью, въ которой объявилъ людямъ, что тягость и строгости ихъ службы скоро прекратятся, что наступаетъ время, когда у нихъ будетъ государь милостивый, добрый и снисходительный, при которомъ все пойдеть иначе. Взглянувъ на солдатъ, онъ, однако, замътилъ, что слова его не произвели на нихъ благопріятнаго впечатлівнія; всё хранили молчаніе, лица сдёлались угрюмыми, и въ рядахъ послышался сдержанный ропотъ. Тогда онъ

прекратилъ свою рѣчь и суровымъ команднымъ голосомъ сказалъ: «Полуоборотъ направо.—Маршъ!»—послѣ чего войска машинально повиновались его голосу. Батальонъ былъ приведенъ въ Михайловскій замокъ и занялъ всѣ его выходы.

Графъ Валеріанъ Зубовъ, потерявшій ногу во время Польской войны, не находился вмѣстѣ съ заговорщиками и прибылъ во дворецъ значительно позже, когда извѣстіе о смерти императора Павла уже распространилось. Онъ прошелъ въ одну изъ залъ, въ которой стоялъ пѣхотный караулъ, и захотѣлъ убѣдиться въ настроеніи солдатъ. Онъ подошелъ къ караулу и поздравилъ солдатъ съ новымъ государемъ. Гробовое молчаніе было отвѣтомъ на его слова, и графъ поспѣшилъ удалиться, не желая подвергнуться враждебнымъ манифестаціямъ.

Всв эти подробности указывають на то, что императору Павлу было бы легко справиться съ заговорщиками, если бы ему удалось вырваться изъ ихъ рукъ хотя на минуту и показаться войскамъ. Найдись хоть одинъ человъкъ, который явился бы отъ его имени къ солдатамъ— онъ былъ бы, быть можетъ, спасенъ, а заговорщики арестованы. Весь успъхъ заговора заключался въ быстротъ его выполненія. Это доказываетъ также, насколько труднымъ и неосуществимымъ являлся планъ Александра взять императора подъ опеку. Останься Павелъ живъ, кровь полилась бы на плахахъ, полъ-Россіи сослано было бы въ Сибирь, и весьма въроятно, что необузданный гнъвъ его распространился бы и на членовъ собственнаго его семейства.

Посмотримъ теперь, что происходило въ эту ужасную ночь въ той части дворца, гдѣ помѣщалось императорское семейство. Великому князю Александру уже было извѣстно, что въ эту ночь отцу его будетъ предложено отреченіе отъ престола. Взволнованный разнообразными чувствами, переживая жесточайшія душевныя муки, великій князь не раздѣваясь бросился на постель. Ночью, въ началѣ перваго

часа раздался стукъ въ его дверь, и на порогѣ появился графъ Николай Зубовъ, всклокоченный, съ дикимъ, блуждающимъ взоромъ, съ лицомъ, измѣнившимся подъ вліяніемъ вина и только что совершеннаго злод'вянія. Онъ подошель къ великому князю и глухимъ голосомъ сказалъ: «Все совершено». — «Что такое? Что совершилось?» — спросиль съ испугомъ Александръ. Великій князь плохо слышалъ и не сразу понялъ эти слова; съ своей стороны, Зубовъ тоже не рѣшался высказаться прямо. Произошла небольшая пауза. Великій князь былъ такъ далекъ отъ мысли о смерти отца, что не допускалъ даже мысли объ этомъ. Наконецъ онъ обратилъ вниманіе, что въ разговорѣ Зубовъ все время называлъ его «государь» и «ваше величество»... Тогда наконецъ Александръ (разсчитывавшій быть только регентомъ имперіи) понялъ ужасную истину и предался самой искренней неудержимой печали.

Слѣдуетъ ли этому удивляться? Величайшіе честолюбцы и тѣ не могутъ совершить преступленіе или считать себя его виновниками безъ ужаса и содроганія, а вѣдь Александръ въ то время былъ чуждъ всякаго честолюбія, да впослѣдствіи никогда не проявлялъ его. Мысль, что онъ даже косвенно является виновникомъ смерти отца, была для него острымъ мечомъ, терзавшимъ его чувствительное сердце сознаніемъ, что это будетъ вѣчнымъ укоромъ и ляжетъ чернымъ пятномъ на его репутацію.

Между тъмъ слухъ о возмущении и о покушении на жизнь Павла дошелъ до императрицы. Она быстро встала съ кровати и наскоро одъвалась. Извъстіе о совершившемся преступленіи повергло ее въ ужасъ, горе и отчаяніе, смъщанныя съ опасеніями за собственную участь. Несомнънно, что многія императрицы и вообще иностранныя принцессы, занесенныя судьбою въ Россію, не могли иногда не думать въ глубинъ души о возможности вступленія на престолъ при тъхъ или иныхъ обстоятельствахъ. Императрица Марія Өеодоровна предстала передъ заговорщиками сильно взволнованною, и крики ея раздавались

въ коридорахъ, прилегающихъ къ ея аппартаментамъ. Увидавъ гренадеръ, она направилась къ нимъ и сказала, повторивъ нъсколько разъ: «Что же, разъ нътъ болъе императора, который палъ жертвою злодъевъ-измънниковъ, то теперь я ваша императрица, я одна ваша законная государыня! Защищайте меня и следуйте за мною!» Тогда Бенигсенъ и Паленъ, которые привели во дворецъ преданный имъ отрядъ войскъ, съ большимъ трудомъ уговорили императрицу вернуться въ ея аппартаменты, около которыхъ немедленно былъ поставленъ караулъ. Императрица, подъ вліяніемъ охватившаго ее волненія, пыталась однако не щадить никакихъ мъръ воздъйствія на войска, чтобы добиться престола и отомстить за смерть своего супруга. Но ни въ ея внѣшности, ни въ характерѣ не было твхъ качествъ, которыя дъйствуютъ на людей и увлекаютъ на подвиги и отважныя ръшенія. Какъ женщина и императрица, она пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, но ея отрывистыя фразы, ея русская ръчь съ довольно сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ не произвели должнаго впечатлънія на солдать, и часовые молча скрестили передъ ней ружья. Тогда, поборовъ свое волненіе, она удалилась въ свою комнату, предавшись безмолвному горю.

Мит никогда не удалось узнать подробностей о первомъ свиданіи Александра съ матерью послт катастрофы 1). Что они говорили? Какое объясненіе произошло между ними по поводу происшедшихъ ужасныхъ событій? Несомитно, что впослтдствіи они поняли другъ друга, но въ эти первыя ужасныя минуты императоръ Александръ, подавленный встмъ ттмъ, что ему пришлось пережить, былъ почти не въ силахъ высказать что бы то ни было. Съ другой стороны, императрица-мать дошла до высшей степени экзальтаціи и раздражительности и смотрта на самыхъ близкихъ ей лицъ почти враждебно, утерявъ всякое чувство самообладанія и справедливости.

Свиданіе это довольно подробно описано въ «Запискахъ Саблукова».

Въ эти тяжелыя для всей царской семьи минуты, среди царившей во дворцъ сумятицы, молодая императрица Елисавета была, по отзывамъ всъхъ очевидцевъ, единственнымъ лицомъ, сохранившимъ спокойствіе и полное присутствіе духа. Впосл'єдствіи императоръ Александръ не разъ вспоминалъ объ этомъ. Нѣжная и любящая, она утвшала Александра, поддерживая его мужество и самообладаніе. Она не покидала его всю эту ночь и отлучалась только на время, чтобы успокоить вдовствующую императрицу, уговаривая ее оставаться въ своихъ аппартаментахъ, сдерживая ея порывы, указывая на печальныя последствія, могущія произойти отъ излишняго неосторожнаго слова въ такое время, когда заговорщики, опьяненные усибхомъ, наполняли всв залы и властвовали во дворцв. Словомъ, въ эту ночь, полную ужаса и тревоги, императрица Елисавета являлась умиротворительницей, примиряющей властью, авторитетъ которой признавался встми, настоящимъ ангеломъ утъщителемъ и посредникомъ между супругомъ, вдовствующей государыней и заговорщиками.

Въ первое время императоръ Александръ находился въ ложномъ, крайне затруднительномъ и тяжеломъ положеніи по отношенію къ діятелямъ заговора. Въ теченіе нісколькихъ мѣсяцевъ онъ чувствовалъ себя какъ бы въ ихъ власти, не ръшаясь дъйствовать во всемъ вполнъ самостоятельно. И это не изъ чувства страха или опасеній, а благодаря присущему ему чувству справедливости, которое и впослѣдствіи помѣшало ему предать суду наиболѣе виновныхъ изъ нихъ. Александръ зналъ, что мысль о заговоръ сложилась въ умахъ чуть ли не съ первыхъ дней царствованія Павла, но что она осуществилась лишь съ того момента, когда имъ стало извъстно о согласіи наслъдника престола. Какимъ же образомъ могъ онъ принять строгія міры, когда это согласіе, хотя бы и вынужденное и условное, было все-таки дано имъ? Какъ долженъ будетъ поступить судъ, выдёляя главныхъ дёятелей отъ менёе

виновныхъ? Къ послѣдней же категоріи придется отнести главнѣйшихъ представителей высшаго общества, гвардіи и арміи. Почти все петербургское общество было замѣшано въ этомъ дѣлѣ. Какъ установить по закону различіе этой отвѣтственности между лицами, принявшими непосредственное участіе въ убійствѣ, и тѣмъ, кто желалъ только отреченія? Заставить Павла подписать отреченіе—не есть ли это уже насиліе надъ его личностью, допускающее само по себѣ возможность, въ случаѣ сопротивленія и борьбы, поднять на него руку?

Вотъ почему едва ли справедливы тъ, кто осуждалъ императора Александра за то, что онъ немедленно не предалъ суду лицъ, принимавшихъ ближайшее участіе въ этомъ преступленіи, вопреки ясно выраженной имъ волъ. При томъ же онъ долгое время не зналъ ихъ именъ, которыя естественно отъ него скрывали. Никто изъ заговорщиковъ не хотвлъ ихъ выдать, такъ какъ, въ качествв ихъ сообщниковъ и единомышленниковъ, они сознавали грозившую имъ всвмъ опасность. Александру лишь черезъ нъсколько лътъ постепенно удалось узнать имена этихъ лицъ, которыя частью сами удалились со сцены, частью же были сосланы на Кавказъ при содъйствіи весьма многочисленныхъ ихъ соучастниковъ, сохранившихъ свои мъста и положение. Всв они умерли несчастными, начиная съ Николая Зубова, который, вскор'в посл'в вступленія на престолъ Александра, умеръ вдали отъ двора, не смъя появляться въ столицъ, терзаемый бользнью, угрызеніями совъсти и неудовлетвореннымъ честолюбіемъ,

Бенигсенъ никогда не вернулся ко двору. Должность литовскаго генераль-губернатора, которую онъ занималь, была передана Кутузову. Только въ концѣ 1806 года военныя дарованія Бенигсена побудили императора Александра снова призвать его къ дѣятельности и поставить во главѣ арміи, сражавшейся подъ Прейсишъ-Эйлау и Фридландомъ.

Князь Платонъ Зубовъ, офиціальный руководитель заговора, не добился, несмотря на всѣ свои старанія, ни-

какой высшей должности въ управленіи и, сознавая, насколько его присутствіе непріятно императору Александру, поспѣшилъ удалиться въ свои помѣстья. Затѣмъ онъ предпринялъ заграничное путешествіе, долго странствовалъ и умеръ, не возбудивъ ни въ комъ сожалѣній.

Я уже упомянуль выше, какимъ образомъ былъ удаленъ графъ Паленъ. То же произошло и съ графомъ Панинымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по восшествіи на престолъ, незадолго до коронаціи, императоръ Александръ отнялъ у него портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Эти главные руководители и вдохновители всего заговора были поставлены подъ надзоръ высшей военной полиціи и получили приказаніе не только не показываться при дворѣ, но никогда не появляться даже вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ будетъ находиться императоръ. Карьера ихъ была навсегда закончена и обоимъ имъ пришлось навсегда отказаться отъ государственной дѣятельности, которая между тѣмъ была ихъ стихіей, и закончить существованіе въ одиночествѣ и полномъ забвеніи.

Если принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, то легко убѣдиться, что императоръ Александръ въ его положеніи не могъ поступить иначе по отношенію къ заговорщикамъ, несмотря на увѣщанія своей матери.

Эта форма наказанія, избранная для нихъ Александромъ, была имъ наиболье чувствительна, но несомньно и то, что болье всьхъ наказаль онъ себя самого, какъ бы умышленно терзая себя упреками совьсти, вспоминая объ этомъ ужасномъ событіи въ теченіе всей своей жизни. Приближалось время коронованія. Въ конць августа 1801 года дворъ и высшія власти Петербурга перевхали въ Москву. Здысь среди величественныхъ церемоній, празднествъ и увеселеній, среди трогательныхъ проявленій народной любви и восторга, воображенію Александра невольно представлялся образъ его отца, еще недавно съ

тою же торжественностью всходившаго на ступени трона, вскор обагреннаго его кровью. Пышная обстановка коронаціонных торжествь, съ ея блестящимъ ореоломъ самодержавной власти, не только не прельщала Александра, но еще бол растравила его душевную рану. Я думаю, что онъ въ эти минуты былъ особенно несчастенъ. Цълыми часами оставался онъ въ безмолвіи и одиночеств, съ блуждающимъ взоромъ, устремленнымъ въ пространство, и въ такомъ состояніи находился почти въ теченіе многихъ дней, не допуская къ себ почти никого.

Я быль въ числѣ тѣхъ немногихъ лицъ, съ которыми онъ видѣлся болѣе охотно въ эти тяжелыя минуты, тѣмъ болѣе, что съ давнихъ поръ онъ дѣлился со мною самыми тайными, сокровенными мыслями и довѣрялъ свое горе. Получивъ отъ него разрѣшеніе входить къ нему во всякое время безъ доклада, я старался по мѣрѣ силъ вліять на его душевное состояніе и призывать его къ бодрости, напоминая о лежащихъ на немъ обязанностяхъ. Нерѣдко однако упадокъ духа былъ настолько силенъ, что онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующей фразой: «Нѣтъ, все, что вы говорите, для меня невозможно, я долженъ страдать, ибо ничто не въ силахъ уврачевать мои душевныя муки».

Всѣ близкіе къ нему люди, видя его въ такомъ состояніи, стали опасаться за его душевное равновѣсіе, и такъ какъ я былъ единственный человѣкъ, который могъ говорить съ нимъ откровенно, то меня часто просили навѣщать его. Смѣю думать, что усилія мои повліяли благотворно на его душевное состояніе и что многіе мои доводы поддержали его падающую энергію. Нѣсколько лѣтъ спустя, великія событія, въ которыхъ императоръ Александръ игралъ такую выдающуюся и славную роль, доставили ему успокоеніе и въ теченіе нѣкотораго времени поглотили все его вниманіе и вызвали кипучую дѣятельность. Но въ послѣдніе годы его царствованія та же мрачная идея снова завладёла имъ, вызвала отвращеніе къ жизни и повергла въ мистицизмъ, близкій къ ханжеству.

Во время неоднократныхъ бесёдъ нашихъ о событіи 11 марта Александръ не разъ говорилъ мнѣ о своемъ желаніи облегчить насколько возможно участь отца послѣ его отреченія. Онъ хотѣлъ предоставить ему въ полное распоряженіе его любимый Михайловскій замокъ, въ которомъ низверженный монархъ могъ бы найти спокойное убѣжище и пользоваться комфортомъ и покоемъ. Въ его распоряженіе хотѣлъ отдать обширный паркъ для прогулокъ и верховой ѣзды, хотѣлъ выстроить для него манежъ и театръ—словомъ, доставить ему все, что могло бы въ той или иной формѣ скрасить и облегчить его существованіе.

Въ благородномъ и великодушномъ характерѣ Александра было, однако, что-то женственное, со всѣми качествами и недостатками этихъ натуръ. Вотъ почему нерѣдко на ряду съ прямотой и ясностью взгляда, съ мужествомъ и твердостью, отличающими истинно великихъ людей, онъ соединялъ въ себѣ чисто женскую мечтательность и фантаверство. Къ числу такихъ иллюзій слѣдуетъ отнести фантастическій, можно сказать, романическій планъ Александра успокоить низверженнаго императора, отнявъ у него корону и водворивъ въ Михайловскій замокъ. Это была, конечно, фантазія, неосуществимая мечта, которую слѣдуетъ приписать его молодости, неопытности и полному незнанію жизни.

Я счель необходимымъ ничего не умалчивать о печальной катастрофѣ, которою началось царствованіе Александра, считая это лучшимъ средствомъ воздать должную справедливость этому монарху, о которомъ стоустая молва распространила множество слуховъ, незаслуженно пятнающихъ его память. Простая безыскусственная правда, чуждая всякихъ прикрасъ, обѣляетъ его отъ этого возмутительнаго обвиненія и лучше всего объясняетъ, какимъ образомъ онъ былъ вовлеченъ въ дѣйствіе, совершенно

противное его образу мыслей, его наклонностямъ, а также причину, почему онъ не наказалъ болѣе строго людей, къ которымъ питалъ органическое отвращеніе.

Чтобы оправдать память императора Александра отъ столь ужаснаго возмутительнаго обвиненія, я рёшиль лишь описать съ полной правдивостью его совершенную неопытность и полное отсутствіе честолюбія, благодаря которому онъ стремился избёгать престола, чёмъ добиваться царскаго вёнца. Если уяснить себё всё эти многообразныя причины, безпристрастный читатель, несомнённо, придетъ къ заключенію, что, по всей справедливости, можно только жалёть объ Александрё, но не предъявлять къ нему столь тяжкаго и несправедливаго обвиненія.

Прочтя недавно «Исторію Консульства и Имперіи» Тьера, я нашель въ ней матеріаль, относящійся къ этому событію. Это записка графа Ланжерона о кончинѣ императора Павла. Описанные въ ней факты справедливы, но, чтобы освѣтить этотъ разсказъ и сдѣлать его вполнѣ справедливы вы мъ, необходимо сдѣлать слѣдующія весьма важныя добавленія:

- 1) Необходимо добавить тѣ доводы и средства, къ которымъ прибѣгли Панинъ и Паленъ, чтобы получить отъ Александра согласіе на отреченіе его отца.
- 2) Согласіе это было получено ими послѣ продолжительной борьбы и послѣ формальнаго и торжественнаго обѣщанія не причинять никакого зла императору Павлу. Необходимо также указать на искреннюю скорбь Александра при извѣстіи о гибели отца.
- 3) Эта скорбь продолжалась многіе годы и была настолько сильна, что заставила опасаться за здоровье и жизнь Александра, и была причиной его влеченія къ мистицизму.
- 4) Александръ не могъ простить Панину и Палену двумъ иниціаторамъ заговора,—что они вовлекли его въ поступокъ, который онъ считалъ несчастіемъ всей своей

жизни. Оба они навсегда были удалены отъ двора и не смъли показаться ему на глаза.

5) Императоръ Александръ не наказалъ второстепенныхъ участниковъ заговора потому, что они имѣли въ виду лишь отреченіе Павла, необходимое для блага имперіи. Онъ не считалъ себя въ правѣ карать ихъ, ибо почиталъ себя столь же виновнымъ, какъ и они. Что касается ближайшихъ участниковъ убійства, то имена ихъ долгое время были ему неизвѣстны, и онъ узналъ ихъ только черезъ нѣсколько лѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ (какъ, напримѣръ, графъ Николай Зубовъ) къ этому времени уже умерли, другіе же были сосланы на Кавказъ, гдѣ и погибли.

ЗАПИСКИ БАРОНА ГЕЙКИНГА.

Записки барона Гейкинга были изданы въ 1886 году на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Изъ дней императора Павла. Записки курляндскаго дворянина» (Aus den Tagen Kaiser Pauls. Aufzeihnungen eines Kurlandichen Edelmans. Leipzig. 1886).

Гейкингъ былъ женатъ на дочери начальницы общества благородныхъ дѣвицъ (Смольный институтъ) Лафонъ, которая пользовалась особеннымъ расположеніемъ и уваженіемъ великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Өеодоровны. Гейкингъ, занимавшій мѣсто предсѣдателя суда въ Митавѣ, ѣздилъ въ Петербургъ къ тещѣ, имѣлъ случай неоднократно встрѣчаться у нея съ великимъ княземъ и умѣлъ заслужить его благоволеніе. Тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ, императоръ Павелъ вызваль его въ Петербургъ и сдѣлалъ сперва сенаторомъ, а потомъ предсѣдателемъ юстицъ-коллегіи; но въ концѣ 1798 г. Гейкингъ впалъ въ немилость, былъ уволенъ въ отставку и высланъ обратно въ Митаву.

Записки его были переведены и напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1887 года, но съ исключеніемъ послѣдней (пятой) главы, гдѣ разсказывается смерть Павла. Подробности этого событія Гейкингъ слышалъ отъ участниковъ и современниковъ, такъ какъ черезъ нѣсколько дней по кончинѣ Павла пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о пенсіи, въ которой ему было отказано государемъ при его увольненіи.

Желая объяснить непостижимый образъ дъйствія, котораго нашъ бъдный государь придерживался въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пожалуй, немудрено даже соблазниться ученіемъ Мани 1) и признать его справедливымъ. Добро и зло чередовались, смѣняя другъ друга въ продолженіе какого-нибудь часа; доброта и варварство диктовали ему въ одинъ и тотъ же день приказы, въ принципѣ какъ нельзя болѣе противорѣчившіе одинъ другому. Не успѣешь, бывало, похвалить какое-нибудь мудрое и справедливое мѣропріятіе, какъ приходитъ вѣсть, что все, заслужившее ваше одобреніе, уже разрушено.

Чтобы разгадать эту загадку, я предлагаю здѣсь читателю свою гипотезу; онъ можетъ отвергнуть ее, если ему удастся найти другую, болѣе соотвѣтствующую характеру Павла. По моему мнѣнію, всякій его добрый поступокъ совершался подъ вліяніемъ сердечной теплоты и перваго непосредственнаго чувства, тогда какъ все, отмѣченное печатью жестокости, внушалось ему косвеннымъ образомъ извнѣ и было прежде всего порожденіемъ зависти, ненависти и желанія выставить напоказъ живѣйшую заботливость о его личности окружающихъ; затѣмъ, этимъ же путемъ стремились ускорить кризисъ, необходимость котораго становилась все неизбѣжнѣе. И дѣйствительно, въ силу своего коварства и своей пронырливости, интриганы не видѣли другого средства для своего спасенія, какъ совершеніе новаго преступленія.

Но обратимся къ фактической сторонъ дъла. Поверхностные наблюдатели были въ восторгъ, видя, что такіе люди, какъ Румянцовъ и Державинъ, появились опять въ совътъ, что Нелединскій изъ ссылки возвратился въ Сенатъ и что офицеры начали массами занимать опять свои прежнія мъста. Но перемъна эта осуществилась съ слишкомъ большой поспъшностью и охватила безъ всякаго разбора черезчуръ большое число лицъ. Всякому мыслящему человъку невольно долженъ былъ напрашиваться

¹⁾ Мани (Manî—Manes)—основатель дуалистическаго ученія Манихеевъ (215—276 по Р. Хр.). Прим. переводч.

вопросъ: въ чемъ же заключается тайная цёль такой удивительной мёры?

И дъйствительно, какъ согласовать неразумную смълость, проявившуюся въ томъ, что государь окружилъ себя
недовольными людьми, съ милліономъ мелочныхъ мъропріятій, свидътельствующихъ о его страхѣ и душевной
тревогѣ? Какъ могло случиться, что Павелъ угрожалъ
Англіи неизоѣжной войной, что онъ конфисковалъ имущество англичанъ, которые, по его мнѣнію, составили противъ него заговоръ, и въ то же время взялъ себѣ въ кухарки англичанку, жившую съ его разрѣшенія почти рядомъ съ нимъ? Если всѣ эти адскія комбинаціи и не привели къ желанному результату, то онѣ, тѣмъ не менѣе,
указываютъ на постоянство, съ которымъ преслѣдовался
иланъ и объясняютъ (до нѣкоторой степени) неподдающееся опредѣленію поведеніе императора.

Значеніе Кутайсова — этого столь необходимаго враждебной коалиціи человѣка—возрастало съ каждымъ днемъ; то же слѣдуетъ сказать и о Паленѣ. Общество видѣло съ негодованіемъ прежняго камердинера въ званіи оберъшталмейстера высочайшаго двора и кавалера ордена Андрея Первозваннаго. Любовница его (Кутайсова), актриса Шевалье, окончательно подчинила его своему вліянію и властно повелѣвала имъ. Она не замедлила открыто заняться торговлей чиновъ, должностей и имѣній. Весьма вѣроятно, что, благодаря ея интригамъ, г-жѣ Курвильонъ удалось добиться изгнанія (изъ Россіи) Людовика XVIII. Такъ какъ она покровительствовала французской системѣ, то англійская партія держалась въ сторонѣ, но возможно, что она не бездѣйствовала.

Въ то время Павелъ былъ занятъ исключительно отдёлкой своего Михайловскаго замка. При постройкъ его работы безпрерывно производились— день и ночь. Стъны были еще пропитаны такой сыростью, что съ нихъ всюду лила вода; тъмъ не менъе, онъ были уже покрыты великольпными обоями. Врачи попытались было убъдить импе-

ратора не поселяться въ новомъ замкѣ; но онъ обращался съ ними, какъ съ слабоумными,—и они пришли къ заключенію, что тамъ можно жить. Зданіе это прежде всего должно было послужить монарху убѣжищемъ въ случаѣ попытки осуществить государственный переворотъ. Канавы, подъемные мосты и цѣлый лабиринтъ коридоровъ, въ которомъ было трудно оріентироваться, повидимому, дѣлали всякое подобное предпріятіе невозможнымъ. Впрочемъ, Павелъ вѣрилъ, что онъ находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ архангела Михаила, во имя котораго были построены какъ церковь, такъ и самый замокъ.

Императрица схватила въ сырыхъ покояхъ лихорадку, но не смѣла жаловаться на это; а какъ великій князь Александръ, такъ и весь дворъ страдали сильнымъ ревматизмомъ. Одинъ лишь Павелъ былъ здоровъ и чувствовалъ себя хорошо, посвящая все свое время исключительно убранству этого зданія, не предчувствуя при этомъ, что онъ украшаетъ свою могилу.

Онъ разссорился почти со всёми европейскими державами; графъ Ростопчинъ былъ уволенъ имъ потому, что попытался смягчить нёкоторыя выраженія въ письмів, продиктованномъ ему Павломъ къ англійскому королю. Неизвістно, было ли это обстоятельство истинной причной его увольненія, или лишь поводомъ. Паленъ былъ назначенъ главноуправляющимъ почтъ и сділался, такимъ образомъ, обладателемъ всіхъ государственныхъ и частныхъ тайнъ. Съ этого момента онъ могъ руководить рівненіями государя согласно собственному желанію 1), такъ

¹⁾ Этимъ путемъ онъ спасъ Кутайсова, котораго государь внезапно рѣшилъ прогнать. Императору обыкновенно приносили извлеченія изъ депешъ иностранныхъ посланниковъ, которыя вскрывались прежде, чѣмъ отправить ихъ по назначенію. Сочинили подложную депешу, въ которой шведскій посланникъ будто бы писалъ своему монарху слѣдующее: «Дурно освѣдомленное общество думаетъ, что государь уволитъ своего вѣрнаго слугу—Кутайсова, но его величество слишкомъ прони-

какъ Павелъ дъйствовалъ всегда подъ вліяніемъ перваго впечатленія. Паленъ могъ теперь, путемъ непосредственныхъ предписаній губернаторамъ, задерживать въ пути кого бы то ни было. Онъ, наконецъ достигъ того положенія, благодаря которому всякое предпріятіе сулило ему полную удачу. И онъ не терялъ больше времени. Онъ сообщиль свой планъ Зубовымъ, снѣдаемымъ честолюбіемъ и ненавистью къ Павлу; разжегъ чувство мести въ князъ Яшвиль 1), Чичеринь, Талызинь, Уваровь, Татариновь и др. Чтобы заручиться основаніемъ представить необходимость заговора въ еще болбе яркихъ краскахъ, онъ нашелъ средство внушить государю страхъ передъ императрицей и великимъ княземъ Александромъ; вследствіе этого Павелъ въ одинъ прекрасный день на парадѣ сталъ избѣгать близости своихъ сыновей и заперъ на ключъ дверь своей спальни, ведшую въ покои императрицы.

Какъ ни старались скрыть всё нити заговора, но генераль-прокуроръ Обольяниновъ, повидимому, все-таки заподозрёлъ что-то. Онъ косвеннымъ путемъ увёдомилъ государя, который заговорилъ объ этомъ съ своимъ любимцемъ Кутайсовымъ; но послёдній увёрялъ, что это просто коварный доносъ, пущенный кёмъ-нибудь, чтобы выслужиться. Съ цёлью усыпить Кутайсова (еще больше), Паленъ приказалъ Шевалье неустанно осаждать его, содёйствовалъ пожалованію ему великолёпныхъ курляндскихъ имёній Альтъ и Ней-Раденъ и посовётовалъ ему ни на минуту не покидать Павла, чтобы имёть возможность сообщать ему, Палену, каждое слово императора, даже сказанное имъ хотя бы случайно.

цателень, чтобы не знать, что онъ въ отношеніи личной къ нему привяванности незамѣнимъ». Государь, обманутый этой хитростью, обнять Кутайсова и оставиль его при себѣ.— Самъ Паленъ разсказаль этотъ анекдоть въ обществѣ, состоявшемъ изъ 7—8 лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и я.

¹⁾ Увъряють, что государь въ запальчивости побилъ его.

Въроятно, этимъ путемъ узналъ онъ, что государь приказалъ Аракчееву явиться какъ можно скорѣе въ Петербургъ. Боясь, что это дѣлается, чтобы замѣнить его, онъ
отдалъ тайный приказъ всячески задерживать Аракчеева
въ дорогѣ и ускорилъ на два дня осуществленіе своего
плана, который онъ сообщилъ генералу Бенигсену. Послѣдній явился было къ нему съ требованіемъ (заграничнаго) паспорта и, вѣроятно, выразилъ при этомъ нѣкоторое чувство обиды по поводу манеры государя обращаться съ офицерами. Паленъ воспользовался удачнымъ
моментомъ, чтобы вовлечь Бенигсена въ заговоръ; послѣ
получасовой бесѣды послѣдній возвратился въ канцелярію и заявилъ тамъ, что паспорта ему не нужно въ виду
того, что онъ рѣшилъ отложить свой отъѣздъ на нѣсколько
дней.

Осуществление переворота было назначено въ ночь съ четверга на пятницу, но когда Паленъ явился въ понедъльникъ къ государю съ рапортомъ, Павелъ сказалъ ему ръзкимъ тономъ: «Вы не знаете ничего новаго?» — «Нътъ, ваше величество». — «Хорошо, въ такомъ случав я сообщу вамъ, что что-то затъвается». Опустивъ глаза на бумаги, которыя онъ держалъ въ рукахъ1), Паленъ выгадалъ нъсколько секундъ, чтобы овладъть собою, послъ чего отвътилъ улыбаясь: «Если-что нибудь и затъвается, то я долженъ быть освёдомленъ объ этомъ, я самъ долженъ быть участникомъ. Следовательно, вы, ваше величество, можете не безпокоиться. Впрочемъ, ваше величество могли бы уполномочить меня арестовать безразлично всякаго по моему усмотрвнію, если бъ я счель это необходимымъ». - «Конечно, я васъ уполномочиваю на это, даже въ томъ случав, если бъ пришлось арестовать великаго князя или императрицу». - «Соблаговолите, ваше величество, дать мнъ этотъ

¹⁾ Большая часть этихъ подробностей сообщена самимъ Паленомъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ: «Если бы Павелъ положилъ мнѣ руку на сердце, то онъ открылъ бы все; но чело мое не омрачилось, и это спасло меня, благодаря бумагамъ, которыя были у меня въ рукахъ».

приказъ письменно, такъ какъ я напалъ на слѣдъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ я доложу вашему величеству завтра достовѣрныя свѣдѣнія».

Государь написалъ приказъ, и Паленъ удалился съ спокойнымъ видомъ, хотя и сильно взволнованный; онъ увѣдомилъ заговорщиковъ, что нельзя терять ни минуты. Князь Зубовъ взялся объявить Павлу, послѣ его предполагавшагося ареста, о необходимости отречься отъ престола, прочесть ему вслухъ актъ отреченія и заставить подписать послѣдній.

Вечеромъ 11-го марта успокоенный государь весело поужиналъ. Графиня Паленъ присутствовала при этомъ. Весьма въроятно, что она ничего не знала о заговоръ или, по крайней мъръ думала, что катастрофа осуществится еще не скоро. Во время ужина Павелъ сказалъ: «Мнъ присилось, что у меня скосило ротъ; говорятъ, что это дурная примъта». Нарышкинъ отвътилъ ему смъясь: «А между тъмъ ваше величество изволили проснуться mit sehr gutem Mund». 1) Государь также засмъялся, и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Павелъ, по обыкновенію, удалился къ себѣ въ 10 часовъ. Въ половинѣ 11-го гвардейскій пѣхотный батальонъ, который вели вдоль Лѣтняго сада, спугнулъ стаю воронъ, поднявшихся съ пронзительнымъ крикомъ. Солдаты въ испугѣ начали роптать и не хотѣли идти дальше. Тогда Уваровъ воскликнулъ: «Какъ! Русскіе гренадеры не боятся пушекъ, а испугались воронъ, впередъ! Дѣло касается нашего государя!» Это двусмысленное восклицаніе убѣдило ихъ, и они молча послѣдовали за своими офицерами, хотя и съ неудовольствіемъ.

Съ другой стороны, заговорщики уже успъли подняться по маленькой лъстницъ, когда Паленъ вошелъ во дворъ,

¹⁾ Я слышаль этоть разсказь оть графини Палень, а графиня Ливень передала его въ тёхъ же выраженіяхь одному изъ моихъ друзей. Эта игра словь трудно поддается переводу на нёмецкій языкъ.

гдѣ были выстроены два гвардейскихъ батальона. Онъ смѣнилъ командира охраны, гатчинца, приказавъ ему, какъ военный генералъ-губернаторъ, отрядить двѣнадцать человѣкъ, чтобы арестовать Обольянинова, и послать двѣнадцать другихъ—къ дому Нарышкина. Словомъ сказать, онъ безпрерывно занималъ своихъ гвардейцевъ, измышляя всевозможные приказы и мѣшая имъ, такимъ образомъ, обратить свое вниманіе на то, что происходило наверху.

Заговорщики 1) сперва заблудились въ лабиринтъ коридоровъ замка, но Уваровъ, знавшій зданіе, собраль ихъ опять и провель черезъ залу кавалергардовъ, которыхъ Паленъ сумълъ перевести за нъсколько дней до этого въ болъ отдаленное отъ спальни (государя) помъщение. Вслъдствіе этого императора въ данный моментъ охраняли лишь два стоявшихъ у его двери лейбъ-гусара. Когда последніе увидёли въ такой непоказанный часъ Зубовыхъ въ сопровожденіи другихъ заговорщиковъ, они перегородили имъ дорогу, несмотря на то, что адъютантъ сказалъ имъ, что эти господа явились по выходящему изъ ряда вонъ дёлу. Одинъ изъ гусаровъ крикнулъ громкимъ голосомъ: «Я васъ не впущу!» и угрожалъ обнаженной саблей первому, кто осмълится силой переступить черезъ порогъ (спальни). Тогда некоторые изъ заговорщиковъ взялись за сабли, чтобы защищаться отъ ударовъ, наносимыхъ имъ гусаромъ: человъкъ 5 или 6 бросились на него и ранили его, между тъмъ какъ остальные схватили его товарища, который не оказалъ никакого сопротивленія.

Государь былъ разбуженъ шумомъ; онъ вскочилъ съ постели въ рубашкѣ и, не успѣвъ отпереть двери, которая вела въ покои императрицы, спрятался за ширмы. Заговорщики вошли (въ спальню), направились прямо къ кровати и, не найдя Павла въ ней, испугались, думая, что дѣло

¹⁾ То были: князь Зубовъ, его братъ Николай, Бенигсенъ, Талызинъ, Уваровъ, князь Яшвиль, Аргамаковъ, Татариновъ и Гардановъ. Паленъ благоразумно остался внизу вмѣстѣ съ Валеріаномъ Зубовымъ-

ихъ не удалось. Они поспѣшили къ дверямъ и при этомъ случайно замътили государя. «Какъ!» кричалъ онъ въ овшенствв, обращаясь къ князю Зубову: «развв я для того вызваль тебя изъ ссылки, чтобы ты сдулался моимъ убійцей?» Зубовъ принялся читать вслухъ акть объ отреченіи отъ престола, но онъ дрожаль и заикался. Тогда сказалъ: «Ваше величество, вы не можете Бенигсенъ больше царствовать надъ 20 - милліоннымъ населеніемъ; вы дёлаете его несчастнымъ; вамъ лишь остается, ваше величество, подписать актъ объ отречении отъ престола». Государь, кипя отъ гнтва, отказывался (исполнить это требованіе). Тогда князь Яшвиль крикнуль: «Ты обращался со мною, какъ тиранъ, ты долженъ умереть!» При этихъ словахъ другіе заговорщики начали рубить государя саблями и ранили его сперва въ руку, а затъмъ-въ голову; тутъ они схватили его шарфъ, лежавшій близъ кровати, и, не взирая на сильное сопротивление съ его стороны... Перо выпадаеть у меня изъ рукъ... Павла нѣтъ больше въ живыхъ. Увы! я долженъ довести до конца разсказъ объ этомъ ужасъ, и у меня хватитъ смълости сдълать это.

Пока все это совершалось наверху, Кутайсовъ быль разбуженъ раненымъ гусаромъ, кричавшимъ: «Спѣшите къ государю, его убиваютъ!» Сперва онъ хотѣлъ-было подняться наверхъ; но смѣлость покинула его, и онъ бросился бѣжать, выскочилъ на улицу въ туфляхъ и сюртукѣ и, достигнувъ дома г. Л(анского) на Литейной, спрятался тамъ и не показывался нигдѣ до слѣдующаго дня.

Паленъ и Валеріанъ Зубовъ находились внизу въ страхѣ и трепетѣ, такъ какъ никто (изъ заговорщиковъ) не возвращался къ нимъ. Но вотъ тѣ, наконецъ, спустились, и раздались громкіе возгласы: «Павелъ умеръ! Да здравствуетъ Александръ». Паленъ и сопровождавшіе его командиры вторили имъ, солдаты же молчали. Тогда Уваровъ и Талызинъ сказали имъ: «Какъ! вы не рады, что Александръ вашъ императоръ?! Павелъ захворалъ сегодня утромъ; онъ только что скончался, и нашъ новый

государь заставить насъ забыть своего отца, который быль уже черезчуръ строгъ».

Паленъ по-нѣмецки спросилъ своего адъютанта, побывавшаго наверху: «Что, онъ уже холодный?»—«Да, я уже докладывалъ вамъ объ этомъ».—«Тогда я поднимусь». Онъ направился прежде всего къ г-жѣ Ливенъ, разбудилъ ее и сказалъ ей: «Подите къ государынѣ и доложите ей, что Павелъ скончался отъ апоплектическаго удара, и что Александръ нашъ императоръ».

Послъ этихъ немногихъ словъ онъ пошелъ къ великому князю Александру, разбудилъ и его и сказалъ, опустившись на колъни: «Привътствую васъ какъ моего монарха! Императоръ Павелъ только что скончался отъ удара». Великій князь вскрикнуль и быль близокъ къ обмороку. Но Паленъ коротко сказалъ ему: «Ваше величество, дѣло касается какъ вашей личной безопасности, такъ и безопасности всей царской фамиліи. Соблаговолите немедленно одъться и явиться къ колеблющимся солдатамъ, чтобы успокоить ихъ. Вотъ-князь Зубовъ, генералъ Бенигсенъ и вашъ генеральсъ-адъютантъ — всѣ были свидътелями кончины императора Павла. Въ ожиданіи вашего величества, я пойду къ императрицъ». Графиня Ливенъ уже успъла разбудить государыню, которая, увидъвъ ее въ ночномъ костюмъ, воскликнула: «О Боже! Неужели ктонибудь изъ моихъ дътей такъ тяжко захворалъ?» - «Нътъ, я им'ть сообщить вамъ н'то гораздо бол'те печальное. Государь только что скончался!»—Императрица воскликнула: «Его навърное убили: мнъ казалось, что я слышу шумъ и подавленные крики». Г-жа Ливенъ заставила ее накинуть на себя кое-что изъ платья. Въ тотъ моментъ, когда императрица хотвла войти въ комнату государя, она замътила Палена, который приказывалъ часовымъ впускать ея.

«Какъ», воскликнула она: «у васъ хватаетъ смѣлости запретить мнѣ доступъ въ комнату моего супруга?!»—«Я обязанъ сдѣлать это ради вашего величества и славы

нашего императора Александра, которая можетъ быть скомпрометирована слишкомъ бурными изліяніями чувствъ. Императоръ Павелъ скончался отъ паралича».—«Я хочу видѣть его, его убили!»—Она заклинаетъ солдатъ пропустить ее. Тогда Паленъ говоритъ имъ: «Именемъ государя запрещаю вамъ впускать ее теперь, когда она внѣ себя отъ горя». Онъ хотѣлъ выгадать столько времени, чтобы успѣли одѣть усопшаго и уничтожить всѣ слѣды убійства. Павла поспѣшно одѣли; ему надвинули шляпу на лицо и повязали горло большимъ бѣлымъ носовымъ платкомъ.

Предусмотрѣвъ все, поспѣшили отправить ординарцевъ ко всѣмъ полковымъ командирамъ и во всѣ департаменты, такъ что къ 5 ч. утра уже успѣлъ собраться сенатъ; войска были наготовѣ, чтобъ присягнуть новому государю, и курьеры были отправлены къ генералъ-губернаторамъ и къ дворамъ великихъ европейскихъ державъ.

Генералъ-прокурора Обольянинова арестовали лишь съ цёлью помёшать ему предпринять что-нибудь въ пользу Павла. Послё (обнародованія) манифеста Александра его освободили изъ-подъ стражи. Но новый государь немедленно же назначилъ генералъ-прокуроромъ Беклешова.

Извѣстіе о кончинѣ Павла достигло Риги 15 числа; 16-го когда я только что всталъ изъ-за обѣда, ко мнѣ во-шелъ одинъ изъ моихъ друзей со словами: «Великая новость! Павелъ скончался. Александръ—царствуетъ; только что прибылъ курьеръ». Излишне заявлять, какъ глубоко я былъ потрясенъ этой вѣстью, хотя предчувствовалъ и предвидѣлъ эту катастрофу.

На слѣдующій день меня посѣтиль Д... и сообщиль подробности. Курьеръ, старый его знакомый, кромѣ того, присовокупилъ, что заговорщики въ Петербургѣ говорятъ о случившемся во всеуслышаніе и хвастаютъ этимъ, какъ актомъ справедливости, совершеннымъ съ цѣлью прекращенія страданій двадцати милліоновъ людей.

Письмо, полученное однимъ рижскимъ купцомъ, подтвердило всѣ подробности. Заговорщики были въ немъ поименованы, а Палену приписывалась позорная честь, что онъ былъ зачинщикомъ и главнымъ дъйствующимъ лицомъ этой ужасной сцены, отблагодаривъ такимъ образомъ Павла за всъ его благодъянія и неограниченное довъріе.

Акты милости молодого императора и любезное письмо, полученное отъ Беклешова, навели меня на мысль повхать въ Петербургъ, чтобы выхлопотать себв тамъ пенсію, которой меня лишили при увольненіи, хотя я всегда исполняль свои обязанности съ добросовъстной точностью.

Я выбхалъ 24 апрёля (изъ Риги); волненіе мое усиливалось тёмъ, что состояніе моего здоровья одно время вызывало во мнё сомнёніе въ возможности когда-либо свидёться съ моими столичными друзьями и знакомыми. Притокъ пріёзжихъ въ Петербургъ со всёхъ концовъ имперіи былъ въ то время такъ великъ, что всё гостиницы были переполнены. Графъ Віельгорскій пріютилъ меня у себя, что послужило мнё большимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ.

Никогда еще новое воцареніе не вызывало такого всеобщаго восторга! Это было какое-то опьянѣніе, возраставшее съ каждымъ днемъ, благодаря возвращенію ссыльныхъ и заключенныхъ.

Молодой государь неустанно повторяль, что будеть управлять государствомъ только согласно закону, и старался окружить себя людьми, служившими еще при Екатеринѣ, которую онъ избралъ себѣ образцомъ. Съ 15 апрѣля онъ уволилъ Палена отъ должности главноуправляющаго почтами и назначилъ на этотъ постъ сенатора Трощинскаго. Одновременно съ этимъ получилъ отставку и Кутайсовъ съ разрѣшеніемъ уѣхать изъ Петербурга.

Александръ возстановилъ Тайный Совѣтъ, первыми членами котораго онъ назначилъ: фельдмаршала Салтыкова, обоихъ Зубовыхъ, вице-канцлера князя Куракина, генералъ-прокурора Беклешова, государственнаго казначея Васильева, Палена, князя Лопухина, князя Гагарина, адмирала Кушелева и Трощинскаго. Онъ приказалъ освободить

всёхъ арестованныхъ англійскихъ матросовъ и заявилъ, что готовъ остаться лишь покровителемъ Мальтійскаго ордена, предоставляя послёднему право избирать себё другого гросмейстера, согласно желаніямъ заинтересованныхъ въ этомъ вопросё европейскихъ державъ. 2 апрёля Александромъ была уничтожена тайная канцелярія, и въ тотъ же день возстановлена во всей своей первоначальной силё дарованная Екатериной грамота о вольностяхъ дворянства.

Первый свой визить я сдёлаль Беклешову, который приняль меня очень хорошо; затёмь я цоспёшиль выразить свою благодарность Лопухину и т. д.

Я долго не могъ рѣшиться пойти къ Палену; но нашъ уполномоченный отъ дворянства Корфъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ, увѣрялъ меня честью, что Паленъ въ разговорѣ съ нимъ отозвался обо мнѣ дружески и съ похвалой; къ тому же онъ былъ курляндскимъ генералъгубернаторомъ, вслѣдствіе чего я былъ обязанъ засвидѣтельствовать свое почтеніе если не лично ему, то исправляющему эту должность. Онъ (Корфъ) предложилъ сопровождать меня къ нему; (я согласился) и мы отправились туда въ 11 часовъ.

Комната, смежная съ его кабинетомъ, была набита биткомъ генералами, чинами департамента иностранныхъ дёлъ, лицами всёхъ чиновъ и національностей. Мы узнали, что его превосходительство совъщается какъ разъ съ посланникомъ графомъ Разумовскимъ, которому предстояло возвратиться въ Вѣну. Намъ пришлось подождать добрыхъ полчаса. Наконецъ, его превосходительсто явился. Стоявшіе по сосъдству съ дверями окружили его тъснымъ кольцомъ. Онъ выслушивалъ всъхъ, отвъчалъ парой словъ направо, парой словъ — налѣво и, увидѣвъ въ отдаленіи какого-то незнакомаго мнв генерала, направился къ нему черезъ толпу, почтительно разступившуюся передъ нимъ; пройдя совсёмъ близко мимо насъ, онъ какъ бы не замётилъ меня и, поровнявшись съ генераломъ, завелъ съ нимъ разговоръ вполголоса, причемъ взоръ его блуждалъ

по всей залѣ. Взгляды наши встрѣтились, и, возвращаясь въ кабинетъ, онъ остановился предо мною, обнялъ меня и сказалъ: «Ахъ, вы ли это?!. Какъ теперь ваше здоровье?»— «Оно устояло въ несчастіи, и я надѣюсь, что оно теперь поправится». Затѣмъ онъ дружески обратился къ Корфу, отвелъ его въ сторону, поболталъ съ нимъ нѣсколько минутъ и послѣ этого возвратился къ себѣ въ кабинетъ, тогда какъ мы и вся находившая здѣсь толпа начали расходиться, почитая себя счастливыми, что намъ удалось увидѣть кумиръ настоящаго дня.

Въ продолжение всего времени, проведеннаго Паленомъ въ залѣ, я неустанно слѣдилъ за нимъ взоромъ, чтобы уловить его взглядъ и прочесть въ немъ, каково его душевное состояние. Мнѣ показалось, что въ немъ сказывалось присутствие глубокаго волнения, и что вся его манера держать себя обнаруживала какую-то затаенную душевную двойственность, замаскированную смѣлостью и даже дерзостью внѣшней повадки.

Я внимательно изучаль ходъ новаго правленія и, уб'вдившись въ величайшей любви къ справедливости монарха, дрожаль за него, видя его окруженнымъ людьми въ род'в Палена, Зубовыхъ и другихъ, которыхъ общественное мн'вніе во всеуслышаніе называло виновниками посл'єдней трагедіи.

Господа эти не только не старались стушеваться, а напротивъ говорили о случившемся совершенно открыто съ друзьями и знакомыми; сравнивая разсказы столь многихъ различныхъ лицъ, мнѣ было нетрудно отличить, что привнавалось всѣми единогласно за непреложные факты и что являлось лишь хвастовствомъ и плодомъ фантазіи отдѣльныхъ повѣствователей.

Соображаясь съ этимъ, я изложилъ здѣсь свой разсказъ.

Однажды утромъ, когда я пришелъ къ князю Лопухину, онъ сказалъ мнѣ: «Я желалъ бы, чтобы вы остались въ Петербургѣ и возвратились въ третій департаментъ,

Графъ Николай Александровичъ Зубовь. Съ портрета, принадлежащаго Л. А. Талызиной.

гдѣ въ настоящее время нѣтъ ни одного курляндца и ни одного лифляндца» 1).

Прежде, чёмъ подать свою записку о причитавшейся мнё по закону пенсіи, я прочель ее графу Медему, зятю Палена, жившему у своего тестя. Онъ объщаль мнё поговорить объ этомъ предметё съ послёднимъ, чтобы онъ не оказался моимъ противникомъ въ случав, если государь заговоритъ съ нимъ о моей просьбе. Графъ Медемъ къ тому же увёрялъ меня, что Паленъ призналъ мое ходатайство справедливымъ и скромнымъ, и посовётовалъ мне снестись съ нимъ, какъ съ курляндскимъ генералъгубернаторомъ.

Съ своей запиской и письмомъ къ государю въ карманѣ я отправился къ Палену. На этотъ разъ у него было меньше народу. Онъ вышелъ изъ своего кабинета, и я направился къ нему со словами: «Графъ Медемъ уже предупредилъ васъ, генералъ, о моемъ дѣлѣ», и началъ вкратцѣ излагать ему свое ходатайство. «Пойдемте въ мой кабинетъ», сказалъ онъ: «я располагаю получасомъ свободнаго времени — мнѣ доставитъ удовольствіе поболтать съ вами».

Едва успѣли мы сѣсть, какъ онъ заговорилъ: «Мнѣ извѣстно все, что вамъ пришлось перенести; но это ничто въ сравненіи съ гнусностями, совершенными по отношенію къ массѣ людей, которымъ приписывались воображаемыя преступленія, или вся вина которыхъ заключалась въ одной лишь необдуманности. Мы устали быть орудіями подобныхъ актовъ тираніи, а такъ какъ мы видѣли, что безуміе Павла возрастаетъ съ каждымъ днемъ и вырождается въ манію жестокости, то у насъ оставалась лишь слѣдующая альтернатива: или избавить свѣтъ отъ чудовища, или увидѣть въ ближайшемъ будущемъ, какъ мы сами, а, быть можетъ, и часть царской фамиліи, сдѣ-

¹⁾ Назначеніе туда графа Мантейффеля посл'ёдовало лишь черезъ дв'є недёли.

лаемся жертвой дальнъйшаго развитія его бъщенства. Только одинъ патріотизмъ можетъ даровать человѣку смѣлость подвергнуть себя, жену и дітей опасности умереть самой жестокой смертью ради 20 милліоновъ угнетенныхъ, измученныхъ, сосланныхъ, битыхъ кнутомъ и искалъченныхъ людей съ цёлью возвратить имъ счастье. Впрочемъ, я всегда ненавидёлъ его и ничёмъ ему не обязанъ; я ничего не получилъ отъ него, кромъ этихъ орденовъ. Но и ихъ я возвратилъ нашему государю при его воцареніи; но онъ приказалъ мнъ сохранить ихъ, и я считаю, что получилъ ихъ только отъ него. Такая услуга, оказанная государству и всему человъчеству, не можетъ быть оплачена ни почестями, ни наградами, и я объявилъ нашему государю, что никогда не приму подарка. Графъ Панинъ, раздълившій мой трудъ, солидаренъ со мною и во взглядъ на этотъ вопросъ». — «Я не зналъ, что графъ Панинъ быль здёсь и опять уёхаль». — «Мы лишь хотёли заставить государя отречься отъ престола, и графъ Панинъ одобрилъ этотъ планъ. Первой нашей мыслью было воспользоваться для этой цёли сенатомъ; но большинсенаторовъ болваны, лишенные души и способности отдаться идеямъ высшаго полета. Теперь они рады всеобщему счастью; они упиваются восторгомъ; но у нихъ никогда не хватило бы ни смѣлости, ни самопожертвованія, необходимыхъ для совершенія добраго д'вла («das Gute zu thun»). Возможно, что мы были наканунъ дъйствительнаго и, быть можетъ, гораздо большаго несчастья, а для великихъ недруговъ необходимы и сильныя средства. И я долженъ сказать, что поздравляю себя съ этимъ поступкомъ, считая его своей величайшей заслугой передъ государствомъ, ради котораго я рисковалъ жизнью и пролилъ свою кровь».

Послѣ нѣсколькихъ, не имѣющихъ значенія, словъ, онъ началъ снова: «Меня удивляетъ, что вдовствующая императрица, повидимому, хочетъ отмстить мнѣ за это, въ особенности тогда, какъ она сама подвергалась вели-

чайшей опасности, и съ этой точки зрѣнія, нѣкоторымъ образомъ, обязана мнѣ. Я отказываюсь отъ проявленія ея признательности, но она должна чувствовать ее и, по крайней мѣрѣ, не пытаться возбуждать государя противъменя... Вы, безъ сомнѣнія, видѣли Нелидову? Я высоко цѣню ее... Что сказала она вамъ по этому поводу?» 1).

— «Я видалъ ее всего минуту, причемъ она была окружена полудюжиной фрейлинъ». Едва успѣлъ я вымолвить эти слова, какъ онъ вынулъ свои часы. «Ахъ, прочтите мнѣ свою записку: у насъ осталось очень немного времени». Я поспѣшно прочелъ ее и замѣтилъ, что онъ слушалъ безъ вниманія. Затѣмъ онъ сказалъ: «Очень хорошо...» Онъ весьма вѣжливо проводилъ меня до дверей кабинета, но я замѣтилъ въ его лицѣ выраженіе, которое подсказало мнѣ, что его поведеніе не искренно.

Я почти каждый день бываль въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ у начальницы—нашей хорошей пріятельницы г-жи Пальменбахъ—и нѣсколько разъ видѣлъ тамъ Нелидову. Въ первый разъ я былъ пораженъ, до чего она измѣнилась: волосы ея посѣдѣли; лицо покрылось сплошь морщинами; цвѣтъ его былъ желтовато-свинцовый, и черта глубокой печали омрачала это всегда столь ясное лицо. Лишь при моемъ третьемъ посѣщеніи мнѣ удалось застать ее одну. Я говорилъ съ ней о моей женѣ и о минувшихъ дняхъ; глаза ея наполнились слезами, когда я разсказалъ ей о своихъ страданіяхъ.

«Ахъ, несчастный монархъ былъ менѣе виноватъ, чѣмъ окружавшіе его. Вы оба совершенно правы, не любя этого Палена». При этихъ словахъ ея лицо оживилось, что меня удивило тѣмъ болѣе, что ея обычная осторожность часто доходила до притворства.

«Ему еще мало, что онъ былъ зачинщикомъ заговора противъ своего благодътеля и монарха; онъ еще хотълъ

¹⁾ Эта фраза послужила мнѣ разгадкой для всего этого введенія, цѣль котораго заключалась исключительно въ томъ, чтобы узнать мнѣніе личности, весьма близкой императрицѣ.

бы поссорить мать съ сыномъ, чтобы управлять государствомъ, какъ премьеръ-министръ; но я сомнѣваюсь, чтобы второй планъ удался ему такъ же хорошо, какъ первый. Государь любитъ свою мать, а она боготворитъ его: такая связь не можетъ быть порвана какимъ-нибудь Паленомъ, вопреки всѣмъ его искуснымъ маневрамъ».

Двѣ фрейлины вошли въ комнату — разговоръ нашъ былъ прерванъ. Но тутъ я въ первый разъ въ жизни видѣлъ Нелидову разгнѣванной и забывшей о крайней осторожности, которую она всегда такъ хорошо соблюдала.

Графъ Віельгорскій пригласилъ меня сдѣлать съ нимъ нѣсколько визитовъ; мы пошли къ Палену, гдѣ застали за карточнымъ столомъ самого графа Палена, графа Валеріана Зубова, Валицкаго и Чаплина, игравшихъ въ фараонъ. Генералъ Бенигсенъ присутствовалъ въ качествѣ зрителя. Увидя насъ, Паленъ нахмурился; но нѣсколько остротъ Віельгорскаго вернули ему хорошее расположеніе духа, такъ что мы остались тамъ по окончаніи игры, а кромѣ насъ обоихъ—еще какой-то секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ и два незнакомыхъ мнѣ лица.

Не знаю, какъ это случилось, но разговоръ коснулся императрицы. «Право», сказалъ Паленъ: «она напрасно воображаетъ себъ, что она наша повелительница. Въ сущности, мы оба подданные государя, и если она подданная перваго класса, то я — второго; усердіе, съ которымъ я стараюсь избъжать всего, что могло бы послужить поводомъ къ скандалу и возмущенію всегда останется тъмъ же по своей глубинъ и искренности. неизмѣнно Знаете ли вы исторію съ иконой.» — «Нѣтъ». — «Такъ дъло вотъ въ чемъ. Императрица пожертвовала для часовни новаго Екатерининскаго института икону, на которой изображены: Распятіе, Божья Матерь и Марія Магдалина; на ней сдъланы надписи, намекающія на кончину императора и могущія подстрекнуть раздраженную чернь противъ тъхъ, на кого молва указываетъ, какъ на участниковъ этого дъла. Надписи эти уже успъли привлечь многихъ въ часовню, такъ что полиція донесла мнѣ объ этомъ. Чтобы не поступить опрометчиво, я отрядилъ туда смышленаго и образованнаго полицейскаго чиновника въ партикулярномъ платьѣ, поручивъ ему списать возмутительныя мѣста надписей, и велѣлъ передать священнику, чтобы образъ былъ удаленъ втихомолку. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что ничего не можетъ сдѣлать безъ непосредственнаго приказанія императрицы. Вотъ почему я сегодня поговорю объ этомъ съ государемъ, который завтра ѣдетъ навѣстить свою мать въ Гатчину. Мнѣ передали, что она хочетъ, чтобы икона осталась на мѣстѣ во что бы то ни было. Но это невозможно».

Онъ еще нѣсколько разъ принимался горячо ратовать противъ императрицы. Когда мы собрались уходить, графъ Віельгорскій сказалъ мнѣ: «Я положительно не узнаю Палена. Онъ всегда отличался, чтобы не сказать худшаго, — смышленостью фурьера или придворнаго камерълакея, а сегодня онъ позволилъ себѣ, не стѣсняясь, такія выходки противъ императрицы—и еще при свидѣтеляхъ!»— «Онъ, очевидно, воображаетъ», отвѣтилъ я: «что находится въ такой незыблемой милости, что можетъ тягаться съ императрицей, но ему слѣдовало бы быть поосторожнѣе. Императрица—женщина: въ ней много упорства, сынъ ее любитъ и уважаетъ. Это очень неравная игра».

Въ четвергъ я отправился къ объду въ институтъ. Проходя мимо двери Нелидовой, я замътилъ, что тамъ готовятся къ отъъзду въ Гатчину. Я зашелъ къ ней и попросилъ ее объяснить мнъ исторію съ иконой, надълавшей столько шуму и способной вызвать въ массъ праздныхъ и склонныхъ къ возмущенію людей опасное движеніе.

«Я очень рада», сказала она: «что вы вспомнили объ этомъ, такъ какъ могу сообщить вамъ все до мельчайшихъ подробностей: я была свидътельницей всей этой исторіи, и образъ не разъ былъ у меня въ рукахъ. Одинъ русскій художникъ приносилъ императрицъ отъ времени до времени иконы для ея новыхъ учрежденій. Такъ какъ онъ

не хотълъ продать ихъ, то императрица приказывала выдавать ему когда 100, когда 200 руб. Но, въ виду его слишкомъ частыхъ появленій, императрица велёла отказать ему, когда онъ принесъ последнюю икону, на которой было изображено распятіе. Здісь Божія Матерь обращается къ Спасителю съ изреченіемъ изъ св. писанія, а Христосъ отвъчаетъ ей другимъ текстомъ 1). Такъ эти надписи дълаются славянскимъ и часто весьма мелкимъ шрифтомъ, то ни императрица, ни я, ни кто-нибудь изъ придворныхъ никогда не трудились разбирать нхъ. Художникъ, между тъмъ, оставилъ икону у одного изъ камердинеровъ съ просьбой убъдить государыню взглянуть на нее, такъ какъ онъ, по бъдности своей, нуждается въ вспомоществованіи. Икона уже провистла двт недтли слишкомъ въ покояхъ императрицы, когда она, собираясь увхать въ Гатчину, вдругъ сказала: «Все-таки надо будетъ осмотръть образъ. Нътъ ли здъсь кого-нибудь изъ дирекціи моихъ учрежденій?» Ей доложили, что г. Гревеницъ налицо. Императрица велъла позвать его и спросила: «Куда бы можно было пом'встить эту икону?»—«Въ часовнъ новаго Екатерининскаго института еще не хватаетъ одного образа».—«Такъ велите поставить туда этотъ и скажите художнику, что я вспомню о немъ, когда возвращусь изъ Гатчины». Все это можетъ засвидътельствовать вамъ дворъ императрицы. Но Паленъ, который во что бы то ни стало хочетъ посъять раздоръ между матерью и сыномъ, усмотрѣлъ въ надписяхъ на иконѣ смыслъ, способный вызвать возмущение. Мысль эта экстравагантна и становится преступной, когда ее приписываютъ императрицв. Государь, ввроятно, прикажеть основательно изслвдовать это дёло и дастъ своей матери удовлетвореніе. Пока не говорите объ этомъ, а въ особенности-не назы-

¹⁾ На русскихъ образахъ часто изображаются ленты съ текстами изъ св. писанія, исходящія какъ бы изъ устъ Господа, ангеловъ и святыхъ.

вайте меня».—«Я увъряю васъ, что я никому не скажу ни слова».

Въ воскресенье вечеромъ я получилъ отъ одного изъ своихъ друзей записку слѣдующаго содержанія: «Паленъ со всей своей семьей уѣзжаетъ въ 9 часовъ въ Ригу; увѣряютъ, что онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Всѣ идутъ къ нему, и я совѣтую вамъ сдѣлать то же».

Я отвѣтилъ: «Не вѣрю ни одному слову объ этомъ путешествіи. Сходите къ нему и по возвращеніи увѣдомьте меня, въ чемъ дѣло».

Въ 11 часовъ вечера мой другъ писалъ (опять): «Онъ увхалъ, разыгрывая роль невозмутимаго, но она въ отчаяніи».

Все это показалось мит сномъ. Но я, тъмъ не менте, спокойно легъ спать и во всякомъ случат пожелалъ ему счастливаго пути.

Около 10 часовъ утра къ Віельгорскому пришелъ ктото изъ приближенныхъ государя и объяснилъ намъ причину внезапнаго отъйзда Палена.

Въ четвергъ утромъ онъ горько жаловался государю на инцидентъ съ иконой. Его величество, разсерженный его сильными выраженіями, замѣтилъ ему: «Не забывайте, что вы говорите о моей матери. Впрочемъ, невозможно, чтобы надписи были таковыми, какъ вы говорите; я хочу видѣть икону».

Паленъ, безъ дальнъйшихъ околичностей, велълъ взять образъ и принесъ его государю, который, прочитавъ надписи, ничего не сказалъ, но поъхалъ въ Гатчину съ цълью
потребовать объясненій отъ своей матери. Какъ ни старался онъ смягчить дъло, императрицъ все-таки пришлось
оправдываться въ своихъ намъреніяхъ, что было для нея
крайне унизительно. Она заключила объясненія, приведенныя ею въ свое оправданіе, словами: «Пока Паленъ будетъ въ Петербургъ, я туда не возвращусь!»

Государь вернулся изъ Гатчины лишь въ субботу вечеромъ и, не желая лично приказать Палену отправиться на ревизію Лифляндіи и Курляндіи, проработалъ съ нимъ вмѣстѣ въ воскресенье все утро до обѣдни; послѣ этого онъ велѣлъ позвать къ себѣ генералъ-прокурора и поручилъ ему передать Палену свое повелѣніе приблизительно за часъ до обѣда. «Я понимаю», сказалъ Паленъ Беклешову, «смыслъ этого совѣта государя и знаю его источникъ. Доложите его величеству, что сегодня вечеромъ въ 8 ч. его приказъ будетъ исполненъ мною, и я больше не буду въ Петербургѣ».

Онъ сообщилъ о случившемся своей женъ и заявилъ ей, что немедленно же потребуетъ полной и безусловной отставки. Она сама написала молодой императрицъ о своемъ увольненіи, чтобы им'єть возможность сопровождать своего мужа. Паленъ помътилъ свое письмо Стръльной, и оно было передано государю рано утромъ, когда онъ только что проснулся. Указъ объ его отставкъ былъ обнародованъ въ тотъ же день, такъ что меньше, чвмъ въ 26 часовъ, этотъ человъкъ, считавшій свое положеніе незыблемымъ, обладавшій въ такой высокой мірь умомъ и тактомъ, обратился въ ничтожество и былъ принужденъ праздно въ своихъ имъніяхъ въ сопровожденіи прогуливаться своей сов'єсти, в'єскій голосъ которой теперь уже больше не будетъ заглушенъ лестью и шумомъ придворной жизни.

Наконецъ я рѣшился уѣхать безъ дальнѣйшихъ проволочекъ. Двухмѣсячнаго пребыванія въ знакомой уже раньше столицѣ вполнѣ достаточно, чтобы получить ясное понятіе о системѣ правленія, которую затѣмъ необходимо основательно изучить и съ духомъ которой надо познакомиться на основаніи личнаго опыта. Я сдѣлалъ все, отъ меня зависящее, чтобы заручиться достовѣрными свѣдѣніями объ отличительномъ характерѣ новаго правительства, и, по крайней мѣрѣ, вынесъ то утѣшеніе, что я въ состояніи безъ посторонней помощи заранѣе опредѣлить, въ какомъ направленіи будутъ сдѣланы дальнѣйшіе шаги нашего новаго монарха.

Я возвратился на лоно моей родины и моей семьи съ двойнымъ удовлетвореніемъ: я понялъ цѣну независимаго положенія и сладкаго досуга.

По приглашенію генераль-прокурора князя Голицына и выдающихся членовь первой курляндской судебной палаты принять участіе въ разработкѣ плана реорганизаціи присутственныхъ мѣстъ и въ редакціи новыхъ судебныхъ уставовъ, я отдался этому труду; такимъ образомъ мой досугъ, быть можетъ, окажется не совсѣмъ безплоднымъ для моей родины.

Какъ благословляю я судьбу, удалившую меня изъ Петербурга задолго до наступленія этого печальнаго времени. Замѣть я какіе-нибудь признаки готовившагося заговора, я былъ бы принужденъ, въ силу принесенной мною присяги и своихъ принциповъ, раскрыть ужасную тайну. Множество людей считали бы меня гнуснымъ доносчикомъ, и какъ мои намѣренія, такъ и поступки были бы заклеймлены клеветой.

Но такъ какъ меня выслали (изъ Петербурга) задолго до ужасной катастрофы, то я избъжалъ всъхъ этихъ непріятностей, нисколько не измънивъ при этомъ моимъ правиламъ.

Теперь, находясь на поков, я посвящаю остатокъ своихъ дней дружбв, своимъ обязанностямъ и прелестямъ литературы. ЗАПИСКИ АВГУСТА КОЦЕБУ.

Неизданное сочинение Августа Коцебу

объ

императорѣ Павлѣ I 1).

Подлинная нѣмецкая рукопись этого сочиненія, писанная вся рукою автора, поднесена была его сыномъ, новороссійскимъ (впослѣдствіи варшавскимъ) генералъ-губернаторомъ графомъ Н. Е. Коцебу, императору Александру Николаевичу осенью 1872 года въ Ливадіи. Въ ноябрѣ того же года, по возвращеніи въ Петербургъ, государь приказалъ графу А. В. Адлербергу мнѣ ее сообщить, и я тогда же снялъ съ нея копію.

Сочиненіе это принадлежить къ разряду документовъ современныхъ. Коцебу въ предисловіи перечисляєть тѣ живые источники, которыми онъ пользовался. Выѣхавъ изъ Петербурга 29-го апрѣля 1801 года 2), онъ, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ того привелъ все слышанное въ порядокъ и набросалъ настоящую записку; но впослѣдствіи пересмотрѣлъ ее и придалъ ей окончательную

¹⁾ Geschichte der Verschwörung, welche am 11 März 1801 dem. Kaiser Paul Thron und Leben raubte, nebst andern darauf sich beziehenden Begebenheiten und Anecdoten.

²) Kotzebue: Das merkwürdigste Jahr meines Lebens.—Berlin. 1801. 2 Theile, klein 8° (въ первомъ изданіи ч. 2-я, стр. 295).

²⁴⁻го апръля 1801 года находившійся при театральной дирекціи надв. сов. Коцебу, по прошенію, уволенъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго совътника. (С.-ПБургскія Въдомости 1801 года. № 38, стр. 409).

редакцію, спустя десять или одиннадцать лѣть. Если, съ одной стороны, онъ отзывается объ императорѣ Александрѣ, какъ о «восходящемъ солнцѣ», которому онъ готовъ сердечно радоваться, то, съ другой, онъ косвеннымъ образомъ ставить ему въ укоръ его нерѣшительную политику и то рабское положеніе, въ которомъ, говорить онъ, находится теперь вся Европа; очевидно, эти выраженія относятся къ состоянію Европы до войны 1812 года. Далѣе онъ упоминаеть о Коленкурѣ, какъ о бывшемъ французскомъ послѣ въ Петербургѣ; извѣстно, что отпускная аудіенція Коленкура была 29-го апрѣля (11-го мая) 1811 года. Изъ этого слѣдуетъ, что Коцебу окончилъ свой трудъ, въ настоящемъ его видѣ, во второй половинѣ 1811 или въ началѣ 1812 года.

По своему содержанію, это сочиненіе могло бы быть раздівлено на двіз части.

Въ первой авторъ хочетъ выяснить характеръ императора Павла и съ этою цѣлью приводитъ разные анекдоты и мелкія происшествія того времени. Нѣкоторые изънихъ уже извѣстны; другіе представляютъ мало интереса, и весьма немногіе заслуживаютъ вниманія.

Вторая часть далеко превосходить первую своею занимательностію. Коцебу собраль въ ней все то, что тотчась послѣ кончины Павла онъ слышаль объ этомъ событіи. Изъ дѣйствующихъ лицъ наиболѣе выдается личность графа Палена. Она, должно сознаться, обрисована вѣрно и мѣтко. Подробности самаго происшествія представлены нѣсколько логичнѣе и опредѣлительнѣе, чѣмъ въ другихъ разсказахъ.

Но при этомъ нужно замѣтить, что содержаніе сочиненія не вполнѣ соотвѣтствуетъ заглавію: здѣсь нѣтъ исторіи заговора. Мы напрасно хотѣли бы узнать, кому принадлежала первоначальная мысль объ устраненіи Павла отъ престола, когда и какимъ образомъ она родилась, кто руководилъ отдѣльными попытками, о которыхъ говоритъ авторъ, какія изъ высокопоставленныхъ лицъ, проживав-

шихъ въ Москвъ, посвящены были въ замыслы заговорщиковъ, съ котораго времени заговоръ получилъ опредъленное существованіе, и не измѣнялась ли его цѣль отъ присоединенія или отсутствія нѣкоторыхъ лицъ. На всѣ эти вопросы Коцебу не даетъ никакого отвѣта. Онъ ограничивается изложеніемъ одной только, такъ сказать, внѣшней стороны дѣла. Взглядъ его вообще довольно поверхностный, и, несмотря на заявленіе, что «онъ хочетъ и можетъ сказать правду, потому что имѣлъ полную возможность ее разузнать», онъ оставляетъ наше любопытство не удовлетвореннымъ.

Нельзя также умолчать о томъ странномъ впечатлъніи, которое производить апологетическій тонь этой записки. При чтеніи ніжоторыхъ мість невольно возникаеть сомивніе: в врить ли самь авторь въ справедливость своихъ разсужденій? Не старается ли онъ оправдать описываемое имъ время монархическаго террора единственно изъ глубокаго презрѣнія къ русскому народу, который, по его мнѣнію, не иначе можетъ быть управляемъ, какъ «жельзнымъ скипетромъ»? Потомство, къ которому обращается уже налицо. Оно произнесетъ свой приговоръ. Не подлежить сомнънію, что совершившееся смертоубійство не будетъ оправдано; но нельзя ожидать оправданія и для несчастнаго Павла. Софизмы и натяжки нашего автора врядъ ли будутъ въ состояніи поколебать значеніе неопровержимыхъ фактовъ. Еще въ 1805 году одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ монархическихъ началъ, графъ де-Местръ, вспоминая о смерти Павла, писалъ: «Il fallait que cette mort arrivât, mais malheur ceux par qui elle est arrivée» 1).

Кн. Алексей Лобановъ-Ростовскій.

С-Петербургъ 6 ноября 1877 года.

A. Blanc: Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre. 2-e édition. Paris. 1859, in 8°, p. 363.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

(Vorbericht).

Въ настоящее время благоразуміе не дозволяетъ предавать печати эти листки. Я ихъ пишу для потомства и полагаю, что трудъ мой не будетъ совершенно безполезенъ. Я хочу и могу сказать правду, потому что имѣлъ полную возможность ее разузнать. Чтобы внушить читателю довѣріе къ моимъ словамъ, мнѣ стоитъ только познакомить его съ тѣмъ положеніемъ, которое я имѣлъ при Павлѣ.

Императоръ поручилъ мнѣ описать во всей подробности Михайловскій дворецъ, этотъ чрезмѣрно дорогой памятникъ его причудливаго вкуса и боязливаго нрава. Вслѣдствіе того дворецъ былъ открытъ для меня во всякое время, а въ отсутствіе государя мнѣ разрѣшено было проникать даже во внутренніе его покои. Такимъ образомъ я былъ знакомъ во дворцѣ съ каждымъ, кто начальствовалъ или служилъ, приказывалъ или повиновался; значеніе же мое не было такъ важно, чтобы могло внушить осторожность или недовѣріе. Многое я слышалъ, а кое-что и видѣлъ.

Моимъ начальникомъ по должности былъ оберъ-гофмейстеръ Нарышкинъ ¹), одинъ изъ любимцевъ императора, человѣкъ веселый, легкомысленный, охотно и часто въ тотъ же часъ разсказывавшій то, что государь дѣлалъ или говорилъ. Онъ имѣлъ помѣщеніе во дворцѣ, и какъ тутъ, такъ и въ собственномъ его домѣ, среди его семейства, я имѣлъ къ нему безпрепятственный доступъ.

Графа Палена ²), бывшаго душою переворота, я зналь еще за многіе годы до того въ Ревель, потомъ въ Ригь, когда онъ тамъ былъ губернаторомъ, наконецъ въ Петербургъ на высшей ступени его счастія. Съ женою его я находился въ нъкоторыхъ литературныхъ отношеніяхъ.

¹⁾ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, р. 1760 г. † 1826 г.

²⁾ Графъ Петръ Алексвевичъ Паленъ, р. 1745 г. † 1826 г.

Чрезъ ея руки многія изъ моихъ драматическихъ произведеній проходили въ рукописи къ великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, изъявившей желаніе ихъ читать. Однако, для полученія вѣрныхъ свѣдѣній съ этой стороны, всего важнѣе была для меня дружба моя съ колл. сов. Бекомъ ¹), который былъ нашъ общій соотечественникъ и при томъ во многихъ дѣлахъ правая рука графа.

Другой пріятель, чрезъ котораго я узнаваль нѣкоторыя изъ самыхъ интимныхъ обстоятельствъ женскаго круга императорской фамиліи, былъ колл. сов. Шторхъ ²), извѣстный авторъ многихъ уважаемыхъ статистическихъ сочиненій. Онъ былъ учителемъ молодыхъ великихъ княженъ, пользовался ихъ довъріемъ и, что было весьма важно, дружбою оберъ-гофмейстерины графини Ливенъ ³).

Князю Зубову ⁴) сдёлался я извёстень, еще когда онъ быль фаворитомъ императрицы Екатерины. Онъ оказываль мнё нёкоторое благоволеніе, и нерёдко случалось мнё въ его словахъ подмётить интересные намеки. То же позволяю себё сказать и о тайномъ совётникъ Николаи ⁵),

¹⁾ Христіанъ Андреевичъ Бекъ (р. 1768 г. † 1853 г.) быль въ 1801 году правителемъ дѣлъ с.-петербургскаго военнаго губернатора; потомъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника.

²⁾ Андрей Карловичъ (по-нъмецки Гейнрихъ) Шторхъ р. въ Ригъ въ 1766 г. + въ С.-Петербургъ 1-го ноября 1835 г. въ чинъ тайнаго совътника. Въ 1798 году онъ былъ опредъленъ наставникомъ при великихъ княжнахъ, а впослъдствіи и при великихъ князьяхъ Николаъ и Михаилъ Павловичахъ.

³⁾ Графиня (впослёдствіи княгиня) Шарлотта Карловна Ливень, рожд. Поссе, р. 1743 г. † 1828 г.

⁴⁾ Князь Платонъ Александровичь Зубовъ р. 1767 г. † 1822 г.

⁵⁾ Баронъ (Германской имперіи) Андрей Львовичъ Николаи (Louis-Henry de Nicolaij) р. въ Страсбургъ 20 декабря 1737 г. ; въ Монрепо (близъ Выборга) 7-го ноября 1818 г. Онъ сперва служилъ во французскомъ министерствъ иностранныхъ дълъ при герцогъ Шуазелъ, потомъ былъ профессоромъ логики въ Страсбургскомъ университетъ. Въ 1769 г. вызванъ въ Россіи, чтобы бытъ секретаремъ и библіотекаремъ при великомъ князъ Павлъ Петровичъ. Впослъдствіи—тай-

этомъ тонкомъ мыслителѣ, старомъ государственномъ человѣкѣ и довѣренномъ лицѣ при императрицѣ-матери.

Многими любопытными свъдъніями обязанъ я ст. сов. Гриве, англичанину, бывшему первымъ лейбъ-медикомъ императора, равно какъ и ст. сов. Сутгофу ¹), акушеру великой княгини Елисаветы Алексъевны, который по своему положенію и связямъ часто имълъ возможность отличать истину отъ ложныхъ слуховъ.

Было бы слишкомъ долго перечислять всёхъ офицеровъ, полицейскихъ и иныхъ чиновниковъ, вообще всъхъ тёхъ, которыхъ я разспрашивалъ и допытывалъ относительно отдёльныхъ случаевъ, о коихъ они могли или должны были имъть свъдънія. Могу сказать съ увъренностью, что, хотя и было въ Петербургъ еще нъсколько стоявшихъ выше меня по своему положенію и таланту (какъ, напримъръ, Шторхъ), но, конечно, ни одинъ изъ нихъ не превзошелъ меня въ стремленіи къ истинъ, въ дъятельности и усиліяхъ ее узнать. Усилія эти были необходимы, потому что никогда не видълъ я столь явнаго отсутствія исторической истины. Изъ тысячи слуховъ, которые въ то время ходили, многіе были въ прямомъ противорѣчіи между собою; даже люди, которые лично присутствовали при томъ или другомъ эпизодъ, разсказывали его различно. Поэтому легко вообразить, какого труда мнъ иногда стоило, чтобы составить себъ совершенно върное понятіе.

ный совѣтникъ. Вышелъ въ отставку въ 1801 году. Отъ брака съ дѣвицею Поггенполь имѣлъ единственнаго сына, Павла Андреевича, род. 5-го іюля 1777 года, бывшаго долгое время посланникомъ въ Копенгагенъ, возведеннаго 28-го іюля 1828 года въ финляндское баронское достоинство и умершаго въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совътника.

¹⁾ Николай Мартыновичъ Сутгофъ, р. 1763 г. † 1836 г. Отъ брака съ дъвицею Крейсъ (Creus) онъ имълъ сына Александра Николаевича, ген.-отъ-инф. † 1874 г., женатаго съ 1833 года на баронессъ Октавіи Павловиъ Николаи (внучкъ Андрея Львовича Николаи).

Тутъ, къ сожалѣнію, рождается вопросъ: если даже современникъ, свидѣтель и очевидецъ происшествія, знакомый со всѣми дѣйствующими лицами, долженъ на первыхъ же порахъ употреблять такія, нерѣдко тщетныя старанія, чтобы напасть на слѣдъ истины, то какую же вѣру потомство можетъ придавать историкамъ, которые удалены были отъ мѣста и времени происшествія хотя бы на нѣсколько миль или годовъ? И должно ли удивляться, если въ этихъ листкахъ, несмотря на затрудненія, которыя были побѣждены, все-таки тамъ или сямъ вкралась какаянибудь неточность?

Императоръ Павелъ имѣлъ искреннее и твердое желаніе дѣлать добро. Все, что было несправедливо или казалось ему таковымъ, возмущало его душу, а сознаніе власти часто побуждало его пренебрегать всякими замедляющими разслѣдованіями; но цѣль его была постоянно чистая; намѣренно онъ творилъ одно только добро. Собственную свою несправедливость сознавалъ онъ охотно. Его гордость тогда смирялась, и, чтобы загладить свою вину, онъ расточалъ и золото и ласки. Конечно, слишкомъ часто забывалъ онъ, что поспѣшность государей причиняетъ глубокія раны, которыя не всегда въ ихъ власти залечить. Но, по крайней мѣрѣ, самъ онъ не былъ спокоенъ, пока собственное его сердце и дружественная благодарность обиженнаго не убѣждали его, что все забыто.

Предъ нимъ, какъ предъ добрѣйшимъ государемъ, бѣднякъ и богачъ, вельможа и крестьянинъ, всѣ были равны. Горе сильному, который съ высокомѣріемъ притѣснялъ убогаго! Дорога къ императору была открыта каждому; званіе его любимца никого предъ нимъ не защищало.

Наружность его можно назвать безобразною, а въ гнѣвѣ черты его лица возбуждали даже отвращеніе. Но когда сердечная благосклонность освѣщала его лицо, тогда онъ дѣлался невыразимо привлекательнымъ: невольно охватывало довѣріе къ нему, и нельзя было не любить его.

Онъ охотно отдавался мягкимъ человъческимъ чувствамъ. Его часто изображали тираномъ своего семейства, потому что, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми вспыльчивыми, онъ въ порывъ гнъва не останавливался ни передъ какими выраженіями и не обращалъ вниманія на присутствіе постороннихъ, что давало поводъ къ ложнымъ сужденіямъ о его семейныхъ отношеніяхъ. Долгая и глубокая скорбь благородной императрицы послъ его смерти доказала, что подобные припадки вспыльчивости нисколько не уменьшили въ ней заслуженной имъ любви.

Мелкія черты изъ его частной, самой интимной жизни, черты, важныя для наблюдателя, изучающаго людей, -- доказываютъ, что его жена и дъти постоянно сохраняли прежнія права на его сердце. Віолье 1), честный челов'єкъ и довъренный чиновникъ при императоръ, былъ однажды вечеромъ въ ея комнатахъ, когда Павелъ вошелъ и еще въ дверяхъ сказалъ: «Я что-то несу тебъ, мой ангелъ, что должно доставить теб'в большое удовольствіе». — «Что бы то ни было», отвъчала императрица: «я въ томъ заранъе увърена». Віолье удалился, но дверь осталась непритворенною, и онъ увидёль, какъ Павель принесъ своей супругв чулки, которые были вязаны въ заведеніи для дівицъ, состоявшемъ подъ покровительствомъ императрицы²). Потомъ государь поочередно взяль на руки меньшихъ своихъ. дътей и сталъ съ ними играть. Это не ускользнетъ отъ наблюдателя. Императоръ, оказывающій своей супругь столь

¹⁾ Віолье (Viollier) находился при миніатюрномъ кабинетѣ государя. 1-го мая 1797 года онъ произведенъ былъ изъ коллежскихъ асессоровъ въ надворные совѣтники. (С.-Петербургскія Вѣдомости 1799 года, стр. 843).

Gabriel François Viollier, né à Paris le 26 septembre 1763, Sécretaire des commendements de l'Impératrice Marie Féodorowna. Marié le 18 juin 1799 à Marguerite Flessières, dont le frère était également attaché à l'Impératrice. Voir Gallifé. Notices généalogiques sur les familles genévoises. III. 503.

²⁾ Этотъ анекдотъ напечатанъ въ Das merkw. Jahr. II. 318-319.

нѣжное вниманіе, что среди вихря дѣлъ и развлеченій не пренебрегаетъ принести ей пару чулокъ, потому что тѣмъ надѣется доставить ей удовольствіе, такой императоръ навѣрно не семейный тиранъ! Какимъ же образомъ случалось, что его дѣйствія были нерѣдко въ противорѣчіи съ его сердцемъ? почему столь многимъ приходилось по справедливости сѣтовать на него?

Повидимому, двѣ причины особенно возмутили первоначадьно чистый источникъ: обращение его матери съ нимъ и ужасныя происшествия французской революции.

Извѣстно, что Екатерина II не любила своего сына и, при всемъ ея величіи во многихъ отношеніяхъ, была не въ состояніи скрыть этого пятна 1). При ней великій князь, наслѣдникъ престола, вовсе не имѣлъ значенія. Онъ видѣлъ себя поставленнымъ ниже господствовавшихъ фаворитовъ, которые часто давали ему чувствовать свое дерзкое высокомѣріе. Достаточно было быть его любимцемъ, чтобы испытывать при дворѣ холодное и невнимательное обращеніе. Онъ это зналъ и глубоко чувствовалъ. Вотъ тому примѣръ.

Когда престарѣлый графъ Панинъ ²), руководитель его юности, лежалъ на смертномъ одрѣ, великій князь, имѣвшій къ нему сыновнее почтеніе, не покидалъ его постели, закрылъ ему глаза и горько плакалъ. Въ числѣ окружавшихъ графа находился г-нъ фонъ-Алопеусъ ³) старшій, который впослѣдствіи былъ русскимъ посланникомъ при англійскомъ и прусскомъ дворахъ, и отъ котораго я слышалъ передаваемый мною разсказъ. Графъ Панинъ былъ его благодѣтелемъ, и потому глубокая горесть овладѣла имъ при этой смерти; онъ стоялъ у окна и пла-

¹⁾ Трудно рѣшить: нерасположеніе ли матери развило въ сынѣ его характеръ, или, наоборотъ, характеръ его, по мѣрѣ того, какъ развивался, возбуждалъ нерасположеніе матери?

²) Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, род. 15-го сентября 1718 года, умеръ 31-го марта 1783 года.

⁵) Максимъ Максимовичъ Алопеусъ (р. 1748 † 1822).

калъ. Великій князь, зам'єтивъ это, быстро подошелъ къ нему, пожалъ ему руки и сказалъ: «Сегодняшняго дня я вамъ не забуду». Затъмъ Алопеусъ былъ назначенъ директоромъ канцеляріи графа Остермана и, долго спустя, посланникомъ въ Эйтинъ 1). Когда онъ оставлялъ Петербургъ, онъ пожелалъ имъть прощальную аудіенцію и у великаго князя. Павелъ приказалъ сказать ему, что онъ можеть прівхать къ нему, но въ тайнт (heimlich), чрезъ заднюю дверь. Онъ принялъ его въ своемъ кабинетъ и снова увърялъ въ своемъ благоволеніи, при чемъ не только объявилъ ему, что въ настоящее время ничего не можетъ сдѣлать для него, но даже предостерегалъ его не оглашать дружественныхъ отношеній, въ которыхъ онъ къ нему находился, потому что это могло ему лишь повредить. Сынъ, который постоянно оказывалъ своей матери столько покорности, что неоднократно съ негодованіемъ отвергалъ предложенія вступить на ея престоль, несмотря на то, что все было къ тому подготовлено, - долженъ былъ, тъмъ не менье, питать оскорбительное для себя убъжденіе, что простого благоволенія съ его стороны было достаточно, чтобы повредить! Какая горечь должна была отравить сердце!

Отсюда родилась въ немъ справедливая ненависть ко всему окружавшему его мать; отсюда образовалась черта характера, которая въ его царствование причинила, можетъ быть, наиболѣе несчастій: постоянное опасение, что не оказываютъ ему должнаго почтения. До самаго зрѣ-

¹⁾ М. М. Алопеусъ быль впослѣдствіи посланникомъ въ Берлинѣ (съ 25-го іюля 1802 года по 11-е ноября 1807 года) и при отставкѣ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (12-го декабря 1807 года).

Его родной брать Давыдъ Максимовичъ быль также посланникомъ въ Берлинъ (съ 25-го апръля 1813 года по самую кончину свою 1-го іюня 1831 года) и возведенъ былъ императоромъ Александромъ I въ баронское (въ 1819 г.), потомъ въ графское (въ 1820 году) достоинство.

лаго возраста онъ былъ пріученъ къ тому, что на него не обращали никакого вниманія, и что даже осмѣивали всякій знакъ оказаннаго ему почтенія; онъ не могь отръшиться отъ мысли, что и теперь достоинство его недостаточно уважаемо; всякое невольное или даже мнимое оскорбленіе его достоинства снова напоминало ему его прежнее положеніе; съ этимъ воспоминаніемъ возвращались и прежнія ненавистныя ему ошущенія, но уже съ сознаніемъ, что отнынъ въ его власти не териъть прежняго обращенія, и такимъ образомъ являлись тысячи поспѣшныхъ, необдуманныхъ поступковъ, которые казались ему лишь возстановленіемъ его нарушенныхъ правъ. Екатерина ІІ была велика и добра; но монархъ ничего не сдълалъ для потомства, если отравилъ сердце своего преемника. Многіе, скорбъвшіе о Павлъ, не знали, что, въ сущности, они обвиняли превозносимую ими Екатерину.

Великій князь являлся при двор'в только на куртагахъ; на малыя собранія въ Эрмитаж'в его не приглашали: мать удаляла сына, когда хотъла предаваться непринужденной веселости. Онъ не имълъ голоса въ воспитаніи своихъ дътей, ни даже въ предположенной помолвкъ своей дочери съ королемъ шведскимъ. Придворные фавориты оскорбляли его въ его родительскихъ правахъ, такъ какъ имъ принисывалъ онъ, и часто не безъ основанія, то, что дізлала его мать. Можно ли порицать его за это душевное настроеніе? Оно-то съ самаго начала внушило ему тѣ странныя міры, которыя въ его понятіи должны были поддержать остававшееся за нимъ ничтожное значеніе. Онъ жилъ обыкновенно въ Гатчинъ, своемъ увеселительномъ замкъ. Тамъ, по крайней мірів, онъ хотівль быль господиномь и быль таковымъ. Того, кто ему не нравился, онъ удалялъ отъ своего маленькаго двора, при чемъ случалось, что онъ приказывалъ посадить его ночью въ кибитку, перевезти чрезъ близкую границу и высадить на большой дорогѣ, откуда изгнанникъ уже долженъ былъ самъ добраться до перваго встрѣчнаго дома.

Къ этому несчастному настроенію присоединилась тогда еще мрачная подозрительность, которую ему, какъ и всякому государю, внушили къ людямъ ужасы французской революціи. Онъ видёль уничиженіе и казнь достойнаго любви монарха, который всегда желаль добра своему народу и часто оказывалъ ему великія благод'вянія. Онъ слышалъ, какъ тѣ самые люди, которые расточали виміамъ передъ Людовикомъ XVI, какъ передъ божествомъ, когда онъ искоренилъ рабство, теперь произносили надъ нимъ кровавый приговоръ. Это научило его, если не ненавидъть людей, то ихъ мало цёнить, и, уб'яжденный въ томъ, что Людовикъ еще былъ бы живъ и царствовалъ, если бы имълъ болъ твердости, Павелъ не сумълъ отличить эту твердость отъ жестокости. Примъръ его прадъда Петра Великаго утвердилъ его въ этомъ правилѣ 1). Петръ зналъ русскихъ. Кроткое правленіе не идетъ имъ въ прокъ. Даже при Екатеринъ князь Потемкинъ часто помахивалъ желъзнымъ прутомъ; тамъ же, гдъ брала верхъ кротость императрицы, все большею частью было распущено и въ безпорядкъ.

Схвативши твердою рукою бразды правленія, Павель исходиль изъ правильной точки зрінія; но найти должную міру трудно везді, всего трудніве на престолів. Его благородное сердце всегда боролось съ проникнувшею въ его умъ недовірчивостію. Это было причиною тіхть противорічащихь дійствій, которыя однажды одинъ шутникъ изобразиль на рисункі, представлявшемъ императора съ бумагою въ каждой рукі: на одной бумагі написано: ordre, на другой: contre-ordre, на голові государя: désordre²).

Къ сожалънію, это злосчастное, тревожное чувство, самими народами возбужденное въ правителяхъ нашего

¹⁾ Кто бы ожидаль, что найдется писатель, который станеть проводить параллель между Павломъ и Петромъ Великимъ?

Коцебу, однако, еще возвращается къ этой мысли дальше.

²) См. Ровинскій: Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1872. Стр. 107. № 118.

вѣка, не умолкало въ Павлѣ и по отношенію къ его дѣтямъ. Великій князь Александръ Павловичъ, юноша благороднѣйшій и достойнѣйшій любви, не избѣгалъ подозрѣній, которыя глубоко оскорбляли его прямодушіе. Незадолго до кончины императора онъ однажды сидѣлъ за столомъ у своей сестры, великой княжны Маріи Павловны, и, будучи погруженъ въ задумчивость, машинально игралъ ножомъ. «Qu'avez-vous, mon frère?» спросила она его: «vous êtes aujourd'hui si rêveur».—Онъ ничего не отвѣчалъ, нѣжно пожалъ подъ столомъ ея руку, и глаза его наполнились слезами.

Ничтожное происшествіе навлекло на него взрывъ отцовскаго гивва. Нъсколько гвардейскихъ офицеровъ не оказали должнаго вниманія при салютованіи и были за то отправлены въ крѣпость на нѣсколько дней или часовъ. Вскор'в выпущенные на свободу, они громко насм'вхались надъ этимъ наказаніемъ. Это дошло до государя. Нельзя было, по вышеобъясненнымъ причинамъ, нанести ему болве чувствительнаго оскорбленія, какъ давъ ему поводъ полагать, что издіваешься надъ его достоинствомъ; вслідствіе сего онъ приказалъ этихъ офицеровъ снова посадить въ крѣпость и угрожалъ имъ наказаніемъ кнутомъ. Оба великіе князья желали спасти невинныхъ и низошли до того, что просили заступничества графа Кутайсова, любимца государя. «Laissez-moi faire», отвъчалъ надменный фаворитъ: «je lui laverai la tête». Возмущенный столь неприличными выраженіями, великій князь Константинъ Павловичъ возразилъ ему: «Monsieur le comte, n'oubliez pas ce que vous devez à mon père». Кутайсовъ дѣйствительно говорилъ императору въ пользу этихъ офицеровъ, но, въроятно, не довольно горячо или не въ надлежащую минуту, потому что потомъ совътовалъ князьямъ болве въ это двловне вмвшиваться, замвтивъ при этомъ, что императоръ правъ, «car enfin», прибавилъ онъ, «n'est-il pas le maître de faire chez soi tout ce qu'il veut?»

Благородный Александръ, который самъ сообщилъ все это своей сестрѣ, не удовольствовался этимъ жестоко-серднымъ отвѣтомъ и рѣшился лично обратиться къ своему отцу съ серьезными, но почтительными представленіями. Государь, кипя гнѣвомъ, закричалъ: «Я знаю, ты давно уже ведешь заговоръ противъ меня!» и поднялъ на него палку. Великій князь отступилъ назадъ, а супруга его бросилась, чтобы его заслонить, и громко сказала: «Пусть онъ сперва ударитъ меня». Павелъ смутился, повернулся и ушелъ.

Можно съ въроятностію полагать, и это предположеніе раздѣляютъ люди, стоявшіе близко къ императору, что графъ Кутайсовъ, подобно многимъ его окружавшимъ, часто опутывалъ его ложными подозрѣніями, для того только, чтобы увеличить или сохранить свое собственное, никакою заслугою не оправданное вліяніе. Кутайсовъ 1) быль родомъ изъ Турціи, гдф-то взять въ плень еще мальчикомъ и подаренъ великому князю Екатериною. Павелъ послалъ его въ Парижъ для обученія камердинерской службъ. Выучившись завивать волосы и брить бороду, онъ поступилъ камердинеромъ къ великому князю, и въ похвалу ему говорили, что онъ въ этой должности отличался непоколебимою преданностію своему господину. Разсказываютъ, что когда Павелъ находился при арміи въ Финляндін и, въроятно, безъ основанія опасался быть умерщвленнымъ, Кутайсовъ каждую ночь спалъ на порогѣ его комнаты, дабы не могли пройти къ великому князю иначе, какъ чрезъ его трупъ. Черта эта, если она справедлива, достаточно объясняетъ неизмѣнное къ нему расположеніе Павла, ибо ничто не дъйствовало върнъе на этого монарха, какъ удовольствіе вид'єть себя любимымъ.

Со вступленіемъ Павла на престолъ, Кутайсовъ предался самому пошлому чванству. Еще во время коронаціи въ

¹⁾ Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ умеръ въ глубокой старости, 9-го января 1834 года.

Москвѣ онъ домогался знака отличія и нѣсколько дней быль въ самомъ дурномъ расположеніи духа потому, что не могъ получить аннинскій орденъ. Онъ тогда выдумалъ для себя новый орденъ, брильянтовый ключъ для ношенія въ петлицѣ. Императоръ разсмѣялся надъ этою выдумкою, но современемъ Кутайсовъ мало-по-малу получилъ все, чего желалъ, былъ сдѣланъ графомъ и украшенъ голубою лентою.

Тогда высокомърію его уже не было границъ. Вотъ одинъ примъръ.

Однажды императоръ нуждался въ деньгахъ. Императрица, будучи отличною хозяйкою и имѣя при томъ постоянное желаніе угождать своему супругу, послала своего довѣреннаго управителя Полетику¹) къ графу Кутайсову съ предложеніемъ выдать изъ ломбарда 100.000 руб. взаймы. Графъ принялъ императрицына чиновника, лежа на диванѣ (bergère) и обернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ сидѣлъ напротивъ него. Кутайсовъ выслушалъ Полетику, не удостоивъ его ни одного взгляда; потомъ, обратясь къ Нарышкину, сказалъ: «Jugez, monsieur, nous avons bęsoin de 600.000 roubles, et elle nous offre cent». Другого отвѣта и не было.

Конечно, подобные люди не въ состояніи были даже понимать того вреда, который причиняли. Къ этой категоріи принадлежаль также генераль-прокуроръ Обольяниновъ, который съ величайшимъ хладнокровіемъ приказывалъ исполнять и даже усугублять то, что государь повельвалъ, когда съ умысломъ возбуждали его гнѣвъ. О жестокости генерала Аракчеева 2) разсказывали, что онъ однажды совершенно спокойно билъ одного солдата по головъ до тъхъ поръ, пока тотъ не упалъ мертвый.

¹⁾ Секретарь императрицы Михаиль Ивановичь Полетика, умеръ въ чинъ д. ст. сов. 9-го декабря 1824 года.

²⁾ Графъ Алексви Андреевичъ Аракчеевъ род. 1769, ум. 1834 г.

Болъе всего запятнано было царствованіе Павла ненасытнымъ корыстолюбіемъ извъстной госпожи Шевалье¹). Эта женщина была дочь ліонскаго танцмейстера. Въ Ліонъ ее увидълъ Шевалье, танцоръ изъ Парижа, который передъ тъмъ хвалился, будто танцовалъ «раз de cinq» съ Вестрисомъ и Гарделемъ, но о которомъ насмъщники утверждали, что онъ слишкомъ скроменъ и долженъ бы хвалиться тъмъ, что (какъ фигурантъ) танцовалъ «раз de seize». Онъ женился въ Ліонъ на этой красивой, крайне бъдной дъвушкъ, которая впослъдствіи доставила ему милліонъ, между тъмъ какъ мать ея на родинъ жила въ нищетъ, писала самыя жалостныя письма и наконецъ получила 200 рублей. Приведу одинъ изъ тысячи примъровъ ея корыстолюбія.

Жена оберъ-мундшенка Нарышкина²) уже давно назначила своимъ наслёдникомъ графа Румянцова³), устроившись предварительно съ родственниками покойнаго своего мужа и вслёдствіе того распорядившись только

¹⁾ О госпожѣ Шевалье и ея мужѣ Коцебу сообщаеть тѣ же свѣдѣнія и въ своемъ сочиненіи: Das merkwürdigste Jahr, II стр. 268 и слѣд. Она была дочь танцмейстера Пекама (Реусам), родилась въ 1774 году, дебютировала въ Ліонѣ въ 1791 году и въ слѣдующемъ (1792-мъ) году вышла за Шевалье. Біографическая статья о ней въ лексиконѣ Раббе (Biographie universelle et portative des contemporains ou Dictionnaire historique des hommes vivants et des hommes morts depuis 1788 jusqu'à nos jours... publié sous la direction de M. M. Rabbe, Vieilh de Boisgelin et Saint-Beuve. Paris. 1836). Ея портретъ въ роли Виргиніи (опера «Paul et Virginie») гравированъ въ Лондонѣ въ 1792 году Уардомъ (James Ward см. Smith. British mezzotinto 1443. № 4). Другой портретъ въ роли Изауры (опера «Синяя борода») гравированъ Штёттрупомъ (Andreas Stoettrupp).

²⁾ Тотъ же анекдотъ въ сочинении Das merkw. Jahr, II, 272—276.— Анна Никитична Нарышкина, рожденная Румянцова (р. 1730, ум. 1820), пользовалась особеннымъ расположениемъ Екатерины II. Ея бракъ съ оберъ-шенкомъ Александромъ Александровичемъ Нарышкинымъ (р. 1726, ум. 1795 г.) былъ безплоденъ.

³) Сыновья фельдмаршала графа Румянцова приходились ей двоюродными племянниками.

своею вдовьею частію и собственнымъ имѣніемъ, состоявшимъ изъ 13.000 душъ. Завѣщаніе это было утверждено Екатериною II и уже всѣми было забыто, когда въ царствованіе Павла оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ 1), пользуясь своимъ вліяніемъ, убѣдилъ государя его уничтожить.

Основываясь на этомъ примъръ, другой Нарышкинъ, въ Москвъ, пожелалъ сдълать то же самое. Для веденія своего дѣла онъ избралъ одного пьемонтца 2), человъка, извъстнаго своею честностью, и поручилъ ему расположить въ свою пользу госпожу Шевалье. Пьемонтецъ открылся господину балетмейстеру, который сейчасъ спросилъ, на какую прибыль онъ могъ разсчитывать.—«Вотъ въ задатокъ ожерелье для madame», былъ отвътъ: «кромъ того, приготовлено 50.000 рублей».—Шевалье потребовалъ впередъ половину этой суммы. И на это наконецъ согласились. Тогда графъ Кутайсовъ обратился къ государю; но домогательство показалось Павлу несправедливымъ; онъ отказалъ наотръзъ и запретилъ впредь ему говорить объ этомъ дѣлъ.

Долго скрывалъ Шевалье эту неудачу, пока наконецъ пьемонтецъ, черезъ десятыя руки, не провъдалъ о ней. Съ ожерельемъ, пожалуй, готовъ онъ былъ разстаться, но 25.000 сталъ онъ требовать назадъ. Все было напрасно: насмъшки и угрозы были ему единственнымъ отвътомъ. Въ такой крайности онъ прибъгнулъкъодной француженкъ 3), которая появилась въ Петербургъ весьма загадочно: никто не хотълъ ее знать, а между тъмъ императоръ терпълъ

¹⁾ Оберъ-гофмаршалъ А. Л. Нарышкинъ былъ родной племянникъ Александра Александровича Нарышкина, мужа Анны Никитичны.

²⁾ Въ статъѣ: «Die Ermordung des Kaisers Paul» (Sybel: Historische Zeitschrift. München. 1866. III Band, р. 143), этотъ пьемонтецъ названъ Мермесомъ (Mermès), савоярдомъ, состоявшимъ въ прежнее время при сардинскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

³⁾ Каролина Бонёйль (Bonoeil), прівхавшая въ Петербургь въ мав 1800 г. Das merkw. Jahr, II, 274. Bignon, I. 445, note.

Не о ней ли говорить m-me Lebrun, I, 40, 60, 61; III, 131.

ее въ Гатчинъ, и она успъла войти въ сношенія съ нъкоторыми высокопоставленными лицами. Ее вообще считали и по всей справедливости—агентомъ перваго консула. Эта женщина все разсказала министру иностранныхъ дълъ, графу Ростопчину¹). Ростопчинъ, ненавидъвшій Кутайсова, обрадовался случаю его, можетъ быть, ниспровергнуть. Говорять, что, спрятавшись за ширмы, онъ выслушаль весь разсказъ пьемонтца и доложилъ о немъ государю, въ которомъ чувство справедливости возмутилось высшей степени, несмотря на то, что въ этомъ дёлё замъшанъ былъ его любимецъ. Тотчасъ приказано было, чтобы Шевалье сдалъ свою должность и высланъ былъ за границу. Съ большимъ трудомъ смягчилъ Кутайсовъ императора ложнымъ объясненіемъ, будто Шевалье, хотя ему и были предложены деньги, никогда, однако, ихъ не получалъ и не принималъ.

Послѣ того старались обратить гнѣвъ государя на несчастнаго пьемонтца. Кутайсову стоило только мигнуть своему вѣрному другу Обольянинову: невинный былъ арестованъ подъ предлогомъ, что онъ—якобинецъ, между тѣмъ какъ, напротивъ того, онъ извѣстенъ былъ за самаго яраго аристократа; его высѣкли кнутомъ, вырвали ему ноздри и сослали въ Нерчинскъ въ рудники. Такъ разсказывала въ институтѣ дѣвицъ одна дама, имѣвшая изъ первыхъ рукъ свѣдѣнія объ эгомъ происшествіи.

Следующій случай причиниль мене несчастія, но быль не мене безстыднымь.

Генеральша Кутузова ²), мужъ которой былъ нѣкоторое время посломъ при турецкомъ дворѣ, получила въ Константинополѣ въ подарокъ четыре нитки дорогихъ жемчуговъ. Но, такъ какъ ея мужъ нуждался въ посто-

¹⁾ Графъ Өедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, р. 1765 † 1826 г.

²⁾ Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова, рожденная Бибикова, р. 1754 † 1824 г. Жена Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова, впосл'єдствій князя Смоленскаго.

роннемъ вліяніи, чтобы поддержать себя, она подарила два ряда этихъ жемчуговъ госпожѣ Шевалье, а остальные два, въ присутствіи этой женщины, отдала обѣимъ свонить дочерямъ. Нѣсколько дней спустя, должны были давать въ Гатчинѣ оперу «Панургъ». Шевалье послала къ генеральшѣ Кутузовой съ просьбою одолжить на этотъ вечеръ остальные жемчуга. Отказать ей не было возможности; но оперная принцесса забыла возвратить эти украшенія, а генеральша не осмѣлилась ни разу ей о нихъ напомнить.

Эта жадность госпожи Шевалье и ея мужа соединена была съ самымъ наглымъ высокомъріемъ, и чрезъ это была еще возмутительнъе. Легче было имъть доступъ къ любому министру, чъмъ къ этому балетмейстеру, и, если кого наконецъ принимали послъ нъсколькихъ часовъ ожиданія, то это почиталось высокою милостью.

Мив поручено было написать оперу съ балетомъ для этой артистической четы; это заставило меня два раза быть свидътелемъ того высокомърія, которое госпожа Шевалье выказывала, однако, менъе, чъмъ ея мужъ. Она приняла меня въ «неглиже»; и такъ какъ письменный планъ, который я долженъ былъ ей сообщить, далъ мив случай нъкоторое время сидъть весьма близко къ ней, то я могъ замътить, что ея столь восхваляемая красота, если не совсъмъ поблекла, была, по меньшей мъръ, уже не въ полномъ блескъ. На сценъ она дъйствительно очаровывала своимъ станомъ и игрою; но ей не слъдовало пускаться въ серьезную оперу, ибо, напримъръ, въ Ифигеніи 1), можно было любоваться только ея красотою. Между тъмъ не было недостатка въ самыхъ низкихъ льстецахъ, которые ее воспъвали, придавая иногда своимъ похваламъ

¹⁾ Въ роли Ифигеніи Шевалье появилась въ костюмѣ красноватаго цвѣта, чтобы польстить императору, который передъ этимъ велѣлъ выкрасить въ этотъ цвѣтъ Михайловскій замокъ.

⁽Das merkw. Jahr, II, 186. Русскій переводъ этого міста въ «Русскомъ Архиві» 1870 года, стр. 971).

самые утонченные обороты. Я еще помню насколько куплетовъ, которые кстати можно здась привесть.

On loue tant la belle Chevalier, Son talent, son air, son maintien, sa décence, Qu'enfin moi, je perds patience, Et je vais la critiquer.

D'abord, on vante sa beauté; Ce n'est pas sur quoi je porte querelle, Mais, par exemple, la jeune Hébé Ne serait-elle pas aussi belle?

Enfin, on dit de son sublime talent Que de la belle Nature elle suit les traces; J'en conviens; mais, si l'on faisait venir les Grâces, N'en feraient-elles pas autant?

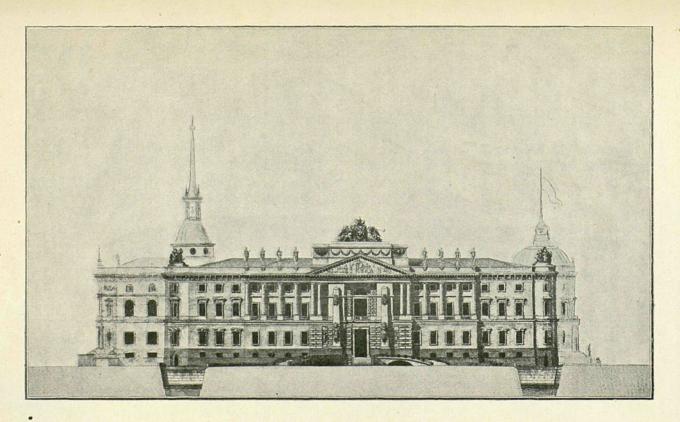
и пр. и пр.

За нѣсколько дней до ниспроверженія своего счастія госпожа Шевалье прогуливалась верхомъ въ сопровожденіи двухъ придворныхъ шталмейстеровъ, подобно тому, какъ обыкновенно прогуливался самъ императоръ. Она проскакала мимо оконъ французской актрисы Вальвиль, своей соперницы въ благосклонности публики, и бросила ей гордый взглядъ. Случайно ѣхалъ за ней тоже верхомъ великій князь Александръ Павловичъ; онъ улыбнулся госпожѣ Вальвиль и указалъ на горделивую наѣздницу, которая такъ публично выставляла напоказъ себя и свою продажную добродѣтель.

Нѣтъ примѣра, чтобы она когда-либо употребила свое вліяніе для добраго дѣла; можно было разсчитывать на ея вмѣшательство только тамъ, гдѣ была для нея какая-нибудь выгода.

Ей одной, можеть быть, удалось бы спасти несчастнаго пастора Зейдера ¹), за котораго столь многіе напрасно

¹⁾ Исторія пастора Зейдера разсказана, съ незначительными варіантами, въ сочиненіи: «Das merkwürdigste Jahr», II, 255—265. Кромѣ

Главный фасадъ Михайловскаго замка со стороны подъѣзда. Съ гравюры Колпакова 1801 года.

просили. Этотъ пасторъ, сельскій пропов'єдникъ въ окрестностяхъ Дерпта, имълъ небольшую библютеку для чтенія, корорую, однако, закрыль, потому что трудно было получать новыя книги и опасно ихъ давать для чтенія, такъ какъ въ Ригѣ сидѣлъ извергъ, по имени Туманскій 1), цензоръ, который, чтобы угодить и придать себъ важность, осуждаль самыя невинныя книги и повергаль въ несчастія всякаго, кто ихъ держалъ у себя. Онъ былъ предметомъ всеобщей ненависти и всеобщаго страха. Пастору Зейдеру не были еще возвращены нѣкоторыя отданныя имъ въ чтеніе книги, въ томъ числѣ Лафонтенова 2) «Сила любви»; онъ объ этомъ извѣстилъ въ еженедѣльной газеть, не зная, что и эта книга была изъ числа запрещенныхъ. Почему она была запрещена, это зналъ, конечно, одинъ только Туманскій, который съ адскою радостью ухватился за этотъ случай, чтобы однимъ несчастнымъ увеличить число своихъ жертвъ.

Онъ донесъ двору, что пасторъ Зейдеръ старается посредствомъ библіотеки для чтенія распространять тлетворныя начала. Этотъ злостный, хитро придуманный доносъ возбудилъ подозрительность и негодованіе императора.

Зейдера привезли въ Петербургъ, и юстицъ-коллегія получила приказаніе признать его заслуживавшимъ тѣлеснаго наказанія. Къ сожалѣнію, это судебное мѣсто не имѣло

того, существуеть разсказь самого Зейдера подъ заглавіемь: «Der Todeskampf am Hochgericht, oder Geschichte des unglücken Dulders F. Seider, ehemaligen Predigers zu Randen in Esthland*), von ihm selbst erzählt. Ein Seitenstuck zum merkwürdigsten Jahre meines Lebens von August von Kotzebue.—Hildesheim und Leipzig. 1803, 8°. 100 страниць.

¹⁾ Өедөръ Осиповичь Туманскій, ум. 1805 г.

Seider: Todeskampf, S. 98.—Русская Старина, VIII, стр. 334.

²) Августъ Лафонтенъ, нѣмецкій писатель (род. 1759 г., ум. 1831 года), сочинитель безчисленнаго множества сентиментальныхъ романовъ.

^{*)} Ранденскій пасторать находится на восточномъ берегу озера Вирцервъ, въ Деритскомъ увздъ Лифляндской губерніи, а не въ Эстляндской, какъ напечатано издателями въ заглавіи брошюры Зейдера.

должнаго значенія, чтобы объявить, что діло должно быть сперва изследовано, а потомъ решено по законамъ; если же человъкъ заранъе осужденъ, то остается только предать его палачу. Правда, эти низкіе судьи спрашивали генералъ-прокурора, какъ имъ поступить, и просили для себя его заступничества; но такъ какъ онъ ограничился однимъ холоднымъ отвътомъ, что они могутъ дъйствовать подъ своей отвътственностью, то страхъ побъдилъ всъ остававшіяся сомнінія, и Зейдерь быль приговорень къ наказанію кнутомъ. Прівхали за нимъ въ крвпость, чтобы оттуда повезть его выслушать приговоръ, и объявили ему, что онъ долженъ надъть пасторскую мантію и воротникъ. При этихъ словахъ онъ оживился свътлою надеждою, не предчувствуя, что эти священническія принадлежности потому только были необходимы, что, для большаго позора, ихъ должны были съ него сорвать. Когда ему прочли приговоръ, онъ упалъ на землю, потомъ приподнялся на кольни и умоляль, чтобы его выслушали. «Здъсь не мъсто», сказалъ фискалъ. «Гдъ же мъсто?» вопилъ Зейдеръ: «ахъ, только предъ Богомъ».

На Невскомъ проспектѣ, по дорогѣ къ мѣсту наказанія, къ нему подъѣхалъ полицейскій офицеръ и спросилъ, не желаетъ ли онъ сперва причаститься? Онъ отвѣтилъ: «да», и его повели назадъ. Это было лишь краткою отсрочкою! Снова потащили его къ мѣсту казни. Дорогою палачъ потребовалъ отъ него денегъ; онъ отдалъ этому гнусному человѣку свои часы.

Когда привязали его къ столбу, онъ имѣлъ еще настолько самосознанія, что замѣтилъ, какъ, повидимому, значительный человѣкъ въ военномъ мундирѣ подошелъ къ палачу и прошепталъ ему на ухо нѣсколько словъ; этотъ послѣдній почтительно отвѣчалъ: «слушаюсь». Вѣроятно, то былъ самъ графъ Паленъ или одинъ изъ его адъютантовъ, давшій палачу приказаніе пощадить несчастнаго. Отъ безчестія нельзя было его избавить; по крайней мѣрѣ хотѣли его предохранить отъ тѣлеснаго наказанія, котораго онъ, можетъ быть, и не вынесъ бы. Зейдеръ увѣрялъ, что онъ не получилъ ни одного удара, онъ только слышалъ, какъ въ воздухѣ свистѣлъ каждый взмахъ, который потомъ скользилъ по его исподнему платью.

По совершеніи казни, онъ долженъ былъ быть отправленъ въ Сибирь; но и этою высылкою графъ Паленъ, съ опасностью для самого себя, промедлилъ нѣсколько дней, все надѣясь на болѣе благопріятный обороть въ участи несчастнаго, такъ какъ даже русское духовенство, къ его чести будь помянуто, вошло съ ходатайствомъ за него. Когда, однако, исчезла послѣдняя надежда, его отправили въ Сибирь 1), какъ самаго отъявленнаго злодѣя, и даже его жена не получила разрѣшенія слѣдовать за нимъ.

Только Александръ Павловичъ, при вступленіи на престолъ, возвратилъ его изъ Сибири ²), возстановилъ его честь и достоинство и справедливою щедростію исправилъ то, что еще было исправимо.

Разсказываютъ, что послѣ переворота, за обѣдомъ у одного изъ вельможъ ³), собрано было для него 10.000 рублей. Весьма возможно, что на этомъ веселомъ пирѣ кто-нибудь въ минуту состраданія сдѣлалъ подобное благородное предложеніе; но оно не было приведено въ исполненіе, и во всей этой возмутительной исторіи ничье имя не блеститъ, кромѣ имени графа Палена.

Этотъ человъкъ, котораго обстоятельства вынудили быть участникомъ въ столь отвратительномъ дѣлѣ, могъ въ то время быть изображенъ однѣми только свѣтлыми

¹⁾ Въ іюнѣ 1800 года.

²) «Бывшій» пасторъ Зейдеръ находится въ спискъ лицъ, сосланныхъ императоромъ Павломъ въ Нерчинскъ и прощенныхъ императоромъ Александромъ указомъ 15-го марта 1801 года. (П. С. З. № 19.784).

По возвращении изъ Сибири, онъ назначенъ былъ приходскимъ пасторомъ въ Гатчинъ. Здъсь онъ умеръ въ 1834 году, гдъ и похороненъ.

³) Объдъ былъ у князя Зубова. Коцебу исправляетъ здѣсь то, что напечаталъ въ своемъ Merkwürdigste Jahr, II, 265.

красками. При высокомъ ростѣ, крѣпкомъ тѣлосложеніи, открытомъ, дружелюбномъ выраженіи лица, онъ отъ природы былъ одаренъ умомъ быстрымъ и легко объемлющимъ всѣ предметы. Эти качества соединены были въ немъ съ душою благородною, презиравшею всякія мелочи. Его обхожденіе было жестокое, но безъ суровости. Всегда казалось, что онъ говоритъ то, что думаетъ; выраженій онъ не выбиралъ. Онъ самымъ вѣрнымъ образомъ представлялъ собою то, что нѣмцы называютъ «ein Degenknopf». Онъ охотно дѣлалъ добро, охотно смягчалъ, когда могъ, строгія повелѣнія государя, но дѣлалъ видъ, будто исполнялъ ихъ безжалостно, когда иначе не могъ поступать, что случалось довольно часто.

Почести и званія, которыми государь его осыпаль, доставили ему весьма естественно горькихъ завистниковъ, которые слъдили за каждымъ его шагомъ и всегда готовы были его ниспровергнуть. Часто приходилось ему отвращать бурю отъ своей головы, и ничего не было необычайнаго въ томъ, что въ иныя недъли по два раза часовые то приставлялись къ его дверямъ, то отнимались. Оттого онъ долженъ былъ всегда быть насторожв и только изрёдка имёлъ возможность оказывать всю ту помощь, которую внушало ему его сердце. Собственныя благоденствіе и безопасность были, безъ сомнінія, его первою цёлью, но въ толпъ дюжинныхъ любимцевъ, коихъ единственною цёлью были ихъ собственныя выгоды, и которые равнодушно смотрели, какъ все вокругъ нихъ ниспровергалось, лишь бы они поднимались все выше и выше,можно за графомъ Паленомъ признать великою заслугою то, что онъ часто сходилъ съ обыкновенной дороги, чтобы подать руку помощи тому или другому несчастному.

Вездѣ, гдѣ онъ былъ въ прежнія времена, генераломъ ли въ Ревелѣ, или губернаторомъ въ Ригѣ, его всѣ знали и любили, какъ честнаго и общественнаго человѣка. Даже на вершинѣ своего счастія онъ не забылъ своихъ старыхъ знакомыхъ, не перемѣнился въ отношеніи къ нимъ и былъ

полезень, когда могь. Только однажды, когда я быль съ нимъ совершенно одинъ у императора, мнѣ показалось въ первый разъ, что и онъ могъ притворяться точно такъ, какъ самый гибкій царедворець. Это было при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Очень рано поутру 1) графъ потребовалъ меня къ себѣ; но такъ какъ подобное приглашеніе къ военному губернатору обыкновенно имѣло страшное значеніе и ничего добраго не предвѣщало, то, дабы успокоить меня и жену мою, онъ имѣлъ предупредительность присовокупить, что нѣтъ ничего непріятнаго въ томъ, что имѣетъ мнѣ сказать. Немало я изумился, когда съ лицомъ, скрывавшимъ насмѣшку подъ видомъ веселости, онъ объявилъ мнѣ, что императоръ избралъ меня, чтобы отъ его имени послать чрезъ газеты воюющимъ державамъ вызовъ на поединокъ. Сначала я не понялъ, въ чемъ дѣло; но, когда оно было мнѣ растолковано, я просилъ, чтобы меня отпустили домой для составленія требуемой статьи. «Нѣтъ», сказалъ графъ: «это должно быть сдѣлано немедленно. Садитесь и пишите». Я это исполнилъ. Самъ онъ остался возлѣ меня.

Конечно, не легко было, подъ впечатлѣніемъ столь неожиданной странности, написать что-либо удовлетворительное. Два проекта не удались. Графъ нашелъ, что они написаны были не въ томъ духѣ, котораго желалъ императоръ, и которымъ я, разумѣется, не былъ проникнутъ. Третій проектъ показался ему сноснымъ. Мы поѣхали къ императору. Графъ вошелъ сперва одинъ въ его кабинетъ, потомъ, вернувшись, сказалъ мнѣ, что проектъ мой далеко не довольно рѣзокъ, и повелъ меня съ собою къ императору.

Эта минута—одно изъ пріятнѣйшихъ моихъ воспоминаній. До сихъ поръ она мнѣ живо представляется. Государь стоялъ посреди комнаты. По обычаю того времени,

^{1) 16-}го декабря 1800 года: Das merkw. Jahr, т. 2, гдѣ Коцебу псредаеть это обстоятельство съ большими подробностями.

я въ дверяхъ преклонилъ одно колѣно, но Павелъ приказалъ мнѣ приблизиться, далъ мнѣ поцѣловать свою руку, самъ поцѣловалъ меня въ лобъ и сказалъ мнѣ съ очаровательною любезностью: «Прежде всего намъ нужно совершенно помириться». Такое обращеніе съ однимъ изъ послѣднихъ его подданныхъ, съ человѣкомъ, котораго онъ безвинно обидѣлъ, конечно, тронуло бы всякаго, а для меня оно останется незабвеннымъ.

Послѣ того зашла рѣчь о вызовѣ на поединокъ ¹). Императоръ, смѣясь, сказалъ графу, что избралъ его въ свои секунданты; графъ въ знакъ благодарности поцѣловалъ государя въ плечо и съ лицемѣріемъ, котораго я за нимъ не подозрѣвалъ, сталъ одобрительно разсуждать объ этой странной фантазіи. Казалось, онъ былъ вѣрнѣйшимъ слугою, искреннѣйшимъ другомъ того, котораго, нѣсколько недѣль спустя, замышлялъ свергнуть съ престола въ могилу. Признаюсь, что если бы въ эту минуту я вошелъ въ кабинетъ государя съ намѣреніемъ его убить, прекрасная, человѣческая его благосклонность меня немедленно обезоружила бы.

Еще глубже проникся я этимъ чувствомъ въ другой разъ, когда, призвавъ меня послѣ обѣда, онъ приказалъ мнѣ сѣсть напротивъ себя и тутъ наединѣ сталъ непринужденно разговаривать со мною, какъ со старымъ знакомымъ. Во время разговора, конечно, въ моей власти было испросить себѣ явные знаки его милости; императоръ, повидимому, того и ожидалъ и представлялъ къ тому по-

¹⁾ Статья (редакція самого Павла, см. Das merkw. Jahr, т. 2) переведена была нашимъ авторомъ на німецкій языкъ и напечатана въ «Гамбургскомъ корреспонденті» 16-го января 1801 года. Потомъ она появилась одновременно въ русскихъ и въ німецкихъ «С.-Петербургскихъ Візомостяхъ», 19-го февраля 1801 года, наконець въ «Московскихъ Візомостяхъ» 27-го февраля 1801 года.

Относительно этой статьи можно сравнить: Русскій Архивъ 1870 года, стр. 1960—1966 (разсказъ Коцебу), Русскій Архивъ 1871 года, стр. 1095, и Архивъ князя Воронцова, книга 11-я, стр. 379.

водъ. Сознаюсь, во мнѣ мелькнуда мысль воспользоваться этимъ случаемъ для моей жены и дѣтей; но какое-то внутреннее чувство меня остановило; я хотѣлъ, чтобы воспоминаніе объ этомъ днѣ осталось совершенно чистымъ,—и промолчалъ. О, зачѣмъ каждый не могъ хотя однажды видѣть его такъ, какъ я его видѣлъ, исполненнымъ человѣческихъ чувствъ и достоинства! Чье сердце могло бы для него остаться закрытымъ!

Къ несчастію, его только ненавидёли и боялись, и, конечно, при самыхъ честныхъ намфреніяхъ онъ часто заслуживалъ это нерасположение. Множество мелочныхъ распоряженій, которыя онъ съ упрямствомъ и жестокостію сохраняль въ силь, лишили его уваженія тыхь, которые не понимали ни великихъ его качествъ, ни твердости и справедливости его характера. То были большею частію мъры, не имъвшія никакого вліянія на благоденствіе подданныхъ, собственно говоря, одни только стъсненія въ привычкахъ; и ихъ слъдовало бы переносить безъ ропота, какъ дъти переносятъ странности отца. Но таковы люди: если бы Павелъ въ несправедливыхъ войнахъ пожертвовалъ жизнью нѣсколькихъ тысячъ людей, его бы превозносили, между тёмъ какъ запрещеніе носить круглыя шляны и отложные воротники на плать возбудило противъ него всеобщую ненависть.

Духъ мелочности, нерѣдко заставлявшій его нисходить до предметовъ, недостойныхъ его вниманія, могъ происходить отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ желанія совершенно преобразовать старый дворъ своей матери такъ, чтобы ничто не напоминало ему объ ея временахъ; во-вторыхъ, отъ преувеличеннаго уваженія ко всему, что дѣлалъ прусскій король Фридрихъ II.

Павель полагаль, что во время могущества князя Потемкина военная дисциплина слишкомъ ослабѣла, и что необходима неумолимая строгость, чтобы возстановить ее въ мельчайшихъ подробностяхъ. Вслѣдствіе сего снова введены были у солдатъ обременительныя пукли и косы. Меня увъряль одинъ гвардейскій офицеръ, что, когда полкъ долженъ быль на другое утро вступать въ караулъ, солдатамъ нужно было вставать въ полночь, чтобы другь другу завивать волосы. По окончаніи этого важнаго дъла, они должны были, дабы не испортить своей прически, до самаго вахтъ-парада сидъть прямо или стоять, и такимъ образомъ въ продолженіе 36 часовъ не выпускать ружья изъ рукъ.

По той же причинѣ отданъ былъ приказъ генералу Мелессино относительно артиллерійскихъ фурлейтовъ. Въ русскомъ языкѣ сохранилось нѣмецкое слово «фурманъ»; но имѣли обыкновеніе и въ множественномъ числѣ говорить «фурманы», покуда императоръ Павелъ не приказалъ называть ихъ «фурлейтами». Замѣчанія достойно, что онъ издалъ этотъ указъ въ самый день своего коронованія въ Москвѣ, когда, само собою разумѣется, болѣе важные предметы должны бы были его занимать.

Когда онъ вступилъ на престолъ, я находился въ Ревелѣ, и очень хорошо помню, съ какимъ любопытствомъ распечатанъ былъ первый отъ него полученный указъ: въ немъ опредѣлялась вышина гусарскихъ султановъ, и приложенъ былъ рисунокъ!

Малъйшее отступление отъ формы было проступкомъ, который навлекалъ неизбъжное наказание. Эти наказания постигали и гражданскихъ чиновниковъ. Никто не могъ показываться иначе, какъ въ мундиръ, въ бълыхъ штанахъ, въ большихъ ботфортахъ, съ коротенькою тростью въ рукъ. Однажды государь, прогуливаясь верхомъ, встрътилъ чиновника, который, будучи увъренъ, что мундиръ его въ совершенной исправности, бодро сталъ передъ нимъ во фронтъ. Но отъ зоркаго взгляда императора не ускользнуло, что чиновникъ этотъ не имълъ трости. Павелъ остановился и спросилъ у него: «Что слъдуетъ имъть при такихъ сапогахъ?»—повторилъ императоръ уже нъсколько громче. Испуганный чиновникъ со-

всёмъ потерялся и, не понимая смысла сдёланнаго ему вопроса, отвёчалъ: «Ваксу, ваше императорское величество!» — Тутъ Павелъ не могъ удержаться отъ смёха. «Дуракъ», сказалъ онъ: «слёдуетъ имёть трость», — и поёхалъ дальше. Счастливъ былъ этотъ чиновникъ, что его глупость развеселила государя, а то ему, безъ сомнёнія, пришлось бы прогуляться на гауптвахту.

Не менъе стъснительнымъ было для столичныхъ жителей повельніе выходить изъ экипажей при встрычь съ императоромъ. За исполненіемъ этого повел'внія наблюдали съ высочайшею строгостію, и, несмотря на глубокую грязь, разряженныя дамы должны были выходить изъ своихъ каретъ, какъ только издали замвчали императора. Я, однако, самъ видёлъ, какъ онъ однажды быстро подскакалъ къ г-жѣ Нарышкиной 1), готовившейся исполнить это повелѣніе, и заставиль ее остаться въ карет'ь; зато сотни другихъ дамъ, когда онъ или ихъ кучера не были достаточно проворны, подвергались сильнымъ непріятностямъ. Такъ, напримъръ, г-жа Демутъ, жена извъстнаго содержателя гостиницы, должна была изъ-за этого отправиться на нвсколько дней въ смирительный домъ, и самые значительные люди, изъ опасенія подобныхъ обидъ, трепетали, когда ихъ жены, выбхавшія со двора, не возвращались къ назначенному времени.

Но и тутъ бывали иногда забавные случаи. Однажды навстрѣчу императору ѣхала въ саняхъ какая-то французская модистка. Едва замѣтивъ издали государя, она закричала своему извозчику, чтобы онъ остановился; но такъ какъ она дурно говорила по-русски, вѣроятно, онъ ее не понялъ и догадался, чего она хотѣла, только тогда, когда уже совершенно близко подъѣхалъ къ императору. Оглохши отъ страха, онъ со всей мочи принялся погонять своихъ лошадей, чтобы поскорѣе проѣхать мимо, въ то

¹⁾ Вѣроятно, къ женѣ оберъ-гофмаршала Маріи Алексѣевнѣ Нарышкиной, рожд. Сенявиной, р. 1762 † 1822 г.

время, какъ модистка обоими кулаками барабанила по его спинъ и кричала изо всъхъ силъ: «Sire, се n'est pas ma faute, се n'est pas ma faute!» Такимъ образомъ сани промчались мимо государя, который при видъ этой сцены не могъ не разразиться громкимъ смъхомъ.

Эти встрѣчи рѣдко оканчивались такъ счастливо, и потому обыкновенно старались ихъ избѣгать. Какъ только на большомъ разстояніи замѣчали императора, поскорѣе сворачивали въ другую улицу. Это въ особенности дѣлали офицеры. Государю это было въ высшей степени непріятно. Онъ не хотѣлъ, чтобы его боялись. Незадолго до своей смерти онъ увидѣлъ двухъ офицеровъ въ саняхъ, которые преспокойно свернули въ боковую улицу, и, хотя онъ тотчасъ же послалъ за ними въ погоню своего берейтора, но они скрылись изъ виду, благодаря быстротѣ своихъ лошадей. Онъ былъ этимъ сильно разгнѣванъ, и я былъ свидѣтелемъ того затрудненія, въ которомъ находился графъ Паленъ, получившій приказаніе непремѣнно представить этихъ офицеровъ, а между тѣмъ не знавшій, по какимъ примѣтамъ ихъ разыскать.

Всякій, у кого не было спішнаго діла, предпочиталь, во избъжание непріятности, оставаться дома въ тъ часы, когда императоръ имълъ обыкновение выъзжать изъ дворца. Ствсненіе это, безъ сомнвнія, было весьма тягостно для столичныхъ жителей, тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ еще жили и говорили гораздо свободне, чемъ въ провинціи. Здёсь успёли свыкнуться съ опасностью; тамъ, напротивъ того, каждый содрогался, слыша раскаты дальней грозы. Изъ губернаторовъ одни опасались недостаточно угодить государю, другіе страшились доноса какого-нибудь завистника, и всв они, вообще, скорве преувеличивали каждое повелъніе; между ними были и такіе, которые, подъ видомъ покорности, рады были случаю дать полную волю своимъ собственнымъ тиранскимъ инстинктамъ. Поэтому въ столицѣ все-таки можно было жить покойнѣе и вольнве, чвмъ въ губерніяхъ.

Все это, однако, не касалось лицъ низшаго сословія и рѣдко касалось частныхъ лицъ, не занимавшихъ никакой должности. Только лица, находившіяся на службѣ, какого бы званія они ни были, постоянно чувствовали надъ собою угрозу наказанія. Народъ былъ счастливъ. Его никто не притѣснялъ. Вельможи не смѣли обращаться съ нимъ съ обычною надменностью; они знали, что всякому возможно было писать прямо государю, и что государь читалъ каждое письмо. Имъ было бы плохо, если бы до него дошло о какой-нибудь несправедливости; поэтому страхъ внушалъ имъ человѣколюбіе. Изъ 36 милліоновъ людей по крайней мѣрѣ 33 милліона имѣли поводъ благословлять императора, хотя и не всѣ сознавали это.

Донынъ народъ пользуется однимъ благодъяніемъ, которымъ обязанъ Павлу, и котораго одного было бы достаточно, чтобы увъковъчить его имя. Онъ повелълъ учредить хлъбные запасные магазины, въ которые каждый крестьянинъ обязанъ былъ вносить извъстную часть своего урожая, съ темъ, чтобы потомъ, въ случав нужды, получать ссуды изъ этихъ магазиновъ 1). Благотворныя послъдствія этого распоряженія неоднократно выказывались со времени кончины Павла. Безъ этихъ магазиновъ многія тысячи уже умерли бы съ голоду. Конечно, и это превосходное распоряжение было имъ заимствовано у прусскаго короля Фридриха П; но польза, которую это подражание принесло и еще принесеть въ будущемъ, съ избыткомъ вознаграждаеть Россійское государство за тотъ вредъ, который ему когда-либо могла причинить также заимствованная у Пруссіи мелочная военная система²).

¹⁾ Невърно. Первоначальная мысль о заведеніи хлъбныхъ запасныхъ магазиновъ принадлежить Петру Великому; засимъ въ слъдующія царствованія, а въ особенности въ царствованіе Екатерины II, быль цълый рядь узаконеній по этому предмету.

См. П. С. З. въ алфавитномъ реестръ слово: «хлъбные запасные магазины».

²⁾ Къ сожалѣнію, человѣколюбивыя повелѣнія Павла не исполнялись во всемъ государствѣ такъ добросовѣстно, какъ повелѣнія суро-

Выдають за достовърное, будто въ послъднее время онъ объявиль, что въ Европъ должны господствовать только наиболъе великія державы — Франція и Россія. Увъряють, будто уже приняты были мъры, чтобы придать въсъ этому объявленію, и будто съ этою цълью отправленъ былъ въ Берлинъ курьеръ, котораго, однако, графъ Паленъ задержалъ, а порученныя ему депеши представилъ, по кснчинъ Павла, новому императору. Ничего нътъ не-

выя, выполненію которых в всякій спешиль содействовать. Напримерь, въ обширной Архангельской губерніи крестьяне два раза въ годъ засыпали магазины; но о томъ, что этотъ хлъбный запасъ имъ принадлежить, они не имъли никакого понятія и смотръли на установленный взносъ, какъ на новый налогъ, потому что капитанъ-исправникъ (начальникъ земской полиціи) браль изъ магазиновъ хлібот и распоряжался имъ по своему усмотрѣнію. Поэтому, когда въ 1810 году въ этой губерніи насталь голодь, и отдано было приказаніе открыть магазины, они всё оказались пустыми. Архангельскій губернаторъ фонъ-Дезинъ былъ смененъ, потому что участвовалъ въ этомъ грабеже или смотрълъ на него сквозь пальцы. Честный адмиралъ Спиридовъ быль назначень на его м'єсто. На пути во вв'єренную ему губернію, куда онъ таль большею частью водою, по Вологдт), онъ нашель не только цалыя деревни опуставшими оть голода, но и такія, въ которыхъ, по причинъ распространившейся послъ голода заразы, ему нельзя было останавливаться на ночлегь. Этоть случай еще болье убъдиль въ пользъ Павлова учрежденія и въ то же время доказаль, что строгость, хотя и не всегда умъстная, была, однако, вообще благотворною. Страна, въ которой по меньшей мфрф двф трети чиновниковъ объ одномъ только и думають, какъ ограбить казну, не иначе можеть быть управляема, какъ желъзнымъ скипетромъ. Такъ управляль ею, безъ вреда для своей славы, Петръ I, величайшій знатокъ своего народа; сколько сохранилось анекдотовъ, изъ которыхъ можно было бы заключить, что онъ быль или извергь, или сумасшедшій; однако, онъ весьма хорошо зналь, что делаль, и держался единственно вернаго правила въ отношеніи къ такому народу, который всякаго честнаго и добросовъстнаго человъка обыкновенно называетъ «дуракомъ»**). По-

**) Въ подлинникъ: «einen Durak zu nennen pflegt».

^{*)} Вологда — небольшая рѣка, имѣющая въ теченіи своемъ не болѣе 130 верстъ, изъ коихъ судоходны только 28 верстъ отъ впаденія ея въ рѣку Сухону. Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать, что Спиридовъ спустился къ Архангельску по Сухонѣ и Двинѣ.

возможнаго въ томъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ подобныя предположенія; въ то время надъ нимъ смѣялись, но послѣдствія доказали, что онъ былъ дальновиднѣе своихъ современниковъ.

Если и допустить, что въ отношении къ внѣшней политикѣ онъ иногда принималъ несоотвѣтственныя мѣры,
мѣры эти все-таки не были полумѣрами; а въ такую
эпоху, въ которую всѣ монархи, за исключеніемъ одного,
боялись дѣйствовать рѣшительно, это было съ его стороны
большою заслугою, и Россія неминуемо почувствовала бы
благодѣтельныя ея послѣдствія, если бы жестокая судьба
не удалила Павла отъ политической сцены. Будь онъ еще
живъ, Европа не находилась бы теперь въ рабскомъ состояніи. Въ этомъ можно быть увѣреннымъ, не будучи
пророкомъ: слово и оружіе Павла много значили на вѣсахъ европейской политики.

Выраженная имъ незадолго передъ смертью воля не терпѣть болѣе при своемъ дворѣ иностраннаго министра можетъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, найти себѣ достаточное оправданіе. Весьма часто упрекали посланниковъ въ томъ, что они не что иное, какъ высшаго круга шпіоны; нѣсколько извѣстныхъ примѣровъ въ новѣйшее время доказываютъ, что этотъ упрекъ ими вполнѣ заслуженъ. Стоитъ только припомнить французскаго посланника Коленкура¹),

томство признало, что имъ возвышалась Россія; почему же оно должно быть несправедливымъ къ его правнуку? Не потому ли, что кратковременное царствованіе Павла не дозволило ему оставить по себѣ болѣе слѣдовъ добра? Уменьшилась ли при немъ слава Россіи? не стяжали ли его войска новые давры? не добивались ли всѣ державы его дружбы? Можно ли ему поставить въ укоръ нѣкоторое колебаніе въ политической системѣ, бывшее послѣдствіемъ того, что онъ замѣтилъ, какъ мало могъ разсчитывать на своихъ союзниковъ, и какъ они безсильны были среди бури удержать свой короны?

Примъчание автора.

¹) Отпускная аудіенція Коленкура была 29 апрѣля (11 мая) 1811 г. Bignon. Histoire de France sous Napoléon.—Paris et Leipzig, 1838, t. X, p. 57.

который для того, чтобы знать все, что происходило при двор'в, им'влъ на своемъ жаловань одного государева адъютанта. Если написать исторію вс'вхъ т'вхъ политическихъ зам'вшательствъ, которыя возбуждены были усердіемъ посланниковъ, можно бы уб'вдиться, что причиняемый ими вредъ далеко превышаетъ приносимую пользу.

Такимъ образомъ рѣшимость Павла можетъ показаться странною, но отнюдь не опрометчивою, и — кто знаетъ? — можетъ быть, современемъ всѣ европейскія державы примутъ ее, какъ весьма разумную. Примѣненіе своего правила Павелъ началъ съ датскаго посланника Розенкранца¹). У него на полъ-дня похищенъ былъ шифръ, и чрезъ это, безъ сомнѣнія, открылись разныя предположенія, клонившіяся ко вреду императора и имперіи. Въ то время немедленная высылка посланника еще могла удивлять; но съ тѣхъ поръ европейскія державы привыкли къ подобнаго рода примѣрамъ, и сами къ нимъ прибѣгали, но безъ тѣхъ уважительныхъ причинъ, которыми постоянно руководствовался Павелъ.

Такъ такъ я не хочу ничего ни прикрывать, ни проходить молчаніемъ, то я долженъ также разсказать нѣкоторые анекдоты, которые, вѣроятно, искажены были злобою.

За нѣсколько дней до своей смерти Павелъ прогнѣвался на камердинера великаго князя и отправилъ его подъ арестъ, въ нетопленное мѣсто. Великій князь послалъ этому человѣку его шубу и теплые сапоги. Между тѣмъ Павелъ вспомнилъ, что у него самого былъ гайдукъ, кото-

¹⁾ Баронъ Розенкранцъ, датскій посланникъ сперва въ С.-Петербургѣ, потомъ въ Неаполѣ, былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Александровнѣ Вяземской, † 1850 (дочери екатерининскаго генералъ-прокурора).

²⁰ декабря 1800 года Ростопчинъ записаль въ своемъ дневникъ изустное повелъніе государя: «Миссіи датской всей ъхать отсюда». На слъдующій же день Розенкранцъ выталь изъ Петербурга (Serra Capriola, 198).

рый носиль ту же фамилію, какъ и этоть камердинеръ. Онъ призвалъ его и спросилъ, не братъ ли онъ арестованнаго? — «Да», отвътилъ гайдукъ. — «Твой братъ негодяй», сказалъ государь: «кто старше изъ васъ, ты или твой брать?»—«Мой брать, ваше величество».—«Ну, такъ теперь ты будешь старшимъ». — Этотъ анекдотъ разнесся по Петербургу, вызвалъ большія насмѣшки, и нашлись глупцы, которые прямо говорили, что въ словахъ государя нътъ никакого смысла. Иностранцамъ оно дъйствительно можеть такъ показаться. Но тотъ, кто знаетъ, что Павелъ ввель въ обычай различать нѣсколькихъ братьевъ на службѣ не по имени, а по нумерамъ: 1-й, 2-й, 3-й и т. д., не обращая вниманія на то, 2-й моложе ли 1-го, тотъ сейчасъ пойметъ, что государь ничего другого не хотълъ сказать, какъ: «Теперь ты будешь на службъ имъть старшинство передъ твоимъ братомъ».

Въ другой разъ, въ Петергофъ, Павелъ сидълъ въ бесъдкъ. Два лакея, которые его не замътили, котъли пробраться чрезъ калитку и вдругъ нашли ее заложенною.— «Кто приказалъ ее заложить?» спросилъ одинъ изъ нихъ.— «Кто же, какъ не государь!» отвътилъ другой: «въдь онъ во все вмъшивается». Тутъ они употребили нъсколько неприличныхъ выраженій, которыя вывели Павла изъ терпънія. Онъ бросился на этихъ лакеевъ, исколотилъ ихъ собственноручно и отдалъ ихъ въ солдаты. Какъ часто Петръ Великій самъ расправлялся своею дубиною!

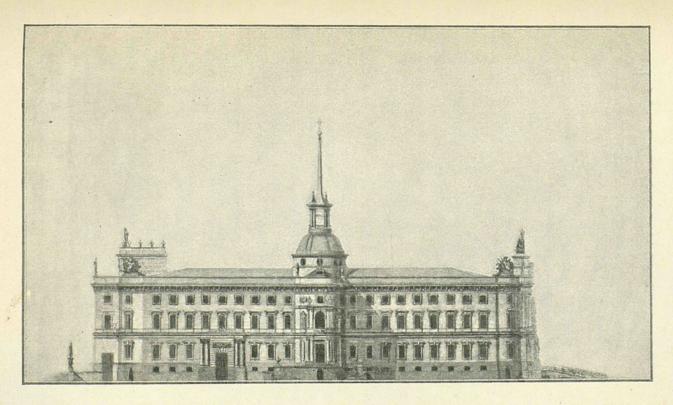
Послѣдствіемъ этого небольшого происшествія было запрещеніе гулять по Верхнему саду. Только черезъ одинъ проходъ нельзя было запретить проходить, потому что не было другой дороги, чтобы носить кушанья изъ кухни во дворецъ. Но такъ какъ именно эта дорога шла подъ окнами княгини Гагариной 1), жившей въ нижнемъ этажѣ и находившейся въ нѣжной связи съ Павломъ, то онъ прика-

¹⁾ Княгиня Анна Петровна Гагарина, рожденная княжна Лопухина, р. 1777 † 1805 г.

залъ, чтобы люди, носившіе кушанья, проходя мимо ея оконъ, поворачивали голову въ другую сторону. Это, безъ сомнѣнія, показалось забавнымъ; но стоило ли обвинять его въ столь простительной слабости?

Говорятъ, будто одинъ офицеръ случайно посмотрѣлъ въ эти окна и тъмъ взбъсилъ императора. На разводъ Павелъ всячески старался придраться къ нему, но былъ еще болье раздраженъ тымъ, что этотъ офицеръ не подалъ повода ни къ какому замъчанію. Тъмъ не менъе, когда вследъ за симъ офицеръ подошелъ, по уставу, съ эспантономъ въ рукъ, къ императору для полученія пароля, Павелъ будто бы закричалъ на него: «Какъ? ты еще смѣешь дразнить меня?» тотчасъ разжаловалъ его въ солдаты и приказалъ, чтобъ о немъ не было ни слуху, ни духу. Всв вообще подтверждали вврность этого разсказа и осуждали государя, — но по какому праву? — это другой вопросъ. Цари не пользуются преимуществомъ, которое принадлежитъ последнему изъ ихъ подданныхъ, и въ силу котораго объ стороны должны быть выслушаны: ихъ осуждають на основаніи одного оговора. Кто знаеть, было ли заглядываніе офицера въ окна княгини совершенно случайнымъ? Должно, однако, сознаться, что во всякомъ случав избранный Павломъ способъ отмщенія за эту обиду не былъ достоинъ монарха.

Одного камердинера Павелъ однажды прижалъ къ стѣнѣ, требуя, чтобъ онъ признался, что виноватъ. Чѣмъ чаще этотъ человѣкъ повторялъ: «въ чемъ?» тѣмъ яростнѣе становился императоръ, пока, наконецъ, тотъ не вскричалъ: «Ну, да, виноватъ!» Тогда Павелъ мгновенно выпустилъ его и, улыбаясь, сказалъ: «Дуракъ, развѣ ты не могъ сказать это тотчасъ же».—Чтобы правильно судить и объ этомъ анекдотѣ, нужно бы знать напередъ, не имѣлъ ли Павелъ основанія ожидать, что камердинеръ его вспомнитъ о какомъ-нибудь проступкѣ, хотя бы его ни въ чемъ опредѣлительномъ и не обвиняли. И здѣсь публика осуждала Павла по одностороннимъ показаніямъ. Нельзя, впрочемъ,

Фасадъ Михайловскаго замка со стороны церкви. Съ гравюры Колиакова 1801 года.

отрицать его запальчивость, и это свойство, безъ сомнѣнія, составляетъ одинъ изъ пагубнѣйшихъ пороковъ въ государѣ.

Слѣдующій анекдотъ, слышанный мною отъ генералъадъютанта графа Ливена¹), бросаетъ на императора болѣе мрачную тѣнь, чѣмъ всѣ предшествующіе.

Одною изъ обязанностей графа было писать приказы; но такъ какъ онъ не хорошо произносиль по-русски, то обыкновенно другой адъютанть, молодой князь Долгоруковъ2), долженъ былъ читать вслухъ какъ приказы, такъ и поступавшіе русскіе рапорты. Однажды государь сидѣлъ въ Павловскѣ на балконѣ; по лѣвую его сторону стояль графъ Ливенъ, готовый писать, по правую князь Долгоруковъ, который вскрыль одинъ рапортъ и началъ читать, но вдругь остановился и побледнеть. «Дальше!» вскричалъ императоръ. Долгоруковъ долженъ былъ продолжать. Это была жалоба на его отца³). Императоръ улыбнулся и во время чтенія нісколько разь съ злорадствомъ подмигивалъ графу Ливену, чтобы обратить его внимание на смущение и страхъ Долгорукова. Когда это чтение было окончено, онъ взялъ письменную доску изъ рукъ графа и на этотъ разъ заставилъ Долгорукова писать приказъ, коимъ объявлялось повельніе подвергнуть строжайшему изслѣдованію обвиненіе, введенное на его отца 4).

¹⁾ Графъ Христофоръ Андреевичъ Ливенъ († 1838), второй изъ сыновей статсъ-дамы графини Ливенъ, впослѣдствіи князь и посоль въ Лондонѣ.

²⁾ Князь Петръ Петровичь Долгоруковъ (р. 1777 † 1806), генераль-адъютантъ Павла съ 23 декабря 1798 года, впоследствіи известный своимъ свиданіемъ съ Наполеономъ передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ.

³⁾ Отецъ генералъ-адъютанта, тоже князь Петръ Петровичъ (р. 1744, † 1815), генералъ-дейтенантъ (3 марта 1798), генералъ-отъ-инфантеріи (30 декабря 1799), былъ начальникомъ тульскихъ оружейныхъ заводовъ съ 8 ноября 1798 по 3 декабря 1800 и снова съ 14 февраля 1801 по 1802 годъ.

⁴⁾ Это изслъдованіе, повидимому, происходило съ 3-го декабря 1880 по 14-е февраля 1801, т. е. въ то время, когда Долгоруковъ отецъ

Если бы объ императоръ Павлъ извъстна была только одна эта черта, то я, не задумываясь, призналъ бы его за холоднаго тирана. Но послъ всего того, что такъ ясно рисуетъ его характеръ, я не могу допустить, чтобы въ этомъ , случат было какое-нибудь злобное намъреніе. Въ минуты вспыльчивости Павелъ могъ казаться жестокимъ или даже быть таковымъ, но въ спокойномъ состояніи онъ былъ неспособенъ дъйствовать безчувственно или неблагородно. Должно замѣтить, что графъ Ливенъ былъ весьма недоволенъ своимъ положеніемъ. Разсказъ его не можетъ, однако, подлежать ни малъйшему сомнънію, и, по всей въроятности, императоръ только хотълъ дать понять молодому Долгорукову, что тамъ, гдв двло идетъ о долгв службы, должны быть забыты всё узы родства, - урокъ, правда, безжалостный, данный не менте безжалостнымъ образомъ.

Я также не могу усомниться въ томъ, что сынъ какого-то казачьяго полковника, посаженнаго въ крѣпость, обратившись къ государю съ прекрасною сыновнею просьбою быть заключеннымъ вмѣстѣ съ отцомъ, получилъ только на половину удовлетвореніе своего желанія, а именно подвергся заключенію, но не вмѣстѣ съ отцомъ 1).

быль временно отстранень оть управленія тульскими заводами, и должно полагать, что описываемая сцена была не въ Павловскъ, какъ говорить Коцебу, а въ С.-Петербургъ, въ Зимнемъ дворцъ, гдъ государь еще жилъ въ декабръ 1800 года.

По всей въроятности, къ этому случаю относится слъдующій разсказъ князя Петра Владимировича Долгорукова, пом'вщенный въ его «Сказаніяхъ о родъ князей Долгоруковыхъ» (С.-Петербургъ, 1842 г., стр. 175):

«На родителя его... сдѣланъ былъ доносъ, оказавшійся по строгомъ изслѣдованіи совершенно ложнымъ. Государь сказалъ молодому князю Петру Петровичу, что предоставляетъ родителю его выборъ наказанія для клеветниковъ. «Накажите ихъ презрѣніемъ, ваше величество», отвѣчалъ князь, и Павелъ обнялъ его, восклицая: «Вотъ Долгоруковская кровь».

¹⁾ Объ этомъ полковникѣ въ своемъ «Merkw. Jahr» (t. 2, p. 250) Коцебу говоритъ, что онъ, по приказанію Павла, привезенъ былъ изъ

Характеръ Павла представляль бы непостижимыя противоръчія, если бы надлежало основывать свои сужденія на однъхъ только подобныхъ чертахъ, не принимая во вниманіе побочныхъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Въ противоположность предшествующему, здъсь должно найти мъсто слъдующее происшествіе, какъ доказательство его справедливости.

Графъ Панинъ 1), жертва ненависти графа Ростопчина, сосланъ былъ въ свое имъніе. Это показалось недостаточнымъ его въ то время могущественному врагу. Перехвачено было письмо изъ Москвы. Оно писано было однимъ путешествовавшимъ чиновникомъ²) коллегіи иностранныхъ дёлъ къ Муравьеву³), члену той же коллегіи, и ничего другого не содержало, какъ простыя извъстія о посъщеніяхъ, сдъланныхъ путешественникомъ его дядямъ и теткамъ. Только слова: «Я былъ также у нашего Цинцинната въ его имѣніи» показались Ростопчину странными, и онъ вообразилъ себъ, что письмо это писано графомъ Панинымъ, и что подъ именемъ Цинцинната слъдуеть разумьть князя Репнина 4), бывшаго въ то время въ немилости. Тогда, замънивши произвольно каждое имя другимъ, онъ понесъ письмо къ императору и внушилъ ему, что надъ нимъ издъваются. Легко раздражаемый государь тотчасъ приказалъ московскому военному губерна-

Черкаска въ Петербургъ и посаженъ въ крѣпость, гдѣ томился четыре года, и что сынъ его заслужилъ при Екатеринѣ георгіевскій и владимирскій кресты. По вступленіи императора Александра на престоль, Коцебу видѣль отца съ сыномъ въ пріемной графа Палена.

¹⁾ Вице-канцлеръ графъ Никита Петровичъ Панинъ, р. 1771 г. ; 1837 г. Передаваемый здъсь разсказъ напечатанъ въ «Метк w. Jahr» (t. 2, pp. 346—349).

²⁾ Петромъ Ивановичемъ Приклонскимъ, р. 1773 г. † 18...

³⁾ Иванъ Матвъевичъ Муравьевъ, р. 1762 г. † 1851 г., получившій при Александръ I дозволеніе именоваться Муравьевымъ-Апостоломъ. Былъ, при Павлъ, посланникомъ въ Гамбургъ.

⁴⁾ Генераль-фельдмаршаль князь Николай Васильевичь Репнинъ, р. 1734 г. † 1801 г.

тору графу Салтыкову 1) сдѣлать строжайшій выговорь графу Панину. Панинъ отвѣчалъ чистосердечно, что совсѣмъ не писалъ въ Петербургъ. Предубѣжденный монархъ велѣлъ послать въ Москву подлинное письмо, дабы уличить графа, и потомъ сослать его за 200 верстъ отъ Москвы.

Между тъмъ настоящій сочинитель письма, узнавши обо всемъ этомъ, поспъшилъ на курьерскихъ въ Петербургъ, отправился къ графу Кутайсову и объявилъ ему: «Письмо это писано мною, подписано моимъ именемъ. Я слышу, что давніе мои благодътели подвергаются несправедливымъ подозръніямъ, и прітхалъ все разъяснить Его самого (т. е. Панина) назвалъ я Цинциннатомъ не потому, чтобы хотълъ скрыть его имя, а потому, что по величію своего характера онъ, мнъ кажется, можетъ быть сравненъ съ этимъ римляниномъ».

Почти въ то же время пришло изъ Москвы второе донесеніе, открывавшее, что дѣйствительно письмо писано не рукою Панина. Тогда императоръ обратилъ свой справедливый гнѣвъ на Ростопчина и сказалъ: «C'est un monstre. Il veut me faire l'instrument de sa vengeance particulière; il faut que je m'en défasse» ²).

¹⁾ Генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Цетровичъ Салтыковъ, р. 1730 г. † 1805 г.

Рескрипты, писанные императоромъ Павломъ по этому случаю къ графу Салтыкову, хранятся у правнука этого послъдняго, Влад. Ив. Мятлева.

^{2) 18-}го февраля 1801 года главнымъ директоромъ надъ почтами на мѣсто графа Ростопчина былъ назначенъ графъ Паленъ а 20-го февраля 1801 года графъ Ростопчинъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ.

Въ то же время графъ Панинъ, оправданный въ глазахъ импера тора, получилъ (18-го февраля 1801 года) дозволеніе возвратиться въ Петербургъ.

Депеши прусскаго посланника графа Люзи (отъ 19-го, 22-го и 26-го февраля ст. стиля 1801) и депеши неаполитанскаго посланника

Много было говорено о тиранскихъ намфреніяхъ, которыя Павелъ будто бы питалъ противъ своего семейства. Разсказывали, что онъ хотълъ развестись съ императрицей и заточить ее въ монастырь. Если бы даже Марія Өеодоровна не была одною изъ красивъйшихъ и любезнъйшихъ женщинъ своего времени, то и тогда ея кротость, благоразуміе и уступчивый характеръ предотвратили бы подобный соблазиъ. Утверждали, будто онъ просилъ совъта у одного духовнаго лица, и когда этотъ послъдній, приведя въ примъръ Петра Великаго, одобрилъ его намъреніе, государь обняль его, тотчась возвель въ сань митрополита и поручилъ ему склонить императрицу сперва убъжденіями, а потомъ угрозами 1). Стоитъ только припомнить хотя одинъ достовърный анекдотъ о чулкахъ, которые Павелъ съ такою любовью принесъ своей супругъ, чтобы признать этотъ разсказъ за выдумку. Людей вспыльчивыхъ, не умъющихъ сдерживать себя при постороннихъ,

Дюка де Серра Капріола (отъ 2-го марта ст. стиля 1801) вполнѣ подтверждаютъ разсказъ Коцебу.

Серра Капріола прибавляєть, что графъ Ростопчинъ въ воскресенье 24-го февраля пріважаль во дворець, чтобы откланяться государю, но что государь нашель этоть поступокъ дерзкимъ и приказаль ему передать, чтобы онъ немедленно выбхаль изъ дворца и въ тотъ же день изъ Петербурга; черезъ нёсколько часовъ Ростопчинъ и выбхаль въ Москву.

Въ одно время съ нимъ отставлень быль графъ Николай Николаевичъ Головинъ, президентъ почтоваго департамента (съ 6-го іюня 1799 года), находившійся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Ростопчинымъ, равно какъ и множество мелкихъ чиновниковъ, которые при разборѣ писемъ преслъдовали свои личныя цѣли.

Преслѣдованіе личныхъ цѣлей въ управленіи почтовою частію было, повидимому, дѣломъ обычнымъ для Ростопчина; онъ употребилъ перлюстрацію и для удаленія И. Б. Пестеля (См. Русскій Архивъ 1875 г., III, стр. 440), не болѣе недѣли по вступленіи своемъ въ должность главнаго директора почтоваго департамента.

¹⁾ С.-петербургскій архіепископъ Амвросій (Подоб'єдовъ, р. 1742 г. † 1818 г.) пожалованъ митрополитомъ 10-го марта 1801 года, накануні смерти императора Павла.

Ю. В. Толстой: Списки архіереевъ. Спб., 1872, стр. 18.

принимаютъ за дурныхъ мужей, между тѣмъ какъ весьма часто именно такіе люди наиболѣе любимы женами, которыя лучше кого-либо знаютъ ихъ характеръ.

Одинаково сомнительнымъ представляется разсказъ о, томъ, будто Павелъ хотѣлъ заключить въ крѣпость обоихъ великихъ князей. Даже слова, произнесенныя имъ въ веселомъ расположеніи духа, за обѣдомъ, недѣли за двѣ до своей смерти: «сегодня я помолодѣлъ на пятнадцать лѣтъ», были истолкованы, какъ относившіяся къ этому предположенію. Конечно, легко могло бы случиться, что въ порывѣ гнѣва онъ приказалъ бы арестовать обоихъ великихъ князей на нѣсколько дней. Но трудно допустить, чтобы ему когда-либо пришло въ голову сослать ихъ совершенно, ибо онъ всегда былъ и оставался нѣжнымъ отцомъ. Онъ доказалъ это, между прочимъ, тѣмъ живѣйшимъ участіемъ, которое принялъ въ судьбѣ прекрасной своей дочери Александры Павловны.

Она была выдана замужъ за палатина венгерскаго 1) который любилъ ее искренно. Императоръ Францъ 2) оказывалъ ей также величайшее благорасположеніе, и это обстоятельство послужило первоначальнымъ поводомъ къ той ненависти, которую возымѣла къ ней безгранично ревнивая императрица германская 3). Къ этому присоединилась еще другая, не менѣе важная причина. Красота, привѣтливое обхожденіе и благотворительность великой княгини очаровали венгерцевъ, въ національномъ одѣяніи которыхъ она иногда являлась публично. Она покорила себѣ всѣ сердца, и, такъ какъ этотъ храбрый народъ уже и безъ того нетерпѣливо переносилъ господство Австріи, которая для Венгріи часто бывала не матерью, а мачехою,

¹⁾ Вѣнчаніе великой княжны Александры Павловны съ эрцъ-герцогомъ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ, происходило въ Гатчинѣ 19-го октября 1799 года.

²⁾ Императоръ Францъ, р. 1768 г. † 1835 г.

³⁾ Императрица Марія-Тереза (р. 1772 г. † 1807 г.), дочь неаполитанскаго короля Фердинанда I и втэрая супруга императора Франца.

то въ немъ возникла и созрѣла мысль, при содѣйствіи Павла, совершенно отдѣлиться отъ Австріи и возвести на венгерскій престолъ великую княгиню Александру Павловну или, скорѣе, ея сына. Это было извѣстно великой княгинѣ, и она не безъ колебанія изъявила на то свое согласіе. Графиня Ливенъ также знала объ этомъ предположеніи, но остерегалась преждевременно сообщить о немъ императору, изъ опасенія, чтобы онъ, по своему обыкновенію, не воспламенился и не послалъ бы тотчасъ свои войска въ Венгрію.

Тамъ уже раздавались карточки, по которымъ соумышленники узнавали другъ друга. На этихъ карточкахъ представлена была въ срединѣ колыбель ожидаемаго ребенка; геній отечества парилъ надъ нею; возлѣ колыбели розовый кустъ, окруженный терніемъ,—намекъ на страданія великой княгини,—а на этомъ кустѣ нѣсколько розъ, изъ коихъ одна, великолѣпно распустившаяся, обозначала Александру Павловну; изъ другой же выходило коронованное дитя въ пеленкахъ, съ надписью: «Dabimus coronam». Одну изъ этихъ карточекъ видѣли въ Петербургѣ.

Вънскій дворъ узналъ обо всемъ этомъ и учреждено было за великою княгинею строгое наблюденіе, сопровождаемое всевозможными огорченіями, которыя, по приказанію германской императрицы, доходили до самыхъ мелочныхъ оскорбленій. Говорятъ, что даже во время нездоровья великой княгини, несмотря на предписанія доктора о соблюденіи извъстной діэты, ей отпускали самую вредную пищу. Однажды ей захотълось имъть ухи, и она немогла ее получить. Священникъ ея долженъ былъ самъ пойти на рынокъ и купить рыбу, которую принесъ подъсвоею широкою рясою 1).

¹⁾ Духовникъ великой княгиаи Андрей Аванасьевичъ Самборскій, р. 1733 г. + 1815 г.

Онъ оставиль записку о пребываніи великой княгини въ Венгріи, напечатанную въ газетѣ «День» 1862 г., № 37.

Я. К. Гротъ въ примъчаніяхъ къ соч. Державина, ч. II, стр. 583 и 727.

Всего знаменательнѣе было неотступное требованіе императрицы, чтобы супруга палатина переѣхала для своихъ родовъ въ Вѣну. Тогда Александра Павловна стала опасаться за свою жизнь и написала графинѣ Ливенъ трогательное письмо, въ которомъ предсказывала, что если ее принудятъ разрѣшиться отъ бремени въ Вѣнѣ, то и она и ея ребенокъ сдѣлаются жертвами этого распоряженія.

Можно себъ вообразить, до какой степени это письмо встревожило графиню Ливенъ, которая, по истинъ, любила принцессу, какъ дочь. Въ своемъ смятеніи она обратилась къ графу Палену; онъ ей сказалъ, что ея обязанность представить это письмо императору. Она это исполнила. Павелъ разсердился и самымъ положительнымъ образомъ объявилъ палатину, что принцесса должна разрѣшиться отъ бремени тамъ, гдв сама пожелаетъ. Тутъ ужъ болве не смѣли принудить ее къ переѣзду въ Вѣну, хотя передъ тъмъ грозили ей употребленіемъ силы. Она родила въ Офенъ, окруженная върными слугами, и все-таки умерла 1). На основаніи всего предшествовавшаго возникли мрачныя догадки. Графиня Ливенъ полагала, что при такихъ обстоятельствахъ смерть Александры Павловны могла быть и естественною; но многіе, вспоминая Раштадтское происшествіе²), утверждали, что императрица германская доказала, на что она была способна.

Императору Павлу ставили въ упрекъ, что почти ко всѣмъ тѣмъ, которые нѣкогда окружали его мать, онъ питалъ нерасположеніе, одинаково распространявшееся на виновныхъ и невинныхъ и нерѣдко побуждавшее его

¹⁾ Великая княгиня родила въ мартѣ нов. ст. 1801 года. Ребенокъ жилъ только нѣсколько часовъ (дочь, названная Паулиною).

Умерла великая княгиня 4-го (16-го) марта 1801 года.

Извъстіе о ея смерти получено въ С.-Петербургъ 20-го марта 1801 года (Кам.-Фур. журналъ), т. е. послъ кончины императора Павла.

²) 28-го апръля 1799 года французскіе уполномоченные, бывшіе на конгрессъ въ Раштадть, изрублены были близъ этого города австрійскими гусарами.

обращаться не по-царски съ вѣрнѣйшими слугами государства. Упрекъ этотъ былъ справедливъ.

Еще императрица Екатерина имъла намърение воздвигнуть памятникъ фельдмаршалу Румянцову '). Она приказала написать къ нему чрезъ сенатъ, чтобы онъ самъ выбраль въ Петербургъ или Москвъ мъсто, которое должно было быть украшено его статуею, и на которомъ въ то же время должны были выстроить великол виный дворецъ для его семейства. Скромный старецъ отказался отъ этого и умеръ, довольствуясь внутреннимъ сознаніемъ, что заслужилъ предложенную ему почесть. Когда Павелъ вступилъ на престолъ, графъ Безбородко²) въ разговорѣ съ сыномъ фельдмаршала, нын вшнимъ государственнымъ канцлеромъ графомъ Румянцовымъ 3), объяснилъ ему, что теперь не время для сооруженія статуи, но что возможно будеть выстроить для него и для его брата дворцы на счетъ казны. Благородный сынъ отклонилъ это предложение, не желая какъ бы продавать славу своего отца.

Тѣмъ не менѣе Безбородко, почитавшій покойнаго фельдмаршала своимъ благодѣтелемъ, воспользовался благопріятнымъ случаемъ, чтобы доложить государю о бывшемъ предположеніи, и государь, нѣсколько дней спустя, обратился къ графу Румянцову со словами: «Я-воздвигну памятникъ вашему отцу». Какъ извѣстно, онъ сдержалъ свое обѣщаніе; но, вмѣсто статуи, сооруженъ былъ на плацпарадѣ ничтожный обелискъ 4). При случаѣ онъ также сказалъ

¹⁾ Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій р. 1725 г. + 1796 г.

²) Графъ, съ 1797 года князь, Александръ Андреевичъ Безбородко, р. 1747 г. + 1799 г.

³⁾ Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, р. 1754 г. † 1826 г., возведенъ въ государственные канцлеры 19-го сентября 1809 года.

⁴⁾ Повельніе о постройкь этого обелиска дано было архитектору Бренна весною 1798 года; въ январь 1799 года онъ быль оконченъ и, стояль на Царицыномъ лугу, къ Невъ. Въ 1820 году перенесенъ на нынъшнее мъсто, противъ 1-го кадетскаго корпуса, гдъ Румянцовъ получилъ первое воспитаніе.

графу Румянцову, что и дворецъ будетъ выстроенъ; но впослѣдствіи объ этомъ не было и рѣчи. Павелъ забылъ, что громкое и торжественное признаніе государственныхъ заслугъ приноситъ еще болѣе чести самому монарху, чѣмъ его подданному.

Повидимому, не столь основательно обвиняли Павла въ томъ, что онъ неприлично обращался съ духовенствомъ. Если и справедливо, что онъ однажды сослалъ одно духовное лицо за то, что въ проповъди, произнесенной имъ въ придворной церкви, восхвалялось прежнее царствованіе съ порицающими намеками на нынъшнее, то подобное происшествіе, часто повторявшееся въ другихъ государствахъ, было, конечно, заслуженнымъ наказаніемъ для дерзкаго проповъдника.

Но еще неосновательные толкують, осуждая награжденіе духовныхъ лицъ орденами. Высшій глава ихъ, по справедливости высокоуважаемый митрополить московскій Платонъ 1), возвратилъ пожалованный ему орденъ подъ тѣмъ предлогомъ, что его обътъ, уставъ русской церкви и нъсколько другихъ причинъ запрещали ему носить свътскій знакъ отличія. Онъ былъ немедленно вызванъ въ Петербургъ; но еще на дологъ получилъ, въ отмъну прежняго приказанія, повелініе отправиться на жительство въ небольшой городъ близъ Москвы. Прибывъ самъ въ Москву на коронацію, императоръ хотвлъ было призвать духовное лицо для совершенія этого торжественнаго обряда. Но ему это такъ серьезно отсовътовали, во вниманіе глубокому уваженію, коимъ пользовался Платонъ въ народъ, что онъ нашелся вынужденнымъ уступить. Достойный старецъ, безъ орденовъ, вънчалъ своего императора на царство, и всѣ превозносили эту твердость 2); но были ли

¹⁾ Платонъ Левшинъ, митрополитъ московскій, р. 1737, † 1812, былъ законоучителемъ Павла, какъ великаго князя.

²⁾ Митрополить Евгеній, въ Словарѣ историческомъ о духовныхъ писателяхъ (Спб., 1827, II, 179), пишеть:

эти похвалы справедливы? Ордена суть не что иное, какъ признаки заслугъ, оказанныхъ отечеству. Развъ духовное лицо не можетъ ихъ заслужить? и, если оно ихъ заслужило, можетъ ли оно изъ гордости, скрывающейся подъ смиреніемъ духовнаго званія, гнушаться тіхь отличій, которыя жалуеть ему государь? Можно ли назвать свътскимъ то, что обозначаетъ одну изъ прекраснъйшихъ, Богомъ предписанныхъ, обязанностей? Разсудокъ благороднаго старца введенъ былъ въ заблужденіе предвзятыми понятіями; одна только необычайность случая поставила его въ недоумвніе, потому что вообще онъ быль мужъ по сердцу Божію. Когда онъ изрёдка прівзжаль изъ Троицко-Сергіевской лавры въ Москву, народъ окружаль его, какъ святыню. Однажды прі халь онь, чтобы отслужить об'єдню, и нашелъ церковь осажденною безчисленною толпою, которую не пускала полиція. На вопросъ его: «почему»? ему отв'вчали, что церковь уже переполнена знатн'вишими лицами города. Онъ разсердился и сказалъ весьма громко: «Я столько же пастырь б'ёдныхъ, какъ пастырь богатыхъ». Народъ обрадовался. Не удивительно, что послѣ такихъ поступковъ народъ былъ къ нему привязанъ и высоко

По вступленіи на престоль государя императора Павла 1-го, онъ (Платонъ) получиль 1797 г. марта 21-го ордены александровскій и андреевскій... Въ 1809 г. августа 30-го пожалованъ Владимирскимъ орденомъ 1-го класса».

Бантышъ-Каменскій (Словарь, 1847. II, прибавл., стр. 20) сообщаеть слёдующія подробности:

[«]Онъ (Платонъ) явился во дворцѣ (въ Москвѣ) 21-го марта (1797 года). Внесенъ былъ орденъ Св. Ап. Андрея Первозв. Платонъ отказывался отъ этой почетной награды, говоря, что «желаетъ умереть архіереемъ, а не кавалеромъ»; но императоръ возложилъ на него ленту и на всѣ убѣжденія отвѣчалъ: «что онъ о томъ довольно разсуждалъ, требуетъ исполненія его воли».—Коронованіе совершилось 5-го апрѣля. Митрополитъ новгородскій Гавріилъ первенствовалъ при этомъ священномъ обрядѣ; митрополитъ московскій представлялъ второе лицо».

Носиль ли Платонъ андреевскій орденъ при коронованіи, или нѣтъ, Бантышъ-Каменскій не говоритъ; но можно почти навѣрное отвѣчать утвердительно.

почиталъ его, и что совътъ, данный государю беречь такого человъка, былъ вполнъ разуменъ и правдивъ.

Но подобные совъты ему ръдко давались. Обыкновенно всякій искаль, какъ бы подладиться къ его подозрительному нраву, какъ бы выставить чужую дерзость, чтобы придать болье цыны собственному подобострастію и выманить подарки отъ государевой извъстной щедрости.

Наконецъ утверждали, что, когда государь былъ въ дурномъ расположении духа, не слъдовало ему попадаться на глаза подъ опасеніемъ за честь и свободу. Это была низкая клевета, какъ я въ томъ убъдился изъ неоднократнаго собственнаго опыта. Наблюденія мои внушили мнѣ довѣріе къ характеру государя, и я полагаю, что нікоторая скромная смёлость и прямой взглядъ спокойной совести никогда не были ему непріятны. Только робость и застінчивость передъ нимъ могли возбудить его подозрительность, и тогда, если къ этой подозрительности присоединялось дурное расположение духа, онъ въ состоянии былъ дъйствовать опрометчиво. Поэтому я поставилъ себъ за непремѣнное правило никогда не избѣгать его присутствія, и, когда я съ нимъ встрвчался, непринужденно останавливался и скромно, но прямо смотрълъ ему въ глаза. Не разъ случалось со мною, когда я находился въ одной изъ его комнатъ, что лакеи вбъгали впопыхахъ и кричали какъ мнъ, такъ и другимъ, что императоръ идетъ, и что мы должны поскоръе удалиться. Обыкновенно исчезала большая часть присутствовавшихъ, часто даже всѣ; я одинъ всегда оставался. Государь, проходя мимо иногда просто кивалъ мнѣ головою, но чаще всего обращался ко мнв съ нвсколькими милостивыми словами.

Я именно помню, что въ одно утро со мною былъ подобный случай и что оберъ-гофмаршалъ сказалъ мнѣ потомъ: «Вы можете похвалиться своимъ счастіемъ: государь былъ сегодня въ самомъ дурномъ расположеніи духа».— Я улыбнулся, потому что убѣжденъ, что это счастіе выпало бы на долю каждаго, у кого сіяла бы въ глазахъ чистая совъсть. Но изъ тъхъ, которые обыкновенно приближались къ нему, ръдкій человъкъ могъ скрыть свое коварство: къ ногамъ его повергалась одна лишь корыстолюбивая, всегда косо смотрящая подлость; все это притворство не могло, конечно, не казаться противнымъ этому прямодушному человъку, и невольно вспыхивало его негодованіе. Самую тягостную обязанность для государя составляеть изученіе людей, потому что оно приводитъ къ презрѣнію человъчества.

Что Павелъ приказывалъ со строгостію, то исполнялось его недостойными слугами съ жестокостію. Страшно сказать, но достовърно: жестокость обращена была въ средство лести. Его сердце о томъ ничего не знало. Онъ требовалъ только точнаго исполненія во всемъ, что ему казалось справедливымъ, и каждый спѣшилъ повиноваться. Но этого недостаточно было для въроломныхъ слугъ. Имъ нужно было, чтобы государь чувствовалъ необходимость держать ихъ при себъ, и чтобы онъ чувствовалъ ее все болье и болье; съ этою цѣлью они старательно поддерживали его подозрительность и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы подливать масла въ огонь. Неумолкаемое поддакиваніе вошло въ обычай, окончательно извратило нравъ государя и съ каждымъ днемъ дѣлалось ему необходимъе.

Не по недостатку разсудка Павелъ подпалъ подъ вліяніе льстецовъ, а вслѣдствіе ихъ адскаго искусства не давать уснуть его подозрительности и представлять, какъ преступленіе, всякое правдивое противорѣчіе. Послѣдствіемъ этого было то, что всѣ честные люди замолкли даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по долгу совѣсти имъ надлежало говорить.

Извъстно, съ какимъ пристрастіемъ Павелъ смотрълъ на Михайловскій замокъ, воздвигнутый имъ какъ бы по волшебному мановенію. Очевидно, пристрастіе это про-исходило не отъ того, что какое-то привидъніе указало построить этотъ дворецъ,—объ этой сказкъ онъ, можетъ

быть, и не зналъ, а если зналъ, то допустилъ ее для того только, чтобы въ глазахъ народа оправдать затраченныя на эту постройку деньги и человъческія силы. Его предпочтеніе къ ней главнымъ образомъ происходило отъ чистаго источника, изъ кроткаго человъческаго чувства, которое за нъсколько дней до своей смерти онъ почти пророчески выразиль г-ж ВПротасовой 1) въ следующихъ словахъ: «На этомъ мъстъ я родился, здъсь хочу и умереть». Однако должно сознаться, что поспѣшность, съ которою окончена была эта постройка, угрожала опасностію для здоровья всёхъ обитателей новаго дворца. Даже спальня великой княгини Елисаветы²) была такъ сыра, что, какъ я своими глазами видёлъ, невозможно было различить уничтожавшуюся живопись надъ дверями (dessus de portes). Вслъдствіе сего великая княгиня занемогла опасною горловою болъзнью; но она не смъла жаловаться, изъ опасенія, что государь приметъ мал'вйшую жалобу за порицаніе его распоряженій. Ея докторъ, ст. сов. Гриве ³), объявиль ей однажды, что, въ случав усиленія бользни, онъ будеть вынужденъ предупредить государя о причинъ оной; великая княгиня согласилась, хотя и неохотно, и весьма обрадовалась, когда улучшеніе въ ея здоровь сділало этотъ смѣлый шагъ безполезнымъ.

Ропотъ на слабость, коей опасныя послѣдствія угрожали даже царскому семейству, былъ, безъ сомнѣнія, справедливъ.

¹⁾ Камеръ-фрейлина Анна Степановна (впослѣдствіи графиня), р. 1745 г. † 1826 г.

²⁾ Въ подлинникъ, по ошибкъ, написано Александры вмъсто Елисаветы.

Спальня великой княгини Елисаветы Алексвевны была въ нижнемъ этажв фаса, обращеннаго къ Лътнему саду. О сырости этой комнаты Коцебу говоритъ то же самое въ своемъ «Мегкw. Jahr» II, 234 (русскій переводъ этого мъста въ Русскомъ Архивъ 1870 г., стр. 992).

³⁾ Въ адресъ-календарѣ на 1801 годъ (стр. 15) лейбъ-медикъ Гривъ, 5-го класса, показанъ въ штатѣ придворнаго медицинскаго факультета. Собственно при великомъ князѣ Александрѣ и его супругѣ состоялъ докторъ Лерхъ.

Зато возмутительно было слышать насмёшки надъ другою слабостью государя, которая никому не дёлала вреда, а именно надъ страстью его къ публичнымъ торжествамъ. Между прочимъ, позволяли себё распускать злостный слухъ, будто во время тяжкой болёзни одного изъ дётей императора 1), когда уже всякая надежда почти исчезла, онъ тотчасъ нашелъ себё утёшеніе въ томъ, что придумалъ церемоніалъ для погребенія ребенка.

Вообще язвительныя насмѣшки надъ государемъ сдѣлались какъ бы ежедневнымъ занятіемъ петербургскаго общества. Екатерина начала строить Исаакіевскій соборъ изъ мрамора; Павелъ приказалъ докончить его просто изъ кирпича; эта небогатая отдѣлка дала поводъ къ слѣдующему двустишію, которое нашли прибитымъ къ церкви:

«Се памятникъ двухъ царствъ, обоимъ имъ приличный: «Низъ мраморный, а верхъ кирпичный» ²).

Clarke (Travels, Russian, Tartarian and Turkish, р. 9) передаетъ слъдующій французскій переводъ:

По-русски у Шишкова (Записки. Берлинское изданіе, І, 21) такъ:

Авторомъ этихъ стиховъ былъ, повидимому, капитанъ-лейтенантъ Акимовъ. Говорятъ, будто его схватили, пыткою вынудили у него признаніе, отрѣзали ему языкъ и сослали въ Сибирь. Достовѣрно, что онъ пропалъ безъ вѣсти (Шишковъ, I, 21. Русскай Старина, XVI, 178).

¹⁾ Никто изъ дѣтей императора Павла въ его царствованіе не быль такъ боленъ, чтобы было необходимо помышлять о погребальномъ церемоніалѣ. Не хочетъ ли Коцебу говорить о болѣзни великой княжны Маріи Александровны, дочери великаго князя Александра Павловича, которая дѣйствительно скончалась на второмъ году отъ рожденія 27-го іюля 1800 года.

²⁾ Въ подлинникъ эти стихи приведены по-французски:

[«]Ce monument dont la base est de marbre et la cime de brique,

[«]De deux règnes le caractère et la durée nous indique».

[«]De deux règnes voici l'image alléqorique:

[«]La base est d'un beau marbre, et le sommet de brique».

[«]Се памятникъ двухъ царствъ, обоимъ имъ приличный:

[«]На мраморномъ низу поставленъ верхъ кирпичный».

Сочинили карикатуру, на которой императоръ былъ представленъ въ полной формъ, въ мундиръ, усъянномъ вензелями Фридриха II; только на головъ написано было: Павелъ I.

Самая смерть его, какъ ни ужасна она была, не прекратила этихъ шутокъ. Выдумали, будто въ предсмертныя минуты онъ умолялъ, по крайней мъръ, объ отсрочкъ, чтобы изложить на бумагъ весь церемоніалъ своего торжественнаго погребенія.

Таково было раздраженіе высшихъ классовъ общества противъ государя, который имѣлъ одно только желаніе дѣлать добро и поступать справедливо. Когда его ослѣпляли подозрительность и заносчивость, льстецы и искатели счастья, которые его окружали, спѣшили еще болѣе затемнять его разсудокъ, дабы ловить рыбу въ мутной водѣ. Но въ слѣдующія затѣмъ минуты, какъ только государь снова приходилъ въ себя, никто не могъ быть увѣренъ, что удастся продолжить обманъ, и потому всѣ желали перемѣны: одни, чтобы сохранить добытое всевозможными происками, другіе, чтобы получить отъ новаго государя знаки его милости, а третьи—чтобы сыграть какуюнибудь роль.

Давно уже ядъ началъ распространяться въ обществъ. Сперва испытывали другъ друга намеками; потомъ обмѣнивались желаніями; наконецъ открывались въ преступныхъ надеждахъ. Нѣсколько способовъ извести императора были предпринимаемы. Самымъ вѣрнымъ казалось фанатизировать нѣсколькихъ отчаянныхъ сорванцевъ. Было до тридцати людей, коимъ поочередно предлагали пресѣчь жизнь государя ядомъ или кинжаломъ. Большая часть изънихъ содрогалась передъ мыслью совершить такое преступленіе, однако они обѣщали молчать. Другіе же, въ небольшомъ числѣ, принимали на себя выполненіе этого замысла, но въ рѣшительную минуту теряли мужество.

Подозр*ввалъ ли самъ императоръ то, что замышляли противъ него? Не дошло ли до него какое-нибудь предостереженіе? Достов'єрно только то, что за нізсколько дней передъ своей кончиной онъ приказаль, чтобы кушанья его готовились не иначе, какъ шведскою кухаркою 1), которая поміщена была въ небольшой комнаті возлів собственныхъ его покоевъ.

Но отравленіе не было единственною опасностію, которая ему угрожала. На каждомъ вахтъ-парадѣ, на каждомъ пожарѣ (напримѣръ, въ домѣ Кутузова), на каждомъ маскарадѣ за нимъ слѣдили убійцы. Однажды, въ маскарадѣ въ Эрмитажѣ, одинъ изъ нихъ, вооруженный кинжаломъ, стоялъ у дверей, чрезъ которыя нѣсколько ступенекъ вели въ залу, и ждалъ государя съ твердою рѣшимостью его убить. Государь появился. Убійца пробрался къ нему, но вдругъ потерялъ присутствіе духа, скрылся среди толпы и бѣжалъ домой, какъ будто преслѣдуемый фуріями.

Эти отдёльныя попытки были, однако, какъ бы тёло безъ души до тёхъ поръ, пока душою ихъ не сдёлался графъ Паленъ. Съ нимъ во главѣ революція была легка; безъ него почти невозможна. Какъ с.-петербургскій военный губернаторъ, онъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ всѣ войска и всю полицію; какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ завѣдывалъ также почтовою частью со всѣми ея тайнами 2). Всѣ повелѣнія государя проходили чрезъ его руки и имъ объявлялись. Павелъ, обыкновенно столь недовѣрчивый, предался ему совершенно; онъ былъ всемогущъ. И этотъ-то человѣкъ, которому новое царствованіе могло скорѣе предвѣщать паденіе, чѣмъ новое возвышеніе, самъ разрушилъ источникъ своего величія! Чего же ему недоставало? Недоставало ему безопасности, одной безопасности, безъ которой, хотя и осыпанный всѣми милостями

¹⁾ Въ сочинении «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens» Коцебу сообщаеть то же обстоятельство, но говорить, что кухарка была нъмка.

²⁾ По удаленіи графа Ростопчина, 20-го февраля 1801 года, графу Палену повельно было присутствовать въ коллегіи иностранныхъ дыль, съ сохраненіемъ должности с.-петербургскаго военнаго губернатора и начальствомъ надъ почтовою частію.

и всёми дарами счастія, онъ уподоблялся Дамоклу, надъглавою котораго постоянно висёлъ мечъ на волоске! 1).

Онъ уже неоднократно испытывалъ, какъ мало могъ разсчитывать на продолжение своего счастія. Весьма часто ему едва удавалось удержаться на той высоть, съ которой его хотъли свергнуть. Самый блестящій день не представляль ему ручательства въ спокойной ночи, ибо завистники его всегда бодрствовали и не пропускали ни одного случая, чтобы сдёлать его подозрительнымъ въ глазахъ государя. Отъ него самого я слышалъ, что даже то невинное письмо, въ которомъ я умолялъ его о спасеніи, когда меня повлекли въ Сибирь, чуть не сдълалось причиною его погибели. Императоръ самъ передалъ ему это письмо, съ колкимъ замъчаніемъ, что, повидимому, думаютъ, что его сіятельству все возможно. Съ большимъ трудомъ успѣлъ онъ объяснить, что утопающій хватается даже за соломинку, и что, следовательно, въ этой просьбъ я только взывалъ къ его счастію или къ монаршей милости.

Другое, собственно, неважное происшествіе навлекло ему самыя горькія оскорбленія. Одинъ гвардейскій офицеръ, Рибопьеръ²), неизвѣстно почему, подвергся неудовольствію императора. То обстоятельство, что онъ хорошо

¹⁾ Мертваго, служившій въ то время при Обольянинов въ провіантской экспедиціи военной коллегіи, пишетъ въ своихъ запискахъ (стр. 118, въ «Русскомъ Архив въ 1867 года): «Время это было самое ужасное. Государь быль на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами бол ве вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни...... Словомъ—е жедневный ужасъ. Начальникъ мой сталъ инквизиторомъ; все шло чрезъ него. Сердце бол вло, слушая шопоты, и радъ бы не знать того, что разсказываютъ».

²⁾ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ († 1865 г.), корнетъ конной гвардіи, пожалованный 6-го февраля 1799 года флигель-адъютантомъ къ императору. Черезъ недёлю послё своего пожалованія въ флигель-адъютанты онъ былъ переименованъ (14-го февраля 1799 года) въ камергеры, и (15-го февраля 1799 г.) повелёно въ тоть же день отправить его въ Вёну. (Дневникъ Ростопчина).

вальсироваль, и что княгиня Гагарина охотно съ нимъ танцовала, нисколько не было настоящею причиною этой немилости и придумано было злобою противъ государя. Чтобы удалить его изъ Петербурга безъ вреда для его службы, его отправили въ Въну. Тамъ, если не ошибаюсь, онъ дрался на дуэли съ Четвертинскимъ 1). Такъ какъ оба великіе князя не желали, чтобы этотъ случай дошелъ до государя, то графъ Паленъ скрылъ полученное имъ донесеніе. Но тогдашній генераль-прокурорь Обольяниновь 2) узналъ о немъ, съ злорадствомъ отправился къ императору, доложилъ о случившемся и коварно прибавилъ: «Ваше величество изъ этого видите, какъ дерзаютъ съ вами поступать. Если о такихъ вещахъ не докладываютъ, то могутъ умолчать и о важнъйшихъ». Павелъ разсердился и не только далъ почувствовать графу Палену свое неудовольствіе, но даже оскорбиль его въ томъ, что было ему всего дороже: когда супруга графа, первая статсъ-дама 3), прівхала ко двору, ей только туть объявлено было, что она должна вернуться домой и болбе не являться.

Можеть быть, графъ Паленъ никогда не забывалъ и другого тяжкаго оскорбленія, которое онъ испыталъ еще въ бытность свою губернаторомъ въ Ригѣ. Когда по смерти Екатерины князь Зубовъ проѣзжалъ чрезъ этотъ городъ, графъ принялъ его съ нѣкоторыми почестями, какъ прежняго своего покровителя и благодѣтеля. Императоръ, со-

¹⁾ Князь Борись Антоновичь Четвертинскій (р. 1781 г. † 1865 г.) младшій брать Маріп Антоновны Нарышкиной. Современники описывають его красавцемь, добрымь, милымь, живымь (Вигель, IV, 62), типомь благородства и рыцарскихь чувствь». «Русская Старина» 1872 г., IV, стр. 631).

²⁾ Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ († 1841 г.), генералъпрокуроръ со 2-го февраля 1800 года.

³⁾ Графиня Іуліана Ивановна Паленъ, рожденная баронесса Шёпингъ (род. 1753 г. † 1814 г.), статсъ-дама съ 17-го апрѣля 1799 года. Немилость эта была, впрочемъ, непродолжительна: изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что, напримѣръ, въ мартѣ 1801 года (отъ 1-го до 11-го числа) графиня приглашаема была ежедневно ко двору.

славшій князя Зубова въ его деревни, увидёлъ въ этихъ почестяхъ какъ бы насмёшку надъ собой и въ громовомъ указъ запятналъ графа упрекомъ въ «враждебной подлости».

Такія обиды оставляють глубокіе слёды въ душі благороднаго человіка, каковымь быль графь Палень. Любимому государю онь, несомнінно, быль бы вірнымь слугою. Несомнінно также, что онь охотно сошель бы со сцены безь кровавой катастрофы и предался бы тихому наслажденію пріобрітенными богатствами, если бы онь могь ожидать оть возбужденнаго въ Павлі неудовольствія или оть неутомимаго преслідованія своихь завистниковь, что его оставять въ покої. Но ему казалось невозможнымь избітнуть участи какого-нибудь Миниха, и, по необходимости, онь рішился на кровавую оборону.

Прежде всего онъ исходатайствовалъ братьямъ Зубовымъ, которые всё были смертельными врагами императора, дозволеніе возвратиться въ столицу. Не легко было получить это дозволеніе. Нужно было склонить на свою сторону Кутайсова, и этого достигли, увёривъ его, будто князь Зубовъ хочетъ жениться на его дочери. Первою посредницею въ этомъ дёлё была госпожа Шевалье, которая подкуплена была за большія деньги. Между нею и госпожою Жеребцовою 1) начаты были переговоры у генеральши Кутузовой 2), и вскорё она до того успёла въ своемъ предпріятіи, что графъ Кутайсовъ сталъ съ жаромъ желать предложеннаго брака, и что для этой цёли его сестра, госпожа Закревская 3), должна была съёздить

¹) Ольга Александровна Жеребцова, рожденная Зубова (р. 1776 г. † 1849 г.), родная сестра князя и графовъ Зубовыхъ.

²⁾ Объ отношеніяхъ Е. Н. Кутузовой къ госпожѣ Шевалье см. выше.

³⁾ Я пересматриваль въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ списки отъѣзжающихъ за весь 1800 годъ и не нашель въ нихъ никакой г-жи Закревской. Крайне сомнительно, чтобы у Кутайсова, вывезеннаго въ малолѣтствѣ изъ Турціи, были въ Россіи родственники. Онъ могъ имѣть родственниковъ только со стороны своей жены, графини Анны Петровны, рожденной Рѣзвой, или вслѣдствіе брака своихъ дѣтей.

въ Берлинъ. Зубовы были возвращены, и князю ввѣренъ былъ кадетскій корпусъ, гдѣ онъ началъ жить, повидимому, весьма тихо и уединенно, избѣгая всякой пышности и посылая за своимъ кушаньемъ въ трактиръ.

Между тъмъ онъ и братья его мало-по-малу вызвали въ Петербургъ всёхъ своихъ приверженцевъ; ихъ могло быть числомъ болье тысячи. Втайнъ набраны были заговорщики, изъ коихъ нѣкоторые были даже въ Москвѣ между знативними лицами 1). Въ Петербургв число лицъ, посвященныхъ въ заговоръ, доходило до 60-ти. Главнъйшими изъ нихъ были: графъ Паленъ, князь Зубовъ и его братья, Валеріанъ Зубовъ и гусарскій генералъ Николай Зубовъ, человъкъ грубый, генералы Бенигсенъ, Талызинъ, Уваровъ, Вильде, дядя Зубова Козицкій, адъютанты государя князь Долгоруковъ и Аргамаковъ, различные гвардейскіе офицеры, между прочимъ грузинскій князь Яшвиль и Мансуровъ, оба незадолго передъ тёмъ выключенные изъ службы, и нёсколько офицеровъ Измайловскаго полка, которые за проступки по службѣ была посажены въ крѣпость и по заступничеству графа Палена выпущены на свободу, нарочно для поступленія въ число заговорщиковъ.

Можетъ показаться удивительнымъ, что, несмотря на множество заговорщиковъ, тайна ихъ не была открыта ²). По всей въроятности, тъ, которые изъ раскаянія или

¹⁾ Можно догадываться, что Коцебу разумѣеть здѣсь графа Н. П. Панина.

^{2) «}Въ сіе царствованіе ужаса... россіяне... говорили, и смѣло; умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія; вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствоваль въ столицахъ. Общее бѣдствіе сближало сердца, и великодушное остервененіе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности».

Карамзинъ о царствованіи Павла въ запискъ «О древней и новой Россіи», писанной, какъ и записка Коцебу, въ 1811 году (по рукописному экземпляру).

страха могли бы ее открыть, удержаны были увъренностію, что даже доносчикъ не избъжаль бы мести Павла.

Сперва предполагали привести замысель въ исполненіе послѣ Пасхи 1); потомъ назначили 15-е марта 2), такъ какъ въ этотъ день вступалъ въ караулъ полкъ, на который имѣли основаніе положиться. Но узнали, что государь, не считая себя болѣе безопаснымъ въ рукахъ графа Палена, рѣшился отъ него избавиться. Клевета присовокупляетъ, что въ то же время онъ хотѣлъ посадить въ крѣпость обоихъ великихъ князей или даже ихъ казнить, находя оправданіе такому поступку въ примѣрѣ Петра Великаго. Въ такомъ случаѣ Павелъ совершилъ бы ничѣмъ не извиняемое преступленіе, потому что сыновья его ничего не знали о томъ, что происходило, и когда у Александра Павловича рѣшались спросить съ осторожностью его мнѣніе относительно перемѣны правленія, онъ принималъ всякій намекъ на это съ ужасомъ и негодованіемъ.

Императоръ, никому ничего не говоря, вызвалъ въ Петербургъ барона Аракчеева³), съ тѣмъ, чтобы немедленно по его прибытіи назначить его военнымъ губернаторомъ. При содѣйствіи его, какъ заклятаго врага графа Палена, этотъ послѣдній долженъ былъ быть уничтоженъ. Предположеніе же, будто Павелъ хотѣлъ также снова сослать Зубовыхъ, ничѣмъ не подтверждается, и выдумано было для того только, чтобы прикрасить ихъ неблагодарность. Дальше я приведу неопровержимыя доказательства тому, что государь нисколько не подозрѣвалъ существованія заговора. Онъ только сожалѣлъ, что предоставилъ графу Палену слишкомъ много власти, ибо ясно видѣлъ, что въ рукахъ одного этого человѣка сосредоточены были

¹⁾ Пасха въ этомъ году была 24-го марта.

^{2) 15-}е марта—тотъ самый день (мартовскія иды), въ которой убить быль Юлій Цезарь. Сравненія съ историческими событіями и лицами Римской республики были во вкусѣ того времени и могли имѣть вліяніе на назначеніе этого дня.

з) Аракчеевъ уже былъ графомъ (съ 5-го мая 1799 года).

всѣ средства, и что единственно отъ его воли зависѣло употребить ихъ во зло. Не подлежитъ сомнѣнію, что къ этому клонился разговоръ императора съ графомъ въ субботу 1), которая предшествовала перевороту. Императоръ спросилъ у графа, былъ ли онъ въ Петербургѣ, когда Петръ III лишился престола и жизни 2).—«Да», отвѣчалъ графъ безъ смущенія. Тогда Павелъ хотѣлъ еще узнать, можетъ ли повториться подобное происшествіе.—«Упаси Боже!» отвѣчалъ графъ: «это невозможно. Въ то время войска были такъ разбросаны, учрежденія такъ дурны»,— и засимъ онъ началъ объяснять, почему нѣтъ болѣе причинъ опасаться чего-либо подобнаго.

Тёмъ не менѣе государь остался при своемъ намѣреніи и до такой степени скрывалъ его отъ всѣхъ, что даже его любимецъ Кутайсовъ ничего о томъ не зналъ. Государь только повторялъ ему часто слѣдующія слова: «Подожди еще пять дней, и ты увидишь великія дѣла». Это разсказывалъ потомъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ страха, самъ Кутайсовъ одному изъ своихъ друзей (Ланскому) 3), къ которому онъ прибѣжалъ спасаться, и прибавлялъ: «Теперь только могу я объяснить себѣ его слова».

На послѣднемъ собраніи при дворѣ государь почти исключительно и весьма ласково разговаривалъ съ княземъ Зубовымъ 4). Это было объяснено желаніемъ государя привлечь его къ себѣ, но достовѣрно, что онъ его не опасался.

^{1) 9-}го марта 1801 года, въ субботу на 5-й недълъ Великаго поста.

²⁾ Въ 1762 году графъ Паленъ (р. 1745 г.) былъ капраломъ въ конной гвардіи. Произведенъ въ вахмистры конной гвардіи 29 февраля 1764 г. и изъ вахмистровъ конной гвардіи произведенъ 15-го августа 1769 года ротмистромъ въ армію.

³⁾ Степану Сергъевичу Ланскому, р. 1760 г. † 1813 г. (отцу министра внутреннихъ дълъ графа Сергъя Степановича Ланского).

⁴⁾ Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ (гдѣ по преимуществу отмѣчаются лица, приглашаемыя къ высочайшему столу) за 1801 годъ ни разу не встрѣчается имя князя Зубова, въ то время какъ его братъ, графъ Николай Александровичъ, неоднократно, приглашался.

Поспѣшный вызовъ барона Аракчеева не остался тайною для графа Палена, который увидѣлъ необходимость предупредить его прибытіе, и потому рѣшено было ускорить нѣсколькими днями исполненіе замысла.

Полицеймейстеръ Кашинцевъ 1) едва не открылъ заговора во время. Въ одномъ изъ первыхъ оружейныхъ магазиновъ Петербурга куплено было офицерами въ одинъ день девять паръ пистолетовъ. Это обратило на себя вниманіе хозяина магазина; онъ далъ знать полицеймейстеру, который поставилъ въ магазинѣ переодѣтаго полицейскаго чиновника, чтобы арестовать перваго, кто бы еще пришелъ покупать пистолеты. Случилось, однако, что никто болѣе не приходилъ.

Въ послѣдній день своей жизни ²) императоръ быль веселъ и здоровъ. Около полудня 11-го марта я самъ еще встрѣтилъ его, въ сопровожденіи графа Строганова ³), на парадной лѣстницѣ Михайловскаго замка у статуи Клеопатры. Онъ нѣсколько минутъ ласково разговаривалъ со мною. За нѣсколько дней передъ тѣмъ съ нимъ слу-

¹⁾ Въ подлинникъ: «der Polizeimeister Katzinzow».

Въ числѣ полицейскихъ чиновниковъ того времени я никогда не встрѣчалъ этого имени.

Въ 1801 году с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ былъ ст. сов. Александръ Андреевичъ Аплечеевъ (съ 30 ноября 1800 года), произведенный 22-го февраля 1801 года въ д. с. с. и переименованный 21-го марта 1801 года (по смерти Павла) въ генералъ-майоры съ оставлениемъ при прежней должности, а с.-петербургскимъ полицеймейстеромъ былъ (также съ 30-го ноября 1800 года) князъ Касаткинъ-Ростовскій, произведенный 22-го февраля 1801 года въ статскіе совътники. Не этого ли послъдняго разумъетъ Коцебу?

^{2) 11-}го марта 1801 года, понедъльникъ 6-й недъли Великаго поста.

³⁾ Объ этой встръчь Коцебу упоминаеть и въ своемъ Мегк w. Jahr, II, 247, съ тою только разницею, что тамъ совершенно правильно говорить, что государь быль въ сопровождении графа Кутайсова (а не Строганова). Дъйствительно, въ камеръ-фурьерскомъ журналъ этого дня сказано, что «съ 11 часовъ утра ихъ величества проводили нъкоторое время въ верховомъ выбадъ: государь императоръ съ оберъшталмейстеромъ графомъ Кутайсовымъ, а императрица съ фрейлиною Протасовою 2».

чился судорожный припадокъ, который нѣсколько скривиль ему ротъ. Онъ самъ шутилъ надъ этимъ, подошелъ къ зеркалу и сказалъ: «J'ai beau me regarder dans le miroir: ma bouche reste toujours de travers».

Вечеромъ съ лейбъ-медикомъ Гриве онъ также былъ очень ласковъ и разговорчивъ ¹); радовался, что ему болье не надо принимать лѣкарства, и спрашивалъ, чѣмъ страдаетъ графъ Ливенъ, который съ нѣкотораго времени былъ боленъ. Гриве доложилъ о его болѣзни; государь, который въ ней нѣсколько сомнѣвался, весьма пристально смотрѣлъ на доктора во время этого доклада и потомъ спросилъ его: «Еп conscience, dites-moi: est ce qu'il est vraiment malade?»—Гриве повторилъ свои увѣренія, и государь отвернулся отъ него съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

Какъ мало Павелъ подозрѣвалъ въ этотъ вечеръ какую-либо опасность, видно также изъ слѣдующаго. Знаменитый декораторъ Гонзага въ одномъ изъ послѣднихъ балетовъ, представленныхъ въ Эрмитажѣ, поставилъ превосходную архитектурную декорацію, которая такъ понравилась государю, что ему пришла мысль выполнить ее во всей точности изъ камня въ Лѣтнемъ саду. Я находился у оберъ-гофмаршала въ то самое время, когда его позвали къ государю для полученія приказаній по этому предмету. Нѣсколько архитекторовъ были немедленно потребованы, и съ крайнею поспѣшностью они составили проектъ, исполненіе котораго должно было обойтись въ 80.000 рублей. Павелъ его утвердилъ, и эта издержка была послѣднимъ проявленіемъ его расточительности.

Вечеромъ онъ ужиналъ съ аппетитомъ. Послѣ стола онъ почувствовалъ легкое нездоровье, которое, однако, не помѣшало ему написать двѣ записки къкнязю Зубову въ кадетскій корпусъ съ приказаніемъ еще въ тотъ же вечеръ

¹⁾ Нѣкто Россъ, состоявшій при англійскомъ посольствѣ, также писаль изъ С.-Петербурга лорду Мальмесбюри объ этомъ разговорѣ Павла съ докторомъ Гриве, но въ иномъ смыслѣ. См. Malmesbury. Diaries and correspondence. London. 1845. IV, 57.

представить ему оттуда новыхъ пажей. Это было исполнено, и онъ пошелъ спать.

Генералъ Клингеръ 1), извъстный писатель, быль въ то время директоромъ кадетскаго корпуса. Князь Зубовъ просидълъ у него весь вечеръ, повидимому, весьма спокойно и болталъ обо всемъ съ полною непринужденностію. Въ 10 часовъ принесли первую записку отъ государя. «Скоръй! Скоръй!» сказалъ Зубовъ улыбаясь и отправилъ пажей, поручивъ, въ своемъ отвътъ государю, генерала Клингера его благосклонности. Въ 11 часовъ принесена была вторая записка, написанная въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ: государь съ благосклонностію упоминалъ въ ней о Клингеръ и спрашивалъ, что дълаетъ Дибичъ 2) въ кадетскомъ корпусъ.—«Ничего хорошаго и ничего дурного», отвъчалъ Зубовъ: «для хорошаго ему недостаетъ знанія русскаго языка, а для дурного—власти».

Поговоривъ нѣсколько времени объ этой перепискѣ, Зубовъ удалился въ 12 часовъ.

Не менѣе спокойнымъ казался графъ Паленъ. Камергеръ Толстой³), который заѣзжалъ къ нему въ 8 часовъ, нашелъ его ходившимъ по комнатѣ взадъ и впередъ и посвистывавшимъ. Сорокъ заговорщиковъ ужинали въ

^{1) 11-}го февраля 1801 года директору 1-го кадетскаго корпуса ген.-отъ-инф. князю Зубову повелѣно называться шефомъ онаго, а ген.-майору Клингеру директоромъ.

Өедоръ Ивановичъ Клингеръ (р. во Франкфуртъ на Майнъ 1753 г. † въ Спб. 1811 г.) былъ извъстный нъмецкій поэтъ и писатель.

Полное собраніе его сочиненій издано въ Кенигсбергѣ въ 1809 году въ 12 томахъ.

²⁾ Генералъ-майоръ баронъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ (отецъ фельдмаршала) былъ назначенъ 11-го февраля 1801 года командиромъ 1-го кадетскаго корпуса, а 11-го марта 1801 года ему повелѣно было состоять по армін и носить общій армейскій мундиръ.

Еще будучи въ прусской службѣ, онъ не былъ любимъ и слылъ за интригана (Helldorff. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Würtemberg. Berlin, 1861. I. 80).

³⁾ Не графъ ли Николай Александровичъ Толстой (р. 1761 г. † 1816 г.), впослёдствіи оберъ-гофмаршаль?

этотъ вечеръ у генерала Талызина. Послѣ 11 часовъ графъ Паленъ сѣлъ въ извозчичьи сани, въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ чиновниковъ, итальянскаго авантюриста Морелли 1) и нѣкоего Тирана 2), молодого человѣка, жившаго безъ дѣла, нѣкогда бывшаго офицеромъ въ войскахъ принца Конде и вышедшаго въ отставку, потому что долженъ былъ быть переведенъ въ одинъ изъ сибирскихъ гарнизоновъ. Послѣ революціи его имя дало поводъ къ шуткѣ болѣе остроумной, чѣмъ справедливой: будто въ Россіи отнынѣ остался одинъ только тиранъ.

Князь Зубовъ уже ожидалъ графа въ условленномъ мѣстѣ. Гвардейскіе полки были собраны; шефы и большинство офицеровъ были расположены въ пользу заговора; изъ нижнихъ же чиновъ ни одинъ не зналъ о предпріятіи, которому долженъ былъ содѣйствовать. Поэтому офицеры получили наставленіе, во время марша къ Михайловскому замку, смѣшаться съ солдатами и ихъ подготовить. Я слышалъ отъ одного офицера, что настроеніе его людей не было самое удовлетворительное. Они шли безмолвно; онъ говорилъ имъ много и долго; никто не отвѣчалъ. Это мрачное молчаніе начало его безпокоить. Онъ наконецъ спросилъ: «Слышите?»—Старый гренадеръ сухо отвѣтилъ: «Слышу», но никто другой не подалъ знака одобренія.

Другіе отряды требовали, чтобы графъ Паленъ сталъ въ главѣ ихъ. Когда имъ сказали, что они найдутъ его на площади передъ дворцомъ, они отвѣтили: «извольте», и двинулись впередъ. Казармы гвардейскаго полка вели-

¹⁾ Не итальянецъ ли Моретти, учитель англійскаго языка при великихъ княжнахъ, пожалованный 11-го августа 1801 года въ колл. асессоры? (С.-Петерб. Въд., 1801 г., стр. 2448).

^{2) 19-}го марта 1801 года титул. сов. Тиранъ переименованъ въ ротмистры съ опредѣленіемъ въ кирасирскій принца Александра Виртембергскаго полкъ и съ оставленіемъ адъютантомъ при генералѣ-отъкавалеріи графѣ Паленѣ. (С.-Петерб. Вѣд. 1801 г., № 26, стр. 995).

каго князя Александра Павловича 1) были самыя отдаленныя; тёмъ не менёе онъ прибылъ первымъ на площадь, а полкъ императора 2)—послёднимъ, хотя его казармы были ближе всёхъ, на Милліонной. Третій батальонъ (полка) великаго князя былъ въ караулё во дворцё, какъ я это слышалъ отъ самого командовавшаго карауломъ офицера; поэтому великій князь и воскликнулъ потомъ съ горестію: «Все взвалятъ на меня!»—Батальонъ Милорадовича 3), который графъ Паленъ хотёлъ главнымъ образомъ употребить въ дёло, пришелъ слишкомъ поздно, потому будто, что ему далеко было идти и что часы шли различно. Собственно говоря, Паленъ могъ разсчитывать только на 200 человёкъ изъ батальона Талызина, и съ ними-то онъ исполнилъ переворотъ. Ихъ усердіе, какъ говорятъ, зашло такъ далеко, что они хотёли стрёлять въ окна государя 4).

Кромѣ обыкновеннаго караула, во дворцѣ стояло еще во всякое время, въ особой залѣ, до 30-ти человѣкъ изъ полка императора. На нихъ полагался наиболѣе Павелъ, но и они или были завлечены, или потеряли голову. Нѣсколько человѣкъ были поспѣшно сняты; при словахъ «рундъ кругомъ», старый часовой сходилъ безъ всякихъ

¹⁾ Л.-гв. Семеновскаго полка. Его казармы были тамъ, гдѣ и теперь, на Загородномъ проспектъ.

²⁾ Полкомъ императора назывался л.-гв. Преображенскій полкъ. Въ царствованіе Павла онъ размѣщенъ былъ слѣдующимъ образомъ: 1-й батальонъ на Милліонной, возлѣ Зимняго дворца, въ теперешнемъ зданіи (тогда еще не перестроенномъ); 2-й и 3-й батальоны также на Милліонной, въ бывшемъ домѣ ломбарда, напротивъ Мраморнаго дворца, и, наконецъ, 4-й батальонъ на Дворцовой площади, въ домѣ, принадлежавшемъ графу Литта. (Reimers. St. Peterburg. 1805. П. 14, 15).

³) Въроятно, Депрерадовича, а не Милорадовича.

^{4) «}Une partie de cette troupe alla par le jardin (тамъ, гдѣ теперь Садован улица) se placer sous les fenètres de Paul, que, pour son malheur, la marche des soldats ne réveilla pas, non plus que le bruit d'une multitube de corbeaux qui dormaient habituellement sur les toits et qui se mirent á croasser. M-me Vigée Lebrun, III, 82. Тоже у Helldorf, I, 140, у Büłau. III, 225.

формальностей, а новый вступаль на его мѣсто. Пароль въ этотъ вечеръ былъ: «графъ Паленъ» 1).

Когда всё заговорщики собрались на площади, они еще начали между собою разсуждать, слёдуеть ли убить императора, или только принудить его къ подписанію акта отреченія отъ престола.—«Что тутъ толковать», вскричаль графъ Паленъ: «чтобы сварить яичницу, нужно сперва разбить яйца!»—Какъ ни сурово звучали эти слова, какъ ни безчувственна была подобная острота въ эту минуту, но Паленъ былъ правъ въ томъ отношеніи, что необходимо было или совершенно покончить это дёло, или совершенно отъ него отказаться, ибо, если бы государь былъ только арестованъ, неминуемо вспыхнула бы кровопролитная междоусобная война 2).

Можетъ статься, что это послѣднее совѣщаніе заговорщиковъ происходило еще раньше, потому что, по разсказу генерала Бенигсена, они условились съ графомъ, что онъ будетъ ихъ ожидать у малыхъ воротъ 3), подъ которыми была лѣстница, приводившая къ комнатамъ императора. Они его тамъ не нашли, потому что онъ былъ занятъ войсками. Это породило недовѣріе къ нему; но ужъ нечего было мѣшкать. Флигель-адъютантъ Аргамаковъ вызвался ихъ провести. Этотъ грубый человѣкъ, Яшвиль и Николай Зубовъ были очень пьяны. Они взошли по маленькой лѣстницѣ 4), передъ которой стоялъ одинъ только часовой, не оказавшій никакого сопротивленія.

¹⁾ Пароль этотъ, въроятно, былъ между заговорщиками.

²⁾ Cm. Thiers: Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1847. II, pp. 423-424.

³⁾ У такъ называемыхъ Рождественскихъ воротъ, налѣво отъ Дворцовой церкви (если смотрѣть съ Садовой, которая тогда еще не была продолжена отъ Невскаго проспекта къ Царицыну лугу). Подъ этими воротами была винтовая лѣстница, которая вела въ бельэтажъ, сперва въ небольшую переднюю, а оттуда въ библютеку, изъ которой направо былъ черезъ двойную дверь ходъ въ спальню государя. Das merkw. Jahr. II, 219 (русскій переводъ въ Русскомъ Архивѣ 1870 года, стр. 985.

⁴⁾ Т. е. по винтовой л'астница. Часовой, стоявшій внизу, быль, какъ и вса наружные часовые, отъ караула Семеновскаго полка.

Замѣчательно, что, пока шли по этой лѣстницѣ, изъ сорока, повидимому, рѣшительныхъ людей болѣе тридцати пали духомъ и одинъ за другимъ оставались позади, такъ что въ началѣ не болѣе восьми человѣкъ дошли до запертой двери у первой передней; остальные съ робостію и мало-по-малу присоединились къ нимъ впослѣдствіи. Самъ князь Зубовъ сильно дрожалъ. Генералъ Бенигсенъ долженъ былъ ему напомнить, что теперь уже не время дрожать.

Въ передней спали два хорошо вооруженные камеръгусара. Заговорщики постучались въ дверь. На вопросъ: «что такое?» флигель-адъютантъ отвъчалъ: «пожаръ!» А такъ какъ о подобныхъ случаяхъ онъ обязанъ былъ докладывать государю даже ночью, то гусары, хорошо знавшіе его голосъ, не задумались отворить дверь. Когда же они увидъли, что проникаетъ цълая толпа, они схватились за свои сабли и хотъли защищаться. Одинъ изъ нихъ былъ пораженъ сабельнымъ ударомъ, нанесеннымъ ему Яшвилемъ, и упалъ наземь; другой съ обнаженною саблею побъжалъ въ сосъднюю переднюю, гдъ спало нъсколько фельдъегерей, и сталъ кричать: «бунтъ!» 1).

Заговорщики тёмъ временемъ подошли къ спальнъ императора. Это была большая комната, имѣвшая одинъ только входъ и выходъ 2); другая дверь, которая вела въ парадныя комнаты императрицы, и чрезъ которую, по мнѣнію многихъ, онъ могъ бы спастись, была, какъ я самъ въ томъ убѣдился за нѣсколько дней до происшествія, крѣпко заперта, потому что оставалась безъ употребленія. Дверь, чрезъ которую входили въ комнату Павла, была двойная; внутри ея направо и налѣво 3) сдѣланы были

¹⁾ Въ адресъ-календарѣ 1801 года «при верхней комнатной услугѣ» четыре камеръ-гусара: Сагинъ, Кирилловъ, Сулимовъ и Ропщинскій.

²⁾ Въ бельэтажѣ, по нынѣшней Садовой, съ окнами на улицу (2-е и 3-е окно отъ угла къ Царицыну лугу).

⁸) Правая и лѣвая сторона показаны здѣсь по отношенію къ тому, кто бы разсматриваль эту дверь, в ыходя изъ спальни императора.

другія маленькія двери, за которыми были: съ правой стороны небольшое пространство безъ выхода, въ которое ставились знамена, или, какъ нѣкоторые увѣряютъ, шпаги арестованныхъ офицеровъ; а съ лѣвой стороны потаенная лѣстница (escalier dérobé), по которой можно было сойти въ комнаты княгини Гагариной и оттуда пройти въ церковь. Если бы Павелъ вышелъ чрезъ эту дверь, или еще имѣлъ бы возможность чрезъ нее выйти, то, разумѣется, можно полагать, что онъ спасся бы.

Но для того, чтобы оставить потаенную лѣстницу въ своемъ распоряженіи, ему надлежало не отворять внѣшней двери. Между тѣмъ, шумъ въ передней уже разбудилъ его; нѣсколько разъ онъ спрашивалъ: кто тамъ? Наконецъ вскочилъ съ постели и, услышавъ голосъ своего адъютанта, самъ отворилъ дверь своимъ убійцамъ 1).

При видѣ вторгавшейся толпы онъ поблѣднѣлъ; черты лица его судорожно скривились; онъ пробормоталъ: «Que me voulez-vous?» Князь Зубовъ выступилъ впередъ и, сохраняя почтительный, скромный видъ, сказалъ: «Nous venons au nom de la patrie prier Votre Majesté d'abdiquer parce que vous avez parfois des absences d'esprit. La sécurité de votre personne et un entretien convenable vous sont garantis par votre fils et par l'Etat». Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана актъ отреченія ²).

¹⁾ По другимъ разсказамъ, дверь отворена была однимъ изъ камеръгусаровъ, спавшихъ передъ спальнею внутри двойной двери; вошедши въ спальню, заговорщики въ первую минуту не нашли Павла въ постели; его отыскалъ Бенигсенъ за ширмами.

Europ. Ann. 13.

Malmesbury, IV, 57.

Joseph de Maistre. 268.

Lloyd. 39.

Rabbe и др.

²⁾ Въ подлинникъ слова Зубова приведены по-нъмецки. Но самъ Коцебу передаетъ и первоначальный вопросъ Павла и послъдующій разговоръ по-французски; должно полагаль, что и коротенькая ръчь Зубова сказана была по-французски.

Конечно, никого бы не удивило, если бы въ эту минуту, какъ многіе увъряли, государь пораженъ быль апоплектическимъ ударомъ. И, дъйствительно, онъ едва могъ владъть языкомъ, однако собрался съ духомъ и весьма внятно сказалъ: «Non, non! je ne souscrirai point!» Онъ быль безъ оружія; шпага его лежала на табурет у постели. Ему легко было ее достать, но къ чему послужила бы защита предъ этою толпою? Потаенная лъстница скоръе могла бы спасти его, но онъ вспомнилъ о ней слишкомъ поздно. Напрасно пытался онъ внушить страхъ заговорщикамъ, съ тъмъ, чтобы потомъ скрыться отъ нихъ чрезъ маленькую лістницу. Николай Зубовъ схватиль его и сильно толкнулъ, сказавши другимъ: «Pourquoi vous amusez-vous à parler à cet effréné». — Аргамаковъ, съ другой стороны, ударилъ его въ високъ рукояткой пистолета. Несчастный пошатнулся и упалъ. Бенигсенъ разсказывалъ, что, пока это происходило, онъ, Бенигсенъ, отвернулся, чтобы прислушаться къ шуму, доходившему изъ передней.

Въ паденіи своемъ Павелъ хотѣлъ было удержаться за рѣшетку, которая украшала стоявшій вблизи письменный столъ и выточена была изъ слоновой кости самою императрицею. Къ рѣшеткѣ придѣланы были маленькія вазы (тоже изъ слоновой кости). Нѣкоторыя изъ нихъ отломились, и я на другой день съ прискорбіемъ видѣлъ ихъ обломки 1).

Актъ отреченія или, върнъе, манифестъ отъ имени Павла, составленъ былъ, какъ разсказывалъ Бенигсенъ, Трощинскимъ на ужинъ, въ тотъ же вечеръ передъ этимъ у Талызина.

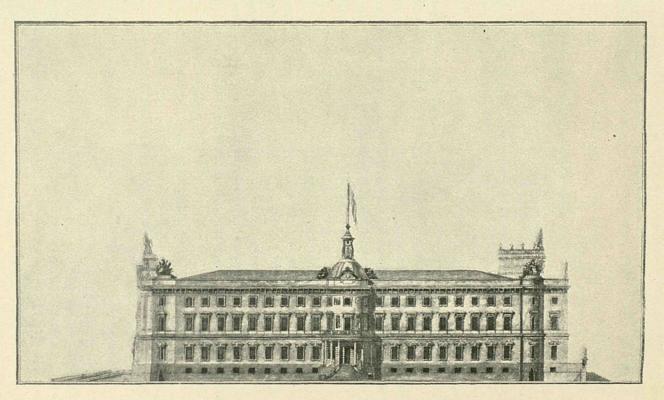
Helldorff, I, 140.

Sybel, 157.

¹⁾ Этотъ стояв описанъ Коцебу въ сочиненіи: «Das merk würdigste Jahr meines Lebens», t. 2.

Русскій переводъ этого м'яста въ Русскомъ Архив'я 1870 года, стр. 986.

Собравъ последнія силы, Павелъ могь еще встать на ноги. Тогда Яшвиль бросился на него и снова повалиль на землю. Въ этомъ вторичномъ паденіи Павелъ ударился головою объ каминъ. Произошла

Фасадъ Михайловскаго замка со стороны Фонтанки. Съ граворы Колпакова 1801 года.

Тутъ всё ринулись на него. Яшвиль и Мансуровъ накинули ему на шею шарфъ и начали его душить. Весьма естественнымъ движеніемъ Павелъ тотчасъ засунулъ руку между шеей и шарфомъ; онъ держалъ ее такъ крѣцко, что нельзя было ее оторвать. Тогда какой-то извергъ взялъ его за самыя чувствительныя части тѣла и стиснулъ ихъ. Боль заставила его отвести туда руку, и шарфъ былъ затянутъ 1) Вслѣдъ за симъ вошелъ графъ Паленъ. Многіе утверждали, что онъ подслушивалъ у дверей.

Впослѣдствіи распускали множество басенъ. Увѣряли, будто Павелъ на колѣняхъ умолялъ сохранить ему жизнь иполучильотъЗубова въ отвѣтъ: «Въ продолженіе четырехъ лѣтъ ты никому не оказывалъ милосердія; теперь и ты не ожидай себѣ пощады»; будто онъ клялся осчастливить народъ, простить заговорщиковъ, царствовать съ кротостію и т. п. Достовѣрно однако, что до послѣдняго издыханія онъ сохранилъ все свое достоинство. Одною изъ самыхъ ужасныхъ для него минутъ была, безъ сомнѣнія, та, въ которую онъ услышалъ, какъ на дворѣ солдаты слишкомъ рано закричали: «ура!» и въ комнату стремглавъ вбѣжалъ одинъ изъ заговорщиковъ съ словами: «Dépêchez-vous, il n'y a pas un moment à perdre!»

Самая смерть не примирила съ нимъ этихъ грубыхъ изверговъ. Многіе офицеры бросались, чтобы нанести его

около него суматоха, въ которой опрокинутъ былъ ночникъ. Вся остальная сцена происходила впотьмахъ.

Rabbe, I, 33-307.

Helldorff, I, 142.

¹⁾ Бенигсенъ, вышедшій за огнемъ, вернулся въ спальню государя, когда все уже было кончено (Helldorff, I, 143).

D'Allonville (Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat, VIII, 87) пишетъ: «Un chirurgien anglais (Вилліе) qui avait empêché l'Impératrice de voler au secours de son époux, est appelé, et il porte le dernier coup à l'Empereur en lui coupant les artères».

Но Вилліе быль позвань только для бальзамированія, и это обстоятельство дало поводь къ весьма распространенному слуху, который передаеть d'Allonville.

трупу какое-нибудь оскорбленіе, пока наконецъ князь Зубовъ не сказалъ имъ съ негодованіемъ: «Господа, мы пришли сюда, чтобы избавить отечество, а не для того, чтобы дать волю столь низкой мести».

Относительно того, какъ долго продолжались мученія императора, показанія разнорфчивы: кто говорить—часъ, а кто—полчаса; другіе утверждають даже, что все было дъломъ одной минуты.

Какое страшное спокойствіе между тімъ царствовало во всемъ дворцѣ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Одинъ молодой офицеръ, князь Вяземскій, былъ посланъ графомъ Паленомъ, чтобы остановить какой-то батальонъ, который пошелъ слишкомъ далеко. По возвращении своемъ онъ болъе не нашелъ заговорщиковъ; они уже вошли во внутренніе покои. Онъ хотѣлъ пойти за ними чрезъ главный входъ дворца, заблудился и попалъ въ первую залу нижняго этажа, гдѣ стояли на караулѣ гренадеры 1). Всѣ спали. Одинъ только офицеръ проснулся и спросилъ: что ему нужно?—«Я ищу графа Палена», со страхомъ сказалъ Вяземскій. — «Онъ здісь не проходиль», отвічаль офицерь и безпрепятственно пропустиль его. Вяземскій взошель по парадной л'встниц'в и снова наткнулся на двухъ часовыхъ, которые при видъ его задрожали безъ всякой причины. Онъ тоже задрожалъ, повторилъ свой вопросъ, получилъ тотъ же отвътъ и также тутъ не былъ задержанъ. Проникая дальше 2), онъ встрътилъ двухъ истопниковъ, которые бъжали въ испугъ и хотъли шумъть; увидъвъ его, они еще болъе испугались и повернули назадъ. Наконецъ онъ отыскалъ заговорщиковъ; тогда только онъ ободрился, потому что при совершеніи подобныхъ злодъйствъ люди бываютъ храбры только толною, а въ отдъльности каждый изъ нихъ трепещетъ.

¹⁾ Въ нижнемъ этажѣ овальная зала, примыкавшая съ лѣвой стороны къ парадной лѣстницѣ, если идти со двора.

²) Въ длинную залу (въ 10 саженъ) съ античными статуями и бюстами, позади церкви.

Въ то время, какъ все рѣшалось внутри дворца, графъ Паленъ дѣлалъ въ городѣ необходимыя распоряженія. Заставы были заперты. Комендантъ Михайловскаго замка Котлубицкій 1), оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, генералъ-прокуроръ и нѣкоторые другіе были арестованы. Потомъ графъ обратился къ войскамъ, объявилъ имъ о происходившемъ и закричалъ: «ура!» новому императору. Онъ ожидалъ, что вся толпа, по обыкновенію, отвѣтитъ ему тѣмъ же крикомъ, но обманулся: мертвое молчаніе не было нарушено; одинъ только молодой унтеръ-офицеръ изъ дворянъ отозвался своимъ одинокимъ, внятнымъ голосомъ. Графъ не потерялъ присутствія духа: хорошо зная, какъ нужно обходиться съ русскими солдатами, онъ началъ ихъ всячески ругать, и громкое «ура» огласило воздухъ.

Тогда онъ отправился за новымъ императоромъ ²). При входѣ его въ переднюю Александръ, уже одѣтый, вышелъ къ нему навстрѣчу изъ своей спальни: онъ былъ очень блѣденъ и дрожалъ. Подробности эти передавала прислуга, которая спала въ передней и только въ эту минуту проснулась. Отсюда выводили заключеніе, что великій князь зналъ обо всемъ. Казалось, иначе и не могло быть: ибо, если бы великій князь былъ въ невѣдѣніи о томъ, что дѣлалось, какъ же случилось, что онъ былъ совершенно одѣтъ, безъ того, чтобы его разбудили?

За разъясненіемъ этого важнаго обстоятельства я обратился къ самому графу Палену и получилъ отъ него слѣдующій удовлетворительный отвѣтъ.

Когда заговорщики уже пошли къ Павлу, графъ Паленъ разсудилъ, что въ подобныхъ случаяхъ всякая минута

¹⁾ Николай Осиповичь Котлубицкій. Его разсказы объ император'є Павл'є напечатаны въ Русскомъ Архив'є 1865 года.

²⁾ Великій князь Александръ Павловичь жиль въ нижнемъ этажѣ Михайловскаго замка и занималъ весь уголъ, выходящій къ Фонтанкѣ и Лѣтнему саду. Въ его комнаты вели со двора одна большая и двѣ маленькія лѣстницы.

дорога, и что необходимо было новаго императора показать войскамъ немедленно по окончаніи предпріятія. Знакомый со всёми входами и выходами дворца, онъ отправился къ камерфрау великой княгини, которыя спали позади спальни великаго князя, разбудиль ихъ и приказалъ имъ разбудить также великаго князя и его супругу, но сказать имъ только, что происходитъ что-то важное, и что они должны скорѣе встать и одѣться. Такъ и было сдѣлано. Этимъ объясняется, почему Александръ могъ выйти одѣтый въ переднюю, когда графъ вошелъ въ нее чрезъ обыкновенную дверь, и почему, съ другой стороны, прислуга должна была предполагать, что онъ вовсе не ложился спать.

Александру предстояло ужасное мгновеніе. Графъ поспѣшно повелъ его къ войскамъ и воскликнулъ: «Ребята, государь скончался; вотъ вашъ новый императоръ!» Тутъ только Александръ узналъ о смерти отца своего: онъ едва не упалъ въ обморокъ, и его должны были поддержать. Съ трудомъ возвратился онъ въ свои комнаты. «Тогда только», разсказывалъ онъ самъ своей сестрѣ, «пришелъ я снова въ себя!»

Достовърные люди утверждаютъ, что еще раньше, послъ неоднократныхъ тщетныхъ попытокъ получить его согласіе на переворотъ, графъ Паленъ, со всѣмъ авторитетомъ твердаго и опытнаго человѣка, принялся его убѣждать и наконецъ объявилъ ему, что, безъ сомнѣнія, его воля—согласиться или нѣтъ, но что дѣла не могутъ долѣе оставаться въ такомъ положеніи, на что Александръ въ отчаяніи будто бы отвѣчалъ: «Пощадите только его жизнь».

Всѣ свидѣтельства положительно сходятся въ томъ, что онъ ничего не зналъ объ исполненіи заговора и не желалъ смерти своего отца.

Графъ Паленъ, который во все это время вполнѣ сохранилъ свое присутствіе духа, не забылъ также немедленно поставить обо всемъ въ извѣстность оберъ-гофмейстерину графиню Ливенъ, прося ее разбудить императрицу, сообщить ей о происшедшемъ и утѣшить ее ¹). Графиня жила въ верхнемъ этажѣ у молодыхъ великихъ княженъ. Она тотчасъ одѣлась и хотѣла сойти внизъ, но на всѣхъ лѣстницахъ нашла часовыхъ, которые не хотѣли ее пропустить. «Ребята», сказала она: «я графиня Ливенъ; я 18-ть лѣтъ служила императрицѣ Екатеринѣ; пропустите меня для исполненія моей обязанности». При этихъ словахъ солдаты съ почтеніемъ отняли свои ружья.

Она подошла къ постели императрицы, которая въ испугъ приподнялась: «Чего хотите вы въ такое необычайное время? Вы, върно, пришли съ какимъ-нибудь непріятнымъ извъстіемъ? — «Разумъется». — «Не заболълъ ли кто изъ моихъ дътей?» — «Хуже». — «Не боленъ ли мой мужъ?» — «Очень боленъ». — «Онъ върно умеръ?» — «Да!»

Императрица вскочила съ постели и хотѣла бѣжать къ своему супругу: часовые не пропустили ея ²). Она умоляла ихъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ; все было напрасно. Наконецъ, рыдая, она бросилась на землю и въ отчаяніи вскричала: «Я жена вашего государя; пропустите меня! Я должна пойти къ нему! Дайте мнѣ исполнить мой долгъ!»—Солдаты стали предъ нею на колѣни и говорили:

¹⁾ Ея внукъ, князь Александръ Христофоровичъ Ливенъ, передавалъ мнѣ, со словъ своихъ родителей, этотъ разговоръ слѣдующимъ образомъ. Графиня Ливенъ, вышедши къ Палену, спросила его: «Was wollen sie?»—«Ich komme vom Kaiser Alexander», отвѣтилъ онъ. «Was haben sie denn mit dem Andern gemacht?»

²⁾ Императрица бросилась сперва въ комнату, отдѣлявшую ен спальню отъ спальни императора. Выше сказано было, что дверь была заперта. Кромѣ того, туть уже поставлено было нѣсколько солдатъ отъ караула Семеновскаго полка, подъ командою капитана Александра Волкова, двоюроднаго брата Саблукова.

⁽Саблуковъ, стр. 321).

По другимъ извъстіямъ, въ этомъ мѣстѣ поставленъ былъ поручикъ Семеновскаго полка Константинъ Марковичъ Полторацкій съ 30-ю человѣками солдатъ, и сохранилось преданіе, что когда Полторацкій объявиль императрицѣ, что не можетъ ее пропустить, она дала ему пощечину.

⁽Rabbe, I, 310).

«Матушка, мы тебя любимъ; ни тебѣ, ни твоимъ дѣтямъ мы не сдѣлаемъ вреда, но не смѣемъ тебя пропустить».

Тутъ подошелъ Бенигсенъ. Онъ почтительно поднялъ императрицу и сказалъ ей, что если она непремѣнно желаетъ пройти къ государю, то, по крайней мѣрѣ, не должна разговаривать съ солдатами. Она все еще не знала, что именно случилось, такъ какъ графиня умолчала ей о самомъ ужасномъ. Выраженія Бенигсена поразили ее; свѣтъ блеснулъ въ ея умѣ. Съ возмущеннымъ достоинствомъ она ему сказала: «Стоуех-vous être à Paris, оù l'on capitule avec les sujets?» отвернулась отъ него и пошла въ свои комнаты. Такъ разсказывала она сама это обстоятельство тайному совѣтнику Николаи 1).

Вскорѣ пришли къ ней съ ласковымъ порученіемъ отъ Александра, но оно не успокоило ея. Эта благородная женщина выказала въ этомъ тяжеломъ испытаніи все свое сердце. Она удалила отъ себя графиню Ливенъ подъ предлогомъ, что присутствіе графини необходимо при дѣтяхъ, и снова пошла къ комнатамъ императора, въ надеждѣ проникнуть туда черезъ другой ходъ. Но, не будучи хорошо знакома съ лабиринтомъ Михайловскаго замка, она заблудилась и попала въ одинъ изъ дворовъ. За нею слѣдовала одна изъ ея камерфрау, которая машинально захватила съ собою графинъ воды и стаканъ. На дворѣ императрицѣ сдѣлалось дурно. Камерфрау предложила ей выпитъ воды и налила стаканъ. Императрица взяла его, какъ вдругъ часовой ²), стоявшій весьма спокойно въ

¹⁾ Баронъ Андрей Львовичъ Николаи, р. въ Страсбургъ 20-го декабря 1737 г. † въ Монрено (близъ Выборга) 7-го ноября 1818 г. Былъ при великомъ князъ Павлъ Петровичъ секретаремъ и библіотекаремъ, а по вступленіи его на престолъ президентомъ академіи наукъ. Пользовался постояннымъ довъріемъ императрицы Маріи Феодоровны.

²⁾ Этотъ часовой быль Семеновскаго полка солдать Перекрестовъ. Онъ, по прошенію, переведенъ быль изъ какого-то армейскаго полка въ Семеновскій. (Слышано мною отъ императора Александра Николаевича). По расположенію м'єстности, должно полагать, что им-

отдаленіи, закричаль: «Стой! кто это съ тобою, матушка?» Камерфрау испугалась и сказала: «Это императрица.»— «Знаю», отвѣчаль солдать: «выпей ты сперва этой воды». Она выпила. Это успокоило часового, потому что онъ думаль, что хотѣли отравить императрицу.—«Хорошо, хорошо», сказаль онъ: «теперь можешь наливать».—Отрадная черта преданности среди страшной картины этой ночи, исполненной вѣроломства!

Обыкновенно императрица никогда не ложилась спать прежде 12 часовъ; въ этотъ же вечеръ она случайно легла раньше. Несмотря на близость ея комнатъ отъ покоевъ государя, она ничего не слыхала и въ горести своей дълала себъ самые горькие упреки.

Всего болъе заговорщики опасались преданности графа Кутайсова. Онъ имълъ обыкновение возвращаться отъ госпожи Шевалье въ 11 часовъ вечера. Ръшили его въ это время поймать и отвезти къ графу Палену, гдв его должны были задержать до окончанія переворота. Но случилось, что въ этотъ вечеръ онъ вернулся домой въ половинъ одиннадцатаго, и такимъ образомъ ему удалось ускользнуть отъ заговорщиковъ. Переодътый въ крестьянское платье, онъ побъжалъ чрезъ Лътній садъ. За нимъ погнались; говорять даже, что по немъ стреляли. Онъ сившиль на Литейную къ какому-то господину Ланскому 1); дорогою онъ потерялъ башмакъ, упалъ и вывихнулъ себъ руку. Но на другой же день онъ перевхалъ въ свой собственный домъ напротивъ Адмиралтейства, притворился больнымъ, а, можетъ быть, и дъйствительно заболълъ. Къ вечеру онъ послалъ просить графа Палена дать ему караулъ, потому что опасался отъ черни какихъ-нибудь

ператрица сошла въ небольшой трехугольный дворикъ, который находился между собственнымъ ея подъёздомъ и винтовою лёстницею императора, и что она хотёла пройти по этой лёстницѣ; тутъ стояль часовой, о которомъ сказано выше.

¹⁾ Къ Степану Сергѣевичу Ланскому (р. 1760 г. † 1813 г.), отцу министра внутр. дълъ графа Ланского. (Саблуковъ, стр. 322).

оскорбленій; къ нему послали караулъ и просили быть совершенно покойнымъ. И точно онъ, повидимому, вскорѣ успокоился, потому что, когда 14-го числа дочь его родила 1), онъ весело вошелъ въ комнату родильницы, казался весьма довольнымъ и обнялъ акушера.

Разсказывали, что отъ него одного зависъло предотвратить революцію; что къ вечеру ему принесли записку, открывавшую весь заговоръ; что, по возвращении домой, онъ нашелъ ее на столъ, но не распечаталъ и легъ спать. Долго не удавалось мнъ разъяснить это важное обстоятельство, наконецъ мнѣ представился къ тому самый удобный случай. Я встрътился съ графомъ Кутайсовымъ въ Кенигсбергв. Онъ уже не былъ прежнимъ надменнымъ, неприступнымъ любимцемъ. Въ Петербургъ, хотя и случалось ему мимоходомъ сказать мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ, но никогда не пришло бы мнв въ голову вступить съ нимъ въ откровенный разговоръ. Здёсь онъ принялъ меня чуть не съ сердечною радостью, потому что видълъ во мив вврнаго слугу своего обожаемаго государя, и потому что я доставляль ему р'ядкій случай вдоволь наговориться о его благодътелъ.

Когда я спросиль его, дъйствительно ли въ этотъ злосчастный вечеръ онъ получилъ какую-то таинственную записку и оставилъ ее нераспечатанною,—онъ улыбнулся и покачалъ головою. «Это отчасти справедливо», сказалъ онъ: «но записка эта не имъла никакого значенія. Уже давно графъ Ливенъ, по болъзни, желалъ мъста посланника, и я объщалъ ему это выхлопотать у государя ²).

¹⁾ Въроятно, старшая дочь, Марія Ивановна, бывшая за барономъ Владимиромъ Өеодоровичемъ Васильевымъ, племянникомъ государственнаго казначея.

²⁾ D'Allonville (Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat, t. 8, p. 7) пишетъ: «Un faux frère néanmoins est prèt de faire manquer le complot; le prince Mestcherski (князь Прокофій Васильевичь Мещерскій, бывшій с.-петербургскій губернаторъ, отрѣшенный отъ должности 1-го йоня 1800 года?), personnage vil et salement taré, soit remords,

Въ этотъ день оно мив удалось. Послв объда я о томъ въ ивсколькихъ строкахъ извъстилъ графа и повхалъ со двора. Когда я вечеромъ возвратился домой, на моемъ столв лежала записка. Я спросилъ своего камердинера: отъ кого? Получивъ въ отвътъ, что то было благодарственное письмо отъ графа Ливена, я оставилъ его нераспечатаннымъ. Ночью всъ мои бумаги, въ томъ числъ и эта записка, были взяты; я ихъ получилъ обратно на слъдующій день, а съ ними и эту нераспечатанную записку, которая дъйствительно ничего другого не содержала, какъ въжливое изъявленіе благодарности».

Какъ часто вкрадываются въ исторію ошибки потому только, что подобныя мелкія обстоятельства остаются не разъясненными!

Графъ также совершенно опровергнулъ вообще довольно распространенное предположение, будто императоръ Павелъ подозрѣвалъ существование заговора и вслѣдствие сего вызвалъ барона Аракчеева. «Если бы мы имѣли хотя малѣйшее подозрѣние», сказалъ онъ: «стоило бы намъ только дунуть, чтобы разрушить всякие замыслы», и при этихъ словахъ онъ дунулъ на раскрытую свою ладонь.

Госпожа Шевалье была тогда съ нимъ въ Кенигсбергъ. Она была крайне смущена послъдними своими похожденіями. Въ роковую ночь ее тоже арестовали на нъсколько часовъ 1). Когда въ ея домъ пришелъ офицеръ съ карауломъ, ея смътливая горничная не хотъла впустить его въ спальню, но онъ безъ церемоніи оттолкнулъ ее и подошелъ къ постели. Красавица сильно испугалась такого неожиданнаго посъщенія и закричала: «Мой мужъ

peur ou cupidité, écrit à Paul pour lui dénoncer la conjuration et ceux qui en font partie, remet sa lettre à Koutaisoff, qui, appelé à la table de l'Empereur, l'oublie dans l'habit qu'il vient de quitter».

¹⁾ То же въ Merkw. Jahr, II, 285.

Офицеръ, посланный къ госпожѣ Шевалье, было плацъ-майоръ Иванъ Саввичъ Горголи, красивый молодой человѣкъ (онъ умеръ сенаторомъ и дѣйств. тайнымъ сов.). Саблуковъ, стр. 321.

въ Парижѣ!»—«Не вашего мужа», отвѣчалъ офицеръ, «мы ищемъ въ вашей постели, а графа Кутайсова».

Говорять, что нашли у нея бланки съ подписью государя, что рылись въ ея брильянтахъ, и что отняли у нея перстень съ вензелями Павла. Этому последнему обстоятельству, кажется, противоръчить великодушное съ нею обращение новаго императора; ибо, когда чрезъ нъсколько дней по смерти Павла, она просила паспорта для вывзда за границу, Александръ приказалъ отвътить ей, что онъ крайне сожальеть, что здоровье ея требуеть перемыны воздуха, и что ему всегда будетъ пріятно, если она вернется и снова пожелаетъ быть украшеніемъ французской сцены. Можно предполагать, что настоящею цёлью незванаго посъщенія ея дома было не столько желаніє найти графа Кутайсова, — такъ какъ даже не разбудили ея брата 1), который спалъ недалеко отъ ея спальни, и у котораго онъ весьма легко могъ быть спрятанъ, сколько познакомиться съ ея письменными тайнами. За отобранный у нея перстень она, какъ увъряють, жаловалась графу Палену, но онъ отвътилъ, что ничего не знаетъ. Если всёхъ безчисленныхъ своихъ брильянтовъ она ниизъ другого не потеряла, какъ этотъ перстень, должно изъ этого заключить, что не хотвли оставить въ ея рукахъ столь знаменательную драгоп'йнность, и что офицеръ дъйствовалъ по особому высшему приказанію.

Во все время этой сцены она была въ одной рубашкѣ и должна была выслушать весьма легкія рѣчи. Другого мщенія она не испытала ²) и удалилась изъ Россіи, обремененная сокровищами всякаго рода. На своей же совѣсти она, повидимому, не чувствовала никакого бремени.

¹⁾ M-r Auguste, танцоръ. (Das merkw. Jahr, t. 2, p. 277).

²) Саблуковъ (стр. 322) тоже говоритъ, что Горголи, котя и быль поклонникомъ женскаго пода, не заплатилъ, однако, никакой дани предестямъ госпожи Шевалье, и что красавица «en a été quitte pour sa peur».

Говорили также, что, если бы не было революціи, она должна была черезъ два дня, какъ объявленная фаворитка, занять во дворцѣ комнаты княгини Гагариной. Не знаю, на чемъ основанъ былъ этотъ слухъ; если же въ самомъ дѣлѣ она ожидала, что вскорѣ достигнетъ высшей степени государевой милости, то она должна была вдвойнѣ чувствовать всю горесть своего паденія.

Народъ выразилъ свое презрѣніе къ ней самымъ грубымъ образомъ. На Исаакіевской площади какой-то мужикъ показывалъ за деньги суку, которую онъ звалъ мадамъ Шевалье. Главное искусство этой суки состояло въ томъ, что, когда ее спрашивали: какъ дѣлаетъ мадамъ Шевалье? она тотчасъ ложилась на спину... Нельзя себѣ вообразить, сколько народу приходило на это зрѣлище: даже порядочные люди проталкивались сквозь толпу, чтобы насладиться удовольствіемъ спросить у собаки: «какъ дѣлаетъ мадамъ Шевалье?»

Однако, какъ ни хитра была эта женщина, какъ ни старалась она обворожить государя, ей не удалось приковать его постоянство, и, когда онъ умеръ, двѣ женщины, обратившія на себя его вниманіе, были близки къ разрѣшенію отъ бремени. Относительно одной изъ нихъ его камердинеръ Кисловъ¹) уже говорилъ съ акушеромъ Сутгофомъ и обѣщалъ ему награжденіе 5.000 рублей. Дитя должно было получить хорошее воспитаніе. Что изъ него вышло, мнѣ неизвѣстно.

Къ оберъ-гофмаршалу Нарышкину въ ту страшную ночь явился офицеръ съ обнаженною шпагою и двумя солдатами и сказалъ камердинеру: «Убью тебя, если ты станешь шумъть!» Потомъ онъ пошелъ въ спальню, гдъ Нарышкинъ въ величайшемъ испугъ былъ до крайности смъшонъ, началъ дрожать за свою жизнь и предложилъ

¹⁾ Въ подлинникъ: «Kisleff».

Это быль тайный камерирь Василій Степановичь Кисловъ (съ 2-го января 1801 г.).

солдатамъ пачку ассигнацій. Они ее приняли и арестовали его. Его повели на гауптвахту, но черезъ нъсколько часовъ позволили ему возвратиться въ свои комнаты, а послъ 7 часовъ возвратили шпагу. Въ 9 часовъ утра императоръ самъ разговаривалъ съ нимъ и сказалъ ему весьма ласково: «Я лишился отца, а вы друга и благодътеля, но будьте покойны». Безхарактерный, изнъженный Нарышкинъ, по всей справедливости, не имълъ никакого значенія въ глазахъ заговорщиковъ. Когда я у него былъ въ первый разъ на следующій день, онъ старался быть веселымъ, говорилъ, что переворотъ былъ необходимъ для блага государства, что самъ онъ чувствовалъ себя въ постоянной опасности, что такую жизнь не могь бы долже вынесть, и что теперь одного только желаетъ-спокойствія и позволенія путешествовать. За 48 часовъ передъ этимъ онъ думалъ или говорилъ совершенно противное.

Къ генералу Обольянинову также пришелъ офицеръ съ командою, окружилъ его домъ, вошелъ и потребовалъ, чтобы Обольяниновъ присягнулъ новому императору. Обольяниновъ отказался, потому что, къ величайшему удивленію своему, впервые слышалъ о переворотъ и не зналъ сообщившаго ему о томъ офицера. Его арестовали и повели пъшкомъ въ ордонансгаузъ, который былъ довольно далеко 1). Дорогою онъ испыталъ нъсколько вполнъ заслуженныхъ оскорбленій. Вскоръ, однако, его выпустили на свободу, и снова, какъ въ прежнее время, увидъли множество экипажей у его подътзда. Возникло подозръніе, не затъваетъ ли онъ чего-нибудь, какъ вдругъ узнали, что онъ уволенъ и уже не можетъ вредить.

Такъ поступили при кончинѣ императора съ преданными ему людьми. Послѣ этого отступленія я возвращаюсь къ главному происшествію.

Немного отдохнувъ, Александръ вышелъ изъ своей комнаты, блъдный и разстроенный. Онъ потребовалъ карету.

¹⁾ Мертваго говорить также объ аресть Обольянинова. См. его Записки, стр. 119, 120. Русскій Архивъ 1867 года.

Камеръ-гусаръ побѣжалъ ее заказать; вслѣдъ за нимъ побѣжалъ и самъ князь Зубовъ. Прошло полчаса, пока нашли карету. Между тѣмъ гвардія спокойно разошлась по казармамъ, и Александръ пошелъ къ тѣлу своего отца. Никому не было дано подмѣтить его ощущенія въ эту минуту.

Наконецъ подана была карета, онъ сѣлъ въ нее съ княземъ Зубовымъ; на запятки стали камеръ-гусаръ и братъ Зубова. Такъ поѣхали они въ Зимній дворецъ 1). Дорогою Александръ сохранялъ сумрачное молчаніе. Когда пріѣхали во дворецъ, онъ собрался съ духомъ и, какъ самъ разсказывалъ своей сестрѣ, сказалъ заговорщикамъ: «Eh bien, messieurs, puisque vous vous êtes permis d'aller si loin, faites le reste; déterminez les droits et les devoirs du souverain; sans cela le trône n'aura point d'attraits pour moi».

Графъ Паленъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, благотворное намѣреніе ввести умѣренную конституцію; то же намѣреніе имѣлъ и князь Зубовъ. Этотъ послѣдній дѣлалъ нѣкоторые намеки, которые не могутъ, кажется, быть иначе истолкованы, и бралъ у генерала Клингера «Англійскую конституцію» Делольма для прочтенія 2). Однако, несмотря на требованіе самого императора, это дѣло встрѣтило много противодѣйствія и такъ и осталось.

Изъ Зимняго дворца императоръ, въ сопровожденіи своего брата Константина, поъхалъ верхомъ въ гвардейскіе полки, и тутъ уже безъ всякаго принужденія начальства былъ встръченъ громкими «ура».

¹⁾ Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 12-го марта 1801 года значится: «Великій князь Александръ Павловичъ, принявъ всероссійскій престолъ, отбылъ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ въ 2 часа ночи въ Зимній дворецъ въ прежнія свои комнаты».

²⁾ Delolme: Constitution d'Angleterre, Genève. 1787. 2 vol. in 8°. Переведено на русскій языкъ Ив. Ив. Татищевымъ (авторомъ французско-русск. словаря). Москва. 1806. 2 части.

Въ 2 часа ночи графъ Паленъ съвздилъ домой и разбудилъ свою жену, чтобы сказать ей, что отнынѣ она можетъ спать спокойно.

Когда разсвъло, князь Зубовъ принялъ на себя просить императрицу-мать, чтобы она тоже перевхала въ Зимній дворецъ. Она въ горести своей накинулась на него: «Monstre! Barbare! Tigre! C'est la soif de régner qui vous a porté à assassiner votre souverain légitime. Vous avez regné sous Catherine Seconde; vous voulez régner sur mon fils». Потомъ она объявила самымъ положительнымъ образомъ, что не тронется съ мъста. «Је mourrai à cette place».

Такъ какъ князь ничего не могъ добиться отъ императрицы, то къ ней отправился графъ Паленъ. Она и его приняла такимъ же образомъ. «Васъ я до сихъ поръ еще почитала честнымъ человѣкомъ», сказала она, рыдая. Графъ старался ей доказать, что она сама только выиграла отъ переворота.—«Я остановиль два возстанія», сказалъ онъ: «третье врядъ ли удалось бы мнѣ остановить, и тогда не только императоръ, но, можетъ быть, вы сами со всею вашею фамиліею сдѣлались бы его жертвами».

Въ эти первые часы она была еще до того поражена неожиданностью удара, что вовсе не понимала его доводовъ; но наконецъ склонилась на просьбу вывхать изъ дворца и въ 9 часовъ съла въ карету 1). Когда караулъ, какъ обыкновенно, ей отдалъ честь, она испугалась и прошептала: «Убійцы!» 2).

Сначала она тоже имѣла мучительное для матери подозрѣніе, что ея сынъ зналъ обо всемъ, и потому ея первое свиданіе съ императоромъ дало поводъ къ самой трогательной сценъ. «Саша!» вскричала она, какъ только его

¹⁾ Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 12-го марта значится, что вдовствующая императрица прибыла въ Зимній дворець въ 10 часовъ утра.

²⁾ Караулъ Семеновскаго полка.

увидѣла: «неужели ты соучастникъ!»—Онъ бросился передъ нею на колѣни и съ благороднымъ жаромъ сказалъ: «Матушка! такъ же вѣрно, какъ то, что я надѣюсь предстать предъ судомъ Божіимъ, я ни въ чемъ не виноватъ!» — «Можешь ли поклясться?» спросила она. Онъ тотчасъ поднялъ руку и поклялся. То же сдѣлалъ и великій князь Константинъ. Тогда она привела своихъ младшихъ дѣтей къ новому императору и сказала: «Теперъ ты ихъ отецъ». Она заставила дѣтей стать передъ нимъ на колѣни и сама хотѣла то же сдѣлать. Онъ ее предупредилъ, поднялъ, рыдая, дѣтей; рыдая, поклялся быть ихъ отцемъ, повисъ на шеѣ своей матери и не хотѣлъ оторваться отъ нея. Графъ Салтыковъ пришелъ его позвать; онъ хотѣлъ было идти, и снова бросился въ объятія своей матери.

Ея горе было долгое время невыразимымъ. Ей вездъ казалось, что она видъла кровь; каждаго, кто входилъ, она спрашивала: въренъ ли онъ ей? Она непремънно хотвла узнать всвхъ убійцъ своего супруга; сама разспрашивала о нихъ раненаго камеръ-гусара, котораго осыпала благод вяніями; но ударъ, который онъ получилъ, до того ошеломилъ его, что онъ не могъ назвать по имени ни одного изъ заговорщиковъ. Тогда она приказала провести черезъ залу своихъ младшихъ дѣтей въ глубокомъ траурѣ и черезъ графиню Ливенъ приказала ихъ гувернанткъ, полковницѣ Адлербергъ¹), обратить особое вниманіе на лица присутствовавшихъ и наблюдать, не изобличитъ ли самъ кто-нибудь себя. Лицо Зубова нисколько не измънилось, весьма равнодушно онъ сказалъ своему сосъду: «Удивительно, до какой степени маленькій великій князь Николай похожъ на своего дѣда». Талызинъ, напротивъ того, побледнель; но полковница сочла боле благо-

 ¹) Юлія Өеодоровна Адлербергъ, рожд. Багговутъ (р. 1760 г. † 1839 г.), мать графа В. Ө. Адлерберга.

разумнымъ не сообщать этого замъчанія вдовствующей императриць ¹).

Эту послѣднюю, въ ея печали, новая императрица покидала какъ можно рѣже и выказывала ей самыя нѣжныя дочернія чувства. Марія Өеодоровна была весьма тронута этимъ вниманіемъ. Тайный совѣтникъ Николаи находился у нея въ то самое время, когда доложили о молодой императрицѣ. Онъ просилъ позволенія тутъ же повергнуть ей свое почтеніе. «Сдѣлайте это», сказала Марія Өеодоровна весьма громко, когда входила Елисавета: «ей никогда нельзя въ достаточной степени оказать почтенія». Потомъ пошла къ ней навстрѣчу, и обѣ со слезами обнялись.

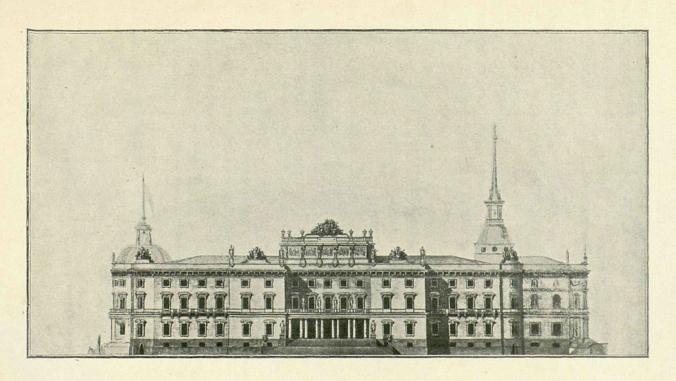
13-го числа вся императорская фамилія въ первый разъ повхала въ Михайловскій замокъ для того, чтобы, согласно обычаю, собраться у тъла. Императрица-мать не хотъла до тъхъ поръ видъть генерала Бенигсена²), но въ этотъ день я самъ замътилъ, что, уходя, она опиралась на его руку, когда сходила съ лъстницы. Этотъ человъкъ обладалъ непостижимымъ искусствомъ представлять почти невиннымъ свое участіе въ заговоръ.

Тѣло Павла было набальзамировано, и, такъ какъ всей этой операціей распоряжался ст. сов. Гриве, я обязанъ

¹⁾ Прошли года. Императоръ Александръ скончался въ Таганрогъ. Тъло его, привезенное въ Петербургъ, было выставлено въ Казанскомъ соборъ и оттуда по Невскому проспекту и Садовой, мимо Михайловскаго замка, перевезено въ Петропавловскую кръпость. Въ погребальномъ шествіи, за колесницею, ъхали въ одной каретъ объ императрицы, Марія Өеодоровна и Александра Өеодоровна. Когда карета поровнялась съ Михайловскимъ замкомъ, императрица Марія Өеодоровна сказала: «Alexandre n'a jamais osé punir les meurtriers de son père; j'espère maintenant que Nicolas le fera!»

⁽Слышано лично 9-го ноября 1869 года отъ великой княгины Маріи Николаевны, которой это разсказано было императрицею Александрою Өеодоровною).

²⁾ Бенигсену повельно было, 12-го марта, быть начальствующимъ въ Михайловскомъ замкъ (камеръ-фурьерскій журналь).

Фасадъ Михайловскаго замка со стороны Лѣтняго сада.

ему подробнымъ отчетомъ во всемъ, что онъ замѣтилъ. На тѣлѣ были многіе слѣды насилія. Широкая полоса кругомъ шеи, сильный подтекъ на вискѣ (отъ удара, нанесеннаго Аргамаковымъ, или, какъ говорятъ другіе, Николаемъ Зубовымъ, посредствомъ рукоятки пистолета), красное пятно на боку, но ни одной раны острымъ орудіемъ, какъ полагали сначала; два красные шрама на обѣихъ ляжкахъ,—вѣроятно, его сильно прижали къ письменному столу; на колѣняхъ и далеко около нихъ значительныя поврежденія, которыя доказываютъ, что его заставили стать на колѣни, чтобы легче задушитъ. Кромѣ того, все тѣло вообще покрыто было небольшими подтеками; они, вѣроятно, произошли отъ ударовъ, нанесенныхъ уже послѣ смерти.

Когда Павелъ выставленъ былъ на парадной постели ¹), на немъ былъ широкій галстукъ, а шляпа надвинута была на лицо ²). Такимъ образомъ прикрыты были и красная полоса кругомъ шеи и шишка на вискѣ. Сверхъ того, приняты были мѣры, чтобы народъ, проходя передъ тѣломъ, могъ его видѣть только въ нѣкоторомъ отдаленіи. Мнѣ показалось, что его нарумянили и набѣлили, дабы на посинѣвшемъ лицѣ сдѣлать менѣе замѣтными слѣды задушенія;

¹⁾ Тъло Павла, лежавшее до того времени въ его почивальной сперва на обыкновенной его кровати, а съ 17-го марта на парадной постели, 20-го марта положено было въ гробъ и перенесено въ большой залъ надъ главными (Воскресенскими) воротами (Merkw. Jahr, II, 197 и кам.-фурьерск. журналъ).

²⁾ На парадной постели Павель одёть быль въ императорскую мантію; возлё постели быль небольшой столь, покрытый малиновымь бархатомь съ золотымъ газомъ, а на столё таковая же подушка, на которой была императорская золотая корона. (Кам.-фурьерск. журналь.

Саблуковъ (стр. 320) тоже говорить, что на Павлѣ была надѣта шляпа такъ, чтобы какъ можно болѣе скрыть лѣвые глазъ и високъ.

Въ большомъ траурномъ залѣ гробъ стояль на катафалкѣ; по сторонамъ его, на столѣ и табуретахъ, расположены были императорскія регаліи и орденскіе знаки. (Кам.-фурьерск. журналъ).

ибо, хотя каждый зналъ, какою смертью умеръ императоръ, но открыто говорили только объ апоплектическомъ ударѣ, и самъ Александръ, какъ увѣряютъ, долго полагалъ, что испугъ убилъ его отца.

Если бы покушеніе не удалось, пострадали бы не одни исполнители, но и многіе другіе, которые, только зная о существованіи заговора, по легкомыслію слишкомъ рано этимъ хвастали. Одинъ офицеръ, который въ эту ночь находился въ веселомъ обществѣ, налилъ себѣ въ 12 часовъ бокалъ вина и пилъ за здоровье новаго императора. Въ другомъ домѣ камергеръ Загряжскій въ 12 часовъ вынулъ изъ кармана часы и сказалъ присутствовавшимъ: «Меssieurs, je vous annonce qu'il n'y a plus d'empereur Paul» 1).

Миѣ остается еще разсказать о впечатлѣніи, которое это столь же ужасное, сколь неожиданное происшествіе произвело на всѣхъ жителей Петербурга.

Рано по утру, на разсвътъ, царствовала мертвая тишина. Передавали другъ другу на ухо, что что-то случилось, но не знали, что именно, или, върнъе, никто не ръшался громко сказать, что государь скончался, потому что, если бы онъ былъ еще живъ, одно это слово, тотчасъ пересказанное, могло бы погубить.

Я самъ всталъ на разсвътъ. Квартира моя была въ Кушелевомъ домѣ на большой площади, прямо напротивъ Зимняго дворца. Я подошелъ къ окну и въ первую четверть часа видѣлъ, какъ войска проходили черезъ площадь въ разныхъ направленіяхъ. Это меня не удивило; я думалъ, что назначено было ученіе, какъ это часто бывало. Вскорѣ послѣ того пришелъ мой парикмахеръ. Его,

¹⁾ Вѣроятно, оберъ-шенкъ (не камергеръ) Николай Александровичъ Загряжскій (ум. 1821 г.), женатый на графинѣ Н. К. Разумовской.

D'Allonville, Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat, Paris, 1834 (t. 8, р. 88), говорить, что это происходило за ужиномъ у князи Бълосельскаго.

видимо, тяготила какая-то тайна. Я едва успѣлъ присѣсть, какъ онъ шопотомъ спросилъ меня, знаю ли я, что государя отвезли въ Шлиссельбургъ, или даже что онъ умеръ. Эти смѣлыя слова меня испугали; я приказалъ ему молчать и сказалъ, что хочу притвориться, будто ничего не слышалъ отъ него. Но онъ сталъ меня увѣрять, что навѣрное произошло что-то важное, потому что самъ видѣлъ, какъ въ 12 часовъ ночи гвардія прошла по Милліонной мимо его квартиры.

Я быль взволновань; тотчась приказаль подать экипажъ и повхалъ въ Михайловскій замокъ. Дорогою, хотя и было довольно далеко, я ничего не замътилъ; народъ быль еще спокоень; на улицахъ какъ обыкновенно были прохожіе. Но уже издали, у воротъ, которыя ведуть во дворецъ, и гдъ обыкновенно стояли два часовыхъ, я замътилъ цёлую роту подъ ружьемъ. Это было мнё вёрнымъ знакомъ, что произошло что-то необыкновенное. Я хотълъ, какъ всегда, въбхать въ ворота, но меня не пропустили и объявили, что дозволенъ провздъ однимъ только придворнымъ экипажамъ. Сначала я сослался на повелъніе государя, которое ставило мнв въ обязанность находиться каждое утро во дворцъ. Офицеръ пожалъ плечами. Я сталъ ему доказывать, что карета моя придворная, потому что поставлялась отъ двора. Но онъ мн объяснилъ, что покуда подъ названіемъ «придворный экипажъ» слідуеть разумѣть только такія кареты, у которыхъ на дверцахъ императорскій гербъ, а у моей кареты этого герба не было. «Для чего все это?» спросилъ я наконецъ въ недоумъніи. Онъ снова пожалъ плечами и замолчалъ.

Черезъ нѣсколько часовъ входъ во дворецъ былъ свободенъ, и я поспѣшилъ къ оберъ-гофмаршалу; но его нельзя было видѣть. Черезъ канцелярскаго чиновника я наконецъ получилъ первыя достовѣрныя свѣдѣнія.

Ослѣпленная чернь предалась самой необузданной радости. Люди, другъ другу вовсе незнакомые, обнимались на улицахъ и другъ друга поздравляли. Зеленщики, продававшіе свой товаръ по домамъ, поздравляли «съ перемѣною» 1), подобно тому, какъ они обыкновенно поздравляють съ большими праздниками. Почтосодержатели на Московской дорогѣ отправляли курьеровъ даромъ. Но многіе спрашивали съ боязнью: «Да точно ли онъ умеръ?» Кто-то даже требовалъ, чтобъ ему сказали, набальзамировано ли уже тѣло; только когда его въ томъ увѣрили, онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ: «слава Богу» 2).

Даже люди, которые не имѣли повода жаловаться на Павла и получали отъ него одни только благодѣянія, были въ такомъ же настроеніи. «Eh bien», спросилъ мимоходомъ князь Зубовъ у генерала Клингера: «qu'est ce qu'on dit du changement?»—«Моп prince», отвѣчалъ Клингеръ, въ противность столькимъ прямодушнымъ и твердымъ правиламъ въ его сочиненіяхъ: «on dit que vous avez été un des Romains».

Около полудня я повхаль къ графу Палену безъ всякаго дёла, съ единственною цёлью въ его пріемной дёлать наблюденія надъ людьми и, прежде всего, надъ нимъ самимъ. Его не было дома. Мы долго ждали. Наконецъ онъ пріёхалъ: волосы его были въ безпорядкѣ, но выраженіе лица было веселое и открытое.

Вечеромъ у меня собралось небольшое общество. Мы стояли кружкомъ посреди комнаты и болтали. Между тѣмъ почти совсѣмъ стемнѣло. Нечаянно обернулся я къ окну и съ ужасомъ увидѣлъ, что городъ былъ иллюминованъ. Никакихъ приказаній для иллюминаціи не было, но она была блистательнѣе, чѣмъ обыкновенно въ большіе праздники. Одинъ только Зимній дворецъ стоялъ темною массою передо мной и представлялъ собою величественный контрастъ. Грусть овладѣла всѣми нами.

¹⁾ Въ нѣмецкомъ подлинникъ слово «перемѣна» написано латинскими буквами по-русски.

^{2) «}Слава Богу» въ нѣмецкомъ подлинникѣ написано латинскими буквами по-русски.

Уже съ утра 1) присягали въ дворцовой церкви императору. Изъ императорской фамиліи присутствоваль одинъ только великій князь Константинъ. Онъ первый приложился къ евангелію, за нимъ Нарышкинъ, потомъ высшіе чины государства, между которыми недоставало только графа Палена и графа Кутайсова: первый стоялъ внизу между войсками, а второй сказался больнымъ. Достойно замѣчанія, что въ присягѣ упоминалось только о томъ наслѣдникѣ престола, который назначенъ будетъ впослѣдствіи 2). Стало быть, узаконенія Павла поэтому отмѣнялись. На слѣдующій день графъ Кутайсовъ также поѣхалъ во дворецъ и былъ милостиво принятъ: Александръ, казалось, хотѣлъ поступить съ нимъ, какъ тотъ французскій король, который не помнилъ обидъ, сдѣланныхъ дофину.

Отрадный манифесть, изданный Александромъ, извъстенъ 3). Онъ написанъ былъ Трощинскимъ, который нъкогда былъ секретаремъ императрицы Екатерины. Обольяниновъ былъ отставленъ; на его мъсто назначенъ былъ Беклешовъ, человъкъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и бывшій губернаторомъ въ Ригъ. Графъ Васильевъ сдъланъ былъ снова государственнымъ казначеемъ, графъ Воронцовъ посломъ въ Англіи; Бенигсенъ принятъ на службу съ чиномъ генералъ-лейтенанта.

¹) Т.-е. съ утра 12-го марта.

²⁾ Установленная при императорѣ Александрѣ форма клятвеннаго обѣщанія была слѣдующая: «Я нижепоименованный обѣщаюсь и клянусь... что хочу и долженъ его императорскому величеству... императору Александру Павловичу... и его императорскаго величества всероссійскаго престола наслѣднику, который назначенъ будетъ, вѣрно и нелицемѣрно служить» и т. д.

П. С. З. 12-го марта 1801 г. № 19.779 и 18-го апрѣля 1801 года № 19.841.

³⁾ А. М. Тургеневъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что сперва Козицкій написалъ проектъ манифеста, но что его редакція признана была неудовлетворительною, и что тогда Трощинскій взялся за перо и написалъ тотъ манифестъ, который быль обнародованъ.

Ненавистная тайная экспедиція 1), въ которой постоянно въ послѣднее время находился палачъ 2), была уничтожена. Всѣ заключенные были освобождены. На стѣнахъ крѣпости, какъ на частныхъ домахъ, читали эти слова: «свободенъ отъ постоя».

Говорили, что великій князь Константинъ самъ отправился въ крѣпость, съ ужасомъ увидѣлъ всѣ орудія мученій и приказалъ ихъ сжечь. Это невѣрно. Ст. сов. Сутгофъ, по обязанности, былъ въ крѣпости и нашелъ въ ней только розги; комнаты тайной экспедиціи показались ему, впрочемъ, приличными и съ достаточнымъ воздухомъ, одни только такъ называемые «сасhots» 3) возбудили его ужасъ.

Императоръ повхалъ въ сенатъ ⁴), чего Павелъ ни разу не сдвлалъ,—снова назвалъ его «правительствующимъ», издалъ много указовъ о помилованіи ⁵); вернулъ изъ Сибири невинныхъ, туда сосланныхъ; освободилъ 152 несчастныхъ, которыхъ слишкомъ ретивый губернаторъ... ⁶) выслалъ изъ Харькова въ Дюнамюнденскую крѣпость; отмѣнилъ, кромѣ того, много наказаній и возстановилъ всѣ права народа ⁷).

¹⁾ Въ нѣмецкомъ подлинникѣ слова «тайная экспедиція» написаны по-русски, но латинскими буквами.

²⁾ Въ нѣмецкомъ подлинникѣ:

[«]ein Knutmeister».

³⁾ Въ нъмецкомъ подлинникъ по-французски «cachots».

⁴⁾ Императоръ Александръ былъ въ общемъ собраніи сената 2-го апрѣля 1801 года. Государь поѣхалъ также въ синодъ 23-го мая 1801 года.

⁵) П. С. З.

^{№ 19.782.}

^{№ 19.784} № 19.786.

^{№ 19.786.} № 19.788.

^{№ 19.798.}

^{№ 19.814.}

⁶⁾ Въ нѣмецкомъ подлинникѣ имя пропущено.

Въроятно, слободо-украинскій губернаторъ П. О. Сабуровъ.

⁷) Подъ именемъ народа здѣсь должно разумѣть одно только дворянство.

Не были болѣе обязаны снимать шляпу передъ Зимнимъ дворцомъ; а до того времени было въ самомъ дѣлѣ крайне тяжело: когда необходимость заставляла идти мимо дворца, нужно было, въ стужу и ненастье, проходить нѣсколько сотъ шаговъ съ обнаженною головою изъ почтенія къ безжизненной каменной массѣ. Не обязаны были выходить изъ экипажей при встрѣчѣ съ императоромъ; одна только вдовствующая императрица еще требовала себѣ этого знака почтенія.

Александръ ежедневно гулялъ пѣшкомъ по набережной въ сопровожденіи одного только лакея; всѣ тѣснились къ нему, всѣ дышали свободно. Въ Милліонной онъ однажды засталъ одного солдата, который дрался съ лакеемъ.—«Разойдетесь ли вы?» закричалъ онъ имъ: «полиція васъ увидитъ и возьметъ обоихъ подъ арестъ».—У него спрашивали, должно ли размѣстить во дворцѣ пикеты, какъ при его отцѣ.—«Зачѣмъ?» отвѣтилъ онъ: «я не хочу понапрасну мучить людей. Вы сами лучше знаете, къ чему послужила эта предосторожность моему отцу».

Привозъ книгъ былъ дозволенъ ¹); изданъ былъ образцовый цензурный уставъ ²) (который, къ несчастію, болѣе не соблюдается). Разрѣшено было, снова носить платья, какъ кто хотѣлъ, съ стоячимъ или съ лежачимъ воротникомъ. Чрезъ заставы можно было выѣзжать безъ билета отъ плацмайора ³). Всѣ пукли, ко всеобщей радости, были обстрижены ⁴). Эта небольшая вольность принята была

Указы, на которые намекаеть здёсь Коцебу, суть слёдующіе:

П. С. З.

^{№ 19.790} о возстановленіи дворянских выборова на точном основаніи Екатерининскаго учрежденія о губерніяха.

^{№ 19.810} и 19.856 о возстановленіи дворянской грамоты.

¹) H. C. 3., № 19.807.

²⁾ Уставъ о цензурѣ 9-го іюля 1804 года. П. С. З. № 21.388.

^в) П. С. З.

^{№ 19.801.}

⁴⁾ II. C. 3.

^{№ 19. 826.}

всѣми, а въ особенности солдатами, какъ величайшее благодъяніе.

Круглыя шляпы тоже снова появились, и я быль свидѣтелемъ суматохи, внезапно происшедшей въ одно утро въ пріемной графа Палена; всѣ бросились къ окнамъ; я не могъ понять—зачѣмъ: проходила на улицѣ первая круглая шляпа 1). Обыкновенно народъ придаетъ подобнымъ мелочамъ такую цѣну, что государямъ никогда бы не слѣдовало стѣснять его въ этомъ отношеніи. Можно безъ преувеличенія сказать, что разрѣшеніе носить круглыя шляпы произвело въ Петербургѣ болѣе радости, чѣмъ уничтоженіе отвратительной тайной экспедиціи.

Нельзя, однако, умолчать, что это первое опьянѣніе вскорѣ прошло. Народъ сталъ приходить въ себя. Онъ вспомнилъ быструю и скорую справедливость, которую ему оказывалъ императоръ Павелъ; онъ началъ страшиться высокомѣрія вельможъ, которое должно было снова пробудиться, и почти всѣ говорили: Павелъ былъ нашъ отецъ. На первомъ парадѣ, когда солдаты собрались въ экзерциргаузѣ, офицеры пошли между ними ходить, поздравляя ихъ, и говорили: «Радуйтесь, братцы, тиранъ умеръ».— Тогда они отвѣчали: «Для насъ онъ былъ не тиранъ, а отецъ».

Много содъйствовало этому настроенію то, что офицеры полка новаго императора 2) хвастались, выставляли, какъ великую заслугу, свое участіе въ переворотъ и тъмъ раздражали противъ себя офицеровъ другихъ полковъ. Не все было такъ, какъ бы слъдовало; но и взрыва неудовольствія нельзя было опасаться, хотя суевъріе уже разглашало о привидъніи, появившемся въ Михайловскомъ замкъ и громко требовавшемъ мщенія, и хотя утверждали, что въ ночь на 15-е число графъ Паленъ охранялъ себя нъсколькими полицейскими солдатами съ заряженными

¹⁾ То же разсказано въ Merkw. Jahr, t. 2.

²⁾ Семеновскаго полка.

ружьями и приказалъ сказать смѣненному генералъ-прокурору, чтобы онъ принималъ поменьше посѣтителей.

13-го числа императоръ въ первый разъ явился на парадѣ безъ мальтійскаго креста; графъ Паленъ также пересталъ его носить; но на Адмиралтействѣ все еще развѣвался мальтійскій флагъ, и только впослѣдствіи рѣшили его снять. Замѣтили также, что на парадѣ государь взялъ князя Зубова подъ руку и дружески прохаживался съ нимъ взадъ и впередъ.

Въ тотъ же день графъ Паленъ далъ большой объдъ, на которомъ, между прочимъ, князь Куракинъ всячески унижался передъ Зубовыми, полагая, что заговорщики сдёлаются новыми любимцами. Мнёніе это было ошибочно, но вначалъ раздълялось многими. Я не сомнъваюсь, однако, что, по крайней мъръ, графъ Паленъ силою и умомъ удержался бы, если бы не сдёлалъ непостижимой для опытнаго царедворца ошибки, удалившись изъ Петербурга. Нужно было осмотрѣть кордонъ, учрежденный на берегахъ Балтійскаго моря противъ англичанъ, и онъ самъ вызвался имъть надзоръ за исполнениемъ этого поручения. Онъ повхалъ и болве не увидвлъ столицы. До сихъ поръ онъ живетъ въ своихъ курляндскихъ имъніяхъ, но совершенно забытъ. О немъ не вспомнили даже тогда, когда въ походахъ противъ французовъ нуждались бы въ столь энергическомъ человъкъ.

Князь Зубовъ также долженъ былъ удалиться въ свои имѣнія. Весьма правдоподобно, что когда кто-то поздравиль его съ тѣмъ, что переворотъ ограничился одною только жертвою, онъ, получившій образованіе при
Екатеринѣ, отвѣтилъ: «Этого недостаточно; нужно еще,
чтобы никто изъ участниковъ не былъ наказанъ».—Когда же
выразили ему опасенія насчетъ Обольянинова и Аракчеева (который впослѣдствіи дѣйствительно пріѣхалъ),
онъ только сказалъ: «С'est de la canaille». Мнѣ самому
онъ сказалъ на третій день въ разговорѣ, который я имѣлъ
съ нимъ съ глазу на глазъ: «Цицеронъ правъ, говоря въ

di

одномъ изъ своихъ писемъ: если бы у него было однимъ порокомъ больше, онъ былъ бы лучше».—И къ этому онъ прибавилъ: «Отецъ Павла былъ пьяница; если бы Павелъ имѣлъ тотъ же порокъ, намъ пришлось бы менѣе страдать отъ него».

Нарышкинъ и графъ Кутайсовъ получили позволеніе путешествовать. Посл'єдняго государь призвалъ къ себѣ передъ его отъ'єздомъ и сказалъ ему милостиво: «Я никогда не забуду, что вы 30 л'єтъ служили моему отцу. Если вы когда-либо будете въ затруднительномъ положеніи, разсчитывайте на меня».

Но не одну только милость, а также прекраснѣйшую для царей добродѣтель—справедливость, выказалъ Александръ въ первые дни своего царствованія.

Нѣкоторый генералъ Арбеневъ постыдно бѣжалъ во время похода въ Голландіи, и императоръ Павелъ объявилъ тогда во всеобщее свѣдѣніе, что онъ бѣжалъ 40 верстъ, не переводя духу. Между тѣмъ у него были сильные друзья, которые за него ходатайствовали, и Трощинскій представилъ новому императору о его помилованіи. Александръ отказалъ, сказавши: «Можетъ ли мое помилованіе сдѣлать изъ него храбраго человѣка?» Трощинскій повторилъ свою просьбу, и государь наконецъ уступилъ. Указъбылъ написанъ и представленъ къ его подписи. Александръ его подписалъ; но, отдавая его Трощинскому, сказалъ: «Я тебѣ сдѣлалъ удовольствіе, теперь твоя очередь: разорви его» 1).

¹⁾ Иванъ Іоасафовичъ Арбеневъ, генералъ-майоръ, съ 7-го декабря 1797 года по 24-е октября 1799 года шефъ Диъпровскаго мушкатерскаго полка, бывшаго въ голландской экспедицін.

Ростопчинъ писалъ 29-го октября 1799 года къ Суворову: «Какое постыдное поведеніе войскъ нашихъ въ Голландіи! Въ первомъ дѣлѣ бросились грабить, оставили генераловъ, и оттого разбиты въ другомъ. Не хотѣли идти; полкъ легъ на землю. О, проклятые! Генералъмайоръ Арбеневъ, штабъ-офицеръ и еще три офицера бѣжали, и море ихъ одно могло остановить за 40 версть. Арбеневъ исключенъ, а тѣ ошельмованы».

Мы готовы сердечно радоваться этому восходящему солнцу, не предавая, однако, проклятію отошедшаго и не поступая, какъ тотъ мужикъ, который на торжественномъ погребеніи Павла 1) бросился къ графу Палену, ѣхавшему впереди верхомъ, и поцѣловалъ его сапогъ.

Многіе изощряли свой умъ насчеть мертваго льва. Графъ Віельгорскій²) распространиль стихотвореніе, которое оканчивалось сл'ёдующими строками:

«Que la bonté divine, arbitre de son sort, «Lui donne le repos, que nous rendit sa mort».

Одинъ нѣмецъ написалъ:

Das Volk war seiner Laune Spiel; Er starb gehasst, wie Frankreichs letzter König; Er hatte der Macht über uns zu viel Und über sich selbst zu wenig ³).

Другой:

Kommt, Jhr, Wanderer, und tretet An dies Grab,—doch nur von weitem! Hier liegt Paul der Erste,—betet: Gott bewahr uns vor dem Zweiten! 4).

Павелъ, конечно, заслужилъ слѣдующую лучшую надгробную надпись. Народъ и солдаты говорили:

«Онъ былъ нашъ отецъ».

¹⁾ Погребеніе Павла происходило въ страстную субботу, 23-го марта) 1801 года.

²) Графъ Юрій Михайловичъ Віельгорскій (р. 1753 † 1808 г.), д. т. сов., сенаторъ.

³⁾ Народъ былъ игрушкою его каприза; онъ умеръ ненавидимъ, какъ послѣдній французскій король. Надъ нами онъ имѣлъ слишкомъ много власти, а надъ собою слишкомъ мало.

⁴⁾ Сюда, прохожій! Подойди къ этой могиль,—но не слишкомъ близко. Здысь лежить Павелъ Первый; молись, да избавить насъ Госнодь отъ Второго.

Дополнительныя примъчанія князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго къ запискъ Коцебу.

1.

Въ день своей кончины, т. е. 11-го марта 1801 года, императоръ Павелъ дъйствительно отправилъ двухъ курьеровъ: одного въ Берлинъ, другого въ Парижъ. По этому случаю въ архивъ министерства иностранныхъ дълъ въ С.-Петербургъ сохранилась слъдующая замътка, писанная рукою князя Александра Борисовича Куракина:

«Le 11 mars 1801 S. M. l'Empereur a fait expédier par courrier

deux rescripts signés de sa propre main:

«1) au baron de Krudener pour lui prescrire d'insister auprès de la Cour de Prusse à se décider, dans l'espace de 24 heures, à faire occuper par ses troupes l'Electorat de Hanovre, et de quitter Berlin en cas de répons négative.

«2) à M-r de Kolytcheff pour lui enjoindre d'inviter le Premier Consul à faire entrer les troupes républicaines dans l'Electorat de Hanovre, vu l'indécision de la cour de Berlin de faire occuper ce pays par

les siennes.

«Le Prince Kourakine».

Курьеръ, посланный въ Берлинъ, нисколько не былъ задержанъ Паленомъ. Онъ вручилъ нашему посланнику барону Криднеру собственноручный рескриптъ Павла слъдующаго содержанія:

«Cha. Mich. ce 11 mars 1801.

«Déclaré Monsieur au Roi que si il ne veut pas se décidé à occuper Hanovre vous avé à quitter la cour dans les 24 heures.

«Paul».

Этотъ рескриптъ находится въ архивѣ нашего посольства въ Берлинѣ, гдѣ я его списалъ (съ сохраненіемъ правописанія подлинника). На немъ нѣтъ той приписки графа Палена, о которой говоритъ Bignon (Histoire de France. Paris. 1829. Т. I, р. 440):

«L'empereur ne se porte pas bien aujourd'hui».

Thiers (Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris. 1847. Т. 2, р. 430) передаетъ эту приписку (post-scriptum) почти въ тъхъ же выраженіяхъ и прибавляетъ, что генералъ Бёрнонвиль, бывшій французскимъ посланникомъ въ Берлинъ, сообщилъ объ ней своему правительству. Должно полагать, что Паленъ написалъ барону Криднеру отдъльную записку.

Объ этихъ двухъ рескриптахъ Павла сравнить:

«Сборникъ Р. Ист. Общ.», II, 12: статья К. К. Злобина—Дипломатическія сношенія между Россією и Швецією.

Vehse: Geschichte des Preussischen Hofes, V, 189, 190.

2.

Спб., генваря 29, 1801.

Открылъ я, графъ Иванъ Петровичъ, переписку Г. Гр: Панина, въ которой титулуетъ онъ кн. Репнина Цинцинатомъ, пишетъ о нъкоторой мнимой теткъ своей (которой у него однакоже здъсь никакой нътъ), которая одна только изъ всъхъ насъ на свътъ душу и сердцъ только и имъетъ, и тому подобныя глупости. А какъ изъ сего я вижу, что онъ все тотъ же, то и прошу мнъ его сократить, отославъ подалъ, да отвъчать, чтобъ онъ въ передъ ни языкомъ, ни перомъ не вралъ. Прочтите ему сіе и исполните все.

Есьмь вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

(Получ. 1 февр. 1801).

Мих: Зам: Февр: 7. 1801.

Въ улику того и тому, о чемъ и кемъ дѣло было, посылаю къ вамъ копіи съ перлустрированныхъ Панина писемъ, которыми извольте его уличить. И, какъ я уже далъ вамъ и безъ того надъ нимъ волю, то и поступите уже по заслугѣ и такъ какъ со лжецомъ и обманщикомъ. Вы можете для прочтенія его къ себѣ съ надежнымъ провожатымъ на то только время привъсти. Въ про: сіе все уже ваше дѣло, и вамъ за сіе и за него и отвъчать.

Вамъ благосклонный

Павелъ.

(Получ. 9 февр. 1801).

3.

Seume (Zwei Briefe über die neuesten Veränderungen in Russland. Zürich. 1797, стр. 74) разсказываетъ это происшествіе слъдующимъ

образомъ.

По приказанію государя приготовлена была въ Ригъ торжественная встръча для короля Станислава Понятовскаго, при проъздъ его въ С.-Петербургъ. Въ назначенный день разставлена была на улицахъ стража изъ городскихъ жителей (Bürger Companien) и приготовленъ былъ большой объдъ въ домъ Черныхъ Головъ (auf dem Hause der Schwarzen Häupter). Понятовскій въ этотъ день не прі- товлень выйсто него пріталь князь Зубовъ. Стража отдала ему честь, какъ русскому генералу, а часть объда, изготовленнаго для короля, послужила къ объду Зубова. Обо всемъ этомъ посланъ былъ доносъ къ государю, и съ слъдующею почтою получено повельне объ исключеніи графа Палена изъ службы. Впослъдствіи, узнавши, какъ это было, государь снова принялъ Палена на службу.

Указъ или, върнъе, рескриптъ, о которомъ говоритъ Коцебу,

быль следующаго содержанія:

«Господинъ генералъ-лейтенантъ Паленъ. Съ удивленіемъ увъдомился я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздъ князя Зубова чрезъ Ригу; изъ сего и дѣлаю я сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коему и поведеніе мое противъ васъ соразмѣрно будетъ.

«Сіе письмо можете показать ген.-лейт. Бенкендорфу.

(подп.) «Павелъ».

26-го февраля 1797 года.

(Изъ дълъ военной коллегін въ архивъ военнаго министерства)

Въ тотъ же день, 26-го февраля 1797 года, графъ Паленъ былъ выключенъ изъ службы.

Военные приказы: «С.-Петерб. Вѣд.» 1797 года, № 18. «Русская Старина», XI, стр. 189.

20-го сентября 1797 года графъ Паленъ приказомъ, объявленнымъ при паролъ, былъ снова принятъ на службу, и по этому случаю, во всеподданнъйшемъ письмъ отъ 1-го октября, онъ писалъ къ государю, что, «ирибывъ въ Ригу, увъдомился онъ о всемилостивъй-

шемъ помъщении его въ высочайшей службъ, и просилъ удостоить принять подобострастное приношение живъйшей благодарности и купно всеподданнъйшія увъренія, что онъ жизнь свою по гробъ по-свящаеть съ радостію высочайшей службъ и для того предъ лицемъ его, государя, повергаеть себя къ священнымъ стопамъ его величества».

4

«Вспомнили послъднія слова графа Палена за ужиномъ: «qu'il faut commencer par casser les oeufs», и привели ихъ буквально въ исполненіе. Многихъ называли, которые туть выказали свою грубость и звърство, желая отомстить императору личныя обиды, полученныя отъ него: били, тонтали, всячески старались изуродовать его несчастное тъло».

Саблуковъ (англ. подл., 319, 320).

Сангленъ (въ неизданныхъ запискахъ) разсказываетъ, что однажды, нъсколько лътъ спустя, императоръ Александръ спросилъ его: «Вы знаете, что такое Болговской (Дмитрій Николаевичъ, бывшій шт.-капитаномъ Измайловскаго полка)? Il a pris la tête morte de mon père par les cheveux, l'a heurté contre la terre et a dit: voilà le tvran!»

О Болговскомъ см. «Полярную Звёзду» на 1855 годъ.

Изд. 2-е. Лондонъ, 1858, стр. 133.

5.

Нужно полагать, что собраніе полковъ имѣло цѣлью придать перевороту, до нъкоторой степени, характеръ народнаго движенія и устранить нареканіе въ одной только дворцовой интригъ. Изъ этого можно также заключить, что до последней минуты убійство Павла не было предопредъленною и явною цълію заговора; иначе собраніе полковъ было бы распоряжениемъ не только излишнимъ, но даже опаснымъ. Совъщанія, происходившія въ самый вечеръ 11-го марта между заговорщиками, доказывають, что главный вопросъ: что дъ-лать, если Павелъ не согласится на отречение? оставался между ними неразръшеннымъ и былъ предоставленъ случайности. Сильнъе всъхъ, какъ увъряють, возставалъ противъ убійства графъ Валеріанъ Александровичь Зубовъ. Сангленъ (въ неизданныхъ запискахъ, стр. 48) говоритъ, что «на дворъ Михайловскаго

замка (въ ночь 11-го марта) стояла карета, готовая на первый случай отвезть Павла въ Петропавловскую крѣпость», но Санглену безусловно върить нельзя.

Для того, чтобы совершенно понять подробности разсказа Коцебу, необходимо имъть передъ глазами планы Михайловскаго замка, гравированные И. Колпаковымъ по рисункамъ К. Росси, Овсянникова и Канаева, подъ наблюденіемъ строителя замка, архитектора Бренна (15 листовъ).

Они существують въ двухъ или, вѣрнѣе, въ трехъ размѣрахъ:
1) въ 4-ку, 2) въ листъ, и 3) самые иланы въ листъ, а виды фасадовъ и разрѣзовъ въ большой листъ.

6.

Карауль, который наряжался каждый день поочередно изъвсъхъ полковъ гвардіи, помъщался на гауптвахть, устроенной въ нижнемъ этажь замка, въ углу, тотчасъ направо при входь на дворъ чрезъ главныя (такъ называемыя Воскресенскія) ворота. Въ этотъ день, 11-го марта, въ карауль быль Семеновскій полкъ, и карауломъ командовалъ какой-то капитанъ, изъ бывшихъ гатчинскихъ офицеровъ, понимавшій одну только фронтовую службу, но нисколько не подозрѣвавшій, для чего она установлена. Саблуковъ (англійскій подлинникъ, стр. 313).

Въ нижнемъ этажъ, въ овальномъ залъ, примыкавшемъ съ лъвой стороны (если идти со двора) къ нарадной лъстницъ; нарадная же лъстница была въ углу, тотчасъ налъво при входъ на дворъ чрезъ главныя ворота. Караулъ, который находился въ этомъ залъ, состоялъ изъ 30-ти человъкъ и постоянно наряжался изъ одного только Преображенскаго полка. Das merk würdigste Jawr, II, 194.

(Русскій переводъ этого м'єста въ «Русскомъ Архив'ь» 1870 года, стр. 974).

11-го марта этимъ карауломъ командовалъ поручикъ Преображенскаго полка Сергъй Никифоровичъ Маринъ, уже давно готовый на содъйствие заговорщикамъ.

7.

Самъ Коцебу не увъренъ, Аргамаковъ ли нанесъ первый ударъ Павлу, или Николай Зубовъ. «Императоръ говорилъ громко и размахивалъ руками. Графъ Николай Зубовъ, полупьяный, человъкъ исполинскаго роста и необыкновенной силы, ударилъ государя по рукъ и сказалъ ему: «что ты кричишь?». Въ отвътъ на это оскорбленіе императоръ съ гнъвомъ оттолкнулъ лъвую руку Зубова; тогда Зубовъ правымъ кулакомъ, въ которомъ держалъ массивную золотую табакерку, нанесъ Павлу въ лъвый високъ сильный ударъ, отъ котораго государь упалъ безъ чувствъ».

Саблуковъ (англійскій подлинникъ, стр. 319).

Почти такъ же разсказываетъ и Чичаговъ:

«Alors le comte Nicolas Zouboff, homme fort et colossal, s'écria: «Messieurs, vous ne pourrez jamais lui faire entendre raison. Nous perdrons notre temps, et nous nous exposons à de grands malheurs par nos hésitations. Voici le langage qu'il faut tenir à un homme comme lui». Puis avec une boite d'or qu'il tenait à la main, il lui appliqua sur la tempe un coup qui le renversa».

Mémoires de l'amiral Tchichagoff. Leipzig, 1862, p. 42.

8.

Въ бельэтажъ къ парадной лъстницъ примыкалъ, съ лъвой стороны, овальный залъ, въ которомъ постоянно находился караулъ отъ конной гвардіи.

(Das merkwürdigste Jahr, II, 219).

Этотъ залъ былъ по дорогѣ отъ парадной лѣстницы къ внутреннимъ покоямъ государя. Караулъ состоялъ изъ 1 офицера, 3-хъ унтеръ-офицеровъ и 24 солдатъ; въ этотъ день въ караулѣ былъ корнетъ Андреевскій.

(Саблуковъ, 313).

9.

Саблуковъ (стр. 318) разсказываеть, что въ конной гвардіи солдаты не хотёли присягать новому императору, не убёдившись сперва въ смерти Павла. Посланы были въ Михайловскій замокъ за знаменами унтеръ-офицеръ Григорій Ивановъ и нёсколько солдать при корнеть Филатьевъ. Ихъ допустили къ тёлу покойнаго императора и, когда, по возвращеніи въ казармы, Саблуковъ спро-

силъ Григорія Иванова, убъдился ли онъ въ смерти государя: «Да, ваше благородіе», отвъчалъ Григорій Ивановъ, «онъ кръпко умеръ».—«Будешь ли теперь присягать императору Александру?»—«Буду; хоть онъ и не лучше, но, такъ или иначе, кто ни попъ, тотъ и батька».

10.

1-го ноября 1800 года состоялся указъ, коимъ дозволялось «всъмъ выбывшимъ изъ службы... или исключеннымъ... паки вступить въ оную». (П. С. З. №№ 19.625 и 19.626).

23-го ноября 1800 года князь Зубовъ назначенъ директоромъ 1-го кадетскаго корпуса.

6-го декабря 1800 года графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ назначенъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса.

1-го декабря 1800 года графъ Николай Александровичъ Зубовъ, бывшій прежде шталмейстеромъ, назначенъ шефомъ Сумскаго гусарскаго полка. (По смерти Павла, 20-го марта 1801 года, пожалованъ въ оберъ-шталмейстеры).

Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ, р. 1745 † 1826. Его послужной списокъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивъ» 1874 г., I, 826.

Петръ Александровичъ Талызинъ, р. 17-го января 1767 † 11-го мая 1801 года. Генералъ-лейтенантъ, командиръ Преображенскаго полка.

Феодоръ Петровичъ Уваровъ, р. 1769 † 1824. Генералълейтенантъ съ 5-го ноября 1800 года. Шефъ кавалергардскаго корпуса съ 11-го января 1799 года.

Иванъ Ивановичъ Вильде, генералъ-лейтенантъ, шефъ артиллерійскаго полевого батальона въ С.-Петербургѣ, съ 7-го февраля 1798 года по 11-е апрѣля 1799 года (и снова съ 1-го октября 1799 года). Отставленъ отъ службы 27-го января 1800 года. Въ 1801 году присутствовалъ въ артиллерійской экспедиціи и 27-го февраля уволенъ въ отпускъ на двѣ недѣли.

Князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ (сынъ).

Александръ Васильевичъ Аргамаковъ 1-й, норучикъ, полковой адъютантъ Преображенскаго полка (не адъютантъ государя) съ 29-го сентября 1800 года.

Князь Владимиръ Михайловичъ Яшвиль, изъ капитановъ гвардіи артиллерійскаго батальона произведенный 5-го мая 1800 года въ полковники съ опредъленіемъ въ конный батальонъ Богданова 2-го (20-го марта 1801 года, по смерти Павла, переведенъ въ л.-гв. артиллерійскій батальонъ); у него былъ старшій братъ, к нязь Левъ Михайловичъ Яшвиль, изъ полковниковъ 6-го артиллерійскаго полка произведенный 13-го ноября 1800 года въ генералъ-майоры съ назначеніемъ цейхмейстеромъ флота, генералъ-отъ-артиллеріи 1-го января 1819 года. † 1836.

Владимиръ Александровичъ Мансуровъ (р. 1766 † 1806, хол.), полковникъ Измайловскаго полка съ 3-го марта 1801 года (не быль выключенъ изъ службы).

«Il était très considéré par l'empereur Alexandre. Un jour que j'accompagnai Sa Majesté dans un voyage, Elle daigna prendre des nouvelles de ma famille et me parla de l'oncle Vladimir, comme d'un officier très distingué et qu'Elle regrettait beaucoup».

Изъ письма генералъ-адъютанта Мансурова, бывшаго флигель-адъютанта императора Александра, изъ Гамбурга отъ 18-го (30-го) ноября 1877 г., къ Н. П. Мансурову.

Александръ Ивановичъ Талызинъ, капитанъ Измайловскаго полка.

Алексъй Николаевичъ Мордвиновъ 1-й, подпоручикъ Измайловскаго полка съ 24-го сентября 1800 года.

Кондратій Ивановичъ Филатовъ, подпоручикъ Измайловскаго полка съ 24-го сентября 1800 года. Всѣ трое 4-го марта 1801 года отставлены отъ службы безъ абшидовъ, а 6-го марта 1801 года снова приняты въ тотъ же полкъ.

У Алексъ́я Николаевича Мордвинова было въ Измайловскомъ полку два брата, подпоручики Иванъ и Дмитрій Николаевичи Мордвиновы. Первый изъ нихъ (Иванъ Николаевичъ) былъ 27-го октября 1800 года исключенъ изъ службы за дерзость, а 6-го ноября 1800 года снова принятъ на службу въ тотъ же полкъ.

Въ числъ заговорщиковъ были также:

Командиръ л.-гв. Семеновскаго полка генералъ-маноръ Леонтій Ивановичъ Депрерадовичъ.

Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ (впослъдствіи графъ).

Генераль-майоръ, причисленный 23-го декабря 1800 года къ лейбъ-гусарскому полку, полковникъ кавалергардскій Николай Михайловичъ Бороздинъ (женатый на дочери О. А. Жеребцовой). Полковникъ Измайловскаго полка Николай Ивановичъ Бибиковъ (предлагавшій на ужинъ у Талызина убить не только Павла, но и всю императорскую фамилію).

Саблуковъ называетъ (стр. 318) — полковника (Николая Өедоровича?) Хитрова, двухъ генераловъ Ушаковыхъ, артиллерійскаго полковника Татаринова и мв. др

Helbig (Russiche Günstlinge, р. 306) называеть также

какого-то генерала Орлова въ числъ заговорщиковъ.

D'Allonville (Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat, VIII) причисляеть къ заговорщикамъ Муравьева (стр. 84 и 89), «ancien cavalier du grand-duc Constantin, devenu le secrétaire intime de l'empereur Alexandre», Ивашова (генералъмайора?) и Полторацкаго (стр. 84).

Кодебу еще называетъ: «Suboff's Oheim Kositzki». Онъ мив неизвъстенъ. Екатерининскій статсъ-секретарь Григорій Васильевичъ Козицкій умеръ въ 1775 году, оставивъ только двухъ дочерей.

11.

Кому принадлежалъ этотъ шарфъ?

Одни говорять (Историческій Сборникъ Герцена, Лондонъ, 1859, 1861, І, 57 и ІІ, 48, 131), что взяли шарфъ Аргамакова, который одинъ былъ въ шарфъ; другіе, какъ, напримъръ, Саблуковъ (англ. подл., 319), что Скарятинъ 1) (род. 24-го октября 17..) взяль шарфъ самого императора, висъвшій на стънъ і адъ его кроватью.

Чичаговъ (стр. 42): «Avec une des écharpes dont la chambre

était ornée, on mit fin à cette funeste existence».

Кром'в Яшвиля, Мансурова и Скарятина, участвовали въ этой сцен'в:

1) Отставной полковникъ артиллеріи Татариновъ. Выключенъ изъ службы 5-го мая 1800 года, снова принятъ въ оную 17-го марта 1801 года.

(Ив. Мих. Татариновъ, мужъ извъстной Екатерины Филипп. Татариновой, рожд. Буксгевденъ?).

2) Полковникъ Измайловекаго полка, князь Иванъ Григорье-

вичъ Вяземскій (брать графини М. Г. Разумовской).

3) Корнеть Кавалергардскаго полка Евсей Степановичь Гардановъ.

¹⁾ Яковъ Өеодоровичъ Скарятинъ, шт.-капитанъ, съ 15-го октября 1800 года, Измайловскаго полка.

Графъ де-Местръ (Blanc. 318) пишеть:

«Le premier auteur du complot avait proposé de faire déclarer l'état de démence (il aurait pu dire rage) par la simple déposition et d'agir légalement, si ce mot peut paraître au milieu de ces horreurs. De parricides polissons s'emparèrent du projet et l'exécutèrent à leur manière».

12.

Кромъ Котлубицкаго, Нарышкина и Обольянинова арестованы были въ эту ночь:

1) командиръ Измайловскаго полка генералъ-лейтенантъ Петръ Өедоровичъ Малютинъ, и

2) инспекторъ кавалеріи Литовской и Лифляндской инспекціи генералъ-лейтенантъ Андрей Семеновичъ Кологривовъ, какъ бывшіе офицеры гатчинскихъ войскъ и любимцы Павла.

Кологривовъ арестованъ былъ у себя на дому Павломъ Васильевичемъ Кутузовымъ, который, играя съ нимъ въ карты, вынулъ въ половинъ 12-го часы и объявилъ ему, что онъ подъ арестомъ. (Саблуковъ, 321).

Кажется, быль также арестовань Григорій Григорьевичь Кушелевь, жившій въ Михайловскомъ замкѣ, въ верхнемъ этажѣ.

13.

Графъ Паленъ, независимо отъ другихъ должностей, быль въ то же время генералъ-губернаторомъ прибалтійскихъ губерній. Государь повелѣлъ ему отправиться туда. Паленъ хорошо понялъ, въ чемъ дѣло, и со станціи Кипени послалъ прошеніе о полной отставкъ.

Графъ Паленъ уволенъ былъ по прошенію отъ службы 17-го іюня 1801 года. Онъ умеръ 13-го февраля 1826 года въ Митавъ.

Да самой кончины своей онъ сохранилъ глубокое убъжденіе, что совершилъ величайшій подвигъ гражданскаго мужества и заслужилъ признательность своихъ гражданъ.

Семейное преданіе говорить, что на смертномъ одрѣ онъ сказаль: «Gott, vergieb mir meine Sünden. Mit dem Paul bin ich schon fertig».

14.

Вотъ какъ судиль объ этихъ конституціонныхъ попыткахъ одинъ современникъ, имя котораго осталось неизвъстнымъ:

«Трое ходили тогда съ конституціями въ карманѣ: реченный Державинъ, князь Платонъ Зубовъ съ своимъ изобрѣтеніемъ, и графъ Никита Петровичъ Панинъ съ конституціею англійскою, передѣланною на русскіе нравы и обычаи. Новосильцову стоило большого труда наблюдать за царемъ, чтобы онъ не подписалъ какого-либо изъ проектовъ; который же изъ проектовъ былъ глупѣе, трудно описатъ: всѣ три были равно безтолковы. Жалѣю очень, что въ бумагахъ моихъ въ С.-Петербургѣ я не нашелъ второго мнѣнія Державина, которое извѣстно подъ названіемъ «Его кортесовъ». Кажется, что покойный дядюшка мой, испугавшись взятія меня до Кагшеlitó w, изволилъ истребить все, что было у меня любопытнъйшаго и въ домѣ его хранилось» 1).

Почтенный издатель сочиненій Державина (Я. К. Гроть), приводя эту зам'ятку, в'яроятно, по неисправному списку, напечаталь: картоновъ, вм'ясто кортесовъ. Я пользовался современнымъ спискомъ, принадлежащимъ Ц. А. Валуеву. Кортесами, какъ изв'ястно, называются представительныя собранія въ Испаніи и Португаліи.

Графъ Никита Петровичъ Панинъ, тотчасъ по вступленіи императора Александра на престолъ, былъ вызванъ въ С.-Петербургъ и снова назначенъ вице-канцлеромъ (21-го марта 1801 года).

Въ своей запискъ «о Древней и Новой Россіи» Карамзинъ также пишетъ объ этомъ времени:

«Два миѣнія были тогда господствующими въ умахъ: одни хотѣли, чтобы Александръ, къ вѣчной славѣ своей, взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при его родителѣ; другіе, сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ такого предпріятія, хотѣли единственно, чтобы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатерининскаго царствованія, столь счастливую и мудрую въ сравненіи съ системою Павла».

15.

Въ 1799 году, при слободо-украинскомъ губернаторъ, д. ст. сов. Петръ Өеодоровичъ Сабуровъ (27-го декабря 1798—19 іюля 1800),

¹⁾ Соч. Державина, т. VII, стр. 341.

высланы были, по высочайшему повельнію, изъ Слободо-Украинской (Харьковской) губерніи на островъ Эзель на поселеніе, а оттуда переведены въ Дюнамюнденскую крыпость на работы духоборцы съ ихъ женами и дытьми (казаки и однодворцы изъ селеній Салтовскаго-Терноваго и Большихъ Проходовъ), число которыхъ съ родившимися послы ссылки простиралось до 156 душъ.

Императоръ Александръ повелълъ 17-го марта 1801 года возвратить ихъ всъхъ на родину, съ учрежденіемъ наблюденія за ихъ

поведеніемъ.

(Справка изъ подлиннаго дёла, доставленная мнё харьковскимъ губернаторомъ кн. Крапоткинымъ).

Въ августъ того же 1799 года высланы были, по высочайшему повелънію, изъ Новороссійской губерніи, духоборцы, числомъ 31 человъкъ, въ Екатеринбургъ на работу въ рудникахъ, какъ «отвергающіе вышнюю власть на землъ, предъломъ Вожіимъ поставленную» (П. С. З. № 19.097).

